

Литературный

АЛЬМАНАХ

2006

**БЕЛОРУССКАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

Администрация МО ГО "Сыктывкар"
Управление культуры администрации МО ГО
"Сыктывкар"

СЫКТЫВКАР

литературный альманах

Повести
Рассказы
Стихи
Очерки
Статьи

Сыктывкар
Издательство «Полиграф-Сервис»
2006

Проект доктора филологических наук В.Н. Демина

Редактор-составитель А.В. Канев

Общественная редколлегия

В. Шевцов
А. Бернштейн
Г. Нечаева
В. Демидов
А. Канев
А. Иевлев
М. Курочкин
В. Полещиков
А. Ульянов
И. Белых

Авторы благодарят за финансовую поддержку проекта Управление культуры администрации МО "Город Сыктывкар" и лично главу администрации МО ГО «Сыктывкар» **Романа Валерьевича Зенищева.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Галина НЕЧАЕВА. СЛОВО О "СЫКТЫВКАРЕ"	6
Александр УЛЬЯНОВ. Неприкаянные души (рассказ).....	7
Андрей ВИНОГРАДОВ. Неоплаченные векселя (рассказ)	17
Марк КАГАНЦОВ. Байки скорой помощи (рассказы)	20
Иван БЕЛЫХ. Про сашку городского косаря (рассказ)	22
Пшел, пшел, отсюда! (рассказ).....	26
Третья баня (рассказ).....	29
Людмила ХАНАЕВА. Талоны на любовь (рассказ)	33
Владимир ШУЛЬГИН. «Однако обманул.....» (рассказ).....	37
Любовь МАРИНИЧЕВА. Этюд (рассказ).....	41
Музыка (рассказ).....	42
Царевна-лягушка (рассказ)	44
Иван УЛЯШЕВ. Охота (рассказ)	45
Алиса УРНЫШЕВА. Семь чудес Коми (рассказ).....	46
Александр ЛОБАНОВ. Миссия (повесть)	49
Екатерина ФИЛИПЧЕНКО. Утушка луговая (рассказ)	67
Конец двадцатого столетия (рассказ).....	68
Андрей КАНЕВ. Хорошая Клара (рассказ)	70
Перед зеркалом (рассказ).....	71
Купи и мне (рассказ).....	72
Гашиш и марихуаночка (рассказ)	78
Максим ЧУПРОВ. Побег большого человека (рассказ).....	79
Ринат ГИЗАТУЛИН. Переходы (рассказ)	83
Д Р А М А Т У Р Г И Я	86
Любовь ТЕРЕНТЬЕВА. Вселенная в тапочках (пьеса-анекдот в двух актах)	86
П О Э З И Я.....	111
Виктор ДЕМИДОВ. Лебединная родина.....	111
Владимир СИЛКИН. Возвращается с задания	112
Алексей ИЕВЛЕВ. Душа, как колокол.....	115
Николай ГЕРАСИМОВ. Прекрасная и черная работа	118
Вера МАРТЫНЕНКО. Пора домой.....	119
Евгений СУВОРОВ. Опять я в морозную стынь через речку	120
Валентина ДУБЯНСКАЯ. Белый лебедь моей грусти	123
Сергей КОКОРИН. Уже привыкли щеки к холодам.....	125
Александр ВОСТРИКОВ. По сибирским слякотным дорогам.....	126
Любовь МАРИНИЧЕВА. Тихо падает снег.....	129
Нина ПУНДИКОВА. В глубине наших душ.....	130
Александр ЛОБАНОВ. На зов души моей слетелись.....	133
Петр МАЛАФЕЕВ. Я иду по Сыктывкару.....	136
Елена ШЕВЕЛЕВА. В заполярном краю.....	138
Раиса САЖИНА. Вы не поверите, я знаю.....	139
Елена ЖДАНОВА. Когда бой девятым валом накатывал.....	139
Галина МАРКОВА. Сереговские дали.....	141
Валентин ГРИНЕР. Старик, умаянный бедой.....	142

Евгений ТЕКУЧ. Которой больше нет.....	142
Татьяна СОЛОВЬЕВА. Солнце весенне высветит душу... ..	143
Владимир ОЛОФИНСКИЙ. Такая стоит тишина.....	143
Андрей КАНЕВ. Лишь в тайге, где сам себе хозяин... ..	144
Людмила ХАНАЕВА. Тревожный перезвон над Русью древней... ..	150
Маргарита ПРИЛУЦКАЯ. Только что из лета.....	152
Т. МИКУШЕВА. Скажи ему, что он мне нужен.....	155
Екатерина ФИЛИПЧЕНКО. В небе звезды... ..	156
Наталья ЗОНОВА. Замкнут вечер в желтой оболочке... ..	157
Валентин ТЫРИН. Осени прекрасные мотивы.....	160
Раиса КУКЛИНА. Мы с тобою так близки... ..	164
Валентин ОХАПКИН. Мой Сыктывкар.....	168
Митрофан КУРОЧКИН. Любимая моя столица... ..	169
Тамара КУРОЧКИНА. Мой Сыктывкар.....	171
Анатолий ПОПОВ. Проза жизни.....	172
К Р И Т И К А	173
Вениамин ПОЛЕЩИКОВ. Евгений Забелин.....	173
Митрофан КУРОЧКИН. 100 дней и ночей из жизни Адама Бабареки.....	181
Андрей КАНЕВ. Обзор художественной литературы, вышедшей в свет в 2005 году: поэзия, проза, очерки... Я еще не вернулся с войны.....	190
Аркадий КАЛИМОВ. «Времена».....	204
Раиса КУКЛИНА. Современная коми драматургия: от традиции к новаторству.....	206
Ольга ЗИЯВАДИНОВА. Жанр миниатюры в творчестве В.Т. Чисталева.....	211
Алексей ИЕВЛЕВ. Парня в горы тяни – рискни!.....	218
Ирина ШАБУЛДАЕВА. Белорусский след на северной земле (перевод с белорусского Митрофан Курочкина).....	222
Павел ПОЧИТАЛИН. Борис Левятов-Селиверстов.....	223
О Ч Е Р К И	226
Николай СУРКОВ. Он брал штурмом крепость Карс.....	226
Альберт БЕРНШТЕЙН. Восторженный Летописец.....	228
Владимир МАЛЬЦЕВ. Воспоминания о Елецком (литературная запись П. Лобанова).....	239
Петр МАЛАФЕЕВ. Третий, ты не лишний.....	244
Евгений КУШМАНОВ. Временный отдел милиции (литературная запись А. Канева).....	247
Николай ЮШКИН. Хибинские дни поэта Николая Михайловича Рубцова.....	250
Александр ЕРШОВ. Зам. по войне, как меня называли (литературная запись А. Канева).....	260
Валентин ЛЫЧКОВСКИЙ. Миг победы.....	262
Альфия КОРОТАЕВА. «Желаю больших побед!».....	266
Митрофан КУРОЧКИН. Альфия – наш северный соловей.....	268
Галина МАРКОВА. “CIRCOLO MATEMATICO”.....	272
Валентин ГОЛЬЧЕВСКИЙ. Из истории создания подразделений специального. назначения при МВД РК.....	276
Анатолий ПОПОВ. Рихард Зорге и «Воркутлаг».....	290

СЛОВО О "СЫКТЫВКАРЕ"

Наша Республика Коми в 2006 году празднует свой 85 юбилей государственности. Много событий культурной жизни города Сыктывкара посвящены этой знаменательной дате. Посвящен ей и этот литературный сборник.

Этот выпуск литературного альманаха, который ты сейчас держишь в руках, читатель, тринадцатый по счету. Спонсирует выход книги в свет Управление культуры МО "Город Сыктывкар". До 2000 года альманах выходил под разными названиями: «Звезда забытого завета», «Авария», «На изломе», «Берега», «Открытая дверь», «Выбор». В год смены тысячелетия сборник обрел свое постоянное имя – «Сыктывкар». Произошло это с легкой руки доктора филологических наук, профессора Владимира Николаевича Демина.

С тех пор литературный альманах "Сыктывкар" зарекомендовал себя, как интересное неординарное издание, в котором публикуются новые произведения как маститых, так и совсем юных авторов. Его двери открыты не только столичным поэтам и писателям, но и литераторам из городов и районов всей республики, что, несомненно, подчеркивает значимость этого ежегодного сборника для регионального литературного процесса.

Альманах за годы своего существования сменил несколько адресов, выходил в свет в издательско-полиграфическом отделе ОАО «КРТ», в типографии ХОЗО МВД Республики Коми, издательстве «Эском», Коми книжном издательстве, ООО «Полиграф-Сервис». И всегда бессменным руководителем этого проекта был известный в Республике Коми и за ее пределами писатель, литературовед Андрей Валерьевич Канев. Нынешний сборник по содержанию разбит на несколько разделов. В него вошли проза, драматургия, поэзия, критика, литературоведение и краеведение.

Поэтическое слово никогда не оставляло читателей равнодушным. На этот раз в альманахе представлены стихотворные произведения Виктора Демидова, Владимира Силкина, Алексея Иевлева, Раисы Куклиной, Митрофана Курочкина, Александра Лобанова и других. В этом литературном сборнике впервые опубликованы стихи одного из победителей ежегодного республиканского поэтического конкурса сотрудников Главного управления МЧС России по Республике Коми Валентина Тырина.

Литературный альманах «Сыктывкар» уже давно стал трибуной для таких известных в столице литературных объединений как жвинское «У комелька» и литературный клуб Сыктывкарского

высшего педагогического колледжа № 1 имени И.А. Куратова «Лист». В этом номере сборника опубликовали свои стихи «комельковцы» Л. Ханаева, М. Прилуцкая, Н. Николаева, Л. Чебыкина и другие, а также «листовцы» Н. Пундикова, А. Урнышева, М. Чупров и другие.

Прозу представили И. Белых, А. Ульянов, В. Шульгин, А. Виноградов и другие. Разнообразен по тематике и раздел, посвященный критике, литературоведению и краеведению, в нем представили свои статьи ученые-литературоведы Р. Куклина, М. Курочкин, В. Полещиков, И. Шабулдуева и другие. Очерк в литературе – явление своеобразное, в этом жанре выступили Николай Сурков, Петр Малафеев, Анатолий Попов, Альфия Коротаева, Николай Юшкин, Альберт Бернштейн и другие.

Произведения около ста авторов нашли свое место под обложкой данного издания. Хочется верить, что и этот выпуск литературного альманаха "Сыктывкар" найдет дорогу к сердцу внимательного и заинтересованного читателя, не оставит равнодушными критиков и литературоведов, займет свое достойное место в литературном процессе Республики Коми.

Галина НЕЧАЕВА,
Заместитель Главы администрации МО ГО «Сыктывкар»,
начальник управления культуры администрации МО ГО
«Сыктывкар»

Александр УЛЬЯНОВ

НЕПРИКАЯННЫЕ ДУШИ **(рассказ)**

Непроглядный, промозглый осенний вечер, темень и мрак вокруг. Даже в бесконечном небе царствует тревожная мгла. Где-то высоко-высоко, за толстым слоем, толкающих друг друга в бока облаков, прячется огромная луна, но ее холодный, ленивый свет не в силах дотянуться до земли. Осень – хмурая, в основном, пора...

Душа Филиппова Олега в мертвенной тиши плывет над необозримой черной тканью тайги, неспешно приближаясь к знакомому селу. До него еще далеко. Ни дорог внизу, ни жилья, только деревья угрюмо шепчут: «Не ходи сюда, сгинешь...». В аккурат над шумящими сосновыми кронами летит душа, внимательно смотрит вниз, чтобы не пропустить в кромешной тьме маленькую речушку. Она тонюсеньким ручейком берет свое начало где-то в таежных болотах и дальше, извилистой змейкой тянется сквозь труднопроходимую чащу, чтобы потом, преодолев все преграды, стать частью величавой Вычегды. В том месте, где они сливаются стоит село, в котором жил Олег.

Через некоторое время, по едва уловимым признакам, его душа услышала движение воды. Значит, до села осталось примерно шесть километров. Ох, и богаты же на грибы и ягоды эти места. Черники родится столько, что сноровистый человек за пару часов пестерь набирает, а о волнушках с груздями и говорить нечего. Во влажной низине их каждый год вырастает, хоть лопатой гребь. Только вот люди в эти места заходят редко, а если уж идут, то в солнечную погоду. Боятся народ этих мест и не зря боятся. Стоит солнцу скрыться за облаками, как тут же, словно по чьей-то злой воле, лес меняется и становится опасным. Он начинает кружить и путать несчастного пришельца, незаметно отнимая его разум. Кричать и звать на помощь бесполезно – звуки умирают, не успев набрать силу, не прощаясь, растворяются среди зловещих деревьев.

Бесшумной невидимкой подлетала к окраине родного села душа, совсем немного осталось до дома...

...Странный выдался вечер. Как раз в это же время откуда-то из-за вычегодской старицы, со стороны болота Длинного, летела в направлении села еще одна душа. Раньше она жила в молодом парне по имени Анатолий. Достигнув Вычегды, что бы не заплутать в темноте, она спустилась к воде и продолжала свой путь параллельно с течением.

Две души двигались навстречу друг другу, не подозревая об этом.

Вот на небольшом холме проявились расплывчатые очертания рыбацкого домика Ивана Петрова. На фоне сосновых стволов он был похож на какой-то черный узелок, непонятно как прилепившийся над водой. Спит рыбак. От его домика совсем недалеко до села. Старица здесь большим крюком огибает сосновый бор и потом впадает в Вычегду. А село стоит на высоком крутом берегу и если добираться к нему по реке, появляется всегда внезапно. Внизу, вдоль берега, ждут своих хозяев лодки, а поднимешь голову и как на ладони: аккуратные дома, белые глаза окон, бани, сараи, изгороди и белая, подпирающая небеса церковь. Сказка, да и только... А в остальном - обычное для коми земли село. Вольготно разлеглось оно вдоль берега почти на пять километров. Если от одного конца до другого идти – умаешься.

Дом Анатолия Федорова, когда смотришь вниз по течению реки, стоит в самом конце села. После ранней смерти отца жили они вчетвером: мама, Анатолий, средняя сестра и младший братишка. Отец погиб совсем молодым как-то буднично и очень нелепо – попал под бревно при разборке старого дома. Толя стоял тогда у отцовского гроба и никак не мог успокоиться от сотрясавших его рыданий. Страшное отчаяние пульсировало в его детской голове. Хоть и мал был, но точно знал, что отец больше никогда не встанет и не прокатит его с ветерком на санках, что положат его в глубокую яму и забросают толстым слоем земли, так же, как когда-то бабушку, что потом, засыпав землей, поставят на могиле крест и оставят отца лежать на погосте совсем одного. А жизнь пойдет своим чередом: будет разливать в половодье и снова цепенеть от морозов Вычегда, будут облетать и снова зеленеть деревья, солнце будет радовать своим щедрым теплом и дожди поливать землю. И когда совсем невмоготу от печали, отец сможет его утешить, лишь глядя с фотокарточки на стене: «Не унывай, сынок, я недалеко от тебя, я совсем рядом, каждый миг я рядом с тобой...».

...Возле сельской окраины, там, где обрывалось сплошное таежное покрывало, темное небо слегка развиднелось. Речушка шириной в пять шагов отделяла душу Филиппова Олега от знакомых мест. На другом берегу и природа

другая. Вместо вековых сосен, на холме раскинулась березовая роща. Стройные деревья шелестели листьями там, где некогда были колхозные поля, на которых в свое время трудились его дед с бабкой. Теперь ни пшеницы, ни ржи, ни льна, ни конопли не выращивали, да и колхоза давно не было в помине.

Скоро сквозь рваные облачные клубки показались контуры скотного двора и сельской пилорамы. Все здесь знакомо и мило. Один двор еще совсем новый, а два других хоть и постарше, но простоят под шиферными крышами еще долго. Во все постройки подается вода и электричество, внутри чистота, работать одно удовольствие. Рядом, в нескольких шагах, пилорама. Сколько же времени он здесь провел? Всю жизнь почти и провел... Копошился с утра до позднего вечера: убирал навоз, стелил опилки, чистил загоны. Вся черная работа была его. А вообще, с любой работой справлялся, что скажут, бывало, то и делает безотказно. И за теленком присмотреть мог и корову подоить, да мало ли работы на ферме, никогда всю не переделаешь. Пока жива была мама, раз в день, благо жил он недалеко, бегал домой обедать. После ее смерти тоже ходил домой, но больше по привычке. Обедал на скорую руку: прополощет кишки сладким чаем, хлебом с маслом закусит и снова на работу. Изредка супчиком мясным себя баловал, когда из-за какой-нибудь напасти скотину приходилось резать. А они, напасти, случались всякие, то проволоку зажует животина, то гвоздем подавится или просто хворь подцепит. Тогда деваться некуда – ножом по горлу и в расход. С разрешения начальства, конечно.

Так и жил Олег год за годом, пока однажды не пришла в его село ослепительной красоты осень...

Груздей в тот год выросло – тьма-тьмущая, хоть с лопатой и носилками в тайгу за ними иди. Грузди эти Олега и угробили. Кабы наперед знать, что так оно все обернется, остался бы дома, глядишь, и по сей день живым-здоровым скотные дворы обихаживал. Но тогда будто кто-то невидимый подталкивал его в бок и шептал: «Сходи, Олег, за грибами вон их сколько уродилось. В другой раз столько не будет. Сходи.» Волшебство какое-то. Вот, значит, и сходил...

Между тем, приблизившись к строениям, его душа изумленно заметила, что в самый разгар вечерней дойки не слышно привычного мычания и ни огонька не мерцает в коровниках: «Может, быть свет отключили?». Такое на его веку случалось. Бывало, что часами приходилось сидеть в ожидании электричества. На такие случаи в укромном углу у Олега всегда был припасен запас свечей: не в потемках же навоз грести, в самом деле. Непроглядная темень поселилась на скотном дворе, безлюдно и тихо вокруг. Странно все это...

...Невысоко над водой парила душа Анатолия Федорова. Обогнув черный лес, плавно вышла к сельской околице. Еще чуть-чуть и со всех сторон развиднелись редкие маленькие звездочки – огоньки в окнах домов. От церкви до его дома рукой подать, через мгновение ладный, улыбающийся всеми своими окнами пятистенок, возник из вечерних сумерек. Рядышком баня и сарай, возле огорода небольшая березовая рощица, что посадили еще в детстве с сестрой и младшим братишкой. Как выросли и окрепли деревья! Под самой крышей перешептываются между собой листья. О чем? Быть может, о времени, что вечно не знает покоя...

Всего двадцать один год прожил Анатолий на белом свете. Короткая получилась жизнь, как заячий хвост. Оглянешься на прошлое, а вспомнить-то особо и нечего. После смерти отца, остался он в семье старшим мужчиной,

главным маминым помощником. В то время они скотину держали, а их луга стояли за рекой. За лето по сто раз приходилось мотаться туда и обратно, тяжело для пацана, но и без корма скотине нельзя... Что еще? Окончил школу, потом забрали в армию. Служить довелось на другом конце земли, на дальневосточной погранзаставе. Добрыми были эти два года, повезло Анатолию с сослуживцами. Жили на маленькой заставе сплоченной семьей, помогали друг - другу чем могли, оттого и не съедала, особенно в первый солдатский год, жгучая тоска по родному дому. Многому он научился в армии и физически здорово окреп. Когда домой вернулся, младший братишка, обняв его, хотел приподнять над полом, но силенок не хватило:

- Ну, брат, ты как пень могучий к земле прирос, не оторвать, - восхищенно обошел вокруг него, обнял за широкие плечи и закрыл глаза, словно все еще не мог поверить, что перед ним стоит его старший брат.

А мама, увидав его в дембельской парадной форме, от неожиданности на мгновение лишилась сил, а потом, обнимая сынулю, долго не могла унять радостных слез. Это было осенью, а следующей весной...

В разгар половодья Вычегда становится опасной, это всем известно. Какой бес его потянул на реку в эту пору? Не зря же говорят: голова одна – ее беречь надо, другой головы не вырастет. Не сберег он своей головы. Мама ведь с детства учила ничего и никого в жизни не бояться, вот и вырос парень смельчаком и в огонь и в воду. А тут еще такой повод – День пограничника. Выпили немного в компании и решили проветриться на речном просторе. Еще в детстве Анатолий слышал от старших местных парней шутку, что, мол, если суждено утонуть, то лучше в Вычегде, а не в какой-нибудь грязной луже. Оказалось, как раз под него поговорка и подошла. Не на чужой стороне его смерть нашла, а рядом с домом. На всю оставшуюся жизнь оставил Анатолий своим близким неизбежную душевную боль. Искали тело не один день всем селом, даже водолазов приглашали, но крепка хватка у полноводной реки, утащила на самое дно и засунула человека под какую-то корягу, забрала себе без возврата. Медленно потекли годы с той страшной весны. Вот уже и десять лет минуло, а человек будто и не родился и не жил на земле. Проглотила парня вешняя студеная водица...

...Душа Олега Филиппова, облетев сумрачные постройки скотного двора, не стала проникать внутрь, отложив встречу на завтрашний день. Отогнав смутную тревогу, отправилась к родному дому, что стоял неподалеку. Живут ли в нем люди? А если живут, то кто они? Десять лет минуло с тех пор, как он не вернулся из леса. За это время многое изменилось, а почему-то кажется, что только вчера нечистая сила потащила его за груздями.

По-правде говоря, когда стало ясно, что с Олегом стряслась в тайге беда, его особо и не искали. Некому было искать. Старший брат Иван, болезненный с детских лет, прямо так и сказал: «Здоровья нет, какой с меня в поисках прок?». Дали объявление в районной газете и все. А что с объявления толку? Кто в глухой тайге шастать будет? Другое дело если при чинах да при званиях человек пропал, тогда шерстили бы окрестности, под каждый куст бы заглядывали, а так... Бобыля, что кроме заплатанных штанов ни семьи, ни детей не имел и искать-то вроде бы и незачем. Смешно вспомнить, в последний свой день рождения, впервые в жизни, подарил он себе белую рубашку. Пару дней праздновал и о рубашке как-то позабыл, а когда очухался, уже и на работу пора было бежать. На скотном-то дворе

в белой рубаше не разгуляешься, так и осталась она, одна-одинешенька, ни разу не надеванной.

На ферме его ценили. Доярки нахвалиться не могли, когда работал от души, ну а когда запивал... Придут, бывало, к нему домой, поорут сначала для порядка, а потом по-хорошему просят: родимый, пропадем без тебя. А Олег, как будто и ждет этих уважительных слов, сразу в себя приходит, безропотно собирается и, свесив тяжелую, похмельную голову бредет к своим коровкам. Знает, что у пьянки конца и края нет, а скотина ждать не может, за ней каждый день уход нужен и молчаливо впрягается до следующего загула.

Олег никогда не видел своего отца. Родитель его, вернулся с войны без одной ноги, весь израненный и жил потом совсем недолго. Маме одной пришлось поднимать двух сыновей. Старший брат Иван после окончания школы ушел работать в соседний лесопункт на нижний склад. Там и жену себе нашел. Долгое время работал трактористом, пока за пьяное дело не перевели его в сучкорубы, вязал плоты, одно время ходил в кладовщиках, а потом и на пенсию вышел. Жили они бездетно в собственном доме, который помог старшему брату срубить в свое время Олег, а сам, словно так и положено, остался жить в родительской избе вместе с матерью.

Шли годы, хорошо жилось сыну под заботливым материнским крылом. Вся женская работа была на ней: и стирала, и убиралась, и готовила, и баню топила. Что еще одинокому мужику надо? Благодать! Изредка мать заводила речь о женитьбе, мол, пора бы уже и семьей обзаводиться, молодую хозяйку в дом приводить, но каждый раз сын отшучивался:

- Меня, мам, бабы боятся. Рожа кривая, нос длинный, ростом маленький. Кому я такой нужен?

Неизменно, будто бы сын упрекал ее за то, что по ее вине он таким уродился, мать сердилась и обиженно отвечала:

- Иди не ври, давай! Иван вон, от тебя недалеко ушел, а уже двадцать лет женатым ходит. Дом построил.

- Пускай. У каждого своя жизнь. Может быть, моя жена еще в школе учится, - улыбался прокуренными, желтыми зубами Олег.

Каждый раз после таких разговоров, мать обреченно махала рукой и шла ставить самовар или занимала себя какой-нибудь необязательной работой, лишь бы не дать волю своему огорчению и не разругаться с непутевым сыном. Со временем тема женитьбы в доме перестала обсуждаться совсем. Не зря говорят, что если мужчина до тридцати лет не женился, то с каждым годом все труднее ему найти невесту, привыкает мужик к холостой жизни и поводок ему ни к чему. Но Олег никого и не думал искать. В молодости девушек он почему-то сторонился, да и они к нему, по правде сказать, не очень-то и льнули, а потом, когда стал работать скотником, вообще старался не обращать внимания на женский пол. Носатый, плюгавенький, лысый, вечно ссутулившись, шлепая в огромных резиновых сапогах, пропахший насквозь табаком и навозом, ну кому он такой нужен?

Сорок лет ему исполнилось, когда неожиданно умерла мама. Всего-то пару дней и пролежала на печке, жалуясь, на сильный озноб. Такое и раньше с ней случалось, поэтому Олег даже врача не вызывал в надежде что болезнь вот-вот отступит. Но вышло по-другому. Мамы не стало ранним утром. Перед кончиной она из последних сил что-то хотела сказать сыну, но вместо слов лишь глубоко вздохнула и испустила дух. Остался Олег один, и через некоторое время

поселилась в его большом доме тоска. Придет с работы и перемолвиться не с кем. Снимет провонявшую навозом рубаху, а постирать ее некому. Суп не сварен, картошка не почищена, печь не топлена, воды нет. Постепенно он стал забывать о бане, о нормальной еде и порядке в доме. Все чаще, возвращаясь с работы, он покупал бутылку на вечер и, закусывая ее содержимое кислой капустой, на время отгонял от себя грусть-печаль. После пол-литровки и в непротопленной избе спалось нормально. А утром, едва затеплится рассвет, ополоснув лицо ледяной водой, закуривал папироску и спешил на работу. Вкалывал за троих, словно себе в наказание за вчерашний «винный грех». Доярки видели, как тяжело мужику одному и старались ненавязчиво подкормить Олега, приглашая к себе за общий стол во время перерывов, под предлогом попить чайку.

Незаметно, вспоминая прошлую жизнь, душа Олега прилетела к родному двору. Вот их старенькая, покосившаяся банька, огород, калитка открыта настежь, но что это? В доме горит свет.

...Душа Анатолия добралась до места. Ничего не изменилось в селе с тех пор, как он вместе с приятелем и двумя знакомыми девушками оттолкнул лодку от берега. Двоих из компании успеют вытащить из воды рыбаки, девушку по имени Люба найдут через два дня: течение вынесет ее тело на отмель за селом, а Анатолий будто растворится в воде. Долго еще сельские бабы, вспоминая этот горький случай, будут шептаться, что не иначе как водяной утащил молодого парня и назад его уже не отдаст. Мать Анатолия, конечно же, понимала, что надо смириться, что чудо вряд ли произойдет, но в душе, несмотря ни на что, все-таки не теряла надежды похоронить сына по-человечески.

Свет не горел и только приблизившись к дому вплотную стало понятно, что окна заколочены и внутри никого нет. Судя по густо заросшему сорняками огороду, люди покинули жилище несколько лет назад.

Последний раз душа Анатолия навевывалась домой через год после трагедии. Тогда дом еще был живым и все вокруг в относительном порядке. Хотя, какой тут порядок, если мама Анатолия, ежедневно горько плакала и просила Бога, что бы помог отыскать сыночка. Что же теперь стряслось? Может быть, мама решила перебраться поближе к родным братьям и сестрам? Может быть, заболела? Целых десять лет не заворачивала его душа в родные края, сколько воды утекло... А с другой стороны нелегко навещать родную землю, зная о том, сколько боли ты оставил на ней после себя.

Про него, конечно, судачили. Одни жалели, что не успел пожить парень, да еще и остался непохороненным, ни холмика могильного на сельском погосте, ни креста. Другие осуждали, что ладно бы по пьянке себя угробил, но ведь оставил вдовцом с двухлетним ребенком на руках, Любиного мужа и родной матери жизнь укоротил своей хмельной удалью. Что тут скажешь? Разлитую воду обратно не соберешь.

Прямо с крыльца, через дверную щель душа проникла в коридор, а оттуда зашла в комнату. Ей, бесплотной, двери и замки не преграда. В пространстве между небом и землей она вольной воли вольнее.. Захочет - взмлет высоко-высоко за облака, в небесную бездну или среди людей жить станет никем незамеченная. А как ее заметишь, если она на другом свете живет? Сколько еще лет так болтаться? Неужели пока не отпустит его косточки из своих объятий могучая сосна, что давным-давно свалилась на дно реки во время половодья? Одному Богу известно.

Прохладно в пустом доме. Темнота пропахла сыростью и заброшенностью. Страшный кавардак вокруг: перевернутый стол, повсюду разбросана посуда, рваные тряпки, вещи, поломанные стулья грудой валяются в красном углу, там, где раньше висели иконы. Какие-то нелюди выбили стекла в окне, что смотрело на Вычегду, как раз с самой незаметной от дороги и людского глаза стороны. Скорее всего, это свои же, местные ухари-земляки постарались. Что же такое на свете-то творится? Никогда на селе не было, что бы в чужой, пускай и заколоченный дом, без спросу вламывались, воровали и поганили. Головы бы поотрывать сволочам этим. У родных, когда домой приедут и такой разор увидят, сердце остановится.

Никогда не узнает душа, сестра вышла замуж и живет в другом поселке, а младший брат уехал в город и работает там строителем, что приезжают брат с сестрой в родные пенаты раз в году в середине лета на пару недель повидаться друг с другом и отдохнуть на берегу Вычегды, а потом на целый долгий год оставляют дом в одиночестве. А он безропотно остается ждать их следующего приезда и как ветхий дед, каждый день беззащитно выглядывает подслеповатыми глазами по сторонам. И не знает еще душа самого главного, что мама давно лежит на сельском кладбище.

Неодолимая грусть охватила душу Анатолия. Наверное, надо было немедленно улететь прочь из этих мест и не возвращаться сюда никогда более, на веки вечные поселившись в каком-нибудь камне, не берeditь себя пустыми воспоминаниями. Или наоборот войти в дерево, что растет напротив и много-много лет быть рядом с домом, в родном селе. Смятенная душа поднялась на холодную печь и, как-то разом устав от тягостных раздумий, задремала.

...В доме Филиппова Олега и впрямь горел свет. «Видать, старший брат пустил каких-то постояльцев или же вообще дом продал, - гадала душа, глядя со стороны дороги на окна. - Ну, это и к лучшему, что кто-то из местных в моем доме поселился. За огородом посмотрят и вообще, дом без людей – не дом». На мгновение душе Олега показалось, что от света в знакомых окнах стало как-то теплее, будто приглашал этот свет зайти пропащего странника в дом отдохнуть после долгих скитаний. Невольно вспомнилась совсем другая картина, когда через год с небольшим после его последнего похода за грибами, душа навестила родные края, но тогда эта встреча принесла лишь огорчение и скорбь. Заколоченный дом, здоровенный замок на двери, поросший сорняками огород – умела бы душа плакать... В тот раз она не стала заходить внутрь. Обошла двор, посидела на лавочке и улетела обратно в тайгу, поклявшись в отчаянии, что больше сюда не вернется. Но отчаяние – плохой советчик, вернулась вот...

В доме громко разговаривали. Душа примостилась на подоконнике, но занавески не давали разглядеть собеседников. Через едва заметную щель в раме, душа проникла внутрь и расположилась на полатах.

В компании с разными тряпками, несколькими парами валенок, стареньким треухом, рукавицами, вывернутым наизнанку полушубком, фуфайкой, свернутыми домоткаными дорожками и прочим добром, было тепло и уютно. В доме ничего особенно не поменялось. Та же мебель, прежняя утварь, только появилась печка-буржуйка, которая сейчас, накалившись докрасна, бойко потрескивала дровами.

За столом сидели двое и о чем-то оживленно говорили. Старший собеседник, что сидел спиной к окну, был признан сразу – мамин брат - дядя Володя, он же - Трактор. Еще в бытность работы в колхозе трактористом прилепилось к нему это прозвище. Да и внешне он на трактор весьма походил – сам огромный,

лицо и руки в копоти. Заметно постарел Трактор с тех пор, осунулся, но даже теперь было заметно, что силушка еще осталась, а голос и вовсе не изменился – такой же твердый и громкий. В клубах синего табачного дыма, Трактор пьяновато размахивая руками, стучал ладонью по столу и нетерпеливо обращался к свесившему голову, сидящему напротив, мужику лет сорока:

- Помолчи, Николай, не я эту сегодняшнюю дурацкую жизнь затеял. В наше время все по-другому было.

Мужчина, тяжело подняв кудрявую голову, не очень внятно, но рьяно сказал:

- Тогда, сам знаешь, в селе работа кипела! Жизнь кипела! – снова уронил голову, но скоро опять встрепенулся, глубоко вздохнув, продолжил. – Эх, елки-палки, весь скот, отец, понимаешь, весь скот, даже телят, забили и увезли. На скотном дворе ветер гуляет, а мы все без работы сидим. Выбросили нас на снег, в чем мать родила и без копейки денег. Как жить, отец?

- Да ты что? А когда скотину-то забили? Я и не слышал ничего! Во дела... Скотины нет, картошку не сажают, что же это на селе делается?

- Месяц назад. Теперь мы – пролетариат, ничего у нас нет, даже цепей... Конец пришел селу.

- От черт, хоть смейся, хоть плачь, - процедил Трактор сквозь зубы, глубоко затынулся и наполнил стопки. – А кто в этом виноват, что до такой жизни дошли, я что ли? – он приподнялся и ударил себя в грудь мощным кулаком. – Я всю жизнь в колхозе отпахал, без поясицы остался пока на железном коне гарцевал, что бы вас, сопляков, вырастить –выучить, на ноги поставить, людьми сделать. И выходит, напрасно мы с матерью горбатились. Враз люди неприкаянными стали, никому не нужными, брошенными. Куда катимся-то? Кому верить?

Теперь стало понятно, что сидели за столом родственники – отец с сыном. Олег немного знал про Николая. После школы Николай не уехал из села, пару лет поработал грузчиком в сельском магазине, а когда сельпо развалилось, пошел по его стопам, в скотники.

Так вот почему не горел свет на скотном дворе. Раз такое дело, действительно, селу приходит конец. При таком раскладе очень скоро от крепких еще строений фермы останутся одни стены. Безработные сельчане растащат все, что можно унести и никто их за это не осудит. Как будто буря пронеслась над селом, перевернув с ног на голову весь уклад жизни.

Трактор еще долго, растерянно стоял возле стола. Тяжела была его жизнь, застал он и голодное военное лихолетье, и нужду и тяжкий труд в колхозе, все думал, что хоть в старости поживет безмятежно, радуясь внукам. Видать, не судьба. Получается так, что им, старикам, еще повезло, они хоть пенсию получают, а куда молодым деваться? Сын остался без работы, сноха за копейки моет полы в школе, а у них дочь-семиклассница подрастает, ее кормить-одевать надо. Вчера сноха с внучкой в райцентр уехали к родственникам, хорошо хоть эту попойку не видят. Жалко Кольку, сорок лет мужику, в самой силе, а работы нет. Соседний леспромхоз развалился, от совхоза одно название осталось, ушли люди, захирела в районе жизнь.

- Плесни, батя, давай еще накатим, - сказал Николай, подняв тяжелую хмельную голову.

- Плесну, плесну, - оживился Трактор и налил до самых краев. – Пусть немного на душе просветлеет.

Отец с сыном чокнулись, залпом опрокинули стопки, синхронно занюхали черным хлебом и закурили. Сизый густой дым снова пополз к потолку. Они снова начали разговаривать, но, не слыша друг друга. Теперь их речь с каждой минутой все больше походила на бессвязный горячечный бред больного человека.

«Как слепые мухи, - подумала душа Олега. – Не знают куда лететь. Пожужжат, пожужжат и замолкнут.

Они и в самом деле скоро осоловели.

... Душа Анатолия Федорова пробудилась вместе с забрезжившим рассветом. Грустно и тягостно в холодном, брошенном доме. К прежней невеселой картине добавилась еще одна деталь – слой пыли толщиной в палец покрывал предметы, уцелевшие после визита непрошенных гостей. Душа переместилась к столу, что стоял около разбитого окна и, прощаясь, вспомнила в одно мгновение все, что связывало ее с домом, в котором прошла короткая земная жизнь и вылетела, слившись воедино с осенним воздухом. Взглянув сверху на село, она взяла курс на кладбище, навестить родные могилы и, быть может, проститься с ними навсегда.

С высоты птичьего полета душа глядела на почерневшие от воды дома, что молчаливо жались к земле, привычно и потому безропотно, ожидая следующих подарков от затянувшейся непогоды. Ни света в них, ни дыма из печных труб, только неистовый ветер носится по главной улице, завывая уныло, словно в предчувствии беды.

Красивое место выбрали предки для сельского кладбища - сосновый бор. Могучие деревья день и ночь охраняют покой ушедших земляков, убаюкивая тихим шорохом вечнозеленых крон.

Рассвело. Душа Анатолия легко отыскала кресты на могилах бабушки и деда. Недалеко от них лежал отец. Приблизившись к его могиле, она увидела, что рядом с отцовским крестом стоит новый крест. «Ракина Раиса Федоровна» и даты рождения и смерти. Так вот оно что... Мама прожила после его смерти всего пять лет. Наверное, бедная, извела себя ежедневным, ежеминутным ожиданием. Выплакала свою жизнь, так и не заглушив боль потери. Мама умерла, а у брата с сестрой, видно, своя жизнь. Поэтому пусто и бесприютно в беззащитном доме.

Душа еще долго грустила над родительскими могилами. Если бы похорошему, то рядом должен был быть и его холмик. А то вроде бы, как и не рождался человек, не жил на белом свете. Ну, что ж... Хватит сидеть-горевать, земные дела сделаны, пора улетать в дальние дали...

...Казалось, что на какой-то миг задремала душа Олега, а между тем, ночь уже закончилась. Ох, и хорошо спится на теплых полатях. Трактор в одежде валялся на кровати, его сын примостился на лавке. Оба громко храпели. В доме горел свет. На грязном столе вперемешку с пустыми склянками от спиртовой суррогатной гадости, валялись куски хлеба, окурки, миска с кислой капустой, луковые головки. Тут же вспомнила душа, как в бытность земную после попок с собутыльниками, частенько приходилось наводить наутро порядок в доме.

Душа еще некоторое время побыла в помещении и, дождавшись рассвета, отправилась в путь по знакомой дороге. По ней Олег год за годом ходил на работу и возвращался домой. По ней он последний раз в жизни отправился за грибами...

...Часа через два хождений по лесу, небо вдруг резко потемнело, и пошел моросящий, надоедливый дождь. Очень скоро, вымокший до нитки Олег понял, что заблудился. Беда не приходит одна. Он наступил на сучок и через подошву до

крови пробил ступню. После этого силы покинули его окончательно. Почти в изнеможении Олег заполз под раскидистую ель и прислонился спиной к мощному стволу. На какое-то время провалился в забытие, в котором разговаривал с мамой и братом, видел свой дом. Уже совсем стемнело, когда невыносимо заболело сердце. Не сдерживая стон, он хватал руками землю, а потом начал задыхаться. Все произошло очень быстро, два раза глубоко вздохнув, он затих. Со стороны можно было подумать, что человек, набрав корзинку груздей, ненадолго прилег отдохнуть перед обратной дорогой. Только вот некому, кроме угрюмых деревьев, было взглянуть со стороны...

...Пролетев над растащенным почти до основания скотным двором, душа добралась до соснового бора. После всего увиденного, ей хотелось лишь побывать на материнской могиле и, попрощавшись, оставить эти места. За десять лет кладбище заметно выросло. Кресты стояли даже вдоль дороги.

На материнскую могилку давно никто не заглядывал. Покосившаяся оградка, калитка на одной петле, облупившаяся краска, заросший холм – снова привели душу в уныние. По всему выходит, что только он при жизни ухаживал за материнским последним приютом. Морозящий дождь то останавливался, то начинался снова, душа Олега сидела на маленькой скамеечке рядом с небольшим поминальным столиком. Когда-то он смастерил их сам. Видать сегодня, даже на этой тихой могиле не суждено было душе обрести умиротворение и покой. Все ее раздражало и злило: уничтоженный скотный двор, пьяные жильцы в его доме, позабытая могила мамы, нынешнее сельское житье-бытье и даже этот занудливый дождь. В тот момент, когда душа Олега решительно собралась лететь, вдруг, через несколько могил от себя, она неожиданно увидела другую душу.

Наверное, такое случается нечасто, когда две неприкаянные, пропавшие души встречаются вот так, ранним утром на кладбище. Они не знали друг друга в земной жизни: по возрасту слишком разные да и жили в разных концах села. Первым заговорила душа Олега:

- Мы с тобой никогда раньше не виделись, но вижу я, что ты с нашего села. Не Анатолием тебя звали?

- А ты откуда знаешь? Ты-то кто? Что-то не признаю никак...

- Филиппов Олег. Я скотником на ферме работал. Про тебя доярки наши рассказывали, что, мол, утонул парень на День пограничника, так тело и не смогли найти.

- Да. Десять лет назад. Мы на моторке катались и перевернулись на волне.

- А я в тот год в тайгу пошел за груздями. Будто леший меня за руку тащил. А там дождь начался, я и заплутал. Так под елью и остался сидеть, сердце прихватило. Про меня все еще злые языки чешут: «Филиппов-то Олег до сих пор грибы собирает». А ты что здесь делаешь?

- На отцову могилу приходил, смотрю, а тут уже и мама рядом лежит.

- И я на маминой могилке чуть-чуть передохнуть решил, но вот что увидел. Все травой поросло, запущено-то как... А я ведь здесь все своими руками делал...

- А у нас вот дом пропадает. Скоро совсем сгниет без хозяев. Дальше-то, что думаешь делать?

- Не знаю еще. Может, улечу куда-нибудь в даль несусветную, а может, здесь останусь. Войду в какой-нибудь камень или в дерево и буду возле своего села жить. Вдруг время придет и чем-нибудь своим землякам помочь получится, кто его знает...

- А как помочь собираешься?

- Да почему мне знать?

...Так и поговорили. Так и расстались на кладбище две души: старая и молодая. Одна, минуя скотный двор, ушла, в тайгу, а другая устремилась в сторону Вычегды. Но путешествовали недолго. Какая-то неведомая сила развернула их и, не сговариваясь, души стремительно полетели обратно, к домам, что стояли на крутом речном берегу. Они возвращались, что бы остаться. Будто и не пропадали никуда вовсе...

А, может быть, и вправду не пропадали? Может быть, это был невеселый сон о нашей жизни...

Андрей ВИНОГРАДОВ

НЕОПЛАЧЕННЫЕ ВЕКСЕЛЯ (рассказ)

- лейтенант Колли?.. А, Кэли, Кэли его звали. Знаете, там было большое следствие. Когда он рубил эту деревню, Там наверху висел вертолет и пилот орал по связи: «Прекратите, или я начну стрелять!» Но как его судить, как судить этих парней? Они шли от засады к засаде, людей теряли, а он был совсем молодой командир. И везде Вьетконг. Не то, что нервы не выдержали... Он сам бы не решился, может быть. Но приказа не было. Ему, знаете, как бы подмигнули: «Давай, парень!» Вот и все.

- Послушай, Стив... Мы все Кэли. Кто маленький Кэли, кто побольше. Когда ребята погибали в засадах... Мы ведь видели, что в дувал бежали и женщины с детьми, и старики. Но за полтора года – как в копейку: первый снаряд под основание, второй в окно, третий сверху. И – ровно. Пара часов – и кишлак ровный.

- Не знаю, я тоже... Ну, человек двадцать на моей совести. Невинных. Так. Все знали. Офицеры сидели на крыше, курили, а мы. Я вот неделю назад, когда Юрку встретил, только и узнал, что тех женщин не я один, он после добивал. Свидетели, им все равно не жить. Петь, тебе не снится шар, он не как катится, вроде растет, и – никуда?

- Мне женщина снится, беременная. Мы зашли, а она сразу лежит. Ей уже рожать. Платье разорвано, задрано. Живот то ли осколком, то ли чем... Нога рядом. Помнишь, самый верх был – кеды китайские с желтой подошвой? Желтая такая подошва. И голова рядом. Аккуратно так. Вот, говорят, духи замочили кишлак. А мы потом вертолетчиков встретили, они рядом стояли: «Это мы там работали позавчера».

- Я только однажды чужую работу видел. Хотели воды взять из колодца, а он бревнами завален. А под бревнами...

- Все, все так, Саша. Вот вторая мировая: с одной стороны толпа в одной форме, с другой – в другой форме. Сошлись, повоевали, разошлись. Два, три дня. Страшно. Но потом – разошлись, отдохнуть могли! А в джунглях не знаешь, когда тебя поймает снайпер, когда засада. Спать легли в окопах. Нападут ночью или нет? Все эти вьетнамцы такие одинаковые, и никогда не отличишь друга от врага. И каждый день, день за днем... Последние три месяца молишься.

- Я под дембель в дувал не заходил, пока не брошу пару «эфок». Дембель в опасности. Да, а сколько вы там были каждый?

- Ну, обычно – год, день в день. Потом можно еще остаться еще на полгода. А так – день в день. Сегодня ты в джунглях, а завтра на американском асфальте. Стоишь и ни черта не понимаешь. Ведь еще возраст! Во вторую мировую средний возраст был двадцать шесть лет, а у нас меньше девятнадцати.

- У нас почти так же.

- И еще Тогда они уходили на войну ротами, полками, также и возвращались. А мы по одному. И приходили по одному. И нас никто не встречал, а их встречала вся Америка, как героев, освободивших мир. А нам плевали в лицо и называли детоубийцами.

- Нас встречали в аэропорту в Ташкенте. Но знаешь, ташкентские цветы уже давно завяли. Да нам тогда, пожалуй, наплевать было: пацаны! Скорее бы домой – и все.

- Да, возраст. Этот возраст, когда мы воевали, тот, который человеку надо прожить наиболее спокойно. Формирование психики заканчивается.

- Вот оно, Стив, и закончилось!

- Да, я знаю, о чем ты говоришь. Мой друг, правда, он к этой войне по-другому относился, он был героем и гордился этим, и никогда не признает, что все это было напрасно, так вот, мой друг до сих пор просыпается: ему снятся глаза. Им приказали очистить деревню, а он двух девчонок пожалел, и командир ему сказал: «Ты что? Стреляй!» И он выстрелил им в лицо. И вот их глаза его теперь не отпускают.

- Я тоже в лицо стрелял. Не знаю, почему. Упер ствол СВД в переносицу... Он даже не дернулся.

-Зачем все это было, зачем? Как можно было посылать и посылать туда парней, когда уже и страна встала против этого? Когда воевала вся Америка, и солдаты шли воевать до победы, они победили в сорок пятом. Но как можно воевать, когда сомневаешься, когда в твоей стране тебя никто не хочет видеть. Я ведь шел с верой, что так надо, что это надо Америке. Так уж мы воспитывались после второй мировой войны. Прославление войны и не слова о ее ужасах. Героизм, мужество... Америка – особая страна, дом на горе, американцы – особый народ. Мы – хорошие парни, а есть еще плохие, это и японцы, и коммунисты. Вот чтобы стать мужчиной, патриотом, надо убивать плохих парней. Я только во Вьетнаме понял, что нет хороших и плохих парней, это разделение проходит внутри каждого. Я способен как на огромное добро, так и на страшное зло. И вьетнамцы – такие же люди, я ведь там влюбился в одну вьетнамку... Мы пошли воевать, а ни истории, ни культуры, ни традиций этой страны не знали. Мы только знали, что опоздай мы на десять минут, а там были бы коммунисты. Что вы смеетесь?

- Стив, да нам тоже говорили, что витебская дивизия на те же исторические десять минут опередила американцев, а ваш посол в Кабуле волосы рвал на голове, когда наблюдал за выгрузкой.

- И ваш посол рвал волосы во Вьетнаме. У них, послов, работа, наверно, такая! Я, знаете, предполагал, что так много похожего в этих войнах, и мне говорили те парни, которые уже встречались с вашими ветеранами. Но я приехал, чтобы убедиться в том, что это действительно так. Кроме того – пропаганда. У нас информация в основном с другой стороны. А меня жизнь вообще приучила особо

пропаганде не доверять. Конечно, там есть и правда, но есть еще такие политические штучки...

- Слушай, не рассказывай нам о пропаганде! Вы хоть еще во Вьетнаме начали это понимать, а мы так напичканы были... Чувствовали, что делаем что-то не то, но командир застроит: «Вы вернетесь героями, выполнившими свой воинский и интернациональный долг!» А вернулись... Мы только сейчас начали что-то понимать. Нет в присяге ни слова об интернациональном долге! Да и какой это интернационализм? Знаешь, как у нас называют медаль «От благодарного афганского народа»? Плевой в спину. Спасибо, что ушли.

- «От благодарного»? Нам, видимо, вьетнамцы тоже благодарны: у нас ведь у каждого тоже медаль от вьетнамского правительства. Еще американская медаль за службу во Вьетнаме.

- Слушай, Стив! Мы даже в наградах вас повторили: у нас знак воину-интернационалисту». Подожди, откручу... Возьми на память! Представляешь, «воин-интернационалист»! Войны-то объявлено не было, как же нас обозвать? А мы назвали свое объединение Ассоциацией ветеранов афганской войны. Была она официально или нет, но мы ведь там не овец пасли.

- Знаете, а я за вас рад. Вы здесь, в СССР, нас лет на десять обогнали. Да, нам лет десять-пятнадцать потребовалось, чтобы объединиться, а у вас уже сейчас ассоциация, клубы. Но поймите, главная задача сейчас – образование. Образование и самих себя, и общества, и специалистов, и правительства. У нас ведь до сих пор понятие посттравматических стрессовых нарушений у ветеранов встречает отпор в правительстве, у части специалистов. Особенно ветераны второй мировой, Американского легиона выступают против: у нас, мол, нет такого, а откуда у вас? Они все еще как бы завернуты в военные знамена, но их интересует только внешняя сторона войны, а не воздействие войны на психику. А это между тем не нечто новое. Еще в гражданскую войну у нас в Америке это называлось «ностальгия по войне», в первую мировую – «военный невроз», во вторую – «контузионный шок», в Корею ... Вы знаете, из восьмисот тысяч американских пехотинцев, участвовавших в боях в Европе, триста тысяч были уволены из армии из-за психических нарушений. Но военные верха всегда делали все, чтобы эту проблему замазать. Но как ее замажешь?! У нас в Вашингтоне на Стене около пятидесяти восьми тысяч фамилий, там, правда, нет тех, кто покончил с собой, умер от болезней, погиб от несчастных случаев, умер в госпиталях после войны. Но все равно – пятьдесят восемь тысяч. Но после войны покончили с собой шестьдесят тысяч ветеранов.

- У нас в республике за прошлый год – двое. Но у нас такой статистики никто не ведет.

- Ну, вы понимаете, о чем я. Так вот, еще сто тысяч – бездомные. Это данные Конгресса. В основном, это те, у кого психологические проблемы соединились с алкоголизмом, наркоманией. Кстати, в наркобизнесе очень много ветеранов. У нас мощное исследование проведено, выяснили, что более пятидесяти тысяч нуждаются в срочной помощи специалистов: самый высокий уровень алкоголизма, наркомании, разводов, самоубийств, преступности. Это все – проявления посттравматических стрессовых нарушений. Один хочет постоянно рисковать и рискует и этим поддерживает себя в возбужденном состоянии, в котором только себя человеком и чувствует, другой для этого колетса, третий просто уходит от людей, изолирует сам себя. И у всех очень большие проблемы во

взаимоотношениях с людьми. Но власти, в том числе и ветеранская администрация в правительстве, не хотят об этом и слышать. Хотя кое в чем нам их удалось убедить. Но правительственная программа в сорок миллионов долларов – это капля.

- Нам бы сюда эту каплю...

- Не горячись!

- Сейчас и у нас кое-что вроде бы сдвигается. Я считаю победой уже то, что на предложение рассмотреть вопрос о строительстве реабилитационного центра психологической направленности у нас в республике наше руководство отреагировало в принципе положительно. Значит, понимание есть.

- Слушай, но к этому пониманию нужны еще и деньги, кирпич и черт знает что! Я не знаю, сколько я проживу, но не долго. Это точно. К врачу ведь приходишь, начинаешь объяснять, а тебе говорят: «Вы еще молодой, у вас это не может болеть». Кто понимает, что я дважды убитый? Иногда думаешь: была бы граната, я бы им объяснил!

- Ничего бы ты не объяснил! Пока можешь, ты должен остальным помочь. Да! Сколько ребят уже сидят! У нас ведь ни одна встреча без пузыря не обходится. Порой такое в башке! Я знаете как за семью свою боюсь, за жену...

- Вот этого и я боюсь. Поэтому до сих пор не женат. И детей завести боюсь из-за эйджент оранджа. Я анализ делал, во мне есть эта гадость. Но я вылез, выкарабкался! Я ведь после Вьетнама работ двадцать сменил. Кололся, алкоголиком был. Потом один психолог из «Анонимных алкоголиков» со мной очень долго работал. Но все равно, хотя уже десять лет не пью и не курю – боюсь...

- А черт... Наше прошлое гарантий не давало. По тем векселям никто не заплатит.

1986 год.

Марк КАГАНЦОВ

БАЙКИ СКОРОЙ ПОМОЩИ СТРАННАЯ ПАРА

Произошел этот случай в Архангельске, когда я был еще студентом Мединститута, подрабатывал на «скорой» и уже был допущен к самостоятельным выездам фельдшером.

Повод к вызову: выпрыгнула из окна. Приезжаем. Действительно, женщина выпрыгнула из окна первого этажа, коленку поцарапала, но в истерике кричит: «Не подходите или я руки на себя наложу!»

В доме беспорядок: разбитые цветочные горшки, груда чемоданов, разбросанные вещи.

Странная супружеская пара: ей – 25, ему – 50, ребенку – 1,5 года. Он известный в городе журналист, она – тоже журналистка. Он недавно перенес инсульт, частично парализованы левые конечности.

Она рассказывает: «После инсульта у него появились странности, надевает мою одежду, гоняется за мной с ножом». Он возражает: «Куда мне, парализованному, за ней – козой – угнаться? Вы что не видите, что у нее психоз?»

Она: «Вот-вот, он мне так и сказал: сейчас вызову скорую и тебя упрячут в психушку!»

Я смекаю: если она говорит правду и он гоняется за ней с ножом, его нельзя оставлять, как бы чего не натворил; если он говорит правду и ей все кажется, ее нельзя оставлять, как бы чего не натворила; значит, нужно забирать обоих. Но куда девать ребенка? Уговариваю соседскую старушку присмотреть за малышом пока мы съездим на консультацию к психиатру. Уговариваю их поехать – пусть разберется узкий специалист.

Приезжаем к психиатру. Там не до нас. Весь персонал больницы и больные во дворе. Там же стоит милицейский «воронок» и пожарная машина. Оказывается, милиция тоже кого-то привезла, и пока вела его к дежурному врачу, в «воронок» залез психбольной, закрылся изнутри и теперь его пожарные из него «выкуривают» пеной.

Дежурный врач говорит мне: «Оставляйте обоих – разберемся».

Через день звоню в больницу, узнать, кто же из них болен. Врач отвечает: «У нее – точно шизофрения. У него тоже не все в порядке. Оба у нас».

СКРЫТЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Мне ведь не раз приходилось удирать от ножа, топора, двустволки, находившихся в руках больных в психозе.

Вот такой случай.

Звонит женщина: «У мужа психоз. Он агрессивен». Для «усиления» нам дают милиционера – «метр с кепкой». Поднимаемся втроем на пятый этаж, звоним в дверь. Дверь резко распахивается, выскакивает здоровенный амбал с топором в руках. Никогда не думал, что умею так быстро бегать. Нас словно ветром сдуло, словно дерьмо в унитазе смыло... Через секунду все трое стоим на крыльце, тяжело дыша. Вызываем подмогу. Семь человек скручивало того мужика, еле управились. А как надели на него наручники, он тот час успокоился. Фельдшернице моей комплименты стал говорить, о встрече договариваться.

ДОПОЛНЕНИЕ К МАРКСУ

Вы помните, по Марксу: Бытие определяет сознание. Из собственной практики дополню: бытие определяет форму нарушения сознания.

Из литературы известно: в средневековье в галлюцинаторных переживаниях преобладали черти и ангелы; в период «холодной войны», который я еще застал, когда памятна была сталинщина, в галлюцинациях преобладали шпионы, устанавливающие передатчики в голове больных. С началом «космической эры» в галлюцинациях преобладают инопланетяне. С началом перестройки, когда снова усилилась религиозность, опять стали мерещиться черти и ангелы. Добавлю к этому, что у женщин галлюцинации часто эротически окрашены.

ВОДИТЕЛЬ МАЛИНОВ

Устроился на работу в «скорую» молодой водитель. Любопытный до ужаса. С бригадами на вызова ходит, все ему интересно. Вот привозит бригада

больного в психбольницу (больница была тогда на 40-й шахте) и он с ними. Бригада – в приемный покой, а он - с отделением знакомиться.

В психбольнице все строго: входная дверь всегда на ключ закрыта. Бригада сдала больного и ее выпустили. А Малинов в отделении остался.

Спустя некоторое время персонал больницы обратил внимание: кто-то по палатам ходит. Скрутили его. Время ночное. Врача нет. Малинов рвется: «Я здоровый, я водитель, я со «скорой».

Чем больше рвется, тем сильнее крутят и успокаивают: «Все здесь здоровые, все водители, все со «Скорой».

Бригада сначала ждала водителя: мало ли, в соседний магазин ушел, но уж больно долго нет. Догадались: наверно, в отделении застрял, позвонили, их выпустили. Смотрят: сидит их Малинов связанный. Отпустили его. Он плачет, сопли по лицу размазывает: «Я же говорил вам, что здоровый, что водитель со «скорой».

После этого случая он сразу со «скорой» уволился.

Иван БЕЛЫХ

ПРО САШКУ ГОРОДСКОГО КОСАРЯ (рассказ)

Этого дня Сашка ждал давно. Еще с утра директор жилконторы Иван Иванович позвонил ему к себе:

– Ну что, Александр Петрович, еще не забыл, как косу в руке держать?

И Сашка, улыбнувшись, ответил:

– Нет, эта наука до смерти не забудется. В детстве еще мать научила меня косить.

– Ну и хорошо, – довольным голосом сказал Иван Иванович. – У нас механическая косилка, как всегда, отказала. Наверно, заводская неисправность... Значит так, завтра опять тебе придется газоны подкашивать.

– А почему бы и нет, еще могу, – радостно ответил Сашка.

А у самого душа рвалась вон. Дождался, наконец, этого дня! Опять Сашка возьмет в руки косу-горбушу. Всего за полдня и выкосит с газона уже поникшую траву. Заодно будет вспоминать, как в родной деревне занимались на лугу покосом.

Сам Сашка уже в возрасте. Всю жизнь в деревне провел. Летом страдовал: косил да стоговал сено. А длинной и холодной зимой дежурил да слесарил на ферме. Руки у него золотые. За что ни возьмется, все получается. Но потом вышел на пенсию и уехал в город к дочери. Хорошо в теплой городской квартире. Не надо запасаться ни дровами, ни водой. Все под руками. Все есть. Но, пожив только месяц-другой, понял, как истосковался по родной деревне. Нет, не забывается то место, где родился, где играл в детстве с такими, как и сам, босоногими, сопленосыми пацанятами, где отец с матерью оберегали от всего плохого и учили трудиться, где они сами навечно остались лежать на старом деревенском кладбище. Иногда вспоминаются Сашке эти счастливые годы, и он не может удержаться от слез. Ах, если бы можно было вернуть это время и еще пожить в деревне, на лугу досыта наработаться, вокруг дома покопошиться. Но куда уж...

Не вернется обратно прожитое. Никогда, никогда заново не прожить ушедших в прошлое лет.

Дочь Вера вовремя заметила тоску в глазах отца, поняла, в чем дело, и нашла занятие его истосковавшимся по работе рукам в своей конторе. Никак не может выросший в деревне человек без работы. Живя у дочери, Сашка все время чего-то точил да строгал. В большой городской жилконторе у Сашки с самого начала его работы образовалось полно забот. Все время с инструментами ходит. То где-то подправит доску, то где-то гайку завинтит... Передохнуть не успеет, снова Сашку зовут. Вскоре и домой стали приглашать, то мебель починить, то кран поменять.

Одним словом, стал Сашка человеком нужным. Пусть, что пожилой. Силенок еще хватает. А за работой и тосковать некогда. Даже на душе веселее, когда видишь, что ты каждому нужен. Значит, не зря живешь на белом свете, не зря хлеб ешь. Многие Верины сослуживцы даже стали удивляться, как же раньше их контора могла обходиться без такого нужного человека...

Вот и приходил в макушку лета тот самый день, который для Сашки становился своеобразным праздником. Еще с вечера он затачивал на станке привезенную когда-то из деревни острою-преострую косу-горбушу. А дочь Вера, заметив священнодействия отца, с улыбкой спрашивала:

– Ну что, опять твой день настал?

Сашка улыбался в ответ, но ничего не говорил. Чтобы не сглазить никому не нужным разговором завтрашний праздник души.

На следующий день, ранехонько проснувшись, Сашка надевал белую рубаху и, не теряя времени, еще на восходе солнца отправлялся к конторе. Присматривал, откуда начать, и не торопясь брался за работу.

Как бритвой режет изготовленная еще старым мастером острая коса-горбуша уже начавшую желтеть траву. А на сердце у Сашки, словно птицы поют. Еще может! Еще нет одышки. Еще есть силушка в руках. А перед глазами у него, словно вчера, встает тот день, когда мать впервые дала ему, двенадцатилетнему пацаненку, в руки маленькую косу-горбушу и велела встать на лугу рядом с ней.

Тогда за деревней полно было заболоченных кочкарников. Большинство из них выкашивались только косами-горбушами. Литовок в этих краях не знали. Да и литовкой сподручнее на ровном лугу работать. Уже позднее мощной техникой облагородили эти луга, выкопали каналы и вместо кос-горбуш по лугам забегали тракторные косилки. После этого в деревне напрочь позабыли косы-горбуши. Слово и не было страдных покосов на бесконечных лугах, когда вечером от усталости еле руки-ноги передвигаешь. Но молодому организму все нипочем. Отдохнешь немного дома, и сразу вся усталость исчезает...

– Смотри, сынок, на меня, – учила его мать, – чтобы коса своим острием вдоль самой земли проходила, но не тыкалась в дерн. А, значит, сильнее нужно нагибаться.

Затем показала, как надо косить. Сперва из-под ног небольшой участок выкосила. А потом как начала лупить то налево, то направо. Только поблескивает острие косы на солнце. А сама коса так и крутится в руках у матери. А трава так и ложится пластами на сырую землю. Смотрит пацаненок Сашка на мать и удивляется, как и где она научилась так хорошо косить. Видно, ему, сопляку, никогда таким косцом не стать.

Немного погодя Сашка взял косу в руки, как и учила мать. Взмахнул в одну сторону. И даже сам себе не поверил, как у него все хорошо получилось. Так аккуратно легла подкошенная трава на землю. Потом взмахнул в другую сторону. И опять только что стоявшая трава легла на землю. И даже веселее стало на сердце у Сашки. Значит, он так же, как и его мать, научится косить. Но взмахнул в третий раз и сам не заметил, как острие косы вошло в землю, а сам маленький косарь полетел кубарем вслед за косой. Пришлось попрыгать, покуда вытащил косу из земли. А мать только посмеивается.

– Ничего, все так начинали. Никто сразу мастером не становится. Погоди и ты научишься.

Сашке стыдно стало перед матерью. Вынул косу, обтер острие травой и опять взмахнул. Еще несколько раз натыкалась коса на землю. Но затем все послушнее и послушнее она становилась. А у Сашки от радости едва сердце не выпрыгнуло из груди. Мать между тем дошла до конца покоса и направилась навстречу сыну. Затем выкосила оставшиеся после Сашки вихры травы. Ведь еще не все так гладко получалось у юного косаря, как хотелось бы.

А тем временем к ним подошел дядя Осип, пожилой мужик из их же деревни. Он со своей семьей неподалеку косил.

– Ну-у, оказывается сегодня новый косарь на лугу появился, – весело произнес он, здороваясь с Сашкиной матерью.

– Да ведь надо же когда-то сыночку научиться, – негромко произнесла мать.

– Добро, добро, – прервал ее своим хриплым басом дядя Осип. – Пора уже учиться. Все так же когда-то учились косить, и твой сыночек научится.

Сашке, конечно, приятно было слышать эти слова. Но он как будто не слышал негромкого разговора дяди Осипа с матерью и старательно взмахивал косой то влево, то вправо. А мать и дядя Осип обменивались между собой впечатлениями о летней страде, изредка посматривали на мелькавшую в высокой траве спину Сашки.

Вот и снова новый косец родился в их деревне...

Но никогда не забудет Сашка того, что случилось с ним незадолго до обеда, и от чего потом было стыдно. Словно все понарошку получилось. Но неужели нельзя было быть поосторожнее? Еще в самом начале, во время недолгих передышек мать сама затачивала бруском Сашкину косу. И снова Сашка с немым удивлением смотрел на мать. Смотри-ка, как проворно мелькает в руках у нее брусок, только на мгновение, прикасаясь к самому острию косы. А само острие потом начинает блестеть под солнцем и затупившаяся коса снова начинает усердно класть траву на бок.

«А что, неужели я так не смогу?» – подумал Сашка, во все глаза, глядя на мать. И затем, во время следующего перерыва, не стал ждать, когда мать возьмет из его рук косу. Сам начал обтачивать. Но легко сказать, что сразу научишься этому. Оказывается, к каждому делу сноровка нужна. Медленно и боязливо ходит брусок в руках у Сашки. Мать посматривает на сына, как он точит косу. Затем негромко говорит:

– Только не торопись. Увереннее держи косу.

Но Сашка будто этих слов матери и ждал, стал торопливее водить бруском по острию косы. И сам не заметил, как все получилось. Неожиданно косовище каким-то образом выскользнуло из левой руки и острием косы впилося в

указательный палец правой руки. И сразу же на землю потекла густая, черная кровь. У Сашки чуть сердце не остановилось от испуга. Что же он сделал!

А мать закричала:

– Ойя да ойя, что же ты сотворил с собой?

Потом бросилась к сыночку. Торопливо сняла с головы белый платок, порвала с края лоскут и, наложив невесть откуда взявшийся листочек подорожника на рану, плотно обмотала палец. А сама в это время, вытирала слезы, причитала:

– Все, наработался сегодня. Иди быстро домой. Придется неделю посидеть, пока палец не заживет.

– Никуда я не пойду, – вдруг с какой-то злостью ответил матери Сашка. – Немного подожду, пока кровь не остановится, потом дальше буду косить.

Мать не ожидала такой прыти от сына и даже сникла. А самому Сашке так стыдно перед матерью стало. Как будто нарочно он порезал палец, чтоб больше не косить. А если мать и всерьез так подумает? И после этого мать как ни старалась отправить сына домой, тот все равно остался. Немного погодя вновь стал неторопливо махать косой вслед за матерью. А она в тот день уже не давала затачивать косу непокорному сыну. Только все повторяла, чтоб осторожнее махал косой да берег раненный палец. Все же Сашка настоял на своем и, неделю-другую спустя, уже довольно смело водил брусом по косе. А рана на пальце в считанные дни затянулась.

В то лето Сашка до конца страды косил рядом с матерью. А после было много страдных сезонов, бесконечное число соленых от пота дней. Сашка считался одним из лучших косарей. Ах, какая нелегкая эта работа! Но Сашке безумно нравилось косить. Вот рябит от ромашек перед его глазами безбрежный луг. Над ним непрестанно летают пчелы, стрекозы, прыгают кузнечики. А в воздухе стоит дурманящий голову аромат от спелых трав, с которых уже осыпаются семена. А косарь осторожно вышагивает вдоль луга и какой-то страх охватывает его, разве можно такую громадину выкосить косой-горбушей? Но как говорят, глаза бояться, а руки делают. Нужно только начать, а затем дело пойдет. И вот уже смотришь, а оказывается, за какое-то не очень уж долгое время половина луга полегла под острыми косами. А Сашка с товарищами, раззадорившись, только и машут и идут все дальше. Остановятся ненадолго, оботрут потные лица, наточат косы, попьют из березового туюска ключевой воды и, о чем-то весело переговариваясь между собой, снова начинают размахивать косами. И радостно становится Сашке, что такую огромную луговину удалось выкосить за недолгое время.

А потом через пару дней на этом лугу подымается огромный зарод-богатырь. И как же не радоваться после этого, когда видишь толк от своей работы. Бесконечное число зародов остается стоять на лугах. Значит, у рогулечек будет безбедная зима. Вот поэтому и весело бывает косарю...

А тем временем думы у Сашки обрывает удивленный голос начальника конторы Ивана Ивановича:

– Я думал, что ты, Александр Петрович, позднее начнешь. А вон уже сколько успел выкосить.

– Траву ведь спозаранку косят, пока роса. Тогда коса легче берет, – негромко объясняет Сашка своему начальнику.

Иван Иванович долго и пристально смотрит на косу-горбушу, которую Сашка поставил на землю. Затем осторожно берет ее в руки и боязливо спрашивает:

– А можно и мне попробовать?

Сашке, конечно же, жалко косы-горбуши. Но как можно отказать своему начальнику?

– Только берегите ноги, – говорит он в ответ.

Иван Иванович поднимает косу, размахивается. И сразу же коса своим острием входит в землю. Сашка смеется. Смеется и Иван Иванович:

– Нет, никогда из меня не получится косаря...

Уже после полудня Сашка кончает свою работу. А между тем немало прохожих останавливается, любуясь, как аккуратно косит Сашка траву на газоне. Кто-то впервые увидел, как косят траву. И им удивительно. А кто-то вот так же, как Сашка, свою деревенскую молодость, летнюю страду на лугах вспоминает. Ведь немало в городе выходцев из деревни.

Через некоторое время скошенную траву увозят куда-то на машине. А сам Сашка неторопливо обматывает косу белым полотенцем. Он закончил свою работу. Сегодняшний день был его праздником. Опять вспомнил прошлое. Опять как будто вернулся в свою молодость.

Перевел с коми Андрей КАНЕВ

ПШЕЛ, ПШЕЛ, ОТСЮДА! (рассказ)

Пшел - щенок сродни овчарке, родился и вырос в подвале большого дома. Когда маленьким еще был, мать обогрела и кормила его. Но постепенно Пшел своим собачьим чутьем понял, что в этой жизни надо учиться выживать самостоятельно и самому искать пропитание. Это случилось после того, как его мать куда-то исчезла. Как долго ни ждал Пшел ту, которая ласкала и кормила его, она так и не пришла. И тогда маленький, невзрачный еще щенок, боязливо и жалобно скуля, вышел из темного подвала туда, где на всю мощь гремела незнакомая ему музыка жизни.

Взрослые собаки не трогали маленького, беззащитного щенка, но и не давали приблизиться к себе. И все же у них Пшел научился добывать себе пропитание в мусорных кучах и баках, которых много было около больших домов. Туда люди вместе с ненужными вещами выкидывали и остатки вкусной еды.

Здесь Пшел однажды встретился с человеком, который стал его первым и последним хозяином. Друзья-приятели звали мужика Гошей, хотя его настоящее имя было Егор. Гоша был уже на пенсии. Жил один в маленькой квартире. Жена в кои-то годы умерла. А дети давно свили себе уютные гнездышки и довольно редко заходили к отцу. Из-за этого, наверное, Гоша от тоски начал попить. В то же время его маленькой пенсии не всегда хватало на приличную жизнь, где уж тут на бутылку наскрести. Поэтому Гоша время от времени подрабатывал у своих старых знакомых, а кроме этого, собирал и сдавал пустые бутылки. Так кое-как и пробавлялся, чтобы хватало немного на хлеб-соль да на бутылочку. Знакомые, конечно, не очень одобряли увлечение Гоши спиртным, но все же хорошо относились к нему. Потому что у Гоши было открытое, доброе сердце, и он никогда не отказывал, когда кто-то просил его о помощи.

Однажды ранним утром Гоша, обходя мусорные бачки, увидел около одного из них маленького щенка. У Гоши было довольно муторно на душе, потому что кто-то до него успел собрать нужный товар. Тогда Гоша не вытерпел и с какой-то злостью крикнул на щенка, который глядел на него ласковыми, преданными глазами:

– Пшел, пшел, уходи от меня! И так тоскливо на душе, а тут ты еще околачиваешься!

Но щеночек и не думал отходить. Хотя Гоша и накричал на него, но не так уж враждебно звучал его голос.

Тогда Гоша опять, поласковее, обратился к щенку:

– Пшел, пшел. Не могу я тебе ничем помочь. Сам голодный.

Но потом он попристальнее взглянул на этого ни весть откуда взявшегося щенка и вдруг как будто оборвалось что-то в его сердце. Притягивали взрослого человека какие-то уж очень добрые, беззащитные, просящие глаза маленького мохнатого существа.

– Вот ведь какой нахал, – опять негромко пробурчал Гоша. – И не хочет никуда уходить. Как будто я ему самый лучший друг.

А щеночек еще ласковее начал смотреть на Гошу, легонько повизгивая и помахивая хвостиком.

Гоша снова начал бурчать про себя:

– Сколько раз уж я тебе говорил, пшел, пшел отсюда. А ты и ухом не ведешь.

Тогда щеночек, не раз услышавший, знакомое слово «пшел», негромко затыкал и еще сильнее стал помахивать хвостиком. Откуда же было знать маленькому, беззащитному существу, что после слов «пшел отсюда» надо немедленно отойти от людей.

Но и Гоше вдруг пришло на ум: сколько раз он говорил щенку «пшел», а тот, наверное, совершенно по-другому понимает его, как будто «пшел» – собачье прозвище:

– Ну и глупый. Ты ведь уличный щенок. Никому не нужен. Каждый тебе говорит: «Пшел отсюда». Вот и запомнились тебе эти слова. Но пускай слово «пшел» с этих пор будет твоим прозвищем. А жить ты будешь у меня. Я тебя не прогоню. Не знаю чем, но ты очень по душе мне пришелся.

И после этого Гоша со своим новым маленьким товарищем отправился домой. С этого времени эти два добрых, безобидных и беззащитных существа стали жить вместе. Приятели Гоши, бывая у него, чуть не до икоты хохотали. Крикнут щеночку: «Пшел», – и он тут же подойдет к ним. Тогда те никак не могут удержаться от смеха.

Постепенно Пшел вырос и стал красивым, гладкошерстным псом. Гоша по-прежнему ходил кое-кому помогать, а по утрам с Пшелом обходил мусорные бачки. Если Гоша собирался на работу, то оставлял Пшела охранять квартиру. Знал, что тот никого в дом не пустит. Подойдет незнакомый к двери и услышит яростный лай собаки.

Хорошая жизнь у них пошла. Постепенно Гоша стал меньше пить. Потому что Пшел возненавидел вечно пьяных Гошиных приятелей и их смех над собой. Ведь этот пес был не таким уж и глупым. Гоша понимал это по глазам собаки, когда они вдруг наливались каким-то злым блеском или становились грустными-

грустными. И обоим сейчас без посторонних жилось легко и весело. Обратится хозяин к своему псу:

– Ах ты мой бесценный Пшел! Как же дальше моя жизнь бы проходила, если бы мы с тобой не повстречались?

Пшел после этих слов ласково повизгивал и облизывал хозяина в лицо.

Но вдруг Гоша серьезно заболел и стал все больше и больше грустить. Уже никуда из дома не выходил. А однажды обратился к своему четвероногому другу со слезами на глазах, ласково его поглаживая:

– Ах ты мой бесценный Пшел! Ну почему же я тебя так прозвал. Почему не подумал об этом сразу же? С этим именем тебя сильно обижать будут. Скоро меня не станет. И тебе одному трудно придется в этой жизни.

Увидел пес печального хозяина со слезами на глазах, и у самого него покатались слезы. Он стал жалобно скулить. Своим собачьим сердцем Пшел понял, что хозяину по-настоящему плохо.

Скоро Гошу свезли на кладбище. А в его квартиру вселились новые жильцы, которые тут же прогнали Пшела. Новый хозяин квартиры сказал псу:

– Пшел отсюда, ты нам не нужен!

После этих слов Пшел сразу пошел к новому хозяину, легонько помахивая хвостом. Но тот тут же возмутился и оттолкнул собаку. Потом удивленно сказал:

– Ну и глупый пес, я его прогоняю, а он ко мне подходит.

В то же время Пшела очень сильно обидели слова нового хозяина квартиры. Почему же он позвал его к себе, а потом оттолкнул? Никак не мог понять Пшел, что значит его имя и почему так печалился умерший хозяин.

Так он снова попал на улицу. Первые дни и ночи проводил на могиле Гоши. Долго лаял негромко, как будто просил встать своего хозяина и уйти с кладбища.

Но потом, проголодавшись, обычно обходил мусорные бачки. Так и получилось, что Пшелу сейчас много проклятий доставалось из-за его имени. Однажды пес подошел к рыбному ларьку. Стоявшая за прилавком грозная тетка со злостью закричала:

– Пшел, пшел отсюда! Много таких безродных здесь шляется!

Услышав свое имя, Пшел радостно встал перед грозной теткой на задние лапы, ожидая щедрого подарка. Но та чуть не задохнулась от злости:

– Ах ты, каким наглым оказался! Я его прогоняю, а он на меня бросается!

И, не долго думая, ударила пса палкой по морде.

Пшел не ожидал такого приема и очень удивился. Тем временем грозная тетка замахнулась еще раз. Тогда Пшел, жалобно скуля, отошел от ларька. Ему было очень обидно. Пес так и не понял, за что его ударила эта злая женщина. Ведь сама же позвала его к себе. И как непонятно поступила!

В тот день Пшела таким же образом еще раз отогнали от одного ларька. Тоже как будто позвали к себе. А потом ударили чем-то. И Пшелу ничего не оставалось, как, жалобно скуля, ретироваться. Конечно, голодным он не остался. Мусорных бачков хватало.

В тот вечер пес снова пошел на могилу своего хозяина и стал громко и жалобно лаять, хотел сказать, что ему теперь очень плохо, что люди оказались злыми. Но хозяин молчал, не отзывался. Долго жалобно выл Пшел у могилы своего друга, но никто ему не отвечал. И с печальными глазами он побрел обратно.

Еще много раз после этого злые люди обижали хорошего и доброго пса Пшела. Крикнул громко:

– Пшел, пшел!

А затем, когда пес подойдет, накинутся на него. Постепенно он стал бояться своего имени. И услышав «пшел отсюда», бросался наутек. Так постепенно он понял настоящую цену своего имени. А потом со временем Пшел забыл свое имя и опять стал безликим, никому не нужным псом.

Перевел с коми Андрей КАНЕВ

ТРЕТЬЯ БАНЯ (рассказ)

Который раз снится Пашке Прокопу эта старая-старая баня с замшелыми, немного наклонившимися на юг стенами из потрескавшихся бревен, с небольшим окошечком на восток. Как будто опять моются все вместе: и отец, по-деревенскому Петыр Пашка, и маленький Прокоп со своими братьями. Хлещутся недавно принесенными из леса душистыми и ароматными до одури мягкими вениками. Отец время от времени подбавляет на каменку из маленького ковша квас. Чтоб еще ароматнее запахло банным духом, да радостнее было на душе после бани. А потом все, досыта нахлеставшись вениками, обливаются холодной водой и выходят одеваться в предбанник. И вдруг все это за одно мгновение куда-то исчезает...

Просыпается Пашка Прокоп в своей городской квартире и начинает размышлять, почему же снова и снова снится ему эта старая баня.

А ведь все так и бывало. Еще учась в школе, маленький Прокоп с нетерпением ожидал субботнего дня. Не только из-за того, что в воскресенье не надо было идти в школу. К субботнему вечеру в деревне затихал неумолкаемый недельный перезвон работ, отходили куда-то лишние заботы. По всей деревне начинали топиться бани. И воздух сразу наполнялся своеобразным ароматным банным дымом, который так любил маленький Прокоп.

А чего еще, после недельного труда можно немного и отвлечься от забот, дать ненадолго успокоиться душе. Конечно, в деревне и в воскресенье забот полно. То одно надо сделать, то другое. Но все же можно позволить себе подольше поваляться в постели. А потом, не торопясь, не спеша, взяться за какую-нибудь работу. А детям-то что. Целый день можно бегать.

Маленький Прокоп за день обычно несколько раз выходил в баню. Смотрел, как отец, не торопясь, растапливает каменку березовыми дровами, как баня начинает постепенно наполняться дымом, который выходит наружу через дверь и волоковое окошко у потолка. Отец еще пару раз подбрасывает дрова, а потом, возясь между делом с кадками, водой да вениками, шевелит железной кочергой последние оставшиеся уголья, чтобы лучше прогорели. Проходит довольно много времени, пока из бани не выветрится последний угарный дух, и тогда он крикнет своим сопленосим:

– Сынишки, пора в баню! Ждать некогда. Не мы последние. Чтоб жар и другим достался.

И вот Прокоп с братьями с узелками одежды в руках шагают вслед за отцом к бане, которая стоит позади огорода, немного в низине. Прежде чем войти в баню,

отец чего-то пошепчет про себя. А потом, раздевшись в предбаннике, заходит внутрь, выплеснет ковшик-другой на каменку и немного приоткроет банную дверь, чтобы испарился последний чад. Только уже после этого сыновья Петыр Пашки боязливо заходят в баню. И тут же начинают корчиться от жары, а кое-кто и вообще прижимается к полу.

Прокопу больше всего по душе париться веником. Отец, пока пацанята постепенно привыкают к жару, готовит горячую и холодную воду, выпаривает над каменкой веники, выплескивает туда между делом несколько ковшей воды.

Успокоившаяся и дремавшая до этого каменка как будто вновь оживает. Начинает громко на что-то кому-то жаловаться, вздыхать, пищать, ворчать. А потом горячий пар от каменки мгновенно заполняет все вокруг до потолка. Тогда неволею становится сидеть на скамейке. Поневоле приходится пригнуться к полу. А горячий пар так и обжигает голову, спину, горло. Кое-кто не может выдержать весь этот жар и выходит в предбанник. Отец посмеивается над ними:

– Ну и любители попариться! Жару испугались!..

А потом, когда уже можно вытерпеть первый жар, все начинают хлестать себя вениками. Отец сидит выше всех, на полке. Другие пониже. Немного погодя отец опять выплескивает на каменку пару ковшей и опять кто-то из младшеньких пригибается к полу.

Каждый раз, парясь в бане, маленький Прокоп замечает на теле отца многочисленные раны. И на руках, и на ногах, и на плече, и на спине. И каждый раз ему становится очень жалко отца. Он когда-то побывал на большой войне. И эта война оставила на его теле безжалостные отметины. Иногда, особенно в непогоду, отец начинает ночью негромко стонать. Значит, опять разболелись раны военных лет. Тогда мать Прокопа мажет отцовские рубцы какой-то особой мазью, которую ее научила делать еще бабушка Прокопа. Да и ходит отец сутулясь, немного прихрамывая. Одно плечо, разбитое железным осколком, немного ниже другого. Вот ведь что смогли сделать с человеком какие-то железяки. Хорошо еще, что, почти год належавшись в госпиталях, вернулся домой живым. А то ведь и Прокопа на свете не было бы.

Он иногда расспрашивал отца про войну. Но тот не особенно любил рассказывать об этом, хотя и привез оттуда «За отвагу», главную солдатскую медаль, и другие медали.

– Незачем тебе знать об этом, сыночек, – говорил обычно в ответ негромко. – Вырастешь и поймешь сам, что к чему. А лучше, если бы никогда не было войны.

...После бани все, умиротворенные, с наслаждением вдыхая прохладный воздух, не спеша, один за другим шагают домой. А отец остается еще в бане. Убирает, приносит пару ведер холодной воды, чтобы женской половине дома меньше было забот. Потом только заходит домой.

Когда все возвращаются из бани, немного отдохнув, садятся пить чай. Прокопу очень нравились эти послебанные посиделки за столом. Все румяные, немного уставшие, но довольные. Баня ублажает не только тело, но и душу. Отец с матерью неторопливо подводят итог сегодняшнему дню, говорят о дальнейшем. Во время этих посиделок каждый раз идет разговор о том, кем станут сыновья и дочери Петыр Пашки, когда вырастут, где будут жить да работать. Обычно начинают отец с матерью, но потом в этот разговор вмешиваются и старшие братья Прокопа, а затем и сам Прокоп что-нибудь от себя добавляет. Слушая своих

сорванцов, отец только изредка улыбается, такими небылицами кажутся ему, взрослому человеку, размышления детей о завтрашнем дне. Пряча улыбку и подытоживая все сказанное, он говорит медленно и негромко:

– Пускай, ино, будет по-вашему. Вон как жизнь кругом меняется. Чего не могли ожидать, то и произошло. Может, и ваши надежды сбудутся...

Уже спустя многие годы, когда Прокоп и его братья выросли и стали жить в городе, все они по субботам, хотя не так часто это удавалось, стремились домой, в отцовский дом, чтобы опять вместе сходить в баню, вдоволь попариться душистыми березовыми вениками, а потом по старому обычаю посидеть за столом. Но тогда уже тон в бане задавали Прокоп с братьями. Отец, Петыр Пашка, успел в кои-то годы и сгорбиться, и сморщиться лицом, и поседеть. Теперь он сам не мог вытерпеть сильный жар.

– Прошло, сынки, мое время, – говорил неторопливо. – Не такой уж я, как прежде. И сам не заметил, как состарился, стал немощным.

Но после бани, сидя за столом, отец по-прежнему казался сыновьям молодым. Морщинки на лице сглаживались. Само лицо становилось румяным. Глаза так же, как когда-то, начинали по-молодому блестеть. Вот ведь что может сделать с человеком баня. А сыновья тем временем выкладывали на стол всякие гостинцы. Не забывали и про бутылку горькой. Хотя сам Петыр Пашка не особенно любил баловаться этим. Но в такие моменты обычно говорил, дескать, после бани не грех принять немного на душу. И опять за столом целый вечер шли негромкие разговоры, вспоминали старое, обменивались мнениями о нынешней жизни. И уже запоздно ложились спать.

Да, такие встречи не так уж часто происходили. И во время этих послебанных посиделок опять как бы оживало старое. Сыновья, уже со своими чадами, опять чувствовали себя в отцовском доме какими-то особенно домашними, свойскими. Опять какая-то благодать снисходила на их сердца. И о многом тогда успевали поговорить. Как будто и не было у сыновей Петыр Пашки годов, проведенных в городе. Как будто все оставалось по-прежнему.

Но со временем совсем подгнила и осела когда еще построенная баня. Состарился и дом. И тогда деревенские мужики за одно лето поставили Петыр Пашке из новых бревен вперемежку со старыми новый дом, а заодно срубили и новую баню. Но самому Петыр Пашке, много раз израненному на войне, уже недолго довелось попариться в новой бане. Вот так же в одну субботу Петыр Пашка засобирался протопить баню, в душе надеясь на приезд сыновей. Но когда баня была почти готова, вдруг закололо у него в сердце. А Прокоп с братьями в ту субботу, как на грех, так и не смогли навестить родителей. Если бы знали они, что Петыр Пашке, бывшему фронтовику, уже не удастся в последний раз помыться в протопленной им бане...

Тогда, после смерти отца, Прокоп, как бы в чем-то раскаиваясь, чаще стал приезжать домой, где жила старая мать. Хотя она была не одна. Вместе с ней оставались младшие брат с сестрой. И все же сейчас его сильнее стало тянуть домой. Почему-то опротивела шумная, хлопотливая городская жизнь. Поэтому он с таким большим желанием ездил в деревню, чтобы субботним вечером попариться в бане, потом вдоволь наговориться с домашними, а заодно на другой день успеть сходить в лес или на речку.

Прокоп думал тогда, что вторая, еще при жизни отца поставленная баня, еще сто лет будет стоять. Ведь из таких крепких бревен ее сложили, что, казалось,

конца ей не будет. Но, оказывается, у бани век короче дома. Особенно быстро гниют пол и нижние венцы. Может, оттого, что всю себя баня старается отдать человеку, залечивает его раны, продлевает его жизнь. А сама в это время незаметно старится. Поэтому и век бани короче человеческой жизни. Вот так и состарилась, совсем пришла в негодность и вторая баня.

Тогда брат Прокопа, Васька, работавший в строительной бригаде в деревне, взялся поднять новую, уже третью баню. В считанные дни поставил сруб из привезенных с заречных пойм сосен. Баня получилась просторная, рассчитанная на большую семью. Хотя Васька, живя с матерью, так и не удосужился жениться. Раньше он, стеснительный паренек, все вроде чего-то ожидал. Потом спохватился, но все его одногодки-девчонки уже успели замуж выскочить. А более молодые ведь молодых же и ищут. И он на все махнул рукой. Хотя мать нередко напоминала ему, чтобы сын привел в дом молодую хозяйку: мне, мол, старухе, уже трудно управляться с таким большим домом.

Но Ваську только раздражали эти напоминания матери. А когда бывал немного навеселе, чуть не плакал, жалуясь на свою не слишком удачную жизнь. Да, Васька не был особенно доволен своей жизнью. Старался, пахал в поте лица, чтобы побольше заработать. Но какие могут быть заработки в нищенствующем сельском хозяйстве. Поэтому особенно больших сдвигов к лучшему в его жизни так и не произошло. Может, оттого, от многочисленных мрачных раздумий да от каждодневной изнурительной работы подкрались к нему болезни. Как и отец когда-то, Васька стал жаловаться на сердце и однажды его не стало. Даже врачи ничем не смогли помочь. На их руках и скончался.

Одно время, когда Васька еще живой был, а сестра Ирина уже своей семьей обзавелась и отделилась от матери, Прокоп стал изредка привозить с собой в деревню городских гостей, своих хороших знакомых. Они, конечно, без гостинцев не приезжали. Днем чаще всего пропадали в лесу да на речке, вечером до одури парились в бане, а потом, сидя за столом, травили байки о своей городской жизни. Прокоп слушал своих городских товарищей, изредка вставляя в их рассказы что-то свое. Он замечал, что после бани и стопки горькой его друзья-приятели не в меру заливают, рассказывая всякие небылицы, но никогда не останавливался. А что потом скажешь такому, когда ему хмель в голову ударил. Заметив, что его слушают, он еще больше раззадоривается.

А у Васьки загорались глаза от этих городских рассказов. Гости тоже замечали эти Васькины взгляды и, наконец, обращались к нему:

– Да брось ты все это, поедem с нами в город. Что ты оставил в этой нищей, задрипанной деревне? Найдем тебе и хорошую работу, и красивую бабу.

Тогда и Прокоп поддерживал эти предложения своих друзей и внимательно приглядывался к брату, что же он скажет в ответ. Но тот все чаще отмалчивался, а когда уж особенно надоедали, давал свое согласие уехать.

Но поутру, рано проснувшись, когда обычно городские гости еще спали, Васька подзывал к себе Прокопа:

– Слушай, о чем вчера весь вечер болтали, и на что я дал свое согласие, давай забудем все это.

Потом призадумывался и продолжал дальше:

– Никуда я отсюда не уеду. Здесь моя судьба и здесь я буду жить до конца своих дней. А городская жизнь, она хотя и сладкая, но ведь как еще удастся. Заметил вчера, что твои приятели тоже любят прихвастнуть.

Прокоп даже покраснел после этих слов. Значит, не такой уж простофиля его брат, если сумел понять городских. А кто его знает, может, и прав Васька. После этого разговоры о переезде Васьки в город прекратились.

После смерти Васьки Прокоп уже не так часто стал бывать в родной деревне, отцовском доме. Мать тем временем переселилась к дочери. А его самого все больше затягивали городские хлопоты. Хотя иногда так и хотелось плюнуть на все и поехать в деревню. Но все что-то мешало.

А когда все же удавалось навестить родных в деревне, сестра Ирина тут же начинала топить баню. На этот раз Прокоп один начинал париться. Зять его не выдерживал сильного жара. Выходил попозже. А он не спеша раздевался, садился на скамейку и вспоминал своих близких, тех, кого уже не было в живых и с кем удавалось когда-то вместе париться во всех трех банях: и отца, и брата Ваську, и уже неживых дядьев, которые изредка приезжали на большие праздники к родителям Прокопа. А потом неторопливо устанавливал нужный жар и начинал спускать с себя горячим, душистым венником всю городскую грязь.

И снова в эти мгновения в его памяти оживало прошлое и настоящее родной деревни. Сколько на его веку жило здесь людей, надеялось на какую-то лучшую долю, но у большинства так и не оправдались надежды. И сам он уже немолодой. Кто его знает, сколько весен осталось встретить. Хотя и не считает еще себя дряхлым. Но и ему не все удалось в этой жизни...

А потом, отведя свою душу в жаркой бане, не торопясь, одевался. Снова удалось попариться, вдоволь насладиться баннным духом. Завтра надо в город. Кто знает, когда в следующий раз удастся побывать в этой третьей бане. Да, кто его знает...

А как хочется почаще навещать свою родную деревушку. Но не так часто это удастся. И сейчас во время редких приездов в деревню Прокоп с какой-то печальной тоской возвращается в город. Кажется тогда ему, что он уезжая из родной деревни, теряет что-то очень большое, бесценное в жизни, и кто его знает, найдется ли оно сызнова и облегчит ли новый приезд в деревню его мятущуюся душу.

Перевел с коми Андрей КАНЕВ

Людмила ХАНАЕВА

ТАЛОНЫ НА ЛЮБОВЬ (рассказ)

Тамара Ивановна Нечаева возвращалась с родительского собрания. Мысли ее перепрыгивали с одного на другое, но все время возвращались к талонам. Как только они появились в их городе, на нее повеяло холодом карточной системы тяжелого военного времени. Правда, в магазине еще можно было кое-что купить, поэтому нововведение, как ей показалось, не особо насторожило горожан. Хотя раньше она и ее знакомые покупали только то, что нужно было, теперь же приобретали все, что было положено. В начале года их семье вручили вместе с талонами на чай, сахар, моющие средства и винно-водочные изделия таинственные талоны № 1 и № 2. На них не было указано, на какой дефицит получающий имел право. Разные ходили слухи. Некоторым мечталось, что это будет долгожданная

порция мяса, вид и вкус которого многие стали забывать, а вот ее голубоглазому наследнику привиделось в этом что-то необычное. Он усмотрел в них любовь. Используя принцип: все по талонам, ее сын Миша вместе с другом изготовил талоны для своего класса. Они даже внесли разнообразие: кому предназначались талоны на свидание, кому - на поцелуй. На большее - или не посмели посягнуть, или не хватило фантазии. Идея сына вызвала оживление в детском коллективе. Учителя, заметив странное волнение среди воспитанников, стали наблюдать, во что выльется необычный ажиотаж. Он кончился тем, что в один из февральских дней в классе оказались девочка с мальчиком. Остальная часть 5 “в” подпирала дверь, смачно улюлюкала и подсматривала в замочную скважину. За ней находились счастливые обладатели талона “на свидание”. Девочка плакала, а мальчик метался около плотно закрытой двери, пытаясь ее открыть. Такое необычное вознаграждение получи автор за свою идею.

“Ах, вот почему Миша так тревожно смотрел на меня, а в последние два дня особенно тщательно готовил к собранию” - ставила все на свои места Тамара Ивановна уже после собрания.

-Мам, может, ты не пойдешь? Я скажу Ольге Николаевне, что у тебя много работы.

- Ты в чем-то виноват? - Но сын не использовал этот шанс, а продолжал убеждать.

- В школу ты сходишь, только в другой раз, ну, в другое время. Так родители делают.

И только на собрании Тамара Ивановна поняла, что же так мучило Мишу.

- Все, что происходит вокруг, дети пропускают через себя. Свообразно восприняли они и талонную систему. Их фантазии, конечно, нет границ, - рассказывала классная руководительница о бурной жизни своих подопечных, комментируя необычный эпизод. - Не напоминайте детям о случившемся. Мы разобрали этот случай в узком кругу. Чувственного интереса в их возрасте еще нет. Работающие с вашими детьми учителя решили, что этого разбора достаточно, не стоит больше заострять их внимание на этой теме, - попросила Ольга Николаевна.

К вечеру подмораживало. Дорогу освещали уличные фонари, Высокие дома смотрели на сероглазую женщину разноцветными окнами. Ей казалось, что за каждым из них уютно и тепло, за каждым окном только послушные дети и довольные своими детьми родители. Окна их квартиры излучали такое же умиротворенное спокойствие.

“Отчего же мне так сложно?” - размышляла она. - “Нет, не только мне. Вот и Димина мама возмущалась на собрании, что нашла у сына порнографические снимки, и, якобы их ему дал его одноклассник”. Резкий порыв ветра прервал ее размышления.

”Холодно”, - подумала Тамара Ивановна и опять вернулась к сыну.

- Мам, откуда я появился? – было ему лет пять, когда он задал ей этот вопрос.

- Ты помнишь Мурку у бабушки?

- Которая потерялась?

- Да, бабушкина любимица. Наш пушистый Ласка - ее сын. Он появился в животе Мурки. Это еще не был котенок, а крошечный комочек. Оберегала его Мурка, осторожно ступала, чтобы хорошо было ее малышу. Котенок рос, у него

появились лапки, хвостик, ушки. Когда тело его покрылось теплой шерсткой и он научился сосать молочко, Мурка родила Ласку. - Тамара Ивановна знала, что в этом возрасте ребенку трудно постичь всю сложность деторождения, достаточно сообщить некоторые доступные для него детали.

- Помнишь, как Мурка лизала его язычком? Каждая мама заботится о своем малыше.

- И я был в животе?

- Конечно. Ты был такой же, как Ласка, маленький и беспомощный.

Через некоторое время Миша снова вернулся к их разговору. Переосмыслив ее рассказ, он теперь уже хотел знать, были ли у него там игрушки, и показал взглядом, где именно. Ей пришлось огорчить Мишу: игрушек там не было.

“ Как это наивно по сравнению с последней его фантазией, - не унималась Тамара Ивановна и опять что-то извлекала из прошлого. - А может, своеобразные талоны наметились, когда, как вызов, было брошено?”

- Ты тоже говоришь нехорошие слова! - дерзость вырвалась невзначай, и его чистые небесные глаза тут же отразили испуг.

- Что я такое могла сказать, Миша?

Он некоторое время колебался, повторить или нет (слово, по его мнению, было очень нехорошим), потом доверил, как большую тайну.

- Проститутка!

В голове у нее пронеслось: “Надо же, услышал, как я рассказывала анекдот”.

- И ей пришлось срочно спасать себя.

- Это же цензурное слово. Давай проверим?

Под руки попался “Словарь русского языка”, они склонились над ним и прочитали вслух: “Проститутка - женщина, занимающаяся проституцией. Проституция - продажа женщинами своего тела с целью добыть средства к существованию”.

- Убедился, значить его можно употреблять! - но следующий вопрос десятилетнего сына застал Тамару Ивановну врасплох.

- А что это значит, знаешь? - и в голосе Миши она уловила беспокойство. Он, скорее всего, придерживался мнения, что ее познания поверхностны, что она имеет недостаточное представление о таком недостойном образе жизни.

- А ты?

- Знаю! уверенно кивнул сын.

“ Уже знает, - отметила Тамара Ивановна для себя и попросила. - Мне трудно в двух словах объяснить, что такое проституция, давай вечером поговорим?”

Миша согласно кивнул. Она ушла в школу и уже там все свободное время посвятила анализу сложной проблемы человеческого бытия. Но, просматривая литературу о половом воспитании, готового рецепта не нашла, возвращаясь домой, чувствовала себя неуверенно. Сына увидела издалека. Он катался с ребятами на горке.

- Миша, - позвала Тамара Ивановна, - пойдем домой?

- Я только вышел, можно еще погуляю. Уроки сделаны.

- Мы же хотели с тобой поговорить, забыл?

- Ну, мам... - протянул сын недовольно. И она поняла, что ему все равно, почему в их обществе существует проституция. Так они и не вернулись к этому разговору, просто не пришлось к слову.

Мише в этот вечер тоже было беспокойно. Как только мать ушла на собрание, он лег на диван, скрестив на затылке руки, и попытался представить все возможные последствия. Нет, мама у него, конечно, хорошая, но смотрит она на него как - будто через какое-то увеличительное стекло, и поэтому многие его поступки в ее глазах принимают невероятную величину. Он уже слышал, как она обо всем подробно расскажет отцу, когда тот придет с вечерней смены. И в самом конце добавит:

- Надо же сообразить: “талоны на любовь!” Про Лену не подумал. В какое неловкое положение девочку поставил? Ты обязательно с ним поговори, Юра!

- Папа ее выслушает и, ничего не пообещав, возьмется за газету. Это всегда маму обижает, обидит и на сей раз. И тогда мама начнет папу обвинять в том, что он безразличен к родному сыну. А на это отец ответит:

- Ну чего ты его до сих пор пеленаешь? Он уже большой парень. Придет время, и сам во всем разберется. Меня никто не учил, сам до всего дошел.

После этих слов мама обидится еще больше и в знак протеста уйдет спать в его (Мишину) комнату. А утром отец улыбнется и скажет:

- Ну ты и оригинал! - Потом, смерив его с ног до головы, добавит, - ты, вообще-то, переборщил с талонами.

И они сразу поймут друг друга. Нет, это можно пережить. И то, что Ленка расплакалась, когда их закрыли в классе - пустяки. “Вот только не дают ему покоя слова Оксаны: “Ну и дурак же ты, Нечаев!” А он совсем не хотел быть таким в ее глазах. Это пережить непросто.

Тамара Ивановна открыла дверь своим ключом, встретила настороженные глаза сына. Разделась, прошла в комнату.

- Уроки сделаны?

- Да.

Она села на диван и устало посмотрела на Мишу. Господи, он ведь уже с меня ростом! А может Юра прав, надо какими-то другими мерками оценивать его поступки? Сын молчал в ожидании приговора.

- Ольга Николаевна интересовалась, будет ли газета к 8 Марта?

- Ленка организует, - быстро ответил Миша.

Праздники в их доме начинались задолго до календарной даты. Приходила чуть ли не треть класса с ватманом, красками. Предлагали, что рисовать, спорили. Затем Тамара Ивановна делала на белом листе контуры нужного рисунка. Ватман опускали на пол. Дети склонялись над ним с кисточками и раскрашивали каждый свой уголок, а она накрывала на стол. За чаем девочки наперебой жаловались ей, что противные мальчишки (и Миша в том числе) дерутся, дергают их за волосы. Особенно старалась бойкая, худенькая девочка с живыми темно-синими глазами (Елена Прекрасная - так она про себя называла Леночку). Тамара Ивановна слушала, неуверенно обещала повлиять на сына, хотя знала, что ничего изменить нельзя. Мальчишки дергали девочек за косы и будут дергать, потому что не умеют еще по-другому выразить свою симпатию к прекрасному полу.

- Мам, а где наши открытки?

- Хочешь чего-то подобрать для газеты? У меня все в школе. Принести завтра?

- Нет, Ленка сама найдет. Я хочу посмотреть открытки.

Она порылась в столе и подала ему то, о чем он просил. Миша придиричиво перебрал стопку, отложил одну из них и долго сидел за своим столом. Через

некоторое время эта открытка попала ей на глаза. Адресована она была Оксане, которая жила в соседнем подъезде, но никогда не приходила к ним с детьми, не жаловалась Тамаре Ивановне на Мину, скорее всего из-за полного равнодушия к нему. Буквы были красиво выведены, чувствовалось, что он всего себя вложил в это незамысловатое по содержанию поздравление: “Оксана, - обращался сын. - Поздравляю тебя с Международным женским днем 8 Марта, желаю тебе хорошо учиться. М.Н.”

За день до праздника Миша встал в шесть часов утра и (ах, как бы кто не увидел) побежал с открыткой к почтовому ящику, который висел на торце соседнего дома. Провожая его глазами, Тамара Ивановна подумала: “А, может, и не все так плохо!”

Владимир ШУЛЬГИН

«ОДНАКО ОБМАНУЛ.....»
(рассказ)

Что меня больше всего не нравится и даже возмущает в характере нашего русского человека - это его отношение к фотосъемке. Я считаю это первым признаком бескультурья моего соотечественника. Во многих странах мне пришлось побывать. Кого я только там не фотографировал, и ни разу никто не только не отказался, но даже не выразил ни малейшего недовольствия.

Как-то в Индии в Дели увидел сикха. Причем настоящего. Идет по улице не торопясь, и с таким достоинством, как будто он, по меньшей мере, махараджа. На правом боку придерживает огромный меч, на другом угрожающе, покачивается в такт шага приличный кинжал. С первого же взгляда видно – воин. И действительно это самые отважные воины этой страны. Сикх никогда не сдается в плен и в сражениях буквально ищет смерти, так как считает, что, только погибнув в бою, попадает в рай. Однажды их небольшую крепость осадили враги. Соотношение сил явно было не равным – сикхов две сотни, осаждающих около 20 тысяч. Сикхи все до единого погибли. Вместе с ними сражались и их жены. А оставшиеся в живых, вместе с детьми, закрывшись в храме, подожгли его. Враг вошел в мертвую крепость. Зная это, не один раз подумаешь, прежде чем обратиться к такому человеку с такой тривиальной просьбой, как сфотографировать его. Стою и не знаю, на что решиться. Но знаю, если упущу такой момент, всю жизнь буду жалеть. И решил действовать. Авось не снесет голову при всем честном индийском народе. Кто-нибудь вмешается, и выступит в мою защиту. Но все-таки в душе перекрестился, а потом шепотом попросил на всякий случай защиты и у индуистского бога Шивы, и немного подумав у Кришны. Обуздайте и вразумите, мол, если что своего прихожанина. Но и еще я знал, они хорошо относятся к русским. Вы не поняли, не боги Шива и Кришна, а сикхи. Вроде даже один из их вождей одно время скрывался в России. А как их боги относятся к нам, не знаю, но не думаю, что уж слишком хорошо. Почему – вскоре узнаете. Когда все это промелькнуло у меня в голове, бросился догонять, будущего героя моей фотографии. Подошел, коснулся плеча. Он остановился, обернулся, а рука уже лежит на эфесе меча. Стало не по себе. Собрал остатки своего мужества и говорю:

– Mr. is possible I you shall photograph?

Конечно, я мог бы это сказать и на моем родном языке. Но вдруг он его не знает. Не мы, а англичане здесь командовали много лет. Сикх внимательно меня выслушал. Спустя несколько секунд, которые, наверное, потребовались ему на осмысления моей фразы, кивнул головой, приосанился. Поправил усы, передвинул на поясе меч, чтобы он был хорошо виден, поправил кинжал. И я его начал фотографировать, заходя с разных сторон. Хотел попросить улыбнуться, но не осмелился. Это было бы уж слишком, да и меч выглядел угрожающе. Поблагодарил и решил представиться. Прежде всего, с гордостью заявил, что я русский, а потом уже добавил, с трудом подбирая английские слова, что на моей родине очень уважают народ Индии, но больше всего храбрых сикхов. Потому, как он снял с эфеса меч правую руку, и протянул ее мне, стало ясно: меня он понял. Тепло пожали друг другу руки. Очень хотелось еще с ним поговорить и может даже вместе сфотографироваться, и тут увидел, по направлению к нам бегут наши туристы

Подошли. И я даже не успел ничего им сказать, насчет совместного фотографирования, как они, перебивая друг друга.

-Спроси, где он работает?

Это всегда первый вопрос, который задают наши туристы. Второй - сколько он получает? В магазине: сколько это стоит?

Хотел их уже отправить... Ну, сами знаете, куда и с помощью, каких слов, но вовремя прикусил язык, побоявшись, что сикх по моей интонации догадается, куда я их посылаю. А может даже ему эти слова и знакомы, как и большинству народов мира, имеющих честь хоть раз столкнуться с нашим советским человеком – в ипостаси туриста. А перенимается все наше советское мгновенно. Для примера: один рикша, увидев у меня в руке наш обыкновенный одеколон, начал просить продать его ему. Удивленно спрашиваю:

– Для чего он тебе?

С индусом тут же произошла удивительная метаморфоза. Запрокинул голову, глаза закатил и щелкнул пальцами по кадыку. У меня, при виде такого родного жеста, чуть слезы не брызнули из глаз. Увидеть т-а-к-о-е! И где – в Индии! От избытка нахлынувших чувств я отдал одеколон, этому славному человеку, бесплатно, от всей души посоветовав ему «потреблять» его на здоровье. Теперь поняли, почему их боги вряд ли любят нас русских.

Поэтому сказал сикху, что мои товарищи столь бурно выражают радость от встречи с ним. Еще раз, пожав руки, мы разошлись, не только к неудовольствию наших туристов, но даже вызвав их негодование.

Но вернемся на родину. И чтобы не утомлять читателя сразу начну с нового примера. В одной из Сыктывкарских школ (уже не помню какой) очень хорошо работал ботанический кружок. Меня попросили в нашей газете «Красное знамя» сделать о его работе и руководителе фоторепортаж.

Прихожу. Учительница не молодая и не очень фотогеничная. Ну, думаю: здесь придется повозиться. Рассказал ей о цели моего появления в этом замечательном, напоминающем оранжерею, классе. Выразив неподдельный восторг от множества красивых и редких цветов, да еще и такого приятного ароматического воздуха, я предложил ей выбрать самой место для съемки. И она тут же, несмотря на мой явный подхалимашь, довольно грубовато и нервно:

– Мой принцип, не фотографироваться.

Весь восторг у меня тут же испарился, а так как природа не терпит пустоты, образовавшийся вакуум, тут же заполнился чем-то черным, не очень культурным. Это черное незамедлительно превратилось в речь и со злостью вылетело из меня:

– А вы что кинозвезда? И за вами постоянно бегают фотографы?

Сказал и молча уставился на нее, надеясь услышать ответ. Но хоть уста ее широко открылись, за счет упавшей на грудь нижней челюсти, ни одного слова из них не вылетело. Повернулся и ушел.

На следующий день в газету на меня поступила жалоба о том, как я нагрубил уважаемому педагогу. После моего посещения у нее случился нервный срыв. И теперь от одного вида фотоаппарата ее бросает в дрожь.

Хоть я являлся и внештатным корреспондентом, как теперь говорят независимым, но все равно был приглашен к главному редактору на ковер.

Объяснил ему, как было дело. Признав, что действительно сказал немного грубовато. Но он сам знает, какая нервная работа у журналистов и нервы у них иногда сдают. В ответ услышал:

– Правильно сделал!

Но самое интересное, что точно такой же случай произошел в одном глухом Коми селе. Приехали мы туда вместе с моим другом, отличным журналистом Сережей Севруком. Нас объединяло то, что я быстро снимал, а он быстро брал интервью. Поэтому из всех командировок привозили кучу материалов. Он мог о любом небольшом событии, сделать большой интересный материал. Мне же оставалось только украсить его фотографиями.

Куда нас только не заносило. Как-то в начале зимы из Тимшера, не дождавшись из-за непогоды самолета, мы с ним рванули до Корткеросса попутном наземным транспортом, предварительно переправившись на какой-то углой лодчонке через реку, по которой плыли льдины вперемешку с шугой. Я больше всего опасался, если опрокинется наш «дредноут», утопить всю фотоаппаратуру. Ну, чего боялся Сергей, вцепившись руками намертво в борта лодки, не спросил. Переправились благополучно. Правда, кормщик, выйдя на берег, перекрестился, и сказал, что нам повезло. А мы, пересев в кузов открытой грузовой автомашины, при морозе в минус 10 градусов, почти сто километров до Корткеросса. Но самое обидное было, когда мы, трясясь и замерзая, увидели, как над нами пролетел самолет из Тимшера, который мы так и не дождались. А в нем, как мы знали, летел здоровеннейший глухарь, который мне в знак дружбы и в благодарность за отличную фотосъемку, презентовал секретарь партийной организации леспромхоза. Увы, его скушали другие. Правильно говорит пословица: «Тише едешь – дальше будешь».

Доехали вполне благополучно и даже не простудились. Молодые были. Только вот глухаря мы оба до сих пор забыть не можем.

Снова меня немного унесло от отдаленного Коми селения. В него нас занесло волею редактора, приказавшего написать и сфотографировать то ли чем-то прославившуюся доярку, то ли снова учительницу. Сейчас уже не помню. И вот когда мы, воодушевленные заданием редактора, во все оружие заявили к нашей будущей героине репортажа, и вдохновенно изложили цель нашего появления, услышали уже знакомую мне фразу: «Мой принцип не фотографироваться». Для меня она уже давно стала привычной и я, в некоторой степени, привык к ней относиться без нервных срывов. А вот для Сергея она явилась неожиданной и

новым откровением. Всегда тактичный и сдержанный, он удивленно и с убийственной иронией в голосе:

– А вы хоть раз видели человека с фотоаппаратом?

Не дождавшись ответа, мы удалились. После этого случая прошел уже не один десяток лет, а Сергей, при встречах, все еще вспоминает его и продолжает возмущаться, как это у женщины, вряд ли хоть раз в жизни воочию видевшей фоторепортера, не фотографироваться возведено в «принцип».

Вот поэтому мне всегда было приятно с Сергеем ездить в командировки. Как ему не спрашивал.

Однажды приехали с ним к оленеводам. Он берет интервью, я снимаю. И вдруг из леса на лыжах выходит охотник. Здоровеннейший, с ног до головы в мехах, на плече мелкашка, рядом две симпатичнейших лайки. Ну прямо герой, только что сошедший со страниц романов Купера. Разве мы могли упустить такой момент. Я, оставив на время в покое оленеводов, они никуда не денутся, рванул к нему навстречу. Сергей за мной. Бесцеремонно начинаю готовиться к съемке. Кручу диафрагму фотоаппарата, устанавливаю выдержку, одновременно присматриваю лучшую точку для эффектного снимка.

Сергей елейным голосом пытается с ним заговорить. А он обвел нас не очень доброжелательным взглядом и буркнул:

- Фотографироваться не буду.

Мы немного вошли в ступор. Думаю, что же делать? Уговаривать или как теперь говорят «давить» не хочется. Уж не говоря о том, чтобы грубить. Ведь это не «культурная» учительница, а простой охотник, человек тайги. Начинаем осторожно уговаривать, пытаюсь найти слабую точку. На помощь к нам пришли оленеводы. Видимо ему надоели наши уговоры и он вроде нашел выход, как от нас культурно, никого не обижая, избавиться. Вынимает из кармана коробок спичек и говорит, обращаясь ко мне:

- Попадешь – фотографируй.

Я ни секунды не раздумывая:

- Иди, ставь!

Беру у него мелкашку.

Пока он идет к сосне, я вспоминаю всех святых и прошу их в этот трудный для меня момент, вспомнить обо мне и помочь. Ведь стреляю же я не в живое существо, а всего на всего в спичечный коробок, да еще, наверное, полупустой.

Сергей тихонько, с большим сомнением в голосе:

– Попадешь?

Я, стараясь не выдать смятения, которое начало вползать в мою душу, буркнул:

– Не мешай. Я сосредотачиваюсь.

Тем временем охотник подошел к сосне метров за тридцать от нас, и поставил коробок на сучок. Далековато, конечно, но не позориться же просить, чтобы сократил расстояние. Думаю, конечно, стрелять лежа, шансов было бы больше не промазать, а вот стоя...? Но, ложась в снег, я покажу свою слабость. Лучше уж промажу. Не так будет позорно, все-таки стрелял стоя.

Начинаю целиться. Мушку подвожу в сучок, под коробок, на котором он стоит, зная, что пуля всегда стремится преодолеть земное притяжение и забраться повыше. Коробок в прицеле, затаил дыхание. И кругом все замерли, даже, по-

моему, окружающая нас парма застыла. Палец плавно нажимает на спусковую скобу. Выстрел!

Не только к моему удивлению, скорее изумлению, но и всех присутствующих, коробок ласточкой взлетел с сучка. Обычно, при попадании в него пули, он летит по горизонтали и, вертясь, падает на землю. А тут, так плавно полетел, ну будто птичка вспорхнула с сучка.

Под одобрительными взглядами всех зрителей, небрежно подаю охотнику винтовку и начинаю уже нагло командовать, как он должен стоять. Бедняга опять что-то хотел возразит, но тут все набросились на него и даже не дали слово молвить. Ведь существует неписаное правило, соблюдаемое всеми порядочными людьми, которое гласит: «Договор дороже денег». И тяжело вздохнув, охотник начал выполнять мои требования.

Отснял несколько кадров. Забегу вперед скажу: получились отличные. Когда всё закончили, и собрались идти есть замороженную оленину, вспомнили о коробке. Охотник поднял его, долго, долго вертел в руках, осматривая со всех сторон и так печально:

– Однако, обманул меня корреспондент.

На коробке не оказалось отметины от пули. Моя пуля оказалась на удивление послушной. Она точно угодила, куда я и целился – в сучок. Вот поэтому коробок, к нашему удивлению, и взлетел ласточкой. От пули он бы летел по-другому.

Но все снова встали на мою сторону. Главное, коробок слетел.

Ну а после того, как мы выпили по стаканчику и закусили прекрасной замороженной олениной, стали с охотником лучшими друзьями. Я даже обещал прислать ему лучшую фотографию. Что и сделал, вернувшись в Сыктывкар.

А вот оленина, как выяснилось, когда мы ее уже съели, оказывается, предназначалась собакам. Как сказали оленеводы: нужно было заранее их предупредить о нашем приезде, тогда бы они ее заморозили специально для нас.

Я поинтересовался, собаки-то не обидятся на нас? Оказывается, нет. Они уже привыкли. Мы не первые незваные гости здесь.

Уезжали мы от гостеприимных оленеводов в небольшом подпитии, и в прекрасном расположении духа.

Вот поэтому мы и любили подобные поездки. Золотое время было.

Не даром при наших с Сережей встречах, мы всегда что-нибудь да вспомним из прошлого. Иногда посмеемся, но чаще грустим.

Любовь МАРИНИЧЕВА

ЭТЮД (рассказ)

Зимние дороги отличаются от летних. И совершенно не важно, каким образом ты путешествуешь - пешком или на лыжах. Зимние странствия занимательны, и именно там приходят на ум удивительные фантазии. Любой заснеженный бугорок на окраине дороги любопытен и кажется, скрывает в себе свою особенную историю. Да и сколько таких историй вдоль дорог.

Красота и свобода! Ты можешь идти, куда глядят глаза, в любую сторону - везде простирается безбрежная снежная пустынь. Белым-бело. Замерзшие вековые

ели, покрытые инеем, замерли, склонив перед тобой свои мудрые снежные головы.

Легкий морозец бодрит и подгоняет. Свежевыпавший снег хрустко укладывается под ногами в плотно умятую тропу. По обе стороны тропинки, на поверхности пышных сугробов – тонкие сеточки-узоры кем-то оставленных следов. Витиеватые птички перемешиваются с неглубокими следами, каких то маленьких животных. Кто здесь бегал, и не скажу даже, потому, как неважный из меня следопыт. Неизвестно откуда взявшийся ветерок, легкой поземкой перемешивает снежный покров и теперь уже и вовсе не разобрать, а были ли вообще те следы.

Воздух прозрачен и чист, и звенит будто. Вдохнув студеного воздуха полной грудью, охватывает желанье превратиться в большую белую птицу и на крепких крыльях подняться над землей. Облететь, оглядеть всю округу, наслаждаясь бескрайним простором...

Уставшее вечернее небо хмуро висит совсем низко над землей и кажется, что если зажмуриться, вытянуть руки вверх и встать на цыпочки, то можно кончиками пальцев дотронуться до него. Оно шершавое и влажное на ощупь. Я знаю.

И лишь на рассвете, когда восток окрасится алыми проблесками зари, все вокруг оживет и засветится, переливаясь и играя, в лучах новорожденного светила.

Воля вольная, напитанная энергией космоса!

Несколько дней, и утраченные в городе силы полностью восстановлены.

Здесь истоки силы животворящей – здесь мой дом, моя родина. На этой земле те «стены», которые помогают...

МУЗЫКА (рассказ)

Маленькая Женщина прижалась к его плечу. Ей казалось - она никогда до сего дня не испытывала этих чувств. Прикосновение цепких нервных пальцев зарождали в ее трепетном теле божественную мелодию. И, прижимаясь к нему еще ближе, она тихо шептала:

«Я знаю тебя. Помнишь? Мы встречались с тобой давно-давно. Когда-то ты был совсем молод. Был неопытен и несмел. Тогда ты не познал еще себя и не улавливал звучания своей души. Но руки. Твои чуткие, тонкие пальцы уже тогда передавали мне тепло твоего талантливого сердца. Мне кажется, я шла к тебе всю жизнь. Теперь ты совсем иной - виски посеребрило время, а руки умны и пронизательны. Твоя душа безмерна и безгранична. Мне тепло с тобой. И я рада, что вернулась к тебе».- Маленькая Женщина замолчала и опустила глаза.

«Как же, разве я мог тебя забыть? Вижу, что к тебе время было более, чем благосклонно»,- стариковски ворчливо воскликнул Мужчина.

Он держал ее маленькое хрупкое тело в руках, испытывая при этом неодолимое волнение. Как же долго он шел к этой встрече - встретившись однажды, забыть ее уже было невозможно. В ту первую встречу, она ранила его сердце - он был влюблен. Он был обречен на эту любовь.

Бес сомнения, она совсем не изменилась. Она была плодом любви и

страсти старинного мастера - и она была Совершенством. Таких, время обходит стороной, даруя при этом вечную юность. И быть может, она была все-таки права. Он вздохнул и прильнул к ее прохладной щеке. Ему почудилось, что Маленькая Женщина протянув к нему руки, обнимает его шею, и вновь услышал ее тихий шепот:

«Я рада, что вернулась к тебе, - повторила она.- За время нашей разлуки, я оживала во многих сердцах и душах. Их было много: солнечных, либо лукавых. Не находя приюта, мне казалось, что везде я словно напостое. Я испытала многое: боль, муки творчества, головокружение триумфа и успеха. Но всегда теплилась надежда, что когда-то я обязательно вернусь к тебе. И только по твоим рукам я тосковала и плакала по настоящему.

Я не помню твоего имени. Но это и не важно. Ты так изменился, что имя твое не могло бы остаться прежним. Невзгоды выхолостили, выбелили твои виски. Твои седины сделали тебя похожим на сурового Викинга. Но мы теперь вместе, и нашей музыкой, мы победим Время. Виктория! Забавная игра слов Вик – тория, Вик - инг. Ты не щадил себя, усердно познавая житейские истины. И судьба вознаградила нас за все полученные уроки – и подарила эту встречу».

Он снисходительно слушал ее щебетанье - так, как слушают только любимых детей и желанных женщин. Для него, Она была и тем и другим.

«Знаешь, продолжала она, - музыка, не появляется ниоткуда. Как дитя, ее рожают двое – Музыкант и его Муза-Скрипка. Ты и Я. В одиночестве, в душевной темноте своего футляра, я часто представляла, что опять рядом с тобой. И как же мне хотелось движением звука ощутить высоту полета и глубину падения - любви искала я, но... но без твоих рук, без твоей души я была словно безмолвна и бессловесна. Я люблю тебя. ... А ты?...»

«Что я могу ответить тебе, ведь ты и так все знаешь,- тихо прошептал Мужчина,- но ответ же -почему, почему тебя так долго не было .. я ждал тебя ...и я уже не молод...Замирая, я вслушивался в беззвучие падающего снега. Искал и не находил твоего голоса в ритмичной дроби дождя за окном. Я вслушивался в молчание тишины - какая же она разная! Знаешь, иногда в отчаянье, мне казалось, что я научился слышать движение Времени. С болью в душе, я видел, как день за днем, год за годом, тихо, с едва уловимым шорохом оно невозмутимо протекает мимо. Звук его движения похож на шорох перетекающих песчинок в песочных часах, где каждая знает свое место и время действия, знает свою партию и вступает всегда точно без опоздания.

Дух захватывает, осознавая, что каждая песчинка тащит на себе, как трудяга-муравей по мельчайшим частичкам огромный непомерный груз-Вечность...»

Он замолчал. И в полной тишине казалось слышным биение его сердца.

Они прижались друг к другу, слившись воедино. Казалось невозможным – прожить всю жизнь порознь, друг без друга. И наивысшей радостью было их чудесное теперешнее соединение.

Теплая волна окатила их с головой, укрывая и оберегая от всего, что было сейчас трудным и ненужным.

И тихая мелодия, сначала робко и несмело, затем, усиливая и истончая звуки, полилась, взвиваясь и устремляясь ввысь. Скрипка смеялась и плакала, грустила и нежилась в руках музыканта. Их совместное творенье, музыка-дитя, их

теперешнее упоение, не вызывали жалости к ним, одиноким и уставшим. Музыка-объятия, музыка-счастье, только их счастье...

То был полет, молодость и чистота. Весь мир существовал отныне только для них. И в этом мире Время остановилось и замерло ...

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА (рассказ)

Танька оценивающе взглянула на себя в зеркало.

«Полный порядок», - с удовольствием подумала она. Затем, отрегулировав прохладную воду в душе и подставившись струе брызг, блаженно ощутила прилив энергии во всем теле.

Сегодня исполнялось ее последнее детское желанье – сегодня Танька Иванова выходила замуж за любимого со школьных лет мальчика, Игоря Муслимова.

Конечно, они уже давно выросли и стали взрослыми людьми. Но, черт возьми, как здорово она все тогда загадала! Она мечтала выйти за Игоря замуж и родить ему сына.

Правда, ее мечты исполнялись в обратной последовательности, но от этого не становились менее желанными.

Сын родился практически через год после окончания учебы в школе. И только ее своенравный независимый характер стал причиной того, что Игорь то узнал о его рождении лишь через несколько лет. И то случайно, когда столкнулся на улице с ухоженной, заметно округлившейся Танькой, рядом с которой, держась за руку, семенил и пыхтел карапуз, лицом, удивительно напоминавшим его, Игоря, детскую фотографию. Вот тогда то все и выяснилось. Выяснилось так же, что и любовь у них была и не прошла вовсе ...

Зажмурившись от потока воды, Танька привычным жестом потянулась к полочке за шампунем. Мокрые руки нащупали маленький флакончик.

«Зеленка»- мелькнула паническая мысль в Танькиной голове, напомнив, о вчерашних детских царапинах. Оставила зеленку на полке, да так и забыла убрать в аптечку.

Флакончик выскользнул и устремился вниз, окрашивая по пути своим содержимым вытянутые Танькины руки.

«Игорь!»- с мольбой в голосе вскрикнула несчастная Танька.- Игорь, помоги!»

«Ну, и что у тебя случилось - сказал вошедший Игорь.

«Ведь это ни за что теперь не отмоется,- с отчаяньем во взгляде и в голосе, тихо взмолилась Танька, протягивая вперед густо испачканные зеленой ладони - Как на регистрацию с такими то руками?»

Игорь обернул ее в полотенце и на руках, как ребенка вынес расстроенную Таньку из ванны.

Он прижимал ее к себе и, успокаивая, тихо шептал на ухо:

«Ничего, что-нибудь придумаем»,

И затем уже с усмешкой проговорил:

«Знаешь, а ведь я всегда подозревал, что обязательно встречу и женюсь на царевне-лягушке».

«Да, да – ответила Танька, обнимая Игоря и уже совсем придя в себя после случившегося – я думала, что это моя мечта сегодня исполняется, а оказывается твоя. Но, знаешь, от этого я ничуть не менее счастлива».

Иван УЛЯШЕВ

ОХОТА (рассказ)

Звонок разбил сон на тысячу кусочков, загнав в тёмные закоулки подсознания. Шлёпнул по кнопке будильника, встал, включил свет, оделся, всё делал автоматически, по привычке. Вышел в прохладу утра и, поёжившись, поплёлся к озеру. В это озеро было вложено столько труда, что получаемая отдача никак не перекрывала затрат, но не это главное: уже пять дней не было нормального перелёта, но сегодняшнее утро давало кое-какую надежду. Подходя к озеру, выругался, когда чибис вылетел из-под ног и умчался в темноту, оглашая утро криком.

Остановился рядом с озером, прислушался. Что-то плеснуло по воде и ближе к кустам послышалось кряканье. Удовлетворительно хмыкнув, двинулся вокруг озера. Перешёл мелководье и зашагал по ложбине, по пути переломил ружьё, загнал в ствол патроны, замедлил шаги, достал бинокль и начал осматривать воду, кусты, траву. В предрассветной мгле заметил небольшие волны. Ветра не было, и чучела застыли в тридцати метрах от шалаша, и только пару тёмных пятен шевелилось невдалеке. Снял с плеча ружьё и прицелился в ближайшую движущуюся тень. Начал выжидать, сопровождая стволами движения птицы. Вот, наконец, тёмные комочки начали приближаться друг к другу, совпали. Одновременно курки стукнули по капсулям, разорвав тишину грохотом выстрелов. Поднял бинокль к глазам: на воде виднелось светлое пятно и ещё одно, потемнее, ходило кругами, шлёпая по воде крылом. Эти «аплодисменты» всегда приятны охотнику, а в это утро радость наполнила душу особой теплотой.

Утро было тёплым и чучела не надо было купать, поэтому сразу направился к шалашу, кряхтя, влез, устроился.

Солнце ещё не поднялось над лесом, но небо светлело с каждой минутой, наливаясь светом. Вдалеке послышался шум крыльев. Всё ближе и ближе. Пролетели четыре утки над головой. Эти не сядут и вряд ли вернуться. Чучела обрели реальные контуры. Подул лёгкий ветерок. Где-то вдалеке хлопнули выстрелы.

Опять свист крыльев. Партия в шесть штук с разворота шлёпается в воду. Поднимаю, боясь вздохнуть сильнее, ружьё, стук сердца, как колокол отдаётся в голове. Осторожно просовываю между ветками ствол: он прыгает как сумасшедший. Беру себя в руки. Утки уже три раза расходились и сходились, а я всё медлю. Два толчка в плечо. Одна – сразу, две встали на крыло и улетели, ещё две сдвинулись метров на пять влево, одна нырнула. Неудачные выстрелы. Сменил патроны, навёл на пару – далековато (метров пятьдесят), и кажется не подранки. Уйдут. Спустил курок. Так и есть, дробь только шаркнула по воде, но вместо того, чтобы улететь, подлетели к чучелам и сели. Отряхиваются – всё-таки задело. Взял их на мушку и выстрелил из другого ствола. После того, как вода осела, увидел, что одна из уток ещё дёргает шеей, машет головой, кружится на месте, вторая

лежит кверху лапками. Отбрасываю ненужные гильзы. Надо найти последнюю утку. Бинокль к глазам и обвожу взглядом озеро. Почти рассвело. А вот она у кустов, пусть поплавает, крыло-то у неё, видно сломано.

Первый луч солнца ударил в глаза.

Опять послышался шелест ветра между перьев. Высоко летят. По реке хлопки выстрелов всё чаще: на излучине сразу два дуплета, вверх по течению подряд семь раз, лесное озеро минут пять не умолкало, наверное, намолотили немало.

Вдруг, откуда ни возьмись, пять штук шилохвостов. Эти не сядут, и не жди. Сделав вираж и пройдя два раза над чучелами, чиркнув по воде хвостами, зашли в третий. Повёл стволами, выстрелил, ещё. Две утки по инерции, как тряпки, шмякнулись об воду, третья села в конце озера. Бинокль. Неужели сразу, даже добивать не придётся. Гордость наполнила душу теплотой – будет, чем похвастать. Наступил маленький перерыв, то есть утки-то были, но шли по реке и весьма высоко. Можно выпить чайку. Достал термос, налил, хлебнул и так и застыл. Партия штук в двадцать чернети с шумом реактивного самолёта, без раздумий, да так, что чучела запрыгали на воде. Осторожно опустил стаканчик, взял ружьё за ствол, потянул – зацепилось. Кое-как отцепил, потихоньку поднял к плечу приклад, снял с предохранителя, кажется, сердце разорвётся, два глубоких вдоха, успокоиться, вот так. По этим трём и если успею – по тем двум. Даже не почувствовал отдачи. Сменил патроны. Ещё выстрелы и только сейчас штук пять поднялось, а после ещё две и остальные... Три готовы, две прижав головы к воде стремятся уплыть к противоположному берегу, ещё две прижались к траве. Надо добить. Ещё пара выстрелов, потом ещё и ещё. Всё стихло. Ощупал патронташ. Осталось три патрона. Ну, что ж, неплохое выдалось утро. Подождал ещё полчаса, допил чай и вылез из шалаша. Надо найти подранков, не стоит кормить ворон. Столкнул лодку, поплыл, по ходу собирал в лодку битую птицу, подплыл к кустам. Вот она, выстрел, еле достал, а теперь в конец озера. Лодку надо просмолить, течёт. Уже на берег вылезла. Выстрел. Вытащил лодку на берег, загрузил в мешок добычу и усталый, но довольный двинулся домой.

Солнце ласково согревало просыпающуюся землю. На душе было светло и спокойно. Начинался новый день.

Алиса УРНЫШЕВА

СЕМЬ ЧУДЕС КОМИ (рассказ)

* * *

Шли от деревни по лесу не очень долго, много смеялись. Даже когда бабуся рассказала, что раньше, еще при царе, жившие здесь люди очень боялись ящериц: считалось очень дурной приметой, если ящерка залезла в оставленную одежду или обувь.

Потом мы пришли к речке Дёб, и началась настоящая рыбалка: удочки, донки, котелок на треноге, червяки, мотыль, уха, чай из листьев черной смородины, купание. Красивая темная речка не жадничала: глупая пелядь, шустрая сорога, ласковый хариус, господин окунь, острошершавая щука, ракпань величиной с ладонь (это коми мидия). На обратном пути было всем весело.

И опять вздыхала только бабуся. Оказывается, здесь ее дед построил мельницу, которую отняли. Никому ненужная она развалилась.

Я запомню три месяца счастья в деревне Ракинская Прилузского района, коричневый Дёб, ящерицу в башмаке, грустную историю мельницы, ракушку с дразнящим язычком, и свою первую рыбу с красными глазами и серебристыми боками.

* * *

До Усть-Цильмы долетели вертолетом, потом пешком до деревни Гаревое, потом на моторной лодке через реку Печора и... мы на месте, а точнее на острове.

Целое лето мы живем в металлическом балке, готовим еду на костре, спим под пологом в спальнях мешках и кроме обычной одежды носим накомарники.

Чудно, катаясь на надувной лодке по заливному островному лугу, наблюдать, как под водой живут купальницы и калужницы. Чудно смотреть в строгие мамины глаза, когда она говорит, что нельзя рвать черемицу и есть вороний глаз. Чудно, бывая в гостях у староверов в Гаревое, пить чай из блюдца, пока вода не кончится в пузатом самоваре. Говорят, в этих местах раньше семгу ловили подолом.

Чудно!

Такая громадная рыбина, как подводная лодка! Высокие носки с острым орнаментом, а на них блестящие галоши – очень красиво. И тоже чудно! Но главное чудо – это могучая, то спокойная, то устрашающая нас река Печора, и над ней, над лесом, где-то под облаками, в дымке - очертания гор.

* * *

С приходом осени начинались ягодные сборы. Брусника, черника, голубика, морошка. Но особое почтение было к клюкве. Даже в неурожайные годы мы ходили по болотам в её поисках. Долгие клюквенные походы обрастали историями.

То кто-то чагу на берёзе найдет и, срезая её, расскажет, как отличать от трутовика, и чем напиток из неё полезен. То зубы с деснами полечим – жуем хвойную смолу. То резкий запах багульника напомнит, как ош-табаком лечились древние коми.

Самые дальние, тяжёлые и обильные были походы на Пычимские болота. Хочешь – по Вычегде лодкой, хочешь – на машине, но все равно последние километры придется идти пешком. И вот когда силы будут на исходе, вдруг обнаружатся на зеленом болотном брюхе бордовые пуговицы. А дальше – больше, сплошные россыпи...

Даже сумерки не мешают сбору, ягоды сами находят руки. К исходу второго дня с полными пестерами и корзинами ползем медленной гусеницей из болота. Клюква – царица витаминов. Её не надо варить, с сахаром, она сама себя бережёт.

Ура северянке клюкве!

* * *

Приказчик Клементьев был набожным человеком. Когда он узнал, что на Выми, в Ляльском приходе есть Крестовоздвиженский женский монастырь, то решил отдать туда дочь.

Девушку с детских лет готовили в монахини; кроме обычной деревенской работы и рукоделия обучили грамоте.

Но наступил 1917 год, семью раскулачили, Дусю сослали на поселение в поселок Лузу...

Только старушкой Евдокия исполнила волю отца...

Купола – луковки протыкают тучки, моросит дождь, мы сажаем большие кусты аронии на земле Кылтово. Мне работается легко, и кажется, я знаю, кто мне помогает. Только голова кружится от густого запаха цветущего Иван-чая. Да, похожий на праздничный торт, монастырь внимательно наблюдает.

* * *

Раньше мне казалось, что Юнь-Яга – это летняя Баба-Яга, и что она не летает в ступке, а бродит по лугам и сажает там цветы. Став старше, я поняла, что Юнь-Яга – горняцкий поселок недалеко от города Воркуты. Что в совхозе этого поселка работала моя молодая бабушка. Она была ученая и ставила опыты с луговыми травами.

Когда встреча с Юнь-Ягой состоялась, стало ясно, что встречи этой ждали и я, и она: на лугах приветливо качала зонтиками валерьяна, знакомо пахло багульником, болото, как взбитая деревенская перина. Встал и легко покачнулся, как бы проваливаясь, и в животе холодок.

На Юнь-Яге очень короткое лето и очень мало растений, потому что тут – тундра. Но мне снова хотелось бы побывать здесь. Говорят, на Путаных болотах живут лебеди. И ещё очень хочется покормить оленя с рук – можно ягелем, можно сеном, а может конфетой?

* * *

Когда мама писала диссертацию, пять лет подряд, на все лето мы уезжали с ней в экспедицию. Экспедиция – это как бы поход, но не с классом на речку, а с мамой и её лаборантами в село Межадор.

Мы жили в настоящем коми доме, с двумя половинами, голбцем, полатями, громадной печью-лежанкой, сеновалом. В комнатах были такие широкие доски на полу, что если свернуться клубочком, можно было поперек уместиться на одной половице.

На сеновале были качели из доски на цепях. Было ещё много места для животных, но с нами жил только кот Плешка, который на лето переселялся к нам из соседского дома. На крылечке маленьком, с крутой лестницей и лавочкой, под маленькой крышей, почему-то всегда гулял ветер.

Целый день мы бродили по маминым делянкам: добавляли разные удобрения, мерили растения линейкой, срезали, взвешивали, записывали... Но мне больше нравится дом: чем-нибудь вкусеньким можно полакомиться в голбце, спрятаться от маминых «надо» на сеновале, полежать с книжкой на полатях, удрать на скрипяще-звенящие качели или залезть на деревянную, поросшую мхом крышу и считать звезды.

Я скучаю по тебе, межадорский домина!

* * *

Смотрю на фотографию и думаю о Троицком Стефано-Ульяновском монастыре. Там как раз построили деревянную церковь на месте сгоревшей.

Мама сказала:

- Было бы глупо не побывать в святом месте в святой день! Тем более, что твою двоюродную прабабушку тоже звали Ульяной, как девушку-христианку, на месте гибели которой построили монастырь.

Тёмным утром наш автобус двинулся в путь, на меня навалился сон, а когда глаза открылись, то надо было уже выходить. Что меня окружало?

Красивые церковные постройки: церкви, монастыри, училище, часовни. Ниже были жилые домики с огородами, сараюшками. Ещё ниже река Вычегда делала поворот влево и как бы текла прямо в небо. Мы стояли службу в деревянной церквушке, пока её освящали. Было много людей.

Самый большой храм был многоэтажный: святых Зосимы, Савватия и Николая. И ещё этаж – колоколяня. Там не было ремонта, доски трухлявые и мшистые, лесенки шуршаще-лёгкие, казалось, тронь – всё хрустнет. Ну, как же сюда забирается звонарь?

Мы испросили разрешение у батюшки и полезли на колоколяню. Колокола были черные с язычками – канатами. Из окон было видно, как внизу летают птицы, а вокруг ровная голубизна, как плотная завеса от всего другого мира. Спускаться не хотелось, но пришлось – там, внизу, наверно, волнуется мама. Но мама не волновалась, она дышала, потому что кругом стояли величественные красавцы кедры, и хвоинки у них были не колючие, и воздух от них был замечательно вкусный.

Александр ЛОБАНОВ

МИССИЯ **(повесть)**

Апрельский рассвет самонадеянно забрезжил за сумрачными холмами, у подножия которых в излучине каждой волной дрожал от ещё прохладного и пронизывающего ветра Днестр. «Фольксваген» отъехал от города уже более тридцати километров. Водитель скосил глаза на мелькнувший в свете фар дорожный указатель. «Попенки» проскочили, - отметил он про себя, - резво бежим...»

Неожиданно там, за самым высоким холмом, небо замельтешило зарницами, и сквозь монотонное жужжание двигателя ощутились отзвуки далёких разрывов. Пассажиры вздрогнули и с тревогой стали вглядываться в мутное пространство над рекой.

- Может, повернём обратно? – непроизвольно сбавив скорость, но, не отрывая взгляда от дороги, Василий Петрович обратился к миловидной девушке-переводчице. – Там, кажется, опять каша заваривается. Дорога-то вся на виду, а впереди обстреливаемый участок...

- И речи быть не может! – переводчица поджала губки. – Даже переводить не стану. Знаете, сколько они выложили за эту поездку?

- Догадываюсь... - вяло пролепетал водитель, прикидывая в уме. Да, действительно, если уж ему заплатили, не торгуясь, вперёд аж триста баксов, то начальству раз в десять больше. И переводчица в накладе не осталась, конечно. Вон, как губы выпячивает. А сама-то побледнела. Страшно, поди... Деньги

деньгами, но жить-то всем охота. Хотя, когда ещё получится заработать целых триста «зелёных»? За такие деньги и бабушку родную зажаришь, прости господи...

И он, скосившись в зеркало заднего вида, из которого вопросительно глядели смутные физиономии иностранцев, прибавил газу.

- Итс окей? – проблеял кто-то из мужчин.

- Окей, окей! – не скрывая раздражения в голосе, пробурчал сердито Василий Петрович, тщетно пытаясь разглядеть, кто из них двоих такой любопытный, и решительно склонился к рулю, вдавливая педаль газа ещё глубже.

Третьим иностранцем была женщина лет тридцати пяти, ухоженная, вся такая изящная, хотя одета простенько, совсем не так, как наряжаются, например, наши исполкомовские. Навешают колец да серег с бриллиантами, да кожаного шмотья, да причёсок понаделают немислимых, да раскрасятся с ног до головы... Тьфу, смотреть тошно! А эта вроде и без оперения, а так бы и глядел, не отрываясь. И фигура стройная. Не нашим бабам чета. Наши-то коровы...

Тем временем вспышки над собирающимся светлеть горизонтом стали заметнее. Отчётливее сделался и гул канонады. Англичанка, негромко о чём-то переговорив со своими спутниками, обратила лицо к переводчице. Та, выслушав, на минуту задумалась. Потом на английском языке заговорила сама. Василий Петрович, взглянув в зеркальце, отметил, что у некоторых сидящих за его спиной лица заметно побелели.

- Они спрашивают, есть ли другая дорога...

Вместо ответа, он сбросил газ и вывернул на обочину. После того, как машина остановилась, Василий Петрович выключил зажигание, достал сигарету, прикурил и принялся бесстрастно наблюдать, как тоненькая струйка дыма вытягивается в щель приоткрытого бокового стекла. В образовавшейся тишине пассажирам сделалось не по себе. До зоны конфликта оставалось около десяти километров. Там очевидно шёл бой. Работали миномёты, от взрывов сотрясалась земля, и это заметно ощущалось даже здесь по вибрации корпуса автомобиля. Докурив, водитель вышел из машины и, не проронив ни слова, направился в кусты.

- Сори, мисс Таня, - полушёпотом, нервно сглатывая слюну, обратился к переводчице англичанин с рыжими волосами, который, по всей видимости, был старшим в группе. – Куда ушёл Василий? Почему он ничего не сказал? Нас могут убить?

- Экскюз ми, мистер Смигаржевский, ван минет, сейчас всё узнаю.

Она шустро выскочила наружу и быстрым шагом направилась туда же, в кусты, где застала Петровича врасплох, но тот мало смутился и, не спеша, завершил начатое.

- Пойди, предложи им. А то ведь, если поедем дальше, остановок уже не будет. Ещё описаются со страху. Да и сама тоже...

Он с тем же невозмутимым видом вернулся за руль. Татьяна прибежала через пару минут и скороговоркой выложила иностранцам предложение водителя, от себя добавив, что оно не лишено здравого смысла.

- Василий, скажите, это очень опасно? – женщина-англичанка пыталась улыбнуться, отчего её ухоженное личико стало ещё милее, и Петрович несколько смутился.

- Как вам сказать? Обстрел, думаю, скоро закончится. Мы как раз и проскочим. Опасно, конечно, но... Как скажете, вернуться ещё не поздно...

Неожиданно для себя, он улыбнулся во весь рот и громко протараторил:

- Бог не выдаст, свинья не съест. Господа миссионеры... Давайте-ка, мальчики налево, а девочки направо... Пять минут на всё мероприятие и двигаем дальше. Вроде стихает.

Он приставил к уху ладошку лодочкой, прислушался. Потом поднял указательный палец и многозначительно, с пафосом, добавил:

- Время, господа, время...

Мистер Смигаржевский склонил рыжую голову ко второму мужчине. Они тихо посовещались. Казалось, всё происходящее, второго господина совершенно не волнует, так как лицо, в отличие от остальных, у него оставалось без признаков каких-либо эмоций. «Вот это выдержка!» - восхитился мысленно водитель. Смигаржевский, наконец, распорядился последовать рекомендациям Василия Петровича. Все трое разбрелись по придорожным зарослям кто куда. Ровно через пять минут они уже сидели на своих местах в «Фольксвагене».

Татьяна внимательно выслушала обращённые к ней слова мистера Смигаржевского, и, как прежде поджав губки, с решительным видом заняла исходную позу и коротко скомандовала:

- Едемте, Василий Петрович!

КПП перед Дубоссарами... За сотню метров на шоссе путь машине преградили препятствия в виде бетонных брусков, расположенных в шахматном порядке. Между ними надо было искусно маневрировать. Юркому «Фольксвагену» это не доставило особого труда. Далее дорога была на первый взгляд вроде как свободна до самого шлагбаума, у которого прохаживались гвардейцы. Василий Петрович, где-то в глубине ощущая некий подвох, неуверенно тронул на второй скорости, объезжая тут и там разбросанные по асфальту булыжники.

Неожиданно за встречным густым кустарником открылась ужасающая картина. В придорожном кювете, уткнувшись капотом в глину и неуклюже задрвав задний мост, торчал «четыреста двенадцатый» «москвичишка». Стёкла салона были изрешечены, а на раскрытой настежь передней левой дверце повис человек с совершенно почерневшим лицом. Он был мёртв. Татьяна вскрикнула, а англичанка прикрылась ладошками. Василий Петрович чуть было не наскочил на булыжник, резко затормозил, успев подумать: «Странные эти булыжники какие-то», и тут только заметил, как один из гвардейцев, припав на колено, вкинул автомат и целится в них.

- Ё... пэ, рэ, сэ, тэ!.. - он даже не успел сообразить, что в таких обстоятельствах необходимо было бы предпринимать. Инстинкт самосохранения вытолкнул, будто катапультой, водителя из-за баранки наружу. Василий Петрович отчаянно замахал руками и, что было мочи, закричал:

- Братцы!!! Братцы!!! Не стреляйте... Свои-и-и...

Это сработало. Гвардеец поднялся с колена и качнул автоматом, давая понять: подойди...

Петрович, держа руки вверх, спешно пошёл навстречу. Подходя к посту, он вдруг заметил замаскированный кустарниковыми ветками ДОТ, из бойницы которого чернел глаз пулемёта, а из полумрака внутри поблёскивали жгучей ненавистью зрачки пулемётчика. Перехватило дыхание. «А ведь сейчас всё могло бы и закончиться... За триста долларов...» - подумалось с содроганием.

- Вы кто такие, мать твою?.. - гвардеец опустил ствол. - Я, между прочим, ещё не решил, мочить вас сразу или дать сбрехать напоследок...

- Я не понял, ты чего с ними рассусоливаешь? – второй гвардеец решительным движением сорвал с плеча автомат, передёрнул затвор и навёл на водителя.

Всё происходило в какие-то считанные секунды. Движимый всё тем же инстинктом Василий Петрович упал на колени и протянул к гвардейцу руки:

- Не стреляй, брат! Пощади... Детей моих малых пожалей... Мы ведь братья, приднестровцы. Пощади, родной!!!

И он заплакал. Громко, навзрыд.

Боец, не в силах сдержать накопленные за последние часы эмоции, разрядился автоматной очередью над его головой.

Трассирующие пули просвиристели вдоль горизонта, никого не задев. Их яркие следы оставили в сумеречном зрительном ощущении зловещие пунктиры, блеснув и в лобовом стекле «Фольксвагена» и в роговице глаз иностранцев. Татьяна-переводчица при этом просто рухнула на собственные колени и обхватила голову руками.

Василий Петрович, поняв, что остался в живых, подполз на коленях к гвардейцам и, обняв того, кто стрелял, за ноги, пролепетал:

- Дай тебе, братик, Бог здоровычка на долгие годы. Прости нас, несмышлёных...

- Встань... - вяло буркнул тот в ответ, - чего ползаешь?

- Пусть поползает, гадёныш... - тяжело глядя из подлобья, надвинулся другой боец. – Ползай, ползай, подлюка... Ну чего вылупил на меня, гад?! Ты не ползать должен, а рядом со мной стоять! Тут вот... С автоматом... Мы кровь свою проливаем, а они с девочками на иномарках рассекают. У, с-с-с...

И он замахнулся прикладом. Но не ударил, так как первая волна гнева схлынула, и перед гвардейцами предстал обычный обыватель, коего выпало им защищать в этой не совсем понятной братоубийственной войне.

Василий Петрович почувствовал невероятную слабость, его затошнило. Он попытался встать с колен, но всё поплыло. С трудом ворочая языком, пролепетал:

- Так мы это... Того... У нас миссия иностранная. Начальство разрешило. Сначала в Тирасполь, а потом до Бендер. Самому Лебедю звонили, он велел не препятствовать...

И тут водитель осёкся. Его взгляд упал на площадку за караульной будкой. Там, прикрытые каким-то серым тряпьём, лежали два тела. По добротным армейским подмёткам, торчащим из-под покрывал, Василий Петрович догадался: это гвардейцы. Убитые. Ещё он разглядел множество стреляных гильз и как будто почувствовал запах свежего пороха от них. Только что здесь был бой. Погибли люди. А он со своей миссией иностранной...

Гвардеец, подхватив несчастного под руку, помог ему подняться и, видя, как водитель взволнован, смягчился:

- Какого чёрта вы на мины попёрлись?

- На какие мины? – искренне, ещё не понимая сути вопроса, удивился Василий Петрович.

- А вот на эти самые, - гвардеец повёл рукой в сторону разбросанных по асфальту «бульжников».

«И всё это всего за триста долларов...», - вновь мелькнуло в уме, и Петровича в очередной раз повело, он побледнел, зашатался и, не подхвати его вовремя гвардеец, наверняка бы распластался, подобно трупу.

Московский в Тирасполь прибыл в четыре часа. Ноябрьское утро встретило туманом и лёгкой промозглостью. Однако холодов ещё не наступило, и было очень приятно вновь встретиться с Приднестровской столицей, казавшейся такой приветливой. В свете вокзальных прожекторов люди сновали, утяжелённые баулами, чемоданами и безразмерными сумками, будто тени. Спешить было некуда, и Алексей медленно брёл в потоке пассажиров к выходу в город, полностью отдавшись накотившему волнению. Почти десять лет, как он уехал из Приднестровья. Ничего здесь не изменилось. Это ощущалось во всём, и в привычной для здешних нравов суете, и всё в той же затейливой архитектуре зданий, и в выражениях лиц. Приднестровцы – народ находчивый и весёлый, трудолюбивый, решительный. Мужественный народ...

Волнение начало усиливаться. Алексей даже остановился, чтобы умирить зачастивший пульс. Закурил. Он машинально стал вглядываться в мелькавшие тени, пытаясь угадать в ком-нибудь знакомого. Хотя никто его встречать не должен был, но всё же... Вдруг захотелось распахнуть руки и обнять первого встречного. Да... Сколько пережито вместе с этими людьми в своё время! Рассказать кому, и не поверят. Ничего не изменилось, определённо...

Он вышел на привокзальную площадь, огляделся. До места добираться ещё около ста пятидесяти километров. Автостанция располагалась тут же, в одном здании с железнодорожным вокзалом, но до первого автобуса оставалось ещё пять часов. Даже билеты не продавали. И чего так сердце-то колотиться! Опустив на асфальт сумку, Алексей снова закурил. Моментально перед ним возникла высокая фигура в замшевой тужурке и с надвинутой на лоб кожаной фуражкой.

- Куда едем? Такси, недорого... - пробубнила фигура, безошибочно вычислив потенциального клиента.

Алексей ответил. Водитель схватил было сумку, чтоб кто другой не перехватил его первого пассажира. Но пассажир неожиданно настойчиво вцепился в сумку и вернул её на прежнее место.

- Сколько просишь? – задал контрольный вопрос Алексей, так как хорошо знал, какие шустрые здесь таксисты: обдерут как липку. И он не ошибся.

- Командир, как обычно, сто долларов, - нагло глядя в глаза, загнул таксист и вновь потянулся к сумке.

- Ого... Сто? Хорошо не тысяча... Ты куда меня собрался везти, в Бухарест что ли? Откуда такие цены?

- Да ради бога! - пошёл в контратаку водила. – Позже и за сто пятьдесят не уедешь.

И, всей своей внушительной фигурой выказывая презрение, он вразвалочку пошёл якобы прочь, но остановился не вдалеке, определённо рассчитывая на то, что клиент через полчаса созреет, и можно будет повторить попытку слупить вышеназванную сумму, поскольку клиент - явный лох. Алексей представил себя со стороны. Действительно, лох. С округлёнными глазами, обалдевший, глупо вертящий головой по сторонам. Соблазн для пройдох и только.

Ровно через тридцать минут фигура возникла вновь.

- Ну что, едем, командир?

- За сто долларов? Не-а, я лучше автобуса подожду. За родной червончик доеду.

- Ну, жди, жди... - фигура явно занервничала и стала переминаясь с ноги на ногу. – Жди! Поглядим, как ты автобусом доедешь. И вообще документики не помешало бы проверить у такого...

- Что-что? – Алексей даже развеселился. – Ты что ли проверять собрался? А ну, вали отсюда, пока по шее своей бычьей не схлопотал!

И он, решительно развернувшись, сделал вид, будто собирается свою угрозу воплотить в жизнь. Таксист шустро ретировался, прорычав в ответ:

- Ну, погоди...

Последовавшее ругательство потонуло в тумане, и Алексей его не расслышал, а потому решил не продолжать стычку. Всё равно настроение оставалось приподнятым и нисколько не испортилось. И тут возникла вторая фигура. Правда, ростом гораздо меньше и по комплекции раза в три тоньше.

- Вы, я слышал, в Рыбницу добираетесь? Нам по пути. Я тут на машине, могу прихватить. На бензин с вас сорок баксов, и едем...

При этих его словах Алексей вздрогнул и сразу же согласился, не торгуясь. Он узнал его...

- По каким делам в наши края? – водитель завёл простодушный разговор.

Ну, да, это он... Когда вышли на свет, Алексей пристально вгляделся в знакомое смуглое лицо. Каким был, таким и остался, даже не постарел нисколько. Ну вот, и машина всё та же, красный «Фольксваген». Однако постарел конь-то, поистрепался. Господи, и стекло лобовое со старой отметиной...

- Да я к друзьям в гости, - снизив от волнения голос почти до шёпота, заговорил Алексей. – Соскучился, вот решил навестить.

Водитель красного «Фольксвагена» на мгновение замолчал и в свою очередь стал всматриваться в Алексея. По выражению лица было видно, что он терзается какой-то догадкой, но никак не может отсканировать памятью возникшее ощущение.

В это время к ним подбежала молодая женщина и, делая невероятно озабоченную гримасу, елевым голосочком запричитала:

- Простите, вы в Рыбницу? Вы уже договорились? Вы знаете, мне тоже в Рыбницу, но у меня денег совсем мало, на такси не хватит. Может, довезёте по доброте душевной? Автобуса так долго ещё ждать... А билетов может и не быть...

И она ещё долго сбивчиво тараторила что-то в этом роде, пытаясь давить на жалость, и всё время глуповато улыбаясь. «Симпатичная... - думал, глядя на девушку, Алексей. – А приёмчик-то староват... Денег нет... Ехать надо... Стояла, высматривала, к кому бы примазаться. И что с ней делать? Разве откажешь такой?»

- Ну что, поможем красавице? – Алексей почувствовал, как настроение в очередной раз скакнуло вверх. – Не дадим погибнуть во цвете лет несчастной?

- Да мне-то что? Ваша воля. Только я бы так, совсем уж за бесплатно, не стал баловать. Вот что, мисс, - обратился водитель к напрашивавшейся пассажирке, - с вас коньяк, и поехали.

- Да где же я вам возьму? – было, возмутилась симпатичная девица, видимо считая нехитрое дело соблазнения уже обтяпанным. Очень уж простоват казался на первый взгляд молодой человек с походной сумкой, которого без особого труда снял, и наверняка за приличные деньги, примитивный левак. Эти москвичи такие простофили...

- Да без вопросов! – задорно отвечал хозяин «Фольксвагена». – Сейчас организуем. У меня дружок приторговывает, им с завода вместо зарплаты иногда выдают. Ну, как, берём?

- А не поддельный? – Алексей опять улыбнулся, хотя пытался при этом изобразить на физиономии нечто вроде подозрительности.

- Да ты что! Ни в коем разе. Самое лучшее качество. Наш, Тираспольский. Должен знать, если жил здесь, – и водитель, осёкшись, опять внимательно взгляделся, явно что-то припоминая.

Он возвратился через пару минут с фирменной бутылкой «Белого аиста», которую вручил девице, содрав пятнадцать молдавских леев. Это по-божески. По российским меркам даже очень дёшево. Но в Приднестровье он так и стоил. Девушка помялась вначале, да делать нечего, извлекла кошелек и, пряча его от посторонних глаз, стала расстёгивать. Кошелек возьми, да и выскочи из рук, шлёпнулся на тротуар и раскрылся. А оттуда довольно-таки толстенькая пачка купюр. Водитель в это время копался в багажнике, а Алексей сделал вид, что смотрит в другую сторону, и ещё больше заулыбался, краем глаза подметив, как сконфузилась их попутчица. «Узнаю приднестровцев...»

- Ну что, Василий Петрович, – специально громко выговорил он по слогам, – поедете?

Оцепенение, в которое впал водитель красного «Фольксвагена» умилило и растрогало, чуть ли не до слёз. Алексей распахнул руки, как бы для объятия, и, засмеявшись, протараторил:

- А ведь почти узнал, Петрович? Да никак не припомнишь, где мог видеть? Ну, старый конь, напрягись. Ну? Экскьюз ми, мистер Пьетровиш, вэа мисс Танья?

- Алеша? Ну да... А я голову ломаю, ты это или не ты! Дорогой мой... - он кинулся обниматься, а девушка глупо моргала, никак не въезжая в ситуацию.

Минут через пять, когда поутихли страсти, Василий Петрович накинулся на попутчицу:

- Куда коньяк запрятала? А ну гони сюда, он нам сейчас ну очень нужен! Ишь, ты, зажилить вздумала?

- Да с чего взял-то? Зажи-и-и-лить... Вот он, на. Подумаешь! – от обиды прикусив губу, она извлекла из сумочки (а ведь зажилила, от души веселился про себя при этом Алексей) «Белый аист» и протянула Алексею. Петрович с готовностью перехватил бутылку и без колебаний откупорил.

- Ну, Алёшка, давай, за встречу... Та прямо так, из горлышка, как тогда, помнишь?

Алексей отхлебнул порядочный глоток и ещё пуще рассмеялся.

- Ты чего? – Николай Петрович подозрительно на него глянул.

- Поддельный!!! Ха-ха-ха... - Алексей не мог уgomониться, его прямо-таки разбирало. Господи, как хорошо-то... Вот я и среди своих. Как я вас всех люблю!..

Прорывав: «Не может быть, вот сволочь!», Николай Петрович рванулся к дружку-таксисту с разборками, но тот, как только увидел, что подsunутую им левую продукцию стали откупоривать, дал стрекача на своей допотопной «Волге», взмутив предрассветный туман, который, клубясь и флюоресцируя в забрежжившем рассвете, стал расплзаться вширь по площади и редеть.

Татьяна сидела ни живая, ни мёртвая и всё молчала. Молчали и англичане. Уже полчаса, как отъехали от Дубоссар, а кроме рычания дизельного движка,

никаких других звуков в салоне не раздавалось. Василий Петрович чувствовал себя совершенно опустошённым. С тупым безразличием он глядел на извивающуюся серую ленту шоссе и ни о чём не мог думать. В какой-то момент ему вдруг показалось, что сердце не бьётся, и он сейчас должен умереть. Свернув на обочину, притормозил. И уже когда выключил мотор, вдруг вспомнил, что гвардейцы категорически не велели этого делать: останавливаться на обочине. Может быть заминировано. Внутри так всё и оборвалось...

С минуту просидев в неподвижности, он вывалился из «Фольксвагена» и жадно, до колкой боли в груди, вдохнул. Свежесть, которой было пропитано всё вокруг от навевавшего с Днестра ветерка, несколько взбудрило, и Василий Петрович вдруг услышал пронзительные птичьи пересвисты. Весна, однако... И красота-то вокруг! Перемахнув кювет, он прошагал вглубь сада, разросшегося вдоль трассы, и упал в траву лицом кверху. Закрыл и тут же открыл глаза. Открытыми их держать было легче, потому что, как только ресницы смыкались, сразу же возникали зловещие видения только что пережитого. Осознание того, что они все находились на грани между жизнью и смертью, придавало остроты. Бог уберёт, значит. А ведь тот боец и вправду хотел их перестрелять, приняв за врага. Да и другой тоже... Даже на курок нажал.

Интересно, о чём ЭТИ думают сейчас. Хоть дошло до них или нет? «Окей, окей»... Был бы вам «окей», балбесы заморские... Чего переться в самое пекло? Заплакала бы назавтра родня в Лондоне. А может, они никакие не миссионеры? Ездят, собирают информацию, цэрэушники хреновы! И что, если вдуматься, такое эти их несчастные триста долларов? Как жизнь наша подешевела...

Небо стало совсем уже светлым. Но солнце ещё держалось за холмами, как будто не решаясь выкатываться на открытое пространство из-за боязни попасть под обстрел. Не смотря на птичий гам, всюду царила какая-то особенная тишина. Хотелось думать, что это воплощение самих покоя и благоденствия. Ни одного постороннего шума, ни машин, ни выстрелов. И Василий Петрович вдруг почувствовал, как в груди возобновилось сердцебиение, а по телу разбежались горячие пульсы. Наверно, ехать надо, подумал он, но по-прежнему продолжал лежать неподвижно и глядеть в небо.

Когда рядом, почти у него над ухом, раздалось: «Петровиш, ю а окей?», он чуть было не ругнулся вслух. «Всё у них окей, мать её!..» Приподнялся. Рядом сидела англичанка – и как подошла-то неслышно! - и гладила его руку своей горячей ладошкой, глядела прямо в глаза и тихонько плакала. «А она очень красивая, - Василий Петрович ещё раз глубоко вдохнул, - жалко её...». Он притянул женщину к себе и обнял.

- Натерпелась... Дальше поедem или как? Ну, что молчишь? Ах, да, по-русски-то ни бельмеса. Тебя как звать-то? Э-э-э... Вот из ё нэйм?

Женщина слегка отстранилась и улыбнулась:

- Астрид...

- Красиво... И ты тоже красивая, Астрид...

Она потянулась ладошками к его лицу. Обожгло... Что-то шепча на своём, Астрид принялась целовать ему сначала щёки, потом губы. И он вдруг вспомнил, что ещё совсем не старый, всего-то сорок три, и как мама когда-то говорила, что он у неё самый красивый на свете. Теряя голову, водитель красного «Фольксвагена» полностью отдался навалившемуся как будто из ниоткуда страстному мужскому желанию...

Когда оба, держась за руки, вернулись к машине, из-за кромки показался кусок солнца. Ещё не слепящий, но достаточно яркий, чтобы окрасить в красно-золотистые оттенки верхушки яблонь, груш и персиков, а также многочисленных орешин, росших вдоль шоссе. В машине слышались голоса споривших между собой людей. При появлении Астрид и водителя, все замолчали. Наклонившись, Василий Петрович взгляделся в их лица и понял, что придётся ехать. Вперёд...

Через некоторое время, «Фольксваген» резво подкатил к очередному КПП, где их уже поджидали. Офицер, лет тридцати пяти, высокий, крепкого сложения, подойдя, приветливо отдал честь и представился:

- Капитан гвардии Богатырьков... Господа, попрошу ваши документы, - и, пока миссионеры доставали паспорта и пропуска в зону конфликта, он нагнулся к водителю и поинтересовался, - что так долго-то? Нам давно уже радировали с Дубоссарского поста. Что случилось?

- Да ничего, капитан, особенного, - ответил Василий Петрович и почувствовал, как покраснели мочки ушей. - Животы со страху скрутило, надо было переждать, пока отпустит.

- А-а-а... Теперь понятно. Это начальство виновато, не дозвонилось до них. Как на мины не напоролись только... Повезло вам.

Внимательно просмотрев документы, капитан наклонился к переводчице:

- Девушка, я хотел...

- Татьяна, - переводчица протянула руку, - можно без отчества.

- Алексей... - Богатырьков улыбнулся на все тридцать два белых зуба, - очень приятно. Танюша, придётся вам потесниться. Мне приказано сопровождать миссию до Тирасполя, до штаба. Так что...

- Ах, Алексей, после того, что было, я готова на всё, тем более с таким мужчиной...

Богатырьков ещё вдохновеннее растянулся в улыбке и предоставил переводчице руку:

- Прошу, сударыня. Извините, но я сяду рядом с водителем. Так надо.

Татьяна явно кокетничала. Значит, пришла в себя, чертовка, думал Василий Петрович, и ему становилось удивительно хорошо на душе. Он украдкой скоился в зеркало, чтоб увидеть Астрид, и сразу поймал её взгляд. О-о-о... Дружище, ты куда-то катишься. Что за глаза! Никто из женщин никогда на тебя так не смотрел. Никогда... Как она хороша сейчас ...

Ввалился Богатырьков, втиснул с собой ручной пулемёт и начал пристраивать в ногах, отпуская на ходу шутки-прибаутки, беспрестанно выворачивая голову назад, явно флиртуя с Татьяной. На Астрид он не реагировал, так как успел заметить её выразительные взоры, полностью уплывшие в ракурс водительской спины и зеркальца заднего вида.

Наконец они отъехали от шлагбаума и понеслись уже по зоне конфликта. Богатырьков вскоре посерьёзnel. Чем дальше, тем мрачнее он становился. Его настроение моментально передалось остальным. Впереди показался дым. Ещё не было видно из-за кустарника, откуда он тянется. Неожиданно водитель надавил на тормоза. На дороге зияла крупная воронка с разбросанными вокруг кусками асфальта, земли и глины. Чуть поодаль поперёк шоссе лежали несколько сваленных и изуродованных взрывом орешин.

- Петрович, помалу, помалу... Внимательно следи, чтоб на мину не наскочить. Могло разбросать взрывной волной. – Капитан наполовину высунулся в окно и пристально вглядывался в то, что ползёт навстречу к ним под колёса.

Сделав зигзаг, дорога выпрямилась. У обочины справа стоял разбитый «Камаз». Он уже догорал. Дым был с него. Шагах в пяти от «Камаза» лежал убитый. Солнце выкатилось уже полностью, и простор над ними засиял и заискрился. Через окно проникали птичьи голоса. Люди были подавлены этим нелепым контрастом. Алексей негромко пробурчал, ни к кому не обращаясь:

- Всё правильно... Это для людей война. А им и дела нет, щебечут себе...

За чадящим «Камазом» начинались линии окопов, нарытых сразу за обочинами с обеих сторон дороги и тянувшихся вперёд, насколько хватало глаз. Повсюду были видны курящиеся воронки. Когда солнце приподнялось над деревьями, то в окопах блеснули, словно маленькие солнца, каски. Самих бойцов видно не было. Только кончики автоматных стволов с мушками торчали чуть выше голов.

- Ну-ка притормози, командир, - Алексей тронул Николая Петровича за руку, когда «Фольксваген» поравнялся с «Камазом».

Он выскользнул наружу и ужом пополз мимо убитого водителя к ближайшему окопу и вскоре скрылся в нём.

Астрид о чём-то оживлённо заговорила со своими спутниками, потом обратилась к переводчице.

- Мистер Смигаржевский спрашивает, Василий Петрович, чем это так пахнет неприятно...

- Это порох ещё не выветрился. И крови вон целая лужа. От неё тоже...

Наступила гнетущая тишина. До сознания окончательно дошло, что они на самой настоящей войне.

Богатырьков возник в машине совершенно неожиданно и совсем с другой стороны, нежели его ждали.

- Значится так... Дамы и господа, леди энд джентльмены! – Алексей возобновил свой шутливый тон, пытаясь таким образом вырвать своих новых подопечных из цепких лап ступорозного страха. – Довожу до сведения всех присутствующих. Правая сторона только что отстреляла по левой, то есть по нам, весь дневной боекомплект. Мы, естественно им тоже всыпали по самое «не хочу». Так что, момент сейчас наиболее благоприятный для нашей с вами авантюры. Если желания повернуть обратно ещё не возникло, то надо рвать когти.

Прежде, чем захлопнуть дверцу, он вдобавок к пулемёту втащил ещё автомат и протянул Николаю Петровичу:

- В армии-то служил, командир? Держи, возможно, понадобится. Этот артобстрел они неспроста устроили. Кто знает, отвлекающий маневр, что ли был или ещё что? Во всяком случае, меня к вам не зря послали. Вдруг засада по дороге...

Они достали сигареты. Капитан чиркнул зажигалкой, дал прикурить водителю, потом сам. Курят ли англичане, даже не стал спрашивать. Отчего-то к ним появилось и укрепилось какое-то раздражение. Не нравилось Алексею и то, что он вынужден тащиться как сопровождение в столицу вместо того, чтоб находиться со своим взводом в такой момент, и то, что иностранцы молчали и никак не реагировали на его шутки, а один вообще спокоен, как танк. Это при

виде-то убитых и свежих воронках. Ещё тот фрукт. Как будто ему не впервой... А и плевать, начальству виднее. Нет их и всё...

И он вычеркнул иностранцев из жизни. На время. Покурив, Богатырьков стал обсуждать с водителем предстоящий рывок через открытую местность. Надо будет её проскочить на максимальной скорости. Миномётами вряд ли станут обстреливать, так как мины у правобережцев закончились. Пока ещё подвезут, да разгрузят, успеем прорваться. А вот пулемёты и снайпера наверняка начнут шалить. Если ехать не менее ста километров в час, то не страшно, не попадут. А медленнее – хана...

На том и порешили. Незаметно для остальных Василий Петрович перекрестился. Завёл мотор, дал ему порычать в своё удовольствие и, включив сразу вторую передачу, резко рванул с места. В салон сразу же проник сквозняк, взлохматив дамам причёски. Кое-кто из гвардейцев выглядывал из окопа и с удивлением смотрел им вслед, наверняка считая, что у этих ненормальных вместо мозгов солома.

Скорость набрали быстро, потому что дорога пошла под уклон. Придорожные деревья замелькали столь часто, что вскоре превратились в сплошную серо-зелёную замшу. Ветром надувало приятные запахи весенней листвы и цветущего сада. Выскочили на открытое пространство. Стали попадаться воронки, которые нагло устремлялись под колёса, и Николаю Петровичу едва хватало сноровки между ними лавировать. Он то и дело чертыхался и ворчал, что машину вконец попортит, и кто потом будет компенсировать ремонт? Все напряглись. Алексей, совершавший подобную прогулку не в первый уже раз, отметил взглядом участок, проскочив который можно будет в дальнейшем не опасаться огня с правого берега. Этот островок безопасности стремительно приближался, оставалось каких-то сто метров, как вдруг раздался резкий хлопок, и машину повело из стороны в сторону. Они чуть не опрокинулись. Василий Петрович побелел и одновременно покрылся липким потом. Сбросив газ, он выровнял «Фольксваген» и стал притормаживать. Богатырьков схватил его за руку:

- Ты что? Что ты делаешь?

- Пусти, перевернёмся... Колесо лопнуло, не понял что ли?

Капитан быстро оглянулся назад, потом высунулся в окно, прислушался.

- Петрович, хрен с ним, с колесом! Если остановимся здесь, нас накроют. Давай, родной, дотяни вон до того пионера...

Он махнул рукой в сторону белевшего недалеко впереди придорожного постамент, на котором высилось нечто бесформенное с торчащими по сторонам обрубками. Как в подтверждение, над ними замельтешили светлячки трассирующих очередей. Одна из них наткнулась на фарфоровый изолятор опоры проходившей параллельно шоссе высоковольтной линии. Тот разлетелся вдребезги. Одновременно срезало провод, который повис и стал раскачиваться от ветра. Потом трассеры спустились ниже и принялись нащупывать более прицельно, вздымая бурунчики пыли уже в опасной близости от машины.

Василий Петрович, стиснув зубы, нажал на газ. Травмированный «Фольксваген», хромая и кряхтя, с трудом разогнался, на время оторвавшись от назойливых смертоносных шершней. Однако те быстро спохватились и кинулись вдогонку.

- Всем пригнуться! – закричал Богатырьков и, видя, что англичане не реагируют, перевалившись через сидение, заставил проделать их это силой.

Наконец, дорога вильнула в сторону, постамент с бывшим когда-то пионером, дудевшим в горн, промелькнул и остался позади. Машина въехала под прикрытые холма, обросшего цветущим кустарником. Не обращая внимания на дам, Василий Петрович щедро выматерился и метнулся к багажнику за инструментом и запаской. Алексей схватился за пулемёт, вставил рожок, передёрнул затвор и выскочил наружу, готовый вести стрельбу. Пассажиры заднего сиденья недоумённо наблюдали.

Обежав место вынужденной стоянки в радиусе пятидесяти метров, капитан велел Василию Петровичу держать автомат около себя с взведенным курком, но пока на предохранителе. Сам же принялся высматривать убежище для женщин и англичан на случай вражеского нападения. Кроме как в кювете, спрятаться было и негде. Тогда он кинулся к кустам и наломал веток, которые настелил в самом глубоком ровике. Затем рукой подозвал Татьяну:

- Танюшенька, ты объясни своим подопечным, чтоб не выкаблучивались и залегли вот сюда, – он указал на оборудованное на скорую руку укрытие. - Ты будь с ними, никуда не отлучайся, чтобы не произошло. Пока Петрович меняет колесо, вам лучше сделаться невидимыми. Я буду кружить рядом по кустам. Хорошо, милая?

Переводчица растерянно кивнула. Выждав, пока англичане и Татьяна не улеглись в кювете, Алексей рванулся в кустарник, разросшийся подобно джунглям от Днестра и дальше вглубь прилегающей к левому берегу территории. Василий Петрович, продолжая чертыхаться, усердно свинчивал со ступицы гайки. Диск, почти полностью сжевав покрывку, сильно погнулся, перекоился и заклинился. Чтоб его содрать с тормозного барабана, пришлось применить кувалдочку, которая у предусмотрительного водителя всегда имелась в наличии. Наконец, повреждённое колесо было снято, и, малость поколебавшись, Петрович зашвырнул его в бурьяны, сухо торчащие за обочиной. Поставить запаску труда не составило.

Он уже крепил последнюю гайку, как вдруг метрах в ста среди зарослей раздалась один за другим два взрыва, а следом за ними длинная пулемётная очередь и крики с матерной руганью. Потом затрещали автоматы. Разгорался самый настоящий бой. Стрельба начала смещаться в сторону, противоположную от них. Видимо, капитан, обнаружив разведгруппу противника, первым вступил в боестолкновение и, используя внезапность как преимущество, навязал им свою тактику и стал уводить за собой, подальше от миссионеров. Василий Петрович засуетился, вскоре он уже снимал машину с домкрата. Потом схватил автомат, снял с предохранителя и навёл в направлении кустов, где хитрый Богатырьков умело морочил голову правобережным головорезам. Раздался ещё один взрыв, потом ещё. Автоматные очереди периодически перекрывались пулемётом Алексея. Но через минуту пулемёт замолчал. Оглянувшись на прижавшихся к земле англичан, Василий Петрович рывкнул на Татьяну, которая наполовину высунулась из кювета и тарасила на него свои чёрные глазки:

- А ну исчезни к чёртовой матери, соплячка! Сказано же, не высовываться.

Татьяна испуганно бухнулась на дно кювета. Василий Петрович вслушался в перестрелку. Собственно перестрелки как таковой уже не было. Строчили только автоматы румын, а пулемёт капитана Богатырькова не отвечал. Определить, в какой стороне стрельба, не получалось, потому что у подножия холма водилось эхо, которое любило подурачиться и разносило звуки по всем направлениям одновременно. На свой страх и риск Петрович ломанулся на холм. Поднявшись на

него почти на две трети, он, наконец понял, откуда доносится стрельба. Алексей увёл преследователей довольно-таки далеко в сторону от дороги, вглубь приднестровской территории. Быстро сбегав с холма, водитель кинулся в том же направлении, сам не соображая зачем. Пробежав с полсотни метров, остановился и принялся усиленно соображать. Нет, надо вернуться к своим, которые остались одни, без прикрытия.

Сам не зная почему, Николай Петрович замедлил ход, а потом вообще начал двигаться крадучись. Что-то подсказывало ему, что надо быть осторожным. Он проверил, снят ли с предохранителя автомат, припал на колени и, немного подумав, пополз по-пластунски. Показалось шоссе. Затаившись в придорожном кустарнике, принялся наблюдать. Машина краснела метрах в двадцати. Раздвинув ветки, он вдруг заметил, как из кустов с противоположной стороны дороги, пригнувшись, вышли двое. У каждого был автомат. На вид такой же, как «Калашников», но у цевья имелась дополнительная рукоятка. Румынский... Ему уже доводилось такие видеть. Так, ясно... Вот мы и нарвались. Что делать-то?

Однако, диверсанты, или кто там они были на самом деле, ещё не обнаружили спрятавшихся неподалёку в кювете. Они подкрались к машине, принялись её рассматривать, видимо не решаясь открыть дверцы. Вдруг заминирована? Один, постоянно оглядываясь, заговорил на языке, схожем с молдавским. Василий Петрович вслушался. Нет, не понять, о чём. Не молдавский, который он знал. Видимо, румыны. Эти щадить не станут даже англичан. Вдруг припомнилось, как гвардеец на Дубоссарском посту упрекнул в том, что он, приднестронец, не воюет вместе с ним. Ну что ж, подумал Петрович, я на своей территории, а это враг. Повоюем. Он прицелился и дал очередь.

Один, который говорил на румынском, рухнул сразу же. Второй метнулся за «Фольксваген» и стал бить длинными очередями по кустам, толком не поняв, откуда произошло нападение. Теперь его позиция наверняка была выгодной, поскольку стрелять по своей машине Василий Петрович не то, что не смог бы, он об этом даже думать не смел. «Фольксваген» - это всё, что у него оставалось, так как год назад он развёлся, жене отдал квартиру и нажитое совместно имущество. Себе же оставил это сокровище, старенькую, но резвую иномарку. Однако диверсант об этом не знал. Расположенная прямо на дороге машина для него представляла определённую угрозу. Вероятно, её оставили в качестве приманки, что явно подтверждалось вероломным обстрелом из засады. К тому же, если по ней стукнуть гранатомётом, то его самого разорвёт в клочья, вместе с этой красной немецкой рухлядью. Поэтому, выпустив ещё пару очередей, он рывком переместился в кювет. Николай Петрович похолодел. Румын оказался в двух-трёх метрах от англичан и Татьяны-переводчицы. Их спасало лишь то, что всё внимание диверсанта было сконцентрировано на кустарнике. Надо было что-то предпринимать. Петрович никогда не считал себя героем, в драки по молодости, да и позже не лез. Он даже с женой никогда не вступал в конфликты, чем иногда доводил её просто до бешенства. И сейчас ему ну никак не хотелось высовываться из укрытия. Он опять почувствовал, что сердце как будто перестало биться. В горле пересохло, дыхание сделалось тяжёлым, в руках появилась дрожь. Но ведь и Астрид в опасности. Боже мой, Астрид... Что это между ними было? Как во сне. Ни разу не доводилось испытать такого наслаждения от женщины. Да ещё к тому же иностранки. Как она смотрела тогда... Это что ли любовь? Было бы смешно, ей Богу, если б не так страшно. Что же делать? Алексей жив или нет? А вдруг погиб?

Как бы в опровержение где-то не совсем далеко протарахтела пулемётная очередь. Это Алексей! Василий Петрович чуть не вскрикнул от радости. Слава богу, жив! Румын в этот момент приподнял голову и стал ею вертеть по сторонам. Он, в конце концов, обратил внимание на место, где притаились миссионеры, и вскинул оружие наизготовку. Астрид... Нет!!! Врёшь, сволочь...

Николай Петрович выскочил из кустов во весь рост и стал палить, практически не целясь, стараясь при этом предпринять хоть какой-то манёвр в сторону. Диверсант мгновенно среагировал и выстрелил очередь в ответ. Боли не было. Тупой толчок в грудь сбил Петровича с ног. Он попытался вскочить. Не удалось. Быстро стал отползать к кювету на противоположной стороне. По нему была выпущена ещё одна очередь, но к счастью пули чиркнули по асфальту, не задев. Василий Петрович с ужасом заметил, что Астрид, видя, как он раненый упал, выскочила и уже бежит к нему. Это заметил и румын. Он резко развернул автомат и нажал на спуск, уже целясь в Астрид. Но выстрела не последовало. Рожок был пуст.

Всё происходило в считанные секунды. Превозмогая боль, Петрович встал на колени и, шатаясь из стороны в сторону, хоть и с трудом, но сумел поднять автомат. Румын, по-видимому, хорошо обученный и тренированный, за эти короткие секунды успел сменить пустой рожок на полный и уже было передёрнул затвор. Ему не хватило сотой доли. Одиночный и последний, поскольку патроны тоже кончились, выстрел Василия Петровича пришёлся аккурат чуть ниже края вязанной диверсантской шапочки. Пуля пробила насквозь череп и чиркнула по лобовому стеклу машины, оставив на нём раковинку с паутиной мелких трещин по краям. Разбрызгивая по асфальту мозги и кровь, румын покатился по скосу в кювет, торчать остались только ноги в армейских полусапожках с массивными, как тракторные гусеницы, подошвами.

Пока Астрид обнимала своего спасителя за голову, положив её к себе на колени, и пыталась привести в сознание, беспрестанно целуя и бормоча «Петровиш, Петровиш...», Алексей, оторвавшись от преследования, спешил на выручку, так как хорошо расслышал звуки этого скоротечного боя. Он не щадил ни рук, ни лица, по которым хлестали ветки, покрытые колючками. Одного он боялся, опоздать... Ушлыми оказались-то румынчики. Двумя группами пришли. Патроны в пулемётных рожках были израсходованы, но в кармане ещё оставалась пара гранат, а за поясом в кобуре ждал своей очереди пистолет Макарова с полными магазинами. Не рассуждая долго и не таясь, Богатырьков вывалился из кустов и весь покрасневшийся и взмокший предстал перед оцепеневшими англичанами. Он с одного взгляда оценил обстановку и, на ходу доставая перевязочный пакет, кинулся к Василию Петровичу, чуть ли не грубо оттолкнув Астрид. Сильным рывком разорвал на груди одежду. Оторопел... Входное отверстие, маленькое и аккуратное, располагалось над сердцем. Крови из раны вытекло совсем немного. «Убит...» - подумал Алексей, и ему стало на душе настолько горько, что он взвыл и громко выматерился. Но Астрид в этот момент сама оттолкнула Богатырькова и, в свою очередь, начав выкрикивать ругательства, замешанные на половинчатой смеси русских и английских слов, прильнула к груди Петровича. Потом подняла заплаканное лицо и быстро затараторила:

- Хи из лайв... Хи из лайв...

Татьяна, переводчица, также рыдая, всхлипывая и заикаясь от душивших горло спазмов, повторила на русском:

- Алёша, он жив.

Это было лишним. Богатырьков уже лежал ухом на груди у Петровича и отчётливо выслушивал сердечный ритм. Потом он осторожно приподнял раненого за плечи и оглядел сзади. Как и предполагал, на уровне лопатки зияло выходное пулевое отверстие, но не аккуратное, как входное, а с рваными краями и пошире. Крови здесь натекло гораздо больше, чем спереди. Но кровотечение как таковое уже не просматривалось. Остановилось само по себе. Чудеса...

Капитан ловко, со знанием дела, наложил и закрепил повязку, используя стерильные бинты из ИПП (индивидуальный перевязочный пакет). Теперь надо было вывести водителя из шока.

- Тань, а ну спроси у этих, может, у кого есть водка или спирт?

Мистер Смигаржевский, поняв, что требуется, радостно закивал и кинулся к машине. Там, из своего пузатого заморского саквояжа, он извлёк бутылку коньяка и маленькие металлические стаканчики.

- О, «Белый аист»... - обрадовался Алексей, - это, пожалуй, самое лучшее, что можно придумать.

Спешно откупорив бутылку, он нацедил стаканчик, приподнял Петровичу голову и поднёс к губам. Когда заработали первые рефлексy, Алексей опрокинул голову пониже и влил коньяк в приоткрывшийся рот. Раненый сделал рефлексорный глоток. И живительная жидкость мгновенно произвела чудесное воздействие. Василий Петрович открыл глаза и под радостные возгласы с явным удовольствием допил остатки. Алексей тут же налил ещё и заставил употребить. Окончательно придя в себя, водитель приподнялся на локоть, огляделся и улыбнулся, увидев Астрид.

- Ну, с ним всё ясно, - весёлым тоном заговорил Богатырьков, лукаво стрельнув глазами по англичанке, а потом по Татьяне, - можно не лечить, всё равно выздоровеет. Так, девоньки, давайте-ка по коням. Помогите герою...

Сам же обошёл убитых диверсантов и, пошарив у них по камуфляжу, извлёк два полных автоматных рожка. Уложив пулемёт в багажник, Алексей взял у Петровича автомат, приладил рожок. Англичане-мужчины под присмотром Астрид бережно перенесли раненого в машину. Алексей собрался за руль сесть сам. Но тут он чутким ухом уловил треск веток и понял, что ещё придётся поработать.

- Таня, скажи вон тому, чтоб вёл машину – он указал на молчаливого англичанина, который вначале ему не нравился.

Англичанин, не дожидаясь перевода, направился к «Фольксвагену» и уверенно сел на место водителя. «Да он всё понимает! Та-а-а-к... Ну, что ж, пожалуй, так даже лучше...» - Богатырьков подошёл и, ни слова не говоря, расстегнул кобуру, вынул ПМ и протянул англичанину. Потом достал и вручил запасную обойму. Тот, также молча, принял оружие. Несколько секунд они внимательно смотрели друг другу в глаза. Алексей кивнул в знак обоюдного понимания и согласия и, наклонившись, тихо проинструктировал:

- Вы сейчас резко срываетесь и отъезжаете ровно километр вперёд. Андестен?.. Там ждёте меня. Но не больше двадцати минут. Если не догоню, мчитесь на полной скорости дальше, меня больше не ждите.

Англичанин всё выслушал по-прежнему внимательно и бесстрастно. Лишь на последних словах опять выразительно посмотрел Алексею в глаза и кивнул.

Капитан, больше ни с кем не обмолвившись ни словом, побежал навстречу трещащим веткам.

Красный «Фольксваген», выпустив клуб тёмно-сизого дыма, рванул по шоссе так резко, как будто его кто-то с силой подтолкнул сзади. А ещё через минуту Алексей вступил в бой с пятью оставшимися в живых диверсантами.

Пролетев ровно километр, остановились. Англичанин машину на обочину не стал выводить. Он также не стал глушить двигатель, не взирая на хныканье Петровича про экономию горючего, которого оставалось не так уж и много. Они прекрасно слышали, как позади возобновилась стрельба, и каждый осознавал, что это означает. Бой разгорался не шуточный. Раздался взрыв гранаты. Опять автоматная трескотня. Потом небольшое затишье, и уже гораздо ближе ещё взрыв. И тишина.

Англичанин глянул на часы. Двадцать минут истекли. Он вышел из машины и тоном, не терпящим возражений, велел Астрид сесть на его место. Затем снял плащ, аккуратно сложил и передал мистеру Смигаржевскому. Татьяна и Василий Петрович, ничего не понимая, удивлённо таращились на происходящее. Англичанин стал о чём-то быстро шептать на ухо своему рыжеволосому компаньону, отчего у того постепенно вытягивалась и всё больше бледнела физиономия. Потом взял пистолет Алексея, ловко передёрнул затворную раму, сунул в карман запасную обойму и вдруг как-то моментально исчез. Астрид заметно напряглась и вцепилась в руль так, что побелели пальцы, однако при этом она успела улыбнуться в зеркальце Василию Петровичу, который сразу же позабыл про боль, начинавшую становиться мучительной.

Двигатель легонько рычал и не препятствовал проникновению внутрь машины заливистых птичьих голосов. Люди напряжённо вслушивались. От вибрации у Василия Петровича возобновились боли, он начал слегка постанывать сквозь стиснутые зубы. Мистер Смигаржевский достал коньяк и стаканчик. Потом, подумав, стаканчик спрятал и протянул раненому всю бутылку. Благодарно улыбнувшись в ответ, Петрович с жадностью приложился к горлышку и одним глотком, не чувствуя крепости, опорожнил половину. Приятно загло в животе и вскоре голова пошла кругом, отчего он, ослабший и измотанный, задремал.

Минуты тянулись, будто часы. Беспokoйно оглядываясь по сторонам и явно нервничая, Смигаржевский сердито начал выговаривать что-то Астрид. Та не отвечала. Зато Татьяна, расширив и без того огромные свои глаза, вдруг побагровела и почти злобно выкрикнула:

- Но ведь вы же сами настаивали! Деньги платили...

И, не зная, как совладать с душевным беспокойством, выскочила из машины и с криками: «Алёша, Алё-о-о-ша-а-а...» побежала прочь. Астрид кричала ей вслед, потом, обернувшись, так яростно накинулась на Смигаржевского, что тот инстинктивно отпрянул и заткнулся. Она уже собралась бежать следом за Татьяной, когда из зарослей раздалась одиночная автоматная очередь, и тут же защёлкали сухие пистолетные выстрелы. Василий Петрович, вздрогнув, раскрыл глаза и схватился за автомат. Превозмогая боль, он рванул дверцу и собрался уже занести ногу, чтобы выйти. Ему не позволила Астрид. Она опередила своего возлюбленного, резко обежала «Фольксваген» и силой затолкала раненого обратно, шуточно погрозив пальцем.

- Астрид, где Таня? Э-э-э... Вэ-а из Танья, - проковеркал он так, что Астрид даже улыбнулась. Она уже снова сидела за рулём в полной, так сказать, боевой готовности. Обернулась, с укоризной глянув на Смигаржевского, и ответила:

- Танья это... Гоу... Ну, бежать туда...

- Это как же понимать, господин хороший?! – Петрович взглянул на Смигаржевского с неприкрытой ненавистью. Он зачем-то опустил предохранитель и щёлкнул затвором. Хотя все знали, что в магазине нет патронов, Смигаржевский однако пришёл в ужас, весь съёжился и вдавил своё грузное тело в сиденье так глубоко, что сделался вдвое меньше.

- В какие игры играем, господа? Что-то не нравиться вы мне, голубчики. Ой... - от произвольного движения под повязкой что-то хрустнуло, и страшная резь пронзила грудную клетку. Астрид, до этого сидевшая со стыдливо опущенной головой, обеспокоено вскинулась, быстро обернулась. В глазах у неё стояли слёзы. Она взяла Василия Петровича за руку и смотрела нежно-нежно. Петрович под этим взглядом смягчился, но автомат продолжал крепко сжимать в ладонях, сурово косясь на перепуганного иностранца.

Вдруг Астрид всполошилась, резко включила скорость, «Фольксваген» сорвался с места и, промчавшись сотню метров, взвизгнул тормозами. Тут только Василий Петрович заметил англичанина, продиравшегося сквозь кусты и волокущего на себе всего окровавленного Богатырькова. Ещё на ходу она распахнула дверцу и, едва машина остановилась, выскочила к ним навстречу, подхватывая капитана под плечо. Алексей был без сознания. Они осторожно положили его прямо на асфальт. Кряхтя, тяжело дыша и ойкая, приковылял Петрович. Чуть не плача, опустился на колени и стал трогать запястье, пытаясь нащупать пульс. А у самого тряслись руки, и ничего определить ему не удалось. Зато англичанин действовал быстро и уверенно. Он извлёк из каких-то ножен на поясе острый, как бритва, тесак, вспорол Алексею штанину и велел Астрид обработать сквозную пулевую рану на бедре. Сам же принялся распарывать гимнастёрку. Ещё одна рана сильно кровила на плече. Достав из брючного кармана носовой платок, англичанин ловко скрутил его в жгут и с помощью палочки, подобранной здесь же на дороге, крепко закрутил выше раны и умело закрепил. Кровь остановилась. Тут же он принялся за голову. Видимо осколком Алексею содрало часть скальпа, она болталась, как кусок тряпки, из-под которой так текло, что залило и лицо, и грудь, и спину. Приладив её на место, англичанин профессионально забинтовал Алексею и голову.

Василий Петрович всё порывался помочь, но его вежливо отстраняли. Потом ему не терпелось расспросить о подробностях того, что произошло в кустах, откуда, к примеру, взялись бинты, сколько было бандитов, сколько осталось и осталось ли вообще, что наиболее вероятно, ну и прочее. Однако переводчицы не было рядом. И тут он спохватился...

- Астрид, вэ-а Таня? Чёрт, Таньку надо искать...

Англичанин, убедившись, что бедро перевязано, как следует, молча кивнул Астрид. Та быстро поднялась. Он протянул пистолет. Астрид взяла и, ничего никому не объясняя, быстро побежала в обратную сторону. Затем англичанин обошёл «Фольксваген», раскрыл дверцу, выволок за шиворот мистера Смигаржевского и, пока их не было видно Василию Петровичу, ударил кулаком сначала в солнечное сплетение, отчего тот судорожно скрючился, а потом,

приподняв за рыжий вихор голову, что было силы, врезал в подбородок. Несуразно взмахнув руками, Смигаржевский отлетел и рухнул в кювет, где и остался, так как получил чистой воды нокаут.

Минут через десять Астрид привела Татьяну, заплаканную и перепачканную. К тому времени Алексей пришёл в сознание и добивал остатки «Белого аиста»...

Знакомый ландшафт приветливо проглядывал сквозь предрассветный полумрак на фоне просветлевшего у горизонта неба. Они ехали, не спеша, отчего напросившаяся в попутчицы девица начинала нервничать и периодически вклиниваться в разговор с репликами «Что так долго?», «А нельзя ли побыстрее?» Её как будто не замечали. Окончательно поверив, что их встреча происходит не во сне, а на самом деле, друзья без умолку, перебивая друг друга, громко делились воспоминаниями. Иногда они принимались неистово хохотать, по несколько раз пересказывая наиболее смешные моменты совместно пережитого в памятный день, когда везли английскую миссию.

- Алёшка, узнаёшь? – Василий Петрович притормозил у заросшего травой постамента.

- Не может быть! Тот самый пионер?

- А то какой же ещё? Он родимый. Раздолбали окончательно, только щёбёнка одна осталась. Румынам видимо в кайф было по приднестровским пионерам стрелять...

Наконец, показалось солнце, ударило в упор и ослепило. Мгновенно вспыхнула аллея, в которой пыхтел, взбираясь на пригорок, красный «Фольксваген». По обе стороны дороги выстроились клёны. Листья были уже покрасневшими и в солнечных лучах буквально полыхали. Алексей глядел, как зачарованный. Великолепие пейзажа завораживало. Даже девица перестала ворчать и, улыбаясь, любовалась проснувшейся красотой этого погожего утра.

- Василь, останови, пожалуйста...

Они вышли из машины, закурили.

- Слышь, Петрович, а тебе не вредно?

- Что, курить? Ерунда, Лёшенька... Никаких отголосков. После операции зажило как на собаке. Правда, года три кашель держался, но доктор, ну тот, из госпиталя, ты ж его помнишь, сказал, что так и должно. А потом и кашель пропал. Не поверишь, ни разу даже простуду не схватил. А сердце мне тогда не задело потому, что оно у меня справа, не как у всех нормальных людей. А что твоя нога?

- Да пришлось помяться. Сейчас на погоду крутит. Мне по службе путёвки на курорт часто выделяют. Лечусь. Рука вообще не беспокоит. А на голове есть участок, которого не чувствую. Но я привык уже.

Они помолчали, думая каждый о своём. Алексей провалялся в хирургии тогда почти полгода. Ранение в бедро оказалось серьёзным, дало осложнение. Он даже чуть не умер от начавшегося сепсиса. Молодость и физическая закалка пересилили. К нему почти каждый день приходила Татьяна-переводчица. Кормила, целовала... И только Алексей собрался сделать предложение, поскольку, как он тогда думал, влюбился в неё по уши, Татьяна вдруг исчезла насовсем. После выписки, поехал к ней домой. Родители Татьяны встретили очень радушно. Мать прослезилась. А потом как обухом по голове: Танечка вышла замуж... И за кого вы думали – за мистера Смигаржевского!!! Теперь в Лондоне живут.

- А мне этот рыжий сразу не понравился, - Василий Петрович презрительно сплюнул, - жаль, патронов не было, ей богу бы пристрелил собаку. Мы ему шкуру спасли, а он... А! Что говорить... Кстати, женат?

- Женат, конечно, трое детей.

- Ничего себе! Ну, гвардеец, он и есть гвардеец. Молодец!

- А ты, Петрович?

- А я... Что я? К чему мне? – он как-то сразу помрачнел.

- Астрид?.. - Алексей спросил и осёкся, заметив, как на лице Василия Петровича отразилось душевное страдание.

- Понимаешь, Алёшка, кто бы рассказал раньше, ни за что не поверил бы. Не думал, что вообще такое бывает. А сейчас, знаешь ли, как закрою глаза, так и вижу её. Всё такую же, красивую, нежную. Как там, в том саду после Дубоссар. Вот, держи... - он достал из нагрудного кармана портмоне, вынул из него цветную фотокарточку и протянул Алексею.

- Так это ж она, Астрид! Всё такая же... Очаровательнейшая женщина. А с ней кто?

- Это её муж и дочери...

И он весь как-то ссутулился, поник головой. Алексею показалось, что в глазах у Петровича блеснуло. Бедный мой дружище... Он её любит до сих пор. Безответно. Хотя нет. Если бы так, то и переживать нечего. А ведь она тоже любит. На карточке взгляд-то у неё не простой, а как бы зовущий. Что тут скажешь?

И он подошёл и обнял друга. Крепко, по-мужски...

Екатерина ФИЛИПЧЕНКО

УТУШКА ЛУГОВАЯ (рассказ)

Шел районный смотр художественной самодеятельности. Зал украшен цветами.

Над сценой висит транспарант «Привет участникам смотра самодеятельного искусства».

Мероприятие это крупных масштабов. Второй день просмотра. Перед сценой стоят столы для жюри. Комиссия строгая.

Выступает один из танцевальных коллективов.

«Утушка луговая»- так называется сценический танец. Это девичьи страдания, выраженные в движении. Девушки грациозно, мелкими шажками продвигаются – «проплывают» по сцене, изображая храбрую утку, которая не ночевала ночью дома. Будет, возможно, страдать позже за необдуманные действия, а пока утка не раскаивается.

Девушки – исполнительницы подобраны как по стандарту: молоды, красивы, стройны, изящны. Зрители любят. С восхищением наблюдают за хитроумными перестроениями на сцене. Русская народная музыка успокаивает, умиротворяет. Идет танцевальное действо.

Долгий путь по сцене, очевидно, закружил голову одной «уточке» и она, забыв о подружках, «поплыла» в другом направлении. К ее запоздалому удивлению подруженьки, «сложив крылышки, причалили к бережкам» вдоль кулис. Девушка уже добралась до середины сцены в сольном исполнении. И тут

услышала грозное шипение гусака – постановщика танца: «Ты что делаешь?» Дрогнуло сердце бедной девушки. Но не стала метаться по сцене «не выпавшая за ночь уточка», а так же грациозно достигла противоположной кулисы.

Художественный руководитель самодеятельного коллектива уж так выразительно водил руками, показывая, куда она должна исчезнуть.

Быстро сориентировавшись в ситуации, танцующая не исчезла. Она встала впереди ведущей колонны, к которой теперь примкнула, девушки высокого роста.

Танец приобрел несколько иной рисунок. В одной колонне не хватало исполнительницы, а в другой лишняя невысокого росточка девушка оказалась во главе колонны. На нее теперь зашипела уточка – соперница: «Чего стоишь тут?» Исправить ничего нельзя уже было. Девушка невозмутимо продолжала вести танец.

После еще нескольких танцевальных движений танец закончился. В зале раздались дружные громкие аплодисменты. Раскланявшись, участницы ушли со сцены. Был объявлен другой номер.

В это время за сценой происходил настоящий «птичий» переполох. Все бросились к героине дня. Кто-то кричал:

-Молодец, Неля. Не растерялась.

Кто-то тряс за плечо:

-Ах ты, курица бестолковая. Спала на сцене...

Художественный руководитель подбежал к Неле вплотную, зло заглянул в глаза. Девушка стояла перед ним, как кролик перед удавом. Он проглотил слюну, резко махнул рукой и отошел в сторону. Там заламывал руки постановщик танца.

-Провал, полный провал. Ах, Неля!..

Но после излияния эмоций раздался вдруг тихий смех. Потом еще кто-то засмеялся. А через секунду уже «закулисье» дрожало от сдержанного глухого «гогота птичьей стаи»

Призовое место все же было присвоено. Как восприняло жюри такую неудачу, осталось загадкой. Наверное, казус был принят за художественный замысел.

Неля всю жизнь помнит этот танец.

КОНЕЦ ДВАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ (рассказ)

Конец двадцатого столетия. В стране перестройка. Убирают старое здание государственности, новое пока не строится. Чести достойны люди, которые приняли перестройку, как обновление жизни. Некоторые видели в этом гибель. Были и такие, кто смог нагреть руки, набить карманы. Для сельских жителей особого интереса или напряжения все перемены не имели. Люди твердо знали, что надо пахать, сеять, убирать урожай. Меркой понятий жизни стало слово «завтра». Светлая жизнь придет когда-то завтра, деньги заработанные выплатят завтра, жуликов не станет завтра. Власти понимали, что строить новое нужно на прочном фундаменте. А его уже не было. Сломался, прогнил и сломался. Жить нужно было. Пугали друг друга. Сильные пугали слабых, здоровые – больных, имущие – неимущих.

В такое смутное время в одной деревне произошли события частного характера. Все началось с того, что у женщины, жившей в деревне, пенсионерки, вдовы стала разваливаться баня. Позвала женщина сына на помощь. По вечерам после работы ее Ванечка баню перебрал. Да только прогнившие доски пришлось выбросить. Осталась баня без пола и потолка. И смелая пенсионерка решила перенести доски к себе со стройки совхозной. Благо, что стройка велась рядом с ее домом.

Твердила себе Валентина, так звали эту женщину, что только ради внуков делает такое дело, чтобы они могли помыться, будучи у нее в гостях. И факт состоялся. Наносила столько досок, что получился даже полук и новенькие скамеечки. Баня сверкала белизной.

Прошло какое-то время. И надо же было так случиться, что из-за сырой и холодной квартиры у сына Вани разболелись дети. Соседка Нина, тоже пенсионерка и тоже вдова, посоветовала Валентине по дружбе, а дружили они давно, прямо с того момента, как Валентина осталась одинокой:

-Сходи, подруга, к директору. Ваня молодой, постесняется просить, а тебя здесь все уважают. Попроси квартиру в любом доме.

Соседка была проницательная женщина. К Валентине подступила с предложением и ждала развязки.

Валентина мешкать не стала и отправилась на прием к директору. Директор принял уважаемую пенсионерку почтительно.

-Видите ли, квартиру мы Ивану выделим обязательно как хорошему, безотказному работнику только в новом доме, который строится рядом с вами. Там есть преимущества.

Квартира на полдома, все хозяйственные постройки рядом и возле дома приусадебный участок, а не на поле где-то далеко от дома. Правда, есть одна неувязка: дом разукomплектован. Он ведь щитовой и весь стройматериал поступил в комплекте. Сейчас не хватает досок. Попозже заготовим доски и строительство закончим.

Валентина побледнела, мотнула головой и простонала:

- Что я наделала?

Директор заметил перепад настроения.

-Вам плохо?- участливо спросил он.

- Н-нет, я о своем,- нехотя проговорила женщина. Машинально поблагодарила и поторопилась к выходу.

Домой она плелась нога за ногу. Встречались знакомые люди. На приветствия отвечала, не поднимая головы.

-Вот же незадача. Нинка тогда совет дала перенести доски, а я и ухватилась за эту мысль. Все равно нигде не взять больше. Развал везде. А стройку забросили, ну я и...

Вот жила себе спокойно и не подозревала, где кроется подвох. Как теперь поправить положение? Ой, случилась со мной беда непоправимая.

Постарела Валентина за последние дни. Все дома, к подруге не заходит. Баню свою чистую да уютную разлюбила. Глаза стала прятать. От сына позорную тайну хранила.

Через полтора года получил Ваня квартиру в новом доме. Внуки рядом, каждый день с сыном виделись, с невесткой. Живи и радуйся!

В длинные, зимние вечера стала Валентина записывать свои переживания в тетрадь.

Там она описала историю своей бани, свои мучения. «Верой и правдой всегда служила своим детям, а тут сплеховала. Думаю, что Нинка подозревает о моих страданиях, но я ей не расскажу ничего. Она неверная»

Вскоре Валентина серьезно заболела и умерла. Греховную свою тайну унесла с собой. Позже перебирая вещи матери, обнаружили эту тетрадь.

Андрей КАНЕВ

ХОРОШАЯ КЛАРА... (рассказ)

В семье Вероники и Сереги Кузьпелевых детей не было. Жили они в свое удовольствие, что наживали, все проматывали на зарубежные круизные поездки. Своей отдельной квартиры по молодости у Кузьпелевых не было, а крышей над головой им служила комната в общежитии секционного типа с ванной и туалетом на две семьи. С соседями Вероника и Серега ладили, те занимали комнату побольше и смогли позволить себе полтора года назад завести ребенка, вечно сопливого, но не плаксивого молчуна Данилку.

После появления в семье соседней Данилки, Кузьпелевы стали тоже чувствовать какую-то неосознанную тягу к заботе о ком-нибудь в соответствии со своей жилплощадью маленьком и в отместку решили завести говорящего попугайчика.

Придуманно сделано. Вскоре красивая клетка висела у самого окна над столом. Попугай был самочкой, по обоюдному согласию назвали птичку Ларой. Продавец на рынке клялся, что попугай говорящей породы, а также посоветовал, чтобы научить птицу говорить, нужно написать на бумаге несколько общепринятых выражений и раза три-четыре зачитывать этот текст монотонным громким голосом. Тогда, мол, птица начнет повторять сначала про себя, а потом и вслух.

Два вечера Вероника и Сергей бились над будущим разговорником востроносой Лары, в конце концов, выражения приятные слуху были придуманы, а зачитывать их, решено было по три раза на дню, словно "Отче наш..." перед завтраком, обедом и ужином по два раза. Сначала Сергей упражнялся в будущей птичьей словесности, а затем и Вероника вторила стараниям мужа. Что вскоре приобрело некую торжественность и стало пахнуть семейной ритуальностью.

Начиналось это действо с того, что Вероника разливала или раскладывала по тарелкам еду, выставляла провиант на стол. Чета церемонно усаживалась и, влюблено глядя на свою любимицу, Серега начинал читать трагичным голосом диктора Левитана военных времен:

- Клара хорошая... Папа на работе... Клара хорошая... Дай корм... Клара хорошая... - и еще минуты три в том же духе.

Однако шел уже второй месяц долбежки, а бестолковая Клара, внимательно выслушивая ежедневные тирады в свой адрес, молчала как камень. Человеческая речь ей была, видимо, не нужна, зато каждое утро часов эдак в пять заливалась неописуемыми трелями, подражая, то ли жаворонкам, то ли соловьям, которых вряд ли в своей недолгой жизни встречала.

Лучик надежды у Кузьпелевых постепенно угасал, как вдруг однажды вечером они оба услышали из-за стенки произносимое с теми же трагическими интонациями:

- Клара хорошая... Папа на работе... Клара хорошая... Дай корм... Клара хорошая... - и еще минуты три в том же духе.

Возмущенные таким поведением соседей Вероника и Серега бросились в общий коридорчик, чтобы на корню прекратить мерзкое передразнивание их благих начинаний. Так и не познавшая плодов учения Клара заинтересованно смотрела им в след.

Каково же было удивление Кузьпелевых, когда они, распахнув соседскую дверь, увидели следующую картину. Оба родителя стояли посреди комнаты и не на шутку перепуганные разглядывали своего не говорившего до недавнего времени ни слова Данилку, который сидел на горшке, справляя свои мелкие надобности, и, методично покачиваясь, трагичным басом Левитана вещал:

- Клара хорошая... Папа на работе... Клара хорошая... Дай корм... Клара хорошая... Дай корм...

Внезапная обоюдная мысль поразила головы Кузьпелевых... Они, толкаясь в проходе узкого общего коридорчика, бросились в свою комнату делать маленького, толковенького детеночка, чем они хуже каких-то там своих соседей.

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ (рассказ)

Какая тоска, и нападёт же такая. Жмет сердце, а ведь не выльется, так и останется сидеть внутри. Бывает, скажешь, с кем не случилось. Да, бывает, соглашусь, бывает с каждым. Но сейчас это случилось именно со мной, а не с кем-нибудь другим. Что делать? Сижу и чувствую полную опустошенность. Ни одной мысли в голове. Да и откуда им взяться, в ней-то, пустой?

Именно в такие минуты и посещает тебя осознание того, что ты одинок. Да, одинок, одинок и еще раз одинок. Ты индивидуален, все индивидуально. И каждый смотрит в зеркало именно на свою индивидуальную физиономию. И, чаще всего, оценивает ее как положительную, замечательную, умную и прекрасную...

Зачем все это надо? Для чего я хочу высказаться, да и перед кем? Накипело... А что накипело? Ты хочешь высказаться... А есть у тебя о чем? Нет, и никогда не было. Все зависит от ситуации. Ты видишь, что перед тобой автобус наполнился людьми, а ты туда не поместился, потому что не влез. Вот ты и высказываешься по этому гнусному поводу. А так, если ты один, и только один, и пристально смотришь в глубь себя, надо долго покопаться и подумать, даже перед тем, чтобы сказать:

- Мда... м-м-м...

А тебе ответят с умным видом:

- Сказать-то нечего!

Погода в такое время всегда скверная. Дождь на улице, солнце, или морозец, всегда плохо. В дождь ты промокнешь. На солнце сгоришь. А в мороз, пусть даже слабенький, у тебя обязательно замерзнет кончик носа...

Так и хочется заорать стихами:

Привет тебе, моя печальная лисичка.

Ты где-то там, в своей далекой Воркуте...

Ты в моей жизни яркая страничка

С приветом лета жизни на листе...

Это все равно, что в детстве. Ты прикладываешься языком в мороз к железной ручке, она так аппетитно покрыта инеем. И как только язык намертво прилипает, кто-нибудь с той стороны обязательно дергает дверь на себя...

Вот она тоска в чистом виде... Стою с ее братом за билетами на поезд в одной очереди, а он мне рассказывает о несчастьях случившихся с ее мужем. Ощущение страха перед случившимся вперемежку с физической и душевной болью. Все, вроде бы, хорошо все, все, без перечислений. Кажется, вот он бессмертный Швейк в книжном переплете, возьми, прочти, взбодрись... Нет же, не может да и не хочется. Организм не повинуется тебе. Ты слабовольный человек. Не только не хочешь, но еще и не можешь себя заставить сделать именно то, что тебе сейчас нужно...

Не оглядывайся по сторонам. Тебе сейчас все равно – где ты. Все равно – будет ли что-нибудь с тобой через час, через год. В тебе сейчас только тоска и память о том, что случилось. Ведь именно то, что случилось и повлекло за собой и одиночество, и все остальное... Оно случилось и ничего не попишешь, обижайся на судьбу, не обижайся...

Ты уже не в силах ничего изменить. Как это ни банально звучит, она от тебя уже ушла...

КУПИ И МНЕ... (рассказ)

Было для Севера очень жарко. В этот год после продолжительной болезни, растянувшейся на несколько лет, скоропостижно скончался генеральный секретарь Брежнев. Но, не смотря на это, жизнь в стране худо-бедно, а продолжалась...

Солнце вот-вот займет свою высшую точку. Базарная площадь полна народу. Под ногами голуби шествуют до того размеренно и лентяят взлетать, что приходится их обходить самому, чтобы ненароком не наступить.

Сегодня, в предпоследний день своего отпуска, Володя решил потратить на прогулку по городскому рынку, надо было купить кое-что из мелочи по хозяйству. Хоть и надел на себя футболку, все равно невыносимо жарко, снять бы ее, чувствовал, как по спине текут струйки пота.

Откинув на бок светлый чуб и осмотревшись, он направился к очереди у пивной. Не столько хотелось пива, сколько хотелось пить. Бочка с надписью «Квас», стоявшая рядом, была пуста.

Очередь двигалась быстро: то тут, то там белыми флажками взлетали к потным лицам носовые платки. Мужики, медленно переминаясь с ноги на ногу, лениво бросали друг в друга по несколько каждый раз почти одних и тех же слов:

- Скоро там?

- Быстрее бы.
- Да, жарко...
- Свежее, холодненькое...

Подошла Володина очередь, он наклонился к окошечку:

- Кружечку, хозяйюшка.

И вдруг почувствовал, как кто-то несильно ткнул его в спину. Послышался хрипловатый голос:

- Возьми и мне.

Володя обернулся. Перед ним стоял шуплый паренек в майке и рваных кое-где трико. Неприятно пахло перегаром. Впалые щеки парня были давно не бриты. «Почему он обратился именно ко мне, ведь я, пожалуй, здоровее его раза в два буду?» – подумал Володя, пристально оглядывая фигуру приставаля.

- Купи...

Глаза подошедшего не просили и не ехидничали, не было в них ни злобы, ни лукавства, одна холодная пустота. «Черт с ним, что мне жалко что ли...» – решил Володя.

- Налей две, хозяйюшка, - и ему, - вернешь потом...
- Верну... - и снова в глазах пустота.

Взяв пиво, отошли вместе к забору, сели рядом на свободный ящик.

- Водки будешь? – спросил парень, вынимая из-под майки бутылку.
- Нет, я в жару не пью.
- А я пью... Коля, - протянул небритый руку.

Володя, отпив пива, протянул свою, представился:

- Владимир... А ты чего в жару пьешь? – спросил он нового знакомого только для того, чтобы не сидеть молча.

- Бывает, - парень откупорил бутылку, отхлебнул, поморщился, отхлебнул пива из своей кружки. – Закусить нечем, вот ты помог, хоть пивком запью... Стырить в магазине плавленый сырок? Не могу, не совсем еще докатился...

- Что это ты, - спросил Володя, - такой молодой, а уже запойный?

Николай не обиделся:

- Да нет, вторую неделю только так и пью. Не знаю, куда себя деть... Жена к матери уехала...

- Значит, от любви к жене страдаешь? – осведомился Владимир, - Да мало ли от кого жены уходят, вон вокруг сколько баб, бери, не хочу...

- Не совсем из-за жены...

Колючий кадык Николая задержался, в бутылке забулькало. Володя закурил, предложил и ему.

- Не курю, и тебе не советую! – вдруг обозлился собеседник и посмотрел на сигарету с неожиданной для этого безобидного предмета яростью.

Владимиру не хотелось ругаться, не так уж сильно хотелось курить. Жара, казалось, проникла в каждую клеточку его тела. Хотелось спокойно сидеть на корточках в тени этого забора и потягивать холодное пиво. Володя хмыкнул для поддержания собственного достоинства и далеко отбросил только что раскуренную сигарету.

- Дерганый ты какой-то, Коля...

- Да уж, - скривился тот и скрипнул зубами, - станешь тут дерганым... Пацана у меня убили вот таким же вот манером...

- Что? – чуть не поперхнулся пивом Володя, ведь он, слушая этого полусумасшедшего, представлял, как придет домой и снова увидит сияющие глазенки своего семимесячного сынишки, - Как? Кто это сделал?

Парень снова глотнул из бутылки, как-то сразу размяк и продолжил:

- Понимаешь... - пьяные слезы выступили на его глазах, - мы как-то с моей Любонькой гуляли. Хорошо, я перед собой коляску качу. У нас красненькая, хоть и мальчик... И решили мы с ней зайти в универмаг, мне нужны были на осень новые ботинки. Кирилку в коляске внизу оставили... Зашли, купили, выходим, а у него папироса во рту вместо пустышки торчит... Пошутил кто-то.. Понимаешь? Сволочи вонючие... - Николай горько всхлипнул. – Задохнулся наш Кирилка, понимаешь?

Помолчали. Володьке от такого рассказа стало не по себе. Пиво пить точно расхотелось. Он взял у Николая из рук бутылку, глотнул водки, запил пивом:

- Нашли этих козлов? – Володьке стало холодно, мурашки побежали по спине.

Он развернулся всем корпусом к Николаю:

- Нашли?

- Милиции дело... ищут... А я вот... жена уехала... На работу не хожу... электрик я во втором домоуправлении... выгонят, наверно, кому такой нужен...

- Зарплату давно получал?

- Давненько...

- На что живешь?

- К друзьям захаживаю. Подают, как нищему, кто пятерку, кто трояк... откупиться хотят... от меня дурно пахнуть стало...

Володя встал с корточек во весь рост:

- Дурак. Поезжай к жене, вам надо быть сейчас вместе. А вы дураки разбежались.

Мужики в очереди повернулись в их сторону. Володя продолжил, но уже вполголоса:

- Вам другой нужен. Еще один, понимаешь? Ты же мужик, Коля, забеременеть она должна, понимаешь?

Николай встал, покачиваясь, аккуратно поставил на землю кружку с недопитым пивом, и, не оборачиваясь, поплелся к выходу с рынка. Володя рядом опустил и свою кружку, недопитую бутылку также, к радости ожидавшей развязки очереди, поставил на землю:

- Нет, ты стой! Подожди, вместе пойдем...

Он чувствовал, что этому парню нужно что-то сказать такое, от чего бы весь мир перевернулся, чтобы спасти его от себя самого. Он догнал Николая уже за воротами рынка:

- Коль, погоди...

- Ну что тебе? – обернулся тот.

- Куда собрался?

- На речку топиться... А тебе-то что?

- Пошли вместе, - предложил Володя, я тоже после рынка собирался сходить искупаться.

Вскоре Николая от выпитого окончательно развезло. Володя подхватил его под руку:

- Говоришь, электриком работаешь?

- Ага...
- Вот совпадение, я тоже по этой же части...
- Тоже в ЖЭУ?
- Не-а учителем физики в школе.
- А, грамотный...
- Есть немного... А служил ты где?
- В Ка... Казахстане...
- Да ты что! И я тоже там... А живешь-то ты где, может еще и соседи?
- Мы все на этой земле соседи...

Володя решил довести нового знакомого до дома.

- Ты все-таки скажи, где живешь?

Тот сказал адрес. Пришлось возвращаться к рынку. В однокомнатной квартире царил полный бардак. Везде валялись пустые бутылки, обрывки каких-то газет, какие-то вещи, одежда, окурки... Володя свалил Николая на диван, сунул под голову подушку, постоял и подумал: «Так, первым делом нужно поставить рядом таз и открыть все окна, пусть помещение проветрится». Сделав это, он присел на край дивана. Поразмыслив с минуту, принялся за уборку. На приведение квартиры в порядок ушло около часа. Затем он вышел в коридор, чтобы найти телефон и позвонить жене Нине, а то, поди, волнуется. Одновременно с ним из соседней квартиры на площадке появилась миловидная женщина средних лет:

- Извините, вы не подскажете, - обратился к ней Володя, - есть тут у кого-нибудь телефон, мне нужно срочно позвонить.

Она смерила спросившего взглядом и, видимо, женским чутьем определив, что этот мужчина не является источником опасности, ответила:

- Если вам не долго, то позвоните от нас, пойдемте...

Трубку Нина подняла не сразу, видимо, чем-то была занята. Но вскоре длинные гудки прекратились, и Володя услышал:

- Алло...
- Приветик, солнце!
- Ах, это ты...
- Да.
- Где ты пропадаешь? Мы тут с Дениской тебя ждем, ждем...
- Нин, такое дело... - и муж вкратце рассказал ей о случившейся с ним истории.

- Так, что ты предлагаешь?

- Вот что, купи что-нибудь из продуктов, суп в пачках, чай, сахар, хлеб...

Сама разберешься. Дениску под мышку и сюда.

- Ладно, я скоро... - и Нина положила трубку.

Володя поблагодарил соседку Николая, тактично удалившуюся во время разговора на кухню, сходил к нему в квартиру проверить состояние, и спустился к подъезду дожидаться жену. Она вскоре уже входила во двор.

- Ты все купила?
- Все. Дениска спит, занесем в квартиру или здесь оставим?
- Он живет на первом этаже, так что лучше занесем...

Что они и сделали. Дениска так и не проснулся. Коляску оставили в прихожей. Хозяин тоже, беспокойно ворочаясь и всхлипывая, спал на диване. Нина подошла к серванту, между стекол которого стояла фотография мальчика.

- Бедные родители... - сказала она, глядя на Николая. – Фотографию необходимо спрятать.

- Я тоже так думаю, - согласился Володя.

- Что будем делать дальше?

- Значит так, сейчас четыре часа дня... Еще успеешь. Поезжай во второе ЖЭУ, поговори с начальником, у тебя это лучше получится, объясни ситуацию, парня нужно спасать... Или они там что, совсем душами очерствели? Я останусь пока здесь, дождусь, когда проснется Николай. Потолкую с ним и приду домой. Если Дениска проснется, переодену его и покормлю, ты не волнуйся.

- Ладно, молоко и ползунки в коляске... - согласилась Нина, и уже у дверей спросила, - Как хоть его фамилия?

- Не знаю, - пожал плечами Володя, - там спросишь, в общем, ты у меня боевая, на месте разберешься.

Нина ушла, а Володя, ожидая пробуждения хозяина, принялся перелистывать немногочисленные книжки, стоявшие на полке. Вскоре сын заворочался в коляске, а потом и заплакал. Володя сменил мокрые ползунки, дал бутылочку с молоком. Мальчишка тут же жадно присосался к соске.

- Кто тут? – вдруг раздался хриплый голос из комнаты.

Володя с сыном на руках вернулся в комнату:

- Это мы, Коль...

- Кто ты? Что ты тут делаешь? – недоумевал проснувшийся хозяин.

- Ну, - попытался объяснить Володя, - сегодня на рынке познакомились...

Вот сына переодел да кормлю...

Николай тяжелым взглядом обвел комнату и, зло дергаясь всем телом, снова захрипел:

- Ворвался ко мне в квартиру, еще и выкормыша своего сюда притащил...

Может ты меня уже отсюда выселил... Может я уже здесь и не живу совсем?

Сейчас Николаю ничего объяснить было невозможно. Поняв это, гость быстро собрался, выкатил коляску с ребенком на площадку, стал спускаться на улицу. А в спину ему продолжали лететь злые слова:

- Все сволочи, счастливые они... Им хорошо, у них детей подонки не убивали... Все сволочи...

Зима в тот год в Сыктывкаре была такой же сильно морозной, каким жарким было лето. Под новый год крещенские морозы дали жару по полной. Вечерний город готовился к празднику. Володя спешил домой после работы, вскочил в уже тронувшийся было автобус. Он сжимал под мышкой бутылку шампанского. Отыскав в кармане пяточок, потянулся к билетной автоматической кассе и вдруг услышал знакомый хриловатый голос:

- Купи и мне...

Он поднял глаза и увидел перед собой бородатое, улыбающееся лицо, мужчина дружелюбно произнес:

- Здравствуй, друг, здравствуй... Прости, не помню твоего имени, прости...

Он перехватил, потянувшуюся опустить в щель автомата пяточок, руку Владимира и стал ее неистово жать. Володя не узнал этого человека, постарался высвободить руку:

- Извините, но я вас не знаю, вы, наверно, ошиблись... Так бывает... Так и со мной не раз было...

Но незнакомец не унимался:

- Подожди, послушай, ты меня не узнаешь, мы с тобой еще летом на рынке познакомились...

Володя стал припоминать, и узнал в изменившихся чертах опухшее от пьянки лицо того парня, которого однажды летом проводил домой, у которого тогда еще погиб мальчик.

- А это... вы, извините, тоже не припомню, как вас зовут...

- Это ничего, меня зовут Николай, а вас... то есть тебя?

- Меня Владимир.

- Вот и познакомились заново... Ты мне тогда жизнь спас, да что мне, и моей жене спас... Я тебя давно в городе разыскиваю, почти все школы прошел, помню, что ты учитель, а учитель чего не помню, как фамилия, как зовут не знаю... А тут, поди ж ты, случайно встретились...

- А я тебя тоже сначала не узнал, - обрадовался встрече и тому, что в Николае произошли такие изменения Володя.

- Да, бороду отпустил, как тогда не стал бриться, с тех пор и растет себе, два раза уже подравнивал.

- Тебе так тоже хорошо.

- Спасибо тебе, дорогой Володя. Выздоровел я, вылечил ты меня, мне ребята на работе рассказывали, как твоя жена на нашего начальника орала, тот неделю в себя прийти не мог, за то ко мне каждый день ходить стали, на партком вызывали, на местком строили, комсомольцы задолбали своими собраниями... Я и на работе восстановился, и к теще в деревню за женой съездил... У нас теперь все хорошо, все наладилось... Умер сынок, но жизнь-то вот она. Продолжается, скоро у нас еще ребенок будет, а все благодаря тебе, тому, что не прошел мимо, не бросил... Да что я, как на собрании... - смутился Николай, - извини ты меня... Но я не знаю, что говорят в подобных ситуациях...

- А ничего не говорят, - улыбнулся Володя, - мы с тобой получились на вроде родственников, а друг друга хорошо и не знаем.

- Так в чем проблема? Вы новый год с женой, где думаете справлять?

- Пока решили с Ниной, что дома, в кругу семьи... Вот шампанское купил...

- А, может, к нам? Любонька наготовила, хоть в живую вас с Ниной увидит, а то я ей все уши про прожужжал... Приходите с сыном, кроватка у нас есть, он будет спать. А мы отпразднуем, как положено...

- Не знаю, как Нина.

- У тебя телефон есть?

- Есть, - Володя назвал номер.

- И нам провели, - Николай тоже назвал свой номер.

- Ну, тогда и созвонимся...

Они крепко пожали друг руки, и Володя вышел на своей остановке.

1983 год.

ГАШИШ И МАРИХУАННОЧКА (рассказ)

В тридевятom царстве-государстве Коноплянии стоял дворец – квартира евроотремонтированная. Жил да был в ней безбедно, ел да пил сладко царь-батюшка Гашиш. И дочь у него была, как положено, невестующая, Марихуанночкой звали. Беззаботно жилося им в Коноплянии, теплоцентрально тепло давала, газ и вода по трубам текли. В ванне плескались золотые рыбки. Кот ученый, как и у известного Волонда, тоже Бегемот, валялся на хозяйском троне. Дочка мультяшки по виду зыркала.

Захихикает бывало царь, сидя у цветного телевизора:

- Не жисть, а малина...

Но не бывать сказке сказкой, если не случится в ней какой подлой коллизии.

Снизошла на Гашиша беда. К принцессе посватался трехголовый, поганец, дракоша Опиумчик. Да такую нахальную политику повел по поводу царства-государства Коноплянии, что Гашиш схватился за свою седую голову и задумался вслух, а чо стесняться-то:

- Положил змеюка на мое евроотремонтированное гнездышко все свои шесть поганных глазищ... В три глотки жрет... Неужто не найду на ипохондрика окаянного управу?

А Марихуанночка тем временем убивается, горькими слезками умывается:

- Ой, горюшко луковое... Ой...

Знать, любовь.

Схватился Гашиш царственной рученькой за аппарат телефонный, перебрался тихонечко в туалет и оттуда клич бросил:

- Эх ты, гой еси... тьфу ты...

Смелому, мол, да храброму, мол, тому, кто гада ползучего, силу адову изничтожит, он единовластно отдаст свою разлюбезную Марихуанночку и пол-Коноплянии через нотариуса в придачу.

Вышел Гашиш из сортира, забился в уголок, сидит, ручонки похотливые сложил, судьбы дожидается. Ну не царь – лапушка неприкаянная.

Опиумчик тем временем от любви своей безответной совсем разума лишился – еще пуще обнаглел. Бегемота с трона согнал, принцессу на чешуйчатые колени усадил и развлекается, чмокнуть ее пытается всеми тремя губастыми образинами в одну бледненькую щечку – жуть... А одним лиловым глазком все ж таки на Гашиша устремляется прищур скалит, трепещи, мол, моя сила.

На сорочьих крыльях долетел клич до Ваньки Мента-Ментовича, лежебоки словно он в пожарниках служит. Почесал тот в затылке, лень вроде бы как с ведомственной гаишной печи слезать да в путь-дорогу собираться. Но замаячили у него в глазах тридевятьевские пряники, повкусней тульских поди будут... И свалился он с печи, лапоточки фирменные натянул да и покатил себе на подвернувшемся таксомоторе за дарма вызволять из беды Марихуанночку. Только и успел сказать:

- Етишь ты, не жизнь, а одни проблемы вокруг...

Не скоро сказка сказывается, да, видать, с голодухи быстро дела делаются.

Добрался Ванька Мент-Ментович, не лыком шит, давно не фраер, разнюхал обстановочку и пустился на тактическую хитрость: споил-таки водкой змеюку поганого. Тот с балкона скovyрнулся, крылья не выдюжили, жмякнулся на перекресток, там сначала через него переехал трейлер с бананами, а потом еще и воронок подобрал и отвез в местный медвытрезвитель. Навсегда... Ибо, писался змеюка чистым самогоном.

Отер Ванька белой рученькой ратный пот с чела, а Гашиш ему:

- Пасибе, тебе добрый молодец!

И Марихуанночка туда же:

- Наше вам с кисточкой, за ратный труд почитание выйdet, а то еще батенька раздобреется и медалькой побалует...

Типа, «200 лет МВД России».

А Ванька ейные балакалки мимо ушей пропускает, да кумекает: «Вот мне и полцарства привалило, и девка породистая в постель, и пряников тридевятьевских откушаю вволю...» Кланяется Мент-Ментович Гашишу троекратно, Марихуанночку за бледненькую ручку берет...

Тут бы и сказочке счастливый конец, но у нас в России так на халяву для простых граждан, типа Ваньки, не бывает. На лифте, как на ковре-самолете взметнулся на девятый этаж прокурорский лейтенант Сидоров, страшный завистник до чужого беззакония, и порушил на корню Конопляное Ванькино счастье.

Максим ЧУПРОВ

ПОБЕГ БОЛЬШОГО ЧЕЛОВЕКА (рассказ)

Он убегал. Убегал от всего. От своей жизни; людей, которые его окружали; семьи, которая ему порядком надоела; работы, которая до невозможности наскучила, несмотря на весьма высокий доход. В последнее время даже самые обыденные вещи жутко раздражали. Целая куча противоречий разрывала его на части, не давая спокойно жить. Терпеть все это он больше не мог, потому и убегал от действительности. Куда приведет этот побег он не знал, ему было абсолютно безразлично, что произойдет с ним дальше. Сильнейшая волна апатии, словно разбушевавшееся цунами, нахлынула на него, смывая все прошлые тревоги и заботы. Даже недавняя смерть двоюродной сестры, которую он так сильно любил, осталась под непроглядной пеленой тумана. Волновало его сейчас только одно – уехать как можно дальше, пока его пропажу не обнаружили и не начали искать.

Черный бронированный автомобиль с тонированными стеклами, сделанный на заказ, отлично помогал в осуществлении побега. Яркий свет габаритных огней прорезал ночную тьму на его пути в новую жизнь, в которой не будет огромной ответственности, в которой не надо будет соответствовать своему положению, где он будет делать только то, что хочет. Он поедет, куда глаза глядят, а дальше – будь что будет.

На заднем сиденье лежала синяя спортивная сумка, до отказа набитая крупными купюрами, так что работать ему не придется как минимум лет двадцать. Он позаботился о материальном обеспечении, прежде чем бросить свою прежнюю жизнь, иначе не был бы столь быстр в принятии решений.

В его представлении не было даже того, куда ведет эта трасса, не говоря уже о том, какой отсюда ближайший город и чем он может похвастаться. Он знал, что куда-нибудь эта трасса обязательно приведет. Он просто ехал вперед, держа скорость на ста двадцати километрах в час.

Спустя сорок минут показались редкие огни маленького города. Он проехал мимо таблички с названием города и отправился на поиски мотеля или гостиницы, где можно было провести ночь.

Таких оказалось не много. Он остановил свой выбор на старом мотеле, недалеко от трассы. Рядом находились бензозаправочная станция и кафе, так что утром он мог сделать все необходимые дела.

К таким условиям, как в этом мотеле, он, конечно, не привык, но выбора не было. К тому же, в таком безразличном состоянии любая, даже самая грязная койка, казалась не более чем местом для сна.

На следующее утро его настроение несколько не изменилось, все прежние ощущения сохранились, пути назад не было.

Он позавтракал в кафе, захватил несколько бутербродов с собой и отправился по уже обозначенному маршруту все дальше и дальше от своего прошлого.

Здесь его никто не узнал – натянутая на голову кепка с длинным козырьком хорошо скрывала лицо. По роду своей деятельности он был довольно узнаваемым человеком, а лишнее внимание ему сейчас было не к чему, поэтому приходилось принимать меры предосторожности. Маленькая капелька разума в бушующем потоке апатии давала о себе знать, когда ситуация того требовала.

Целый день, от заката до рассвета, он ехал по ровному асфальту трассы, миновал около пяти городков, все они были точь-в-точь похожи на тот, где он провел прошлую ночь.

Пейзаж не отличался разнообразием. По обе стороны дороги уныло громоздились голые деревья, их ветви напоминали беспомощно раскинутые руки потерявшего равновесие человека, опавшие листья золотистым ковром устилали обочину. На небе собирались серые тучи, готовясь обрушить на землю тысячи тонн дождевой воды. Осень уверенно вступала в свои права.

Мужчину в бронированном автомобиле мало интересовала природа. В последнее время он вообще редко замечал какие-либо изменения в ней, что лето, что зима, все равно.

Ближе к семи вечера пошел мощный ливень. “Дворники” энергично заработали, с еле слышным скрипом очищая лобовое стекло.

В дождливую погоду чувство уныния только усиливалось, дождь способствовал появлению более грустных мыслей, вызывал какую-то отстраненность. Но повлиять на и без того отстраненное состояние убегающего от действительности человека он не мог.

Через полчаса показался еще один городок, на этот раз крупнее предыдущих. Вдалеке угадывалась крупная светящаяся вывеска, рекламирующая заправку и примыкающий к ней бар, где местные пьяницы находили спасение в заветной бутылке со спиртным. Он не стал посещать это место, уж слишком сильным было отвращение к людям подобного типа.

Когда он отъехал на пятьдесят метров от бара, лучи света фар выхватили из темноты и плотной стены дождя фигуру человека, развалившегося прямо на дороге. Он лежал на асфальте, мок под проливным дождем, не в состоянии

подняться на ноги. Но лежал, не растянувшись во весь рост, а сжавшись в комок, значит, по крайней мере, был жив.

Водитель бронированного автомобиля резко ударил по тормозам. Машина замерла в метре от вялого тела лежащего на дороге пешехода.

Поначалу он подумал, что этому бедолаге стало плохо, может инфаркт или потеря сознания, но на деле все оказалось гораздо проще. Он вышел из машины и подошел к нему. Подергал за плечо, спросил все ли в порядке. В ответ получил лишь неясное бормотание.

Причиной столь неадекватного поведения явился алкоголь. Этот человек был до невозможности пьян. Он, вероятно, шел из бара после веселого вечера в компании друзей. Продолав небольшой путь, не в силах больше удержать себя на ногах, упал прямо здесь, на оживленной трассе. Причем вечера такие устраивал себе не раз в месяц или даже в неделю, а при первой возможности. Таких людей его мама называла безнадежно потерянными.

– Вставайте. Вам надо встать и идти домой. – Сказал он, дергая его за рукав потрепанной кожаной куртки. – Вы можете подхватить простуду. Господи, сколько вы выпили? – В ответ снова только бурчание. – Или хотя бы лягте на обочине, чтобы не создавать аварийно опасную ситуацию. – С этими словами он начал перетаскивать пьяного мужчину с асфальта на грунт.

Он постоял около минуты, глядя на мужчину, раздумывая, стоит ли везти его в больницу, вытрезвитель или какую-нибудь дешевую гостиницу, ведь он все-таки мог умереть. Решил, что стоит.

Погрузив его, как багаж, на заднее сиденье, он развернулся и направился в город на поиски ночного пристанища для этого потерянного человека. Сумку с деньгами для спокойствия переложил не переднее сиденье.

Проще было найти гостиницу, чем учреждение, где ему могли бы предоставить медицинское обслуживание, да и возни с его обустройством будет меньше. Персонал, увидев несколько крупных купюр, не станет задавать много вопросов.

Впопыхах он забыл надеть скрывающую лицо кепку и вообще потерял всю бдительность, так сильно загорелся желанием помочь человеку, именно поэтому девушка в приемной гостиницы уронила на пол журнал, когда он вошел, таща с собой какого-то пьяницу и выпученными глазами уставилась на него, пытаясь сообразить действительно ли это происходит или ей привиделось.

– Ч-ч-что вы здесь делаете? – Заикаясь из-за такой неожиданной встречи, проговорила она.

Он понял, что совершил ошибку. Аккуратно опустил мужчину на пол, положил на стойку пять крупных купюр и сказал:

– Проследите, чтобы этот человек отлично провел здесь ночь. Утром предоставьте ему завтрак. Мы договорились?

Девушка, все еще находясь в легком шоке, медленно кивнула головой. Ее голубые на выкате глаза походили на два блюдца, до того сильным было удивление.

Он не терял времени даром, рысью выскочил из гостиницы, сел в автомобиль и продолжил свой путь.

Встреча с этим человеком что-то в нем изменила. Она практически уничтожила апатию. Безразличие как рукой сняло. Появилась конкретная цель –

продолжать жить и не позволить себе и окружающим дойти до такого ужасно состояния. Но возвращаться к прежней жизни он не собирался. Ни в коем случае.

Эту ночь он решил провести в автомобиле, на заднем сиденье было вполне удобно.

Прошло уже примерно сорок часов с тех пор как он тайно покинул свой загородный дом и пустился в бег. Его пропажу наверняка обнаружили и сейчас разыскивают. Средства массовой информации уже всю трубят об этом, для них это просто сенсация, будет о чем поговорить ближайший месяц. А вина во всем, вероятно, террористов или иностранные спецслужбы. Дело даже может докатиться до международного скандала.

Но все это осталось в прошлом. Он разыщет какой-нибудь тихий городок, купит уютный домик на окраине, заведет кошку с собакой и будет жить в свое удовольствие. И плевать, что у него была хорошая работа, что он был всем обеспечен и после ухода в отставку не испытывал бы недостаток ни в чем. Все это ничто по сравнению с его будущей свободной, не обремененной обязательствами жизнью.

Следующий день выдался солнечным. Ощущение приближающейся осени отступило назад.

Он сделал зарядку в лучах утреннего солнца. Глубоко вдыхал и выдыхал очищенный придорожными деревьями воздух, слушал не нарушаемую пока ревом двигателей тишину. В такие редкие моменты соприкосновения с природой он чувствовал себя необычайно хорошо.

Он подставил лицо согревающим лучам солнца, прищурил глаза, заулыбался как маленький ребенок, получивший новую игрушку. Не хватало только радужных веснушек на его лице, чтобы картина была полной. Он весело улыбался, ощущая как греется его кожа. Вот она – настоящая жизнь. Как он раньше мог не замечать всей красоты природы, как мог посвящать целые дни работе, скучным совещаниям в закрытых помещениях, как мог слушать дурацкие советы своих многочисленных помощников, которые только и мечтали о том как бы занять его место. Но теперь его глаза открыты и все будет по другому.

Первым делом нужно убраться как можно дальше. Он вернулся в машину и поехал все по тому же маршруту.

Не успел он выехать на трассу, как неожиданно вспомнил.

Телефон.

Мысль о том, что он забыл избавиться от телефона, ударила его как розгой. С его помощью его могли спокойно вычислить и поймать у первого же города. Как он мог быть таким рассеянным. Конечно, когда совершаешь побег в таком безумном состоянии что угодно можно забыть.

Он немедленно избавится от него, но сначала сделает один последний звонок.

С этого телефона он смог бы позвонить даже если бы плыл на льдине у берегов Антарктиды.

Звонить он собрался жене. Прodelал знакомую операцию, дождался пока она возьмет трубку и громким властным голосом произнес:

– Дорогая, со мной все в порядке. Не беспокойся. Мы больше не встретимся. Удачи. – Затем выкинул трубку в открытое окно, воздушный поток мгновенно захватил телефон, чтобы тот потом обрушился на твердый асфальт и разлетелся на множество мелких кусочков.

Все. Теперь он абсолютно свободен. Он сделает то, что задумал, его уже не остановить.

Теперь уже наверняка бывший президент огромного государства, который решил покинуть свой пост и предпочел шумной отставке тихий побег, направлял черный бронированный автомобиль на юг, где его ожидало что-то новое, чего он никогда раньше не видел.

Ринат ГИЗАТУЛИН

ПЕРЕХОДЫ рассказ

*Поверь, мне так глаза
твои увидеть хочется,
Но только ты об этом
лучше песню расспроси...*

Мягко, лирично звучат слова одной из признанных в прошлом, человечески чистых песен, несших в себе не замутнённый пошлостью дух своего времени. Голос то и дело заслоняется неровным шумом колючей суеты московского подземного перехода, и я пытаюсь следить за ним, мысленно снимая с песни налёт мешающих звуков.

Поёт, как видно, нищий, один из числа многих, ставших непреложной частью дня сегодняшнего – его улиц и подземных переходов, метро и электричек. Попрошайничество вошло в жизнь. Как знак отчаяния – для одних, и как прибыльный род занятий, как способ получения лёгкого дохода – для других. Облагаемое данью – как с отчаяния, так и с дохода без пролитого пота – оно обрело организующую его надстройку и вызрело в принятую как часть системы отрасль. И потому, без уверенности, что просит крайняя нужда, и что подаяние не станет взносом в уголовный бизнес, многие не подают. В рядах сомневающихся и не желающих крепить своим рублём эту отрасль пребываю и я.

Между тем, песня, подхватив душу и мысль, увлекает в шестидесятые двадцатого века, из которых она родом. В сознании проносятся картины той, как бы уже странной жизни, когда иной раз приходилось слышать о преступлениях, но не было преступности. Вернее, она была, но где-то там, в виде доходивших до слуха деяний Коза Ностра и ей подобных, далёких. А люди жили без привходящего напряжения, пели лучшие в мире, отмечаемые Сопотами и Зелёными Гурами, песни любви и грусти и, отдыхая, без страха перед человеком ступали на самые затерянные тропы. Лишь величавая Природа зывала к осторожности.

И вспыхнули в памяти яркие мгновения встречи с ней в её ещё почти не отнятых человеком владениях...

Отпуск шёл к концу. А начинался его маршрут в июле, в Домодедове, с посадкой на борт красавца «Ту-114», равного которому по громадной стати среди предназначенных не для бомб, а для людей в конце шестидесятых мир не знал. И мы испытывали чувство гордости, когда встречавший руководителя нашей страны

Хрущёва американский президент вынужден был пережить в аэропорту долгие минуты смущения, пока наземные службы не смогли нарастить самый высокий трап ещё одним, чтобы обеспечить гостю возможность сойти и ступить на землю бывших союзников.

Созданный, говоря словами марша 30-х годов, «...чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор...», пространство от Москвы до Хабаровска, с нами в просторных креслах он преодолел менее чем за 8 часов...

Уже были позади Белый пароход, открывший нам, своим гостям на три недели, очарование самых заповедных, волнующих даже одним своим названием, окраин гигантской земли, объемлемой словами Дальний Восток – от невиданно своеобразных форм и красок Приморья, юга Сахалина, способного посоперничать пышностью природы своей с берегами, ласкаемыми черноморским солнцем, и от «крутого бережка далёкого пролива Лаперуза» до мест, куда, можно поверить, небезызвестный Макар не доходил со своими телятами: до холодной зыби Бухты Нагаева с Магаданом на берегу, сурово-величавой Камчатки с короной из вулканов, почти нехоженых Курил – от хмурого Парамушира со зримой грозной памятью о недавнем цунами до изумрудной россыпи в океане Итурупа, Кунашира, Шикотана. Многоцветье впечатлений уже увенчано было первой встречей с Байкалом. Оставалось столь желанное свидание с Красноярскими Столбами.

И вот, наконец, ворота с надписью «Турбаза «Заповедник Столбы». Здесь неизменно сопутствовавшая нам череда удач на всём маршруте внезапно запнулась на графике на запертых воротах, извещающем, что плановой группы на Столбы сегодня не будет... А у нас в Красноярске не будет «завтра»: стараниями Дальневосточного морского пароходства, по нашему желанию, на завтра заказаны очередные крылья «Ту» – они перенесут нас на берега Оби, в славный в те годы своими академическими институтами Новосибирск, чтобы ещё через два дня другой заказанный борт, снова подхватив нас, опустил уже в Домодедове. Поэтому оставалось одно: в одиночку шагнуть в ещё не проснувшуюся глушь утреннего леса, за семь вёрст – к Столбам.

Тишина почти пугает. Но редкий внезапный шелест травы, шорох всякий раз разрешаются перебеганием через тропу бурундучка либо ласки. Зверя нет, а бродяги с Сахалина, верно, уже не бегают. К тем годам перевелись было лихие люди вообще. И чувство настороженности поначалу от встречи с неизвестностью постепенно уступает радостному волнению от ожидания, когда раздвинет лес занавес из высоченных стволов с кронами у самого неба и покажет свои каменные сокровища. Наконец, чаща расступилась, и начался парад гигантов.

Как бы из громадных кусков пластилина с мягкими очертаниями встречает идущего «Бабушка с внучкой». Невдалеке от них уже за редкими и словно устало, вразвалку стоящими стволами сосен проступает нагромождение тяжеловесных обломков гор, создающих даже без напряжения воображения образ головы разрушающейся старости, с острыми, испещрёнными бороздами-ранами скулами. Это «Дед». Вот «Первый столб», вот «Второй». Они строго не соответствуют формами своими понятию «столб» и больше являют собой хаотично сложившиеся пирамидообразные творения взвешенных сил, но вознесены настолько высоко, что возвышаются над волнами верхушек леса словно огромной вышины скалистые острова над тёмной гладью предвечернего моря. Впечатление это было вынесено нами с вершины «Четвёртого столба», куда мы сподобились взобраться, не зная безопасных путей подъёма, без снаряжения и соответствующей обуви,

оказавшейся ещё из Владивостока отправленной посылкой домой в надежде на ресурсы турбазы.

Сказать, что подъём оказался опасным, мало, тем более, что городская наша летняя обувь с нецепкими подошвами только снижала устойчивость движения, и босоножки жены были сброшены ею вниз после половины пути по коварно-гладким глыбам и плитам с головокругительными провалами-расщелинами между ними. Достигнув же вершины, расположившись на её двухметровой, условно говоря, плоскости, мы наслаждались величию всего, что наполняло эту удивительную панораму с кем-то расставленными по кругу каменными великанами, их поясными портретами, возвышающимися над лесом. Однако азарт восхождения, как видно, заглушил столь необходимые мысли о возможностях вновь оказаться у подножия столба, но целыми и невредимыми. И тут удача вновь обратила на нас свой божественный взор, явившись в лице двух подростков из ближних селений, поднявшихся вскоре после нас, но по «правильному» пути. Они и стали нашими проводниками из поднебесья на надёжную опору всего и вся – землю.

Если можно говорить, что столбы поражают, радуют встречей с ними, то самой незабываемой, захватывающей воображение для туриста-созерцателя и вожделенной для восходителя-столбиста, без сомнения, становится среди них встреча с «Перьями». Словно поставленные вертикально три гигантских, гладких каменных крыла, как острые отростки на хребте-гребне невероятных размеров ископаемого существа, они завораживают и зовут смелых, зовут быть смелыми. Многих их зов увлекает, однако, немногих они вознаграждают радостью свершения почти невозможного – достижения вершин, оставляя остальным горечь утраты веры в свои силы либо долю павших во имя подвига.

Мы же, отнюдь не будучи скалолазами, уходили окрылёнными взятием, пусть не «Перьев», но Столба, трудного. Оттого совсем уже лёгким показался нам путь обратный, к Енисею...

А впереди, уже в следующем году, предстоял самостоятельный бросок в края гор, пустынь и минаретов: Ташкент, Алма-Ата, Пржевальск, Ананьево, Чалпон-Ата, Фрунзе, Душанбе, Самарканд, Бухара, Турткуль, Ургенч, Хива, Ташауз, Ашхабад, Красноводск, Астрахань, Ростов, Днепропетровск, Москва. А ещё в следующем – вся Прибалтика с Калининградом – вдоль, поперёк и по диагонали. Потом – всё Закарпатье. И так год за годом: Карелия, Приэльбрусье, Поволжье и Калмыкия, Кубань и Абхазия...

Такими полными духа романтики были годы начала последней трети прошлого века. И люди – тоже.

Навеянные песней картины другой жизни промелькнули перед глазами в несколько мгновений. Переход подземный с его жёсткой, неуступчивой толчеей уже почти пройден, и песня течёт где-то рядом. Вот и сам добывающий на жизнь трогающей душу песней. Его незрячие глаза неотрывно направлены в точку пересечения с мелькающей в обе стороны толпой, словно процеживая её. Будто в ней они надеются вдруг найти ту, чьи «глаза так увидеть хочется». И кажется мне, что, несмотря на слепоту, на темень в глазах, он видит всем своим строем души, она у него светла!

А рядом идут, идут мимо потоки людей. И среди них, зрячих, многие слепы внутренне, лишены чувств, умения сострадать, любить ближнего – их вытравила новая жизнь, где божеством стали деньги. Они, только они сопровождают и

определяют градус отношений между людьми, именуемых словами «деловое партнёрство», и «дружба», и «семья», и «мораль», и даже «любовь».

Да будет недолгим ослепление то! Ибо человечеству, миру под этим небом нужно сохранить в людях человеческое, сохранить человека. Чтобы не сменили его на земле вновь возвращаемые звероящеры и саблезубые тигры.

ДРАМАТУРГИЯ

Любовь ТЕРЕНТЬЕВА

Вселенная в тапочках
(пьеса-анекдот в двух актах)

Действующие лица

Григорий Петрович Тернов
Татьяна Макаровна Тернова
Дарья Михайловна Гучкова
Люся
Родион Михайлович Тычко
Мужчина

Акт первый

1. *Философский вопрос*
2. *Тапочки*
3. *Параллелограмм*
4. *Стенка на стенку*
5. *Ужин аристократов*
6. *Сеанс черной магии*

Акт второй

1. *Объятия*
2. *Смотрины*
3. *Попытка пластической операции*
4. *В ожидании Радика*
5. *Честный человек*
6. *Я прощаю вас, люди...*

АКТ ПЕРВЫЙ

*Даша сидит у кухонного стола - нога за ногу - с сигаретой в руке,
заправленной в длинный мундштук...
Всякий раз, как она подносит к сигарете зажигалку,
она забывает ее поджечь.
На столе рядом с ней тонконогий бокал красного вина.
Гриша, повязанный фартуком, мечется между мойкой
и посудным шкафом. Мурлычет себе под нос.*

Философский вопрос.

ДАША. Сядь, Григорий, не суетись. В конце концов, это дело жены. Если хочешь, я разбужу Татьяну. Что она, в самом деле, гости еще не все разошлись!

ГРИША. Она, если спать легла, ее пушкой не разбудишь.

ДАША. И давно это с ней?

ГРИША. Да сколько помню.

ДАША (со значением). Сочувствую.

ГРИША. Кому?

ГРИША. Так... вообще... мужчинам. Мужчина - предмет тонкий, требующий подхода. Вот он, положим, устал, изнервничался на работе, приходит домой, а дома - гора посуды. Каким он отойдет ко сну, по-твоему?

ГРИША. А я тогда Зинку крикну - она мигом вымоет, если свои обязанности забыла.

ДАША. Вот так все мы забираем у детей детство, а потом удивляемся, что растет процент насильников и маньяков.

ГРИША. Ну ты даешь!

ДАША. Я, собственно не о детях. О несчастных мужчинах, которые отходят ко сну, измученные волнениями службы, разборками с детьми. Спящие жены, голодные мужья...

ГРИША. Татьяна меня на убой кормит.

ДАША. Я тебя умоляю, Григорий. Ты же понимаешь, о чем я.

ГРИША. Да ты выпей, Даш, выпей. А то тебя никакая зараза не берет. Выпей, закури, может в сон потянет. Моя, вон, рюмку сухого в гостях тяпнет - домой зовет. Спать, говорит, тянет - спасу нет.

ДАША. Это от того, что интеллект Татьяны, в полной мере не задействован. Настоящий интеллект, может, хотел бы забыться в вине... (выпивает полбокала) забыться и уснуть, но мысли, мысли, эти вечные тараканчики сознания, не дают долгожданного покоя. Мысли порождают новые мысли... Новые мысли порождают сверхновые... "Я пью, все мне мало, уж пьяною стала. Уж пьяною стала, я пью, все мне мало..." Откуда это, Григорий?

ГРИША. Ты, Даш, пей. Ты ж трезвая совсем. Так нельзя. Я тебе еще налью. Сигаретку тебе зажечь? Счас, только руки вытру...

ДАША. Не стоит труда. (Подносит зажигалку и забывается). Холодная постель...

ГРИША. Я на эту тему разговор поддержать не могу.

ДАША. А на какую, на какую тему ты, Григорий, способен поддержать разговор с женщиной? Только честно! Можешь не отвечать... Ни-на-ка-ку-ю. А потом еще обижаешься, что жену пушкой не разбудишь. С ее-то эрудицией и не задействованным, но, я тебе прямо скажу, весьма приличным... Приличным, но дремлющим! интеллект... Обижается он, что пушкой...

ГРИША. Пушкой, может, и не разбужу, но некоторые приемы наличествуют. Трое спиногрызов в дальней комнате дрыхнут, это тебе не хрящ свиной... И кое-кто кроме в проекте имеется.

ДАША. Дрыхнут, хрящ свиной... Фи, какой ты грубый... провинциальный.

ГРИША. А ты пей-пей, я тебе еще налью. И кури - будь как дома. А то ни в одном глазу. Стыдно - Свиридова жена с Кузькиным под белы руки увели.

ДАША (допивает из бокала, вскидывает зажигалку). Не дождетесь... Нет, ты, Григорий, не подумай, что я тебя на адюльтер склоняю. Я ведь понимаю, о чем ты мечтаешь. И не надейся. Ты не в моем вкусе. Однако именно ты, как человек от земли, рядовой крановщик с высшим физкультурным образованием, объясни мне, умной бабе, почему все так. В конце концов, это просто невежливо: выключи воду - она мне по мозгам колотит. (Оттесняет Гришу, выключает воду). Сядь, Григорий.

ГРИША. Ну, сел.

ДАША. Почему все так?

ГРИША. Да ты меня измучила просто.

ДАША. Ты думаешь, мне с тобой легко?

ГРИША. Давай я тебя домой отведу.

ДАША. Отведешь домой и что?

ГРИША. И все. Баиньки.

ДАША. Спать я не лягу. Я укладываюсь не раньше двух.

ГРИША. Не ложись - телевизор посмотри.

ДАША. Телевизор смотрят недоумки.

ГРИША. Книжку почитай.

ДАША. Ты все время уваливаешь от ответа.

ГРИША. А что ты спросила-то?

ДАША. Как она с тобой только живет!

ГРИША. Так она не спрашивает меня глупости всякие.

ДАША. Мой вопрос, по-твоему, глупости? Это философский вопрос, бытийный, основополагающий!

ГРИША. Да не помню я, что ты спрашивала, Даш. Ну честное слово, не помню.

ДАША. Пока не вспомнишь, не уснешь. Мучаться будешь.

ГРИША. Еще как усну.

ДАША. Мне-то лучше знать. Не переживай. Я тебя в трудную минуту не брошу. Будем вспоминать вместе. (Взялась за ножку пустого бокала.)

ГРИША. Понял. (Вскакивает, доликает в бокал вина).

ДАША. Себе.

ГРИША. Что?

ДАША. Себе налей.

ГРИША. Да не люблю я эту кислятину.

ДАША. А я, значит, люблю?

ГРИША. Что ж ты сразу-то не сказала? (Достает из холодильника початую бутылку водки) Давно бы уже... под белы ручки.

ДАША. Не обязательно.

ГРИША (наливает водку в стопки). Счас, закуски соображу.

ДАША (останавливает). Не стоит. Закуска отвлекает. Итак, главный вопрос был философский. Ну?

ГРИША. Есть ли жизнь на Марсе?

ДАША. Ты думаешь, нас должны волновать такие пустяки? Бытийный был вопрос, бытий-ный!

ГРИША. Быть или не быть?

ДАША. Тепло. Значит, не все потеряно. Выпьем за тебя. За развивающийся интеллект. (Выпивает.) Вопрос был осно-во-по-ла-га-ющий!

ГРИША (выпив, в поисках закуски, на выдохе). Что первично: материя или сознание?

ДАША. Штраф, друг мой. Штраф! (Наливает.) Чего не сделаешь, чтобы подстегнуть шлангующую память.

ГРИША. Я без закуски не могу.

ДАША. Не можешь, а придется. Ты мужик или балалайка? Ну?

ГРИША. А она проснется?

ДАША. Татьяна?

ГРИША. Татьяна точно нет. Я про память. Шлангующую.

ДАША. От тебя зависит.

ГРИША. Не срабатывает у меня.

Звонит телефон. Даша, наконец, прикуривает сигарету.

ГРИША (в трубку). Мама? Какая мама? Ах, ваша мама. Даш, это тебя.

ДАША. Да, лапа моя. Ложись, конечно... С кем я? С Григорием Петровичем Терновым... Да, с тем самым Терновым. С Сашиным из 9 "б" папой... Ну что в этом здорового? Не понимаю твоей радости... Саша спит, что ему делать в полночь. И ты спи, лапа моя... Что мы с Григорием Петровичем делаем? Ах, не все ли тебе равно?.. Ну хорошо-хорошо. Мы поставили перед собой важный философский вопрос. И вот решаем его. Решение... (берет в руку початую бутылку), решение, судя по всему, не скоро. Лапа моя, завтра выходной. Отосплюсь, бай... (кладет трубку, гасит сигарету.)

ГРИША (обреченно наливает себе водки, подносит к губам, страдает). Ну не помню я, не помню, хоть убей! Я слабое звено. И нет мне спасенья.

ДАША. Григорий... Ты, наверное, полагаешь, что связался с интеллектуальной садисткой. (Мягко) Это неправда. Я добрая. Я даю тебе еще одну попытку. Наша великая страна, родившая Достоевского, Толстого и Эдичку Лимонова, родила и три неразрешимых вопроса: что делать? кто виноват? и кому на Руси жить хорошо? Я, Дарья Гучкова, помогла своей родине родить четвертый. Выпей еще и будем продолжать вспоминать.

ГРИША. Да не могу я без закуски!

ДАША. За родину пьют через не могу. Пей и вспоминай.

ГРИША. Прости меня убогого, Господи! (Пьет.) Ну почему все так... Я вспомнил! Да ты пей, Даша, пей. И кури, Даша, кури. И пойдем, Даша, пойдем. Я тебя домой провожу. Дети у тебя какие... хорошие, волнуются за тебя. А ты пей (наливает). Может, полегчает на душе. Может, они не будут бегать, перестанут, наконец.

ДАША. Кто они?

ГРИША. Мысли, Даша, мысли.

ДАША (пьет). Не суетись. Сядь ровно. Как я. Трезвым будь. Достоинство не роняй. Посмотри мне в глаза, Григорий. Ты вспомнил вопрос - это обнадеживает. Теперь ответь на него. Почему все так?

ГРИША. Ну как так, Даш, как так?

ДАША. Почему так: вот сидим мы с тобой, два чужих, совершенно чужих человека, пьянничаем, как два последних алкаша, без закуски... На кухне, как принято в

интеллигентской России... За родину пьем, философские вопросы ставим, спорим... А на простой вопрос, почему ОН ушел и не вернулся, ответить не можем.

Тапочки

ГРИША. А кто он-то?

ДАША. Радик. Мог бы хотя бы за тапочками вернуться. Мне же больно. Это понимать надо. Почему он не понимает?

ГРИША. А ты выбрось тапочки - и забудь. Выбрось - и все.

ДАША. Я пробовала. Возвращаются.

ГРИША. Не может быть!

ДАША. Может.

ГРИША (убирая бутылку со стола на пол). Ну как же может, когда так не бывает?

ДАША. Бывает.

ГРИША (осторожно). Может, тебя инопланетяне посещают?

ДАША. Инопланетян не бывает. Ты меня на белую горячку не проверяй. Я трезвей тебя.

ГРИША. Я то и удивляюсь. Нет, ну ты тогда объясни, как это может быть, чтоб тапочки возвращались на... на какой этаж, Дарья?

ДАША. На восьмой.

ГРИША. Не важно. Зачем им возвращаться?

ДАША. А может, они очень хотят меня увидеть?

ГРИША. Да как же это может быть, чтобы безмозглые тапочки хотели тебя увидеть?

ДАША. А если они соскучились?

ГРИША. Да как они соскучиться-то могут?

ДАША. А если промокли, замерзли?

ГРИША (вскакивает из-за стола). Ты меня с ума-то не своди своими тапочками.

ДАША. Это не мои, это радивовские тапочки.

ГРИША. Так ты ему их отдай, когда они вернутся в следующий раз.

ДАША. Они вернулись. А он нет. Гриша, где мне его найти?

ГРИША (бросается домыывать посуду, огрызаясь). У тапочек спроси.

ДАША. Они отвечают - у вас. Я спрашивала.

ГРИША (с дрожью в голосе). У кого спрашивала? У тапочек?

ДАША. Вот до чего я дожила, Григорий! (Встает) Я спрашиваю, где он, у ясеня, у тополя, у облака, у дождя спрашиваю. Друг ты мой единственный, скажи хоть ты, где мой Радик? Он у вас должен быть. Тапочки не соврут - они не умеют.

ГРИША (падая с мокрой тряпкой в руке перед Дашей на колени). Даша, деточка. Ты чокнутая или разыгрываешь меня? Допились мы с тобой, что ли? Ну почему я знаю, где твой Радик. Я в глаза его не видел никогда!

ДАША (торжествуя). Вот!

ГРИША. Что вот? Дарья! Что значит это "вот"?

ДАША. Сердце мне подсказывало, я чувствовала. И я не ошиблась!

ГРИГОРИЙ (все так же на коленях, риторически). Ну почему все так?

ДАША (по-прежнему торжествуя). А ты говоришь - глупости! Почему все так - вопрос вопросов!

Входит Татьяна.

ТАТЬЯНА. Ну чего вы орете? Тернов! Ум у тебя есть? Кто тряпкой для посуды пол моет? Совсем сдурил на старости лет. Что о тебе люди подумают? Мелкий пить просит - некому подать.

Налив в стакан воды из графина Татьяна удаляется.

Параллелограмм

ДАША. Какое самообладание!

ГРИША. Ну почему все так... дебильно?

ДАША. Не дебильно, Григорий. Не дебильно. Напротив. Недебильно... Сделала вид, что не понимает, что происходит.

ГРИША (поднимаясь с колен). А что происходит?

ДАША (возвращая Гришу на колени). Рано, Григорий. Рано.

ГРИША. А может, ты просто дура?

ДАША. Слишком простое решение.

ГРИША (поднявшись). И все-таки я лучше тебя домой провожу.

ДАША. Правильно. Как только запахло жареным, так он хвост поджал.

ГРИША. Да о чем ты, ради Бога?

ДАША. Вернется Татьяна - продолжим.

ГРИША. Да она спит уже.

ДАША. Не думаю.

ГРИША. Да я знаю ее, как облупленную.

ДАША. Тебе просто удобно так думать. Ничего ты не знаешь.

ГРИША. А вот на спор! На тыщу! Дрыхнет!

ДАША. Проиграешь. Пойдешь будить. А она притворится, как только что... И я выиграю. Мне такой победы не нужно. Слишком дорогая цена... Будь мужчиной.

ГРИША. Ты о чем, ты о чем?

ДАША. Страус! Григорий, ты - страус!.. Ты готов пойти по следу?

ГРИША. Давай завтра - по следу.

ДАША (твердо). Сегодня, Гриша, сегодня. Или никогда. И учти, мне торопиться некуда. Меня дома никто не ждет.

ГРИША. А как же тапочки, Даша?

ДАША. Вот! Добрались до самого главного! Где Радик?

ГРИША. Не знаю я никакого Радика.

ДАША. Лжешь. Татьяна меня уверяла, что знаешь.

ГРИША. А я говорю, что не знаю.

ДАША. Значит, она лжет.

ГРИША. Да зачем ей?

ДАША. Значит, есть причина. (Значительно) Григорий!

ГРИША. Ну что, Григорий? Я уже сорок пять лет Григорий.

ДАША. Положим, где Радик ты не знаешь. Но скажи мне честно... Это очень важно. Очень. Ты с Радиком пил кофе?

ГРИША. Нет. Нет. Нет. Это твой Радик. Ты с ним и пей.

ДАША. Ха! Мой! Очень может статься, что мой Радик - наш Радик. Я тебе больше скажу. Вполне возможно, что образовался четырехугольник, я бы сказала параллелограмм, в котором два тупых угла. Это мы с тобой. Но ты явно тупей.

ГРИША. Значит, это не параллелограмм... (Кричит) Татьяна!

ДАША. Что ты орешь, Тернов? Дети спят.

ГРИША. Да у меня с тебя уже крыша едет... Татьяна!

ДАША. Щаз! Спешит и падает. Чует кошка, чье мясо съела. Сядь. Выпей. Будем тупому глаза открывать. Дело было полгода назад. Я полюбила Радика, а он меня. Он был высокий-высокий, стройный-стройный... Молодой мужчина, брюнет с горящим взором. На животе у него четко обозначались квадратики. Сядь, я сказала.

ГРИША. Я спать хочу.

ДАША. Не дожدهшься. Неловко повторяться, но ты не в моем вкусе. Сядь.

Гриша садится за стол.

ДАША. Он носил меня на руках. Был расточителен невероятно. Постоянно тратился на такси. Не давал мне ходить пешком. Татьяна знает, мы подвозили ее с работы. Отчего бы не подвезти, все же не чужой человек - шесть лет в одном отделе и живем по соседству. Он дарил мне фрукты и цветы. И было лето. И повсюду стлался тополиный пух. И этот мужественный и сильный человек с роскошной гривой и курчавой грудью плакал. Да, Григорий, плакал, как дитя, потому что он страдал аллергией. Машка моя отдыхала на море. А мы спасались от тополиного пуха, предаваясь любви и друг другу бессчетное количество часов, с упоением вдыхая ароматы свободы. Какие сказочные беседы мы вели! И все время спорили, спорили, спорили! Когда он уходил на кухню курить, я в изнеможении засыпала - и сны мои были сладкими и похожими на грезы... Не спи, сейчас начнется выпрямление углов.

ГРИША (совершенно убаюканный). Все нормально, все нормально.

ДАША. Наша будущая жизнь была расписана на столетие вперед. Мы были счастливы и молоды, молоды и счастливы. И вдруг! Он пропал. Остались только тапочки. Тапочки сорок первого размера. Не спи, это невежливо.

ГРИША. Кто спит? Я?

ДАША. Тогда скажи, какими были мои последние слова?

ГРИША. Тапочки сорок восьмого размера. Сорок первого... А что такие маленькие? Гигант, говоришь, с квадратиками... Почему сорок первого?

ДАША. Загадка! Вот и я все думаю, почему сорок первого? Непостижимый человек - загадка от начала и до конца. Загадка была уже в том, как он вошел в мою жизнь. Я выбирала на рынке арбуз. Перебирала, перебирала, перебирала и наткнулась на его голову. Я прервала его размышления, дотронувшись до его головы своими пальцами. Он вздрогнул, очнулся и вернулся за прилавок и сразу же вошел в мою жизнь соком спелого душистого арбуза с черными косточками. Радость моя, Радик! Загадка номер два - он был невероятно скромно и не любил говорить о себе. Зато как он умел слушать! Часами заморожено он внимал мне, о чем бы я ни говорила, что бы ни рассказывала. Радость моя, Радик! Загадка номер три - его исчезновение. Абсолютное, совершенное, как все в нем. Таких мужчин больше нет на свете, Григорий. С тех пор никто ничего о нем не знает, никто его больше не видел. Конец зимы, Григорий. По субботам, воскресеньям и в праздники, я как верная Пенелопа, брожу во фруктовых рядах центрального рынка в надежде снова увидеть его. И нет мне больше покоя. Мне бы только заглянуть в его глаза и спросить: зачем ты оставил меня, радость моя, Радик?

ГРИША. А в квартире ничего не пропало?

ДАША. Как можно такое подумать о Радике? Я тогда уехала в командировку на три дня. А моя Маша должна была вернуться с моря со дня на день. Так уж совпало. Ну, думаю, пусть познакомятся друг с другом без третьих глаз. Радик заочно испытывал к Машеньке отцовские чувства. Покидая дом, я написала ей записку. Так, мол, и так. Это Радик. Он будет твоим папой. Живите дружно, приеду на выходные. Ждите. Возвращаюсь из командировки и обнаруживаю... холодильник, полный продуктов. В вазе - фрукты. Свежие цветы. Маша моя отдыхает от поезда, телевизор смотрит. А Радика нет. Только тапочки в ванной. Я - к Маше. Она не то что Радика, даже записку в глаза не видела. Я прорыдала всю субботу и все воскресенье. (Рыдает) Я знаю, и не смей утверждать обратное: вы с Татьяной последними видели Радика. Он пробыл у вас часа два и пил с тобой кофе.

ГРИША. Да не пил я ни с каким Радиком.

ДАША. Значит, Татьяна солгала. Но зачем? Я ей так доверилась в пору своей безумной любви. Ей известны были такие подробности... Она давала ему высокую оценку...

ГРИША. Верзила, говоришь, с кудрявой грудью, с квадратиками... Ну-ну. (Орет) Татьяна! (Кидается к розетке, прижимается к ней губами, громким шепотом) Татьяна!

Стенка на стенку

Появляется заспанная Татьяна.

ТАТЬЯНА. Тернов - сон это святое. Это единственное место, где человек предоставлен самому себе. Сколько лет тебе нужно это талдычить?

ГРИША. Где, Радик, Татьяна?

ТАТЬЯНА. Вы что, до утра дожить не могли без Радика? Полгода как-то жили без Радика, а в мой законный день рождения Радика им подавай! Чокнутые. Пить меньше надо. Горбачева на вас нет! Хоть бы форточку открыли. Дурдом на палочке. Как алкаши последние водку хлещут, хоть бы еды достали.

ГРИША. Я мужик, не балалайка, Татьяна.

ТАТЬЯНА. И что? Холодильник трудно открыть? Ложки-вилки трудно достать? Как дети малые... Кто бы соку налил яблочного, я б тому спасибо сказала. (Наливает себе соку, пьет). Маловато будет...

ГРИША. А может, кофе налить? С Радиком ты, говорят, кофе распиваешь.

ДАША. Успокойся, Гриша, успокойся. Успеешь обороты набрать.

ТАТЬЯНА. Тю, о Радике вспомнил. Нашелся, что ли? Я ж говорила - найдется. Пока рынки не закроются - надежда не умрет. А ревела-то, ревела... Все, молодые люди. Пора и честь знать. Тернов, завтра с утра на кладбище, снег с могилки убирать.

ДАША. Ты солгала мне, Татьяна. Григорий не пил кофе с Радиком.

ГРИША. Не пил.

ТАТЬЯНА. Вот врет-то. Это он тебя нарочно подзуживает. Тернов, побойся Бога. Радик для Дашки - святое. Ты этой темы лучше не касайся.

ГРИША. Я вру?

ТАТЬЯНА. А то! Конечно, врешь.

ДАША. Гриша, я тебе верю.

ГРИША. Спасибо, Даша. (Татьяне) Ты сама врешь. Про Радика.

ТАТЬЯНА. Я тебе когда врала, Тернов?

ГРИША. Кто ж тебя знает? Чужая душа потемки. А с Радиком что-то нечисто.

ТАТЬЯНА. Да чего там нечисто. Я тебе, Дашка, сто двадцать пятый раз говорю. Южане они все такие. Ну, было у тебя с ним. Пожила красиво. Вкусно, сытно. Спасибо скажи и забудь. Замуж за него собралась, что ли? А я говорю, гони подальше, раз так поступил по-свински.

ГРИША. Некого гнать. Нету никакого Радика.

ДАША. Не знала я, что в тебе столько цинизма, Танечка. Не знала. Теперь вот только поняла. Только Радик не такой, каким ты его расписываешь.

ТАТЬЯНА. Такой-такой. Что мы с вами, девочки, что ли? Опять тапки домой принесла? Сто раз говорила - выбрось и забудь. Все равно тащишь. И лужа тебе - не лужа. И сугроб - не сугроб. Что ты себе душу-то бередишь? Давно бы уже другого нашла. Одинокая, свободная. С трехкомнатной квартирой.

ДАША. Я не такая, как некоторые. Я жду и верю. Верю и жду.

ТАТЬЯНА. Да делай, что тебе нравится.

ГРИША. А ты ждала бы, если бы я пропал?

ТАТЬЯНА. Да ни одного дня! Все бы наверстала - устала бы тапочки вышвыривать.

ГРИША. Не знал я тебя до сегодняшнего дня. Это точно. Вот такой вот параллелограмм, Даша.

ТАТЬЯНА. Во дурак, во дурак...

ГРИША. Был бы дурак - пил бы с твоим Радиком кофе, а рогами сахар размешивал.

ТАТЬЯНА. Сахар? Рогами? Ты ж кофе без сахара пьешь.

ДАША. Смотри, Григорий, широко распахнутыми глазами смотри на мир! И ты многое увидишь из того, чего раньше не замечал.

ТАТЬЯНА. Во-во. Ширше вглядывайся. И альцгеймера гони. Может, наконец, вспомнишь, как вот здесь вот, на кухне, с Радиком за одним столом сидел.

ГРИША. Может, и Альц... твой с нами... за этим столом... выпивал?

ТАТЬЯНА. Ну как не выпивал, если ты Радика не помнишь. Конечно, выпивал.

ГРИША. Изовралась в конец. Сколько у тебя мужиков еще со мной кофейком балуется, кроме Радика и этого... Альца-Шульца?

ДАША. Альцгеймер - это склероз, Гриша. Проблемы с припоминанием. Только по-английски. Это образная игра слов. Не волнуйся. И не уводи разговор в сторону.

ГРИША. Так она что, издевается надо мной?

ДАША. Ты же не слепой.

ТАТЬЯНА. Шутю, Тернов, шутю. Шуток не понимаешь? Иди, проспись. Перебрал ты сегодня, по-моему. Даш, и ты иди. Машка волнуется.

ГРИША. Нет, ты погоди ее гнать. Разобраться нужно.

ТАТЬЯНА. Достали вы меня, товарищи. Ладно, черт с вами. (Садится верхом на стул.)

Гады вы все-таки - весь сон перебили. День рождения на палочке! Выкладывайте.

ГРИША. Нет, это ты выкладывай! Даша, спроси ее что-нибудь. Как ты умеешь.

ДАША (вкрадчиво). Радик бывал в этом доме?

ТАТЬЯНА. Я тебе уже говорила. Заходил как-то в конце лета. Да ведь от тебя не отвяжешься. Гони по новой.

ДАША. Это было точно в конце лета? Ничего не путаешь?

ТАТЬЯНА. Я никогда ничего не путаю. Перед отпуском Тернов стенку купил. Ты в августе новую стенку купил, Тернов?

ГРИША. В августе. На отпускные. Десятого у нас получка. Десятого деньги получил - десятого купил...

ТАТЬЯНА. Ну, тогда одиннадцатого он у нас был.

ДАША. И пропал Радик одиннадцатого... Интересная картина вырисовывается. Раньше ты точную дату мне назвать не могла. Сегодня - пожалуйста.

ТАТЬЯНА. Вот мне нужно было сто лет дату помнить. Дашин Радик пришел - красный день календаря! Сказала - перед отпуском. Так ведь, правда же - перед отпуском это и было. Тернову спасибо скажи. В календаре теперь отметишь. (Мужу) Вспомнил, наконец, с кем стенку собирал?

ГРИША. А при чем здесь мужик из фирмы?

ТАТЬЯНА. Не из какой он не из фирмы. Это Радик и был. Дурачина ты, Тернов. Помнишь, ты с ним кофе на кухне распивал? Рассуждали еще, как стекла лучше поставить. Совсем зарапортовался.

ГРИША. Значит, этот мужик в майке, по-твоему, - Радик? Ладно, говорите дальше, а я послушаю. Говорите, говорите. Здорово получается.

ДАША. Получается, 11 августа ты пригласила его собирать стенку?

ТАТЬЯНА. Господи-Боже-мой, я даже не знала, что Тернов мебель купил, пока ее не привезли. Сюрприз он мне, видишь, хотел сделать. Привезли, сюрприз-то, а тут как раз Радик заявился.

ДАША. С чего бы это вдруг ему к тебе заявляться?

ТАТЬЯНА. Вот и я о том. Тут мебель затаскивают, Тернов в комнате матерится, а на пороге стоит твой - мокрый, несчастный и зайти не решается. Я ему говорю, заходи, Радик. С тебя же капает - простудишься. Я тебе полотенце дам. Обсохнешь. Зашел, полотенце ему свое дала, в ванную проводила. Сама между кухней и комнатой разрываюсь. С грузчиками рассчитываюсь. То да се. Забыла уже про него. Смотрю, сидит на кухне. Наохлился. Сирота сиротой. И, вроде, сказать что-то пытается. Только я никак в толк не возьму, что. Снимай, говорю, ветровку. Газ включу - обсохнешь маленько. Пока сохнешь, иди, говорю, мужу стенку помоги собрать. Ему помощник как раз нужен. Сэкономил тогда Тернов - спецов не пригласил. Вечно так - на миллион разорится, а копейку пристегнуть жалко. Теперь стенка разваливается. Мастер! И ведь пошел, Радик-то. Как миленький пошел. Час возились, может, два. Явились кофе пить. Я с ними за компанию. Расцвел мужик. Разговорился.

ГРИША. Радик?

ТАТЬЯНА. Ну, ты тоже не отставал.

ГРИША. От Радика?

ТАТЬЯНА. От Радика, от Радика. Потом тебя наш Гошка на улицу позвал, помнишь? С мопедом у него что-то стряслось. Помнишь?

ГРИША. Ну, помню. Заглох мопед. Завели. Опять заглох, опять завели. Заглох - завели. Поехал потом. А вы-то чем занимались с этим... допустим, Радиком?

ТАТЬЯНА. Чем-чем? Любовью Тернов, любовью. Дашу, говорит, люблю так, что дух захватывает. Женщина, говорит, первоклассная. Худенькая, говорит, только.

ДАША. А ты не худенькая, Татьяна. Очень даже не худенькая.

ТАТЬЯНА. Ну дак! У меня причина есть.

ГРИША. Конечно, у тебя есть причина... Еще бы у тебя причины не было... Причина всегда найдется... Знаем мы теперь твои причины...

ТАТЬЯНА. Что это тебя понесло, Тернов? Просила же, не болтай никому. Рано еще. Сглазят - не дожدهшься.

ГРИША. Это еще надо доказать! Доказать, Татьяна!

ДАША. Зачем ты впустила его в дом?

ТАТЬЯНА. Да ты что, мать, сбрендил, что ли? Дождь на улице, ливень. По подъездам ему прятаться прикажешь?

ДАША. Зачем ты впустила в дом постороннего тебе человека?

ТАТЬЯНА. Тоже мне посторонний. Целый месяц у тебя жил, на машине подвозил. Ты же пустила - и паспорта не спросила.

ДАША. Я одинокая, Татьяна, а ты замужем.

ТАТЬЯНА. Вот именно, что замужем. И муж в доме. Рядом. Под боком. Мастер спорта по кулакам, между прочим. Что бы мне сделалось? Чую я, куда ты клонишь, только у меня алиби, как говорится.

ГРИША. Мной, значит, от подруги теперь отмазываешься?

ТАТЬЯНА. Ну все. Приехали. (Берет тарелку, бьет ее об пол.) Допросы они мне устраивают. Идите - лечитесь.

ГРИША. А портретик-то не сходится.

ТАТЬЯНА. Лечись!

ГРИША. А ты чего молчишь, Дарья? Ты же видишь, ты все видишь!

ДАША (ровно). Давайте все успокоимся. А то, в самом деле, цирк устроили. Что дети подумают? Сядем все. Выпьем. Закусим. Будем разговаривать, как светские люди. И дойдем до истины. Истина где-то рядом, Григорий. И ты, Танечка, сядь.

Ужин аристократов

Гриша и Татьяна садятся. Даша достает из холодильника тарелки с едой, снимает слюду. Ставит перед каждым. Наливает водку в две стопки. Татьяне - демонстративно - сок. Садится. Диспозиция такова: все сидят рядком. Синхронно выпивают и закусывают. Разговор приобретает характер светской беседы.

ДАША. Ну, поехали. Татьяна!

ТАТЬЯНА. С вашего позволения.

ДАША. Зачем ты дала Радике личное полотенце?

ТАТЬЯНА. Я ему терновское полотенце дала, с вашего позволения.

ГРИША. ???

ДАША. Для чего ты оставила постороннего мужчину одного в ванной комнате?

ТАТЬЯНА. А что, мне с ним нужно было запереться, с вашего позволения?

ДАША. Это правда, что ты раздела его до нижнего белья?

ТАТЬЯНА. Он сам разделся, с вашего позволения.

ДАША. Зачем ты поила моего Радика вашим кофе?

ТАТЬЯНА. Из благодарности и расположения, с вашего позволения.

ДАША. А это правда, что когда вы с Радиком остались наедине, вы говорили о любви и женских достоинствах?

ТАТЬЯНА. Истинная правда.

ДАША. Благодарю. Григорий!

ГРИША. Я весь - внимание.

ДАША. Ты настаиваешь, что не знаком с моим Радиком?

ГРИША. Я глубоко в этом убежден.

ТАТЬЯНА. ???

ДАША. Как часто ваш дом посещают посторонние мужчины?

ГРИША. Вчера еще сантехник приходил. Приходил или не приходил?

ТАТЬЯНА. С вашего позволения.

ДАША. Татьяна приходит с работы позже, чем полгода назад. Верны ли мои подозрения?

ГРИША. В значительной степени.

ДАША. Чем объясняются поздние приходы?

ГРИША. Действительно, чем?

ДАША. Нет ответа. И мы зададим только один, последний вопрос. Правда ли, что Татьяна беременна?

ГРИША. Истинная правда.

ДАША. Григорий! Вам кофе с сахаром или без сахара?

ГРИША. ???

ДАША (возвышаясь над столом). Подведем итоги.

Татьяна выходит из-за стола.

ТАТЬЯНА. Что вы от меня посереде ночи хотите, придурки, кандидаты в психушку?

Гриша выходит из-за стола.

ГРИША. Кто этот полуголый мужик со стенкой, Татьяна?

ТАТЬЯНА. Дашкин Радик, Тернов. Дашкин Радик.

ГРИША. Что ты мне мозги пудришь? Портрет-то не сходится. Мужик со стенкой и Радик - два совершенно разных мужика!

ТАТЬЯНА. Что значит, два совершенно разных мужика, если ты Радика никогда не видел? Значит, видел все-таки. Признавайся ей сейчас же, что с Радиком кофе здесь вот пил и спорил, как лучше стекла в книжный шкаф поставить. 11 августа около четырех дня, когда ливень был и у Гошки мопед сломался!

ГРИША. Это был не Радик.

ТАТЬЯНА. Зачем ты скрываешь правду, Тернов? Зачем тебе врать ей? Она же больная с этого Радика. Охота тебе грех брать на душу.

ГРИША. Я беру грех, Татьяна? Я? Самое время с твоими грехами разобраться!

ТАТЬЯНА. Зачем ты скрываешь, Тернов, что ты увиливаешь все время?

ГРИША. Я увиливаю?

ТАТЬЯНА. А то я не вижу. Может, ты его грохнул - так признайся, здесь все свои. Милиционеров нет. Дашка тебя не сдаст. А сдаст, так ты и ее грохнешь.

ГРИША. Ты уже мокруху на меня повесить готова, лишь бы голого своего мужика выгородить?

ДАША. Успокойся, Григорий. Голова должна быть ясной. Не дай себя сбить с толку. (Наливает ему в стакан воды). Попей и успокойся. Что ты со своим мужем творишь, Танечка? Ну не любишь ты его, не уважаешь - так и скажи. Расстаньтесь, как интеллигентные люди. Григорий не пропадет. Такие, как он, на дороге не валяются. Сорок пять лет - разве это возраст для мужчины? Это же самый расцвет. Акмэ называется твой возраст, Григорий. Ты полон сил, сосредоточен, уже не станешь разбрасываться по пустыкам. У тебя хорошая работа, стабильный заработок. Найдешь себе девушку, воспитаешь ее в лучших традициях. Нарожаете с ней детишек... а это все забудется, пройдет, как страшный сон.

ТАТЬЯНА (всхлипывая). Пройдет, пройдет, Тернов. Счастье будешь поварешками лопать. Только детей своих я вам не отдам.

Тернов стремительно выбегает.

Сеанс черной магии

ДАША. Теперь ты плачешь! Удивляюсь я некоторым женщинам. Своим собственным легкомыслием разрушают они возведенное нечеловеческими трудами здание семьи, а потом становятся в позицию жертвы и ложатся на дороге мужчины, чтобы не пустить его к свету новой, честной и праведной жизни.

ТАТЬЯНА. Что тебе от меня надо?

ДАША (подавая Татьяне воды). Успокойся. Соберись с силами. С каждым может случиться беда... А ты думала, семейная идиллия будет длиться вечно? Так не бывает. Признай свою вину, Татьяна. Покайся мне, как подруге.

ТАТЬЯНА. Ну зачем ты приперлась на мой день рождения? Кто тебя звал?

ДАША. Верно, никто меня не звал. Но мне был знак, Татьяна. Там - наверху - все видят. А ты хотела, чтобы все было шито-крыто? Чтоб никто ничего не знал про твои делишки?

ТАТЬЯНА. Да какие делишки-то, ненормальная?

ДАША. Оскорбляй, унижай, топчи меня. Я все стерплю. Но я доберусь до истины. Ты можешь отделаться от мужа, сломить его волю, но справиться со мной - не мечтай. Мне нужен Радик.

ТАТЬЯНА. Где я тебе его найду?

ДАША. Он должен быть здесь. Мне был верный знак: я найду его здесь в самое ближайшее время.

ТАТЬЯНА. Да кто тебе это сказал?

ДАША. Его тапочки.

ТАТЬЯНА. У тебя, Дашка, точно не все дома.

ДАША. Ничего подобного. Снимай свои.

Татьяна сбрасывает свои тапочки.

ДАША. Нитки давай. И кольцо. Обручальное.

Татьяна повинуется. Даша отрывает нитку, продевает ее в кольцо, становится над тапочками с "маятником" в руке.

ДАША. Спроси у них что-нибудь.

ТАТЬЯНА. Ой, как у тебя все это глубоко зашло.

ДАША. Хихоньки будут потом. Спрашивай, чтоб "да" или "нет" можно было ответить.

ТАТЬЯНА. Ты больная - ты и спрашивай.

ДАША. Доверяешь, стало быть. Тапочки твои - спрашивать буду про тебя. Начнем с самого простого. Сегодня у Татьяны был рабочий день. Да или нет? Вот видишь - нет. Совпадение скажешь? Не делай поспешных выводов. Поедем дальше. Татьяна ела сегодня сладкий перец... Вот видишь - нет. Даже твои тапочки знают, что у тебя на него аллергия. У Татьяны четверо детей... Гляди, гляди, как закрутилось колечко! Сомневается. Правильно сомневается. Потому что четвертый ребенок еще на свет не рожден. Он то ли есть, то ли его нет. Видишь, видишь? Татьяна говорит мужу одну чистую правду... Нет. Кто бы сомневался! Татьяна с работы бегом бежит домой... Нет, конечно. Умное колечко, золото - не тапочки. Попробуй сама.

ТАТЬЯНА (взяв-таки устройство в свои руки). Дарья Васильевна Гучкова совершенно здоровый на голову человек. Да или нет? Ну конечно, нет. Можно подумать, я сомневалась в этом хоть одну минуту.

ДАША (торжествуя). Веришь теперь! А? Что я говорила. Да выбрось ты все это хозяйство и слушай меня внимательно. Грош цена мне будет, если высшие силы тебя уличат, а не я силой своей логики выведу вас с Радиком на чистую воду. Можешь не отпираться. Я знаю, что вы тайно встречаетесь с ним после работы.

ТАТЬЯНА. Тапки сказали? Ну, раз тапки - стопроцентная правда!

ДАША. Где вы с ним встречаетесь?

ТАТЬЯНА. А что, разве они тебе не сказали?

ДАША. Они сказали: здесь. Но этого не может быть. Ну раз, два - это еще допустимо. Но постоянно - вряд ли. Потому что дети и муж. Их же не вычеркнешь из жизни! Значит, в другом месте. Где, Татьяна?

ТАТЬЯНА. Да какая тебе разница?

ДАША. Я хочу его увидеть, можешь ты это понять, как женщина? Я хочу его увидеть, посмотреть в последний раз ему в глаза и швырнуть ему в лицо его тапочки.

ТАТЬЯНА. Дай мне, я это сделаю. С превеликим удовольствием.

ДАША. У вас с ним уже проблемы? Не хочет признать отцовства?

ТАТЬЯНА. Не хочет. Уж я его и так и этак упрашивала. Признай да признай. Уж и на коленях перед ним стояла. И головой об стенку билась. Я, говорит, бесплодный, меня, говорит, в детстве током дернуло, пять лет от импотенции лечился, а подруга твоя, зараза такая, совсем заездила и сумасшедшим сделала.

ДАША. Мерзавец! Да как он смеет!

ТАТЬЯНА. Слушай меня, Дашка. Слушай внимательно. Я тебе сейчас психиатрическую службу на дом вызову. Полежишь недельку на коечке, укольчиков, таблеток попринимаешь - все как рукой снимет. (Берется за телефон.)

ДАША (вопит шепотом в розетку). Григорий! Григорий Петрович! Гриша!

Появляется Гриша.

ГРИША. Ну, что у вас еще?

ДАША. Она созналась, что встречается с моим Радиком, что он отец вашего ребенка... Я должна посмотреть ему в глаза. Должна, должна, должна. Мерзавец, мерзавец, мерзавец!

ТАТЬЯНА. Я ей скорую помощь вызываю. Тебе не нужно?

ГРИША. Вот, значит, как...

ДАША. Он ей доверяет такие интимные вещи, такие интимные. Разве я смела бы спросить? Боже мой! Боже мой! Это чудовищно! Кругом меня отвратительная ложь!

ГРИША (отнимая у Татьяны телефон). А этот полуголый с мебелью тоже тебе доверяет интимные вещи?

ТАТЬЯНА. Господи-Боже-мой! Тернов, дорогой мой...

ГРИША. Дорогой? Я дорогой твой? Я честно прожил с тобой двадцать лет. Зачем я не изменял? Отчего вы все не презираете меня за то, что я не изменял? Это было бы справедливо, и теперь я не был бы рогат. Я ухожу от тебя, Татьяна. Сию минуту - ухожу.

ДАША. Не делай этого, Григорий! Заклинаю! Мы не имеем права останавливаться на полпути. Нам нужен Радик. Тебе и мне. Этот мерзавец нужен нам обоим.

ТАТЬЯНА. А мне-то, мне-то как он нужен, ваш гребаный Радик!

ДАША. Ты слышал? Ты все слышал, Григорий?

ГРИША. Не глухой. Все Татьяна. Все... Выметайтесь, Дарья Васильевна.

Гриша Дашу выталкивает Дашу вон и покидает кухню.

ТАТЬЯНА. Псих на палочке... Вот ведь псих ненормальный!

Врывается в шляпе набекрень и в пальто нараспашку Даша.

ДАША. Рано радуешься. Ты растоптала лучшее в нас. Ты нам еще ответишь за унижение. И ты мне скажешь, где Радик. Я клянусь тебе, ты скажешь мне, где он!

ТАТЬЯНА. Да провались ты со своим Радиком, чтоб ему пусто было!

Гриша врывается на кухню в распахнутой дубленке и шапке набекрень.

ГРИША. Эх, Татьяна, Татьяна! Прощай, Татьяна!

Гриша сгребает Дашу в охапку и выносит ее из кухни.

АКТ ВТОРОЙ

Объятия

Татьяна одна за столом. Плачет.

Убирает со стола. Моет посуду. Тихо поет что-то тоскливое, тягучее.

Хорошо поет, между прочим.

В дверях Люся - почти девчонка - ушки на макушке.

ЛЮСЯ. У вас дверь в коридор открыта...

ТАТЬЯНА. Это не страшно, проходи.

ЛЮСЯ. А я только с работы. Я пробовала отпроситься, чтоб пораньше, когда все поздравляли... Больных много - не разрешили. Думаю завтра поздравлю, а у вас дверь на площадку открыта. С днем рождения, Татьяна Макаровна.

ТАТЬЯНА. Спасибо - не забыла.

ЛЮСЯ. Что вы! Я помню.

Люся ставит на стол пузатенькую бутылку вина, кладет коробку конфет.

ТАТЬЯНА. Ну, и зачем потратилась, спрашивается? Как теперь до полочки дотянешь?

ЛЮСЯ. Теперь дотяну. Я вас, знаете как, люблю, Татьяна Макарова!

ТАТЬЯНА. Спасибо, дорогая. Мне мама твоя, покойница, за тобой приглядывать наказывала. А я не вижу тебя совсем. Любишь, а не заходишь. Ты хоть когда замуж выскакивать будешь, сообщи.

ЛЮСЯ. А вы ругать меня не будете? Я ведь уже скоро буду выскакивать. Мы заявление в загс подали. И повенчаться хотим. Чтоб все по-честному.

ТАТЬЯНА. А я думаю, чего ты вся светишься? Человек-то хоть хороший?

ЛЮСЯ. Очень хороший. Вы ко мне домой приходите - посмотрите, какую мебель он смастерил. Все своими руками из нашего старья. Я даже не потратилась нисколечко. И дверь на кухню сделал как у вас, с изоляцией. Чтоб в комнате ничего не было слышно.

ТАТЬЯНА. Вам-то изоляция зачем? Мы от детей шифруемся.

ЛЮСЯ. У нас же тоже дети будут. Мы заранее. Сначала дверь - потом дети. Мой, знаете, какой продуманный. И добрый. И смешной. Говорит-говорит-говорит. Рот не закрывается. Я так хохочу все время. Вам через стенку не слышно?

ТАТЬЯНА (грустно). Нет, Люсенька.

ЛЮСЯ. Вот расхвасталась не ко времени. Вам грустно, я же вижу, что вы плакали. Дорогая Татьяна Макаровна. Поздравляю вас с тридцати шестилетием. Желаю вам всего-всего. Чтоб вы всегда были самая-самая. А говорить красиво я не умею.

ТАТЬЯНА. За поздравления спасибо... И вовсе я не грустная. Просто устала.

ЛЮСЯ (осторожно). А что... дядя Гриша...

ТАТЬЯНА. Дядя Гриша спит уже. Умаялся. Выпил лишку.

ЛЮСЯ. Спит?

ТАТЬЯНА. Спит-спит.

ЛЮСЯ. А с кем же я на крыльце поздоровалась?

ТАТЬЯНА. Не знаю, не знаю.

ЛЮСЯ. Так это же здорово, что я не с ним поздоровалась, что это просто похожий дядька был. Главное, "здравствуй, Люся" мне ответил. И шапка как у дяди Гриши, и дубленка. Ой, у вас же дверь открыта! Вы вещи-то на вешалке посмотрите. На всякий случай. Может, это вор был. Украл у вас вашу одежду.

ТАТЬЯНА. Никто у нас ничего не крал, успокойся, Люся. Тернов спит.

ЛЮСЯ. А вы на всякий случай проверьте, может, не спит? Ой, да что это я все глупости какие-то спрашиваю? Как я сама-то не дотумкала, что быть такого не может, чтобы Григорий Петрович вдруг нес на руках какую-то постороннюю женщину и обнимался с ней как... А она, главное, прижимается, плачет и лопочет: "Григорий, ты должен покончить, покончить..." Ой, а что этот Григорий, ну тот, который не дядя Гриша, с собой должен покончить? Да неужели с собой? Жуть какая в голову лезет! В конце концов, какое нам до них дело, правда, Татьяна Макаровна?

ТАТЬЯНА. С ума я с вами со всеми сойду сегодня...

Татьяна рыдает, уткнувшись в колени. Люся берет за телефон.

ЛЮСЯ (в трубку). Миленький! Принеси скорее мою аптечку. Скорее, я тебя очень прошу... Куда-куда? Я куда пошла? К соседям. Сюда и носи. Мигом! (Кладет трубку. Татьяне) Да что же это такое? Что я такое наделала? Татьяна Макаровна, не плачьте, ну пожалуйста, не плачьте. Успокойтесь, миленькая, дорогая, родная моя. Успокойтесь.

Смотрины

Появляется Родион - милый молодой человек со средней внешностью.

В руках у него аптечка.

ЛЮСЯ. Спасибо, миленький.

Татьяна, не поднимая глаз, разворачивается на стуле.

Начинает утирать глаза. Люся капает в ложку какое-то лекарство.

ТАТЬЯНА. Ничего-ничего. Сейчас все пройдет. Я просто очень устала, Люсенька. Просто очень-очень устала. Гошка зачет не сдал. Зиночка температурит. И Макарка весь вечер покоя не давал. И гости. Много гостей.

ЛЮСЯ. Конечно, вы устали, Татьяна Макаровна. С такой оравой кто хочешь устанет. Вот вы сейчас лекарство выпьете, и вам сразу станет легко и весело. И вы будете смеяться. Через каких-нибудь полчаса вы так будете смеяться, как в день рождения положено. А плакать вы больше не будете. Пейте, пейте, Татьяна Макаровна. Будете смеяться, это я вам обещаю. Вот водичка вам, запивайте. А вот полотенчик мокренькое. Личико вытрем, а то припухнет и будет некрасивое личико.

ТАТЬЯНА. Спасибо, Люсенька. Спасибо, девочка. Извините меня, пожалуйста. Я просто устала, мои дорогие. Давайте завтра посидим, познакомимся как следует.

*Татьяна встает, поворачивается. И начинает хохотать.
Ей подхихикивает Люся. Смущенно улыбается Родион.*

ЛЮСЯ. Передозировка.

ТАТЬЯНА. Нет, в самый раз, Люська. Ну ты доктор, ну ты Кашенко на дому!

РОДИОН. С днем рождения, Тамара Макаровна.

ТАТЬЯНА. Спасибо, драгоценный.

ЛЮСЯ. Мы вас, Татьяна Макаровна, в таком состоянии одну не оставим. Вы не обижайтесь, но мы домой не пойдём.

ТАТЬЯНА. Конечно, не пойдёте, кто вас отпустит, спрашивается? Никто вас отсюда не отпустит, миленький.

ЛЮСЯ. А Григорий Петрович не заругает - мы так шумим?

ТАТЬЯНА. Не заругает.

ЛЮСЯ. Родион, прикрой вон ту розетку, а то Татьяна Макаровна так хохочет, что Григория Петровича разбудит.

ТАТЬЯНА. Не бойся, не разбужу. Отойди от розетки, Родион. Налей нам вина лучше. Люсенька, подай бокалы молодому человеку. День рождения продолжается.

*Родион и Люся выполняют требования Татьяны.
Вот они все уже за столом. Татьяна больше не хохочет.*

ТАТЬЯНА. Я поднимаю этот бокал за себя, любимую. Дети мои, подавшие заявление в загс и желающие повенчаться, чтоб все по-честному... Выпейте за меня, я вас очень прошу. Чокнемся и поглядим друг другу в глаза. Может быть, у кого-нибудь они окажутся бесстыжими? Нет таких?

Все пьют.

ТАТЬЯНА. Таковых не оказалось. Мать твоя, Люся, была моей лучшей подругой. Такие бывают один раз за всю жизнь. Мы с ней, Родион, в одну школу бегали. Только она на три класса меня старше была. Защищала меня на каждом шагу от разных-всяких. Ну, ты понимаешь. А теперь вот и мне есть кого защищать. Я, конечно, не мать ей, но человек она для меня родной. И мне глубоко безразлично... Да ты ешь конфеты, не стесняйся, а то опьянеешь быстро.

РОДИОН (с конфетой во рту). Я ее люблю.

ЛЮСЯ. Он хороший, Татьяна Макаровна. Веселый. Родя, расскажи анекдот про крокодила Гену. Ну, расскажи. Посмеемся. День рождения же. Или давай лучше песенку споем. (Поет) "Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам..." Ну, давай. Не бойся, никто не услышит.

РОДИОН и ЛЮСЯ (не очень стройно). Пусть бегут неуклюже

Пешеходы по лужам,
А вода по асфальту рекой.

ТАТЬЯНА (подхватывая).

И неясно проходим
В этот день непогожий,
Почему я веселый такой.

ТАТЬЯНА. Веселый! Родион, веселый! Надо быть веселым в этот день. А ты какой-то не очень веселый. Или мне кажется?

РОДИОН. Я веселый, я очень веселый. Может, я пойду к себе, если я мешаю.

ЛЮСЯ. Да кому ты мешаешь, миленький. Здесь же все свои. Мы же знаешь, как все дружно жить будем! Я же никому-никому еще не говорила, что мы поженимся. Только Татьяне Макарове сказала, потому что она как мама. Можно сказать, что у нас с тобой помолвка сегодня. И надо же, как совпало - прямо в день рождения Татьяны Макаровы. Здорово, правда?

ТАТЬЯНА. Конечно, здорово. Еще один красный день календаря намечается. Оставь-ка нас одних, Людмила. У меня к Родиону разговор есть.

ЛЮСЯ. Материнский?

ТАТЬЯНА. Вот именно. Душ пока прими, ладненько? И сразу же приходи.

ЛЮСЯ. Ладно... (уходит).

ТАТЬЯНА. Что ты творишь, Радик?

РОДИОН. Я не Радик, я Родион.

ТАТЬЯНА. Что вы говорите! А раньше были Радиком.

РОДИОН. Люсю я люблю и уважаю.

ТАТЬЯНА. Дашу ты, вроде, тоже любил. По полгода у тебя любовь длится? Я тебе девку обманывать не позволю. Кобелина ты, Родион.

РАДИК. Не кобелина я. Несчастный, можно сказать, человек. Вот жениться хочу. Люся про Дашу знает. А Даша про Люсю - нет. Плакать будет, упрекать, стыдить. Я женских слез не выношу.

ТАТЬЯНА. Ах, Даша плакать будет! Посмотрите, какие мы нежные! Я ей тут полчаса назад скорую вызвала по твоей милости, а ты дойти до соседнего дома не можешь, чтобы объясниться, как человек. Зашел бы ко мне, что-нибудь придумали бы.

РОДИОН. Я уже месяц за стенкой живу, каждый день думаю: зайду-зайду, посоветуюсь, как Даше лучше сказать, чтоб не обидеть.

ТАТЬЯНА. Уважаешь, значит?

РОДИОН. Она меня Радиком окрестила. Будто я ей радость в жизнь принес. Умная она слишком. Я чего скажу - она все какие-то смыслы видит. Дополнительные. Вроде я как философ получаюсь. А я не философ. У меня слова простые. И мысли обыкновенные. Мне все время не по себе было, вдруг она догадается, что я не такой, что я нормальный.

ТАТЬЯНА. Привык бы постепенно. Ее, главное, слушать. А баба она хорошая. У нее порядок всегда. У каждой вещи свое местечко. Плинтуса нашатырем моет.

РОДИОН. Не люблю я ее. Еще Люсю не встретил, а уже понял, что Дашу не люблю. Приятно было, лестно как будто, что меня такая женщина любит. Зрелая. Умная. (Горячась) Ну что я должен сделать? Говорите, что? Я и сам больше терпеть не могу. Полгода только по ночам передвигаюсь. Не дай бог Дашу встречу. Как вор какой-то. А разве я виноват? Я хотел как честней!

ТАТЬЯНА. Как честней ты хотел? Скажи тогда честно: ты вот здесь на моей кухне когда-нибудь был?

РОДИОН. Да, был. 11 августа прошлого года.

ТАТЬЯНА. Ишь ты. И дату помнишь! И под присягой подтвердишь?

РОДИОН. Библией поклянусь.

ТАТЬЯНА. И мужа моего не забыл?

РОДИОН. Помню. Здоровый такой дядька, симпатичный. Отличный мужик - золотые руки у него.

ТАТЬЯНА. Этими самыми золотыми руками он тебя и покалечит. А может, убьет. Не смей ему на дороге попадаться. Я серьезно.

РОДИОН. Мне что теперь - пластическую операцию сделать?

ТАТЬЯНА. Может быть... С Люсей поговори. Она в больнице на хорошем счету. Если очень попросит, к хорошему хирургу попадешь.

РОДИОН. Так она же в урологии работает. Там другие хирурги.

ТАТЬЯНА. Тебе не все равно? Главное - быть на хорошем счету, все сделают чики-чики. По благу даже пол меняют.

РОДИОН. Да что я такого страшного сделал, чтоб мне пол менять? Другие мужики баб как перчатки меняют - и хоть бы что.

ТАТЬЯНА. Больно совестливый ты. А у меня через это семья веником накрылась, чучело ты заморское, прости Господи.

РОДИОН. Да что я вашей-то семье плохого сделал?

ТАТЬЯНА. Ребеночка ты мне сделал, Радик. Ребеночка.

РАДИК. Я? Вам?

ТАТЬЯНА. Это они так думают. Придурки, я же говорю. У меня до сих пор руки трясутся. Ты с придурками когда-нибудь общался?

РАДИК. Нет.

ТАТЬЯНА. Вот и я нет. Я с ними как с нормальными. А у них - привет. Самый настоящий привет на палочке.

РАДИК. На палочке?

ТАТЬЯНА. Не обращай внимания. У меня присказка такая дурацкая. А у них привет.

РАДИК. Я лучше пойду. А то ваш муж встанет...

ТАТЬЯНА. Да не трусь ты. Нет никого. Думаешь, я тебя так просто отпущу? Да ни за что. Заварил кашу - расхлебывай.

РАДИК. Люся узнает про ребеночка. Плакать будет. Как я могу позволить, чтоб она плакала, маленькая моя. Она же сама как ребенок.

ТАТЬЯНА. Это ты у нее как ребенок. У нее хоть с головой все в порядке.

РАДИК. Все. Я решил. Пойду к Даше сдаваться. Прямо сейчас. Сколько можно тянуть?

ТАТЬЯНА. Хорошее начало. Сильное. Ты придешь - а там мой сидит, они вместе ушли. Небось, к себе затащила - обрабатывает. Ты придешь - она тебя тапочками, а он кулаком врежет. Тебе достаточно будет.

РАДИК. Что же делать?

ТАТЬЯНА. Вино пить, конфетами закусывать. И думать, думать. Сейчас Люся придет. Будем с Люсей объясняться...

Знаешь, мне даже легче стало от того, что ты нашелся. Вроде как спокойнее. Сама не знаю, почему.

Татьяна и Радик пьют вино.

РАДИК. Вот зря я вам раньше все не рассказал. Зря. По-другому бы сейчас все было. Я чего тогда, 11 августа, к вам приходил. Я с работы иду. В доме лифт не работает. Мы с

девчонкой одной потоптались-потоптались у лифта. Дошло. По лестнице поднимаемся. Я вещи ее несущу. Она впереди. Глазки мне строит. Попка у нее супер. Фигурка ничего себе. Был бы свободен - замуж бы позвал. Отдохнули на площадке. Покурили. Веселая такая. Мужиками, думаю, крутит. И расхотел жениться. А она к себе приглашает, чай, говорит, попьем, с мамой познакомлю. Несу вещи. А она в Дашину квартиру своим ключом. Здравсьте-приехали. Ну, думаю, такая меня через день-другой в койку к себе затащит. Как я Даше в глаза потом смотреть буду?

ТАТЬЯНА. Она что, тебе не сказала про Машку?

РАДИК. Говорила, фотографии даже показывала детские. Пупсик такой, лапочка. И Даша при ней молодая, еще пухленькая. Я же ее удочерить собирался. А тут - девица. Она меня сама уматерит - только в путь. Ну я и ушел. Испугался я, Татьяна Макаровна.

ТАТЬЯНА. Понятненько.

РОДИОН. И не называйте меня, пожалуйста, Радиком. Я ведь Родион по паспорту. Меня мама Родей зовет.

Попытка пластической операции

На пороге Гриша в дубленке нараспашку.

ГРИША. Ух ты, какие гости! Не успел за порог выйти. Он у тебя что - в диване живет?

ТАТЬЯНА. Нет, за стенкой.

ГРИША. Хорошо у вас тут. По-семейному. Держишь свое слово, Татьяна. Не прошло и полгода. Может, кофе с сахаром старому оленю предложите?

ТАТЬЯНА. Не юродствуй, Тернов. Проветрил мозги - будь человеком. Сейчас Люся подойдет. Не испугай девушку. Испугал уже своими жаркими объятьями на крыльце родного дома.

ГРИША. Я теперь человек свободный - имею право обнимать, кого хочу.

ТАТЬЯНА. Широко шагаешь... Раздевайся. Садись за стол. Разговаривать, как люди, будем. Без выкрутасов.

Гриша снимает дубленку, кладет ее на пол, садится за стол.

ТАТЬЯНА. Дошло до тебя, наконец?

ГРИША. Кое-что, несомненно. Ну-с? За что пьем?

ТАТЬЯНА (наливая вино). За меня выпили.

ГРИША. Теперь за Радика выпьем. Ну, сильна баба! Что ж, молодой человек, выпьем за нашего Радика! Хай живе!

Пьют.

ТАТЬЯНА (Родиону). Вот видишь, а ты боялся. Обойдемся без операции.

ГРИША. И тебе, значит, от ворот поворот?

РОДИОН. Я не понял.

ГРИША. Ловить тебе здесь нечего, говорю. Все Радика достанется. А пойдем вместе Радика искать. Дашь ему в морду разок. А я добыю. Групповуху не пришьют. Отмажу. Все на себя возьму.

ТАТЬЯНА. Только тихо, Тернов. Это Радик и есть. Самый настоящий Радик.

ГРИША. Ты дуру-то не гони. (Родиону). Снимай рубаху.

РОДИОН. Зачем?

ГРИША. Снимай, говорю.

ТАТЬЯНА. Снимай, Радик. При мне он тебе ничего не сделает. Видишь, я с телефоном. Тернов, если что, я милицию вызову. Снимай, Радик, снимай.

Родион снимает одежду.

ГРИША. Грудь побрил зачем?

РАДИК. Я не брил, честное слово.

ГРИША. Я что, слепой? Совершенно лысая грудь. Повернись к свету, квадратики считать будем. А где квадратики? (Татьяне) Ты кого мне подсовываешь? В жертву его принести хочешь? И не жалко? Ты мне Радика подавай. Я с ним разбираться буду.

ТАТЬЯНА. Гриша, это Радик. Сейчас придет Люся. Она подтвердит.

ГРИША. И будто бы ты меня вот на этого вот!..

ТАТЬЯНА. Гриша, я тебя ни на кого. Ты у меня единственный на свете!

ГРИША. Молчи, Татьяна! Молчи!

ТАТЬЯНА. Я-то помолчу, а ты Радика послушай. Говори, Родион.

ГРИША. Пусть только попробует рот открыть. Подсовывает мне, кого попало. Совсем ты, Татьяна, стыд потеряла.

ТАТЬЯНА. Точно, Тернов. Точнее некуда. Чтоб себя защитить помощников ищу. Родной муж слову моему не верит. Докатилась. Дальше некуда.

ГРИША. Где Радик, Татьяна?

ТАТЬЯНА. Вот бутылку потру - будет тебе Радик. (Потирая бутылку) Радик! Радик! Вылезай! Тебя Григорий Петрович к себе требуют-с.

ГРИША. Издеваешься?

ТАТЬЯНА. Стыдись. Люсенька придет - все точки расставит. И будет тебе Радик. И будет тебе Родион.

ГРИША. Так ты его у нее прячешь? Бессовестная! Я сейчас сам к ней пойду.

ТАТЬЯНА. Возьми себя в руки. Не позорься перед девушкой. Она к тебе как к отцу родному. (Радик) Накинь рубашку. Соответствуй.

ГРИША. Люся меня поймет.

ТАТЬЯНА. Она в душе моется.

ГРИША. Ты, значит, ее, чистую душу, с Радиком в душ отправила, а сама тут винишком с малолеткой балуешься?

ТАТЬЯНА. Это когда-нибудь кончится? Господи-Боже-мой! Родион, сходи за Люсей.

РОДИОН. Вы мне доверяете?

ТАТЬЯНА. Доверяю.

РОДИОН. Честно-честно?

ТАТЬЯНА. Если ты не вернешься, мне остается только умереть. Сам понимаешь.

РОДИОН. Я понимаю. Я честный человек, я вернусь, вы увидите.

Родион уходит.

ГРИША. Шифруетесь?

ТАТЬЯНА. Нам нечего скрывать.

ГРИША. А чего он тебе выкает?

ТАТЬЯНА. Из уважения к моему положению.

ГРИША. Да, положение, конечно, интересное.

В ожидании Радика

Появляется Даша.

ДАША. Так я и знала, прибежал прощения просить. За такое настоящие мужчины не прощают, Григорий. Честь - превыше всего! Я не стала будить детей. Это неприлично. Дверь была открыта, и я вошла. (Татьяне) Я принесла тебе радиковские тапочки. (Достаёт тапочки, прижимает их к груди.) Можешь плюнуть ему в лицо вместо меня.

ТАТЬЯНА. Плюй сама - все в твоих руках. Мы как раз ждем Радика. Милости прошу к нашему шалашу. Он сейчас придет, и не один, а со своей невестой.

ДАША. Вы хотите втянуть меня в грязную историю. Если тебе наплевать на свою честь, Григорий, то можешь оставаться. А если не наплевать - я постелила тебе в коридоре на раскладушке.

ТАТЬЯНА. Никуда он не пойдет. Он будет спать дома. Нечего людей смешить. Завтра вся школа будет знать, что отец Терновых - Гоши и Зины - ушел из семьи. Тебя еще с Машей не познакомили, или ты готовишься к удочерению? Гляди - округит, оглянуться не успеешь, как под венец потащит.

ГРИША. Ты чего мелешь-то?

ДАША. Если ты готов считать этот поруганный дом своим, то можешь оставаться. А с меня хватит. (Собирается уйти.)

ТАТЬЯНА. Нет, это с меня хватит. Входишь в мой дом как к себе домой, устраиваешь тут цирк, а мы разбирайся? Я что уже не хозяйка в собственном доме?

ДАША. Ты хозяйка, ты хищница, ты надругалась над живыми людьми!

ТАТЬЯНА. Тернов! Я тебя прощаю, за то, что ты обнимался с этой гадиной, но только заставь ее замолчать. Пусть она сядет и ждет вашего Радика с закрытым ртом.

ГРИША. Молчи, Даша. Нам обещают Радика. Мы же с тобой его хотим. И ради Бога, сядь, Даша. Сядь и молчи, как рыба...

(Пауза)

ГРИША (Татьяне). Ты отослала... этого... своего... полуголого насовсем, чтоб я его ненароком не прибил. Я понял, нас надули. Не будет нам никакого Радика.

ТАТЬЯНА. Я отослала его за Люсей.

ГРИША. Люсе можно было по телефону позвонить, это же, как дважды два.

ТАТЬЯНА. Хорошо. Я ей позвоню.

ГРИША. Зачем ты впутываешь ребенка?

ТАТЬЯНА. Она давно уже не ребенок. Она за Радика Дашкиного замуж собралась. Он живет у нее уже месяц.

ДАША (тихо). Вот, значит, где вы встречаетесь.

ТАТЬЯНА. Да не встречаемся мы с ним и не встречались никогда. Он с Люсей моей за стенкой живет. Любит ее. Это ты в состоянии понять? Любит. Имеет право. Потому что молодой и свободный. Строишь из себя молоденькую, а мы тут расхлебывай. Сказала б ему вовремя, что Машке твоей шестнадцать, а тебе тридцать восемь, он бы может, одумался раньше. А то развела уси-пуси. Умеешь словами-то. Плавали - знаем.

ДАША (тихо). Какая ты все-таки жестокая...

ТАТЬЯНА. У них, у свободных-то, у нормальных, из-за вас сейчас, может, счастье рушится... Да что с вами говорить. (Берет телефон, набирает номер).

Пауза.

ТАТЬЯНА (растерянно). Не берет никто трубку. Люся, Люсенька, возьми трубку. Ах же ж ты подлец, Родион! Опять сбежал! А я-то дура...

ГРИША. Возьми трубку, Люся!

Пауза.

Честный человек

Дверь открывается. Марш Мендельсона: входят Люся и

Родион.

РОДИОН. Я честный человек, Татьяна Макаровна.

ТАТЬЯНА. Люсенька, накапай мне еще, что капала. И Даше накапай. Видишь, ее трясет.

ДАША. Я не нуждаюсь ни в чем сочувствии.

РАДИК. Даша, прости меня. Я виноват, и я раскаиваюсь. (Становится на колени)

ДАША. Кто этот человек?

ТАТЬЯНА. Кончай концерт, Дарья.

ДАША. Кто этот ничтожный человек, Григорий?

ГРИША. А я почему знаю?

ТАТЬЯНА (поит ее из ложки каплями). Не дури. Не совсем же у тебя крыша поехала. Вот и сказочке конец. Это твой Радик. И он это признает.

РОДИОН. Я признаю.

ГРИША. Даша, это твой Радик?

ДАША. Я доверила тебе сердечную тайну, я рассказала тебе все без утайки, а ты вступил в заговор против меня?

ГРИША (осторожно). Даша, дай мне тапочки. Дай, я прошу.

Гриша забирает у Даши тапочки.

ГРИША (Родиону). Примерь, я сказал.

РОДИОН (безропотно выполняя приказ). Это мои, мои.

ГРИША. Даша, они ему как раз.

ДАША. И что это доказывает.

РОДИОН. Даша, это я, Радик. Ты не узнаешь меня?

ДАША. Да, есть некоторое сходство.

РОДИОН. Я Радик. Я постригся просто.

ДАША. Зачем?

РОДИОН. Так ведь зима. Я извиниться хочу. Я не философ. Я простой, обыкновенный. Нормальный. Я Люсю люблю. По-настоящему. Мы поженимся. Тебя я не любил, я это понял. Только не сразу. Но понял. Ты же простишь меня? Ты же не заставишь Люсеньку плакать. Ты, такая умная, добрая, красивая...

ДАША (безотносительно). Разве ради подобного человека можно срывать с работы и мчаться не чуя под собой ног? Разве ради такого могут быть отложены домашние дела, брошены дети и муж?

ТАТЬЯНА. Опять понеслось...

ГРИША. Ну, хватит с меня!

ДАША. Не хватит, Григорий. Мы с тобой должны выпить эту горькую чашу до самого дна... (Татьяне) Он слишком молод для тебя, Танечка. Я понимаю теперь, почему он отказывается признать ребенка своим. Скажите, молодой человек, это правда, что в детстве вас ударило током, и вы много лет лечились от импотенции?

РОДИОН. Это неправда, Люся.

ЛЮСЯ. Я же медик. Я в этом разбираюсь. У тебя все в порядке. Только на тополиный пух аллергия. Я знаю.

ДАША. Знаете, да не все. У молодого человека и на детей аллергия, деточка. Учтите: он не спешит стать отцом. С этим человеком опасно планировать семью и будущее. Я предостерегаю вас от роковой ошибки, деточка. Похоже, он просто хочет жить. Но задайтесь вопросом: способен ли он любить так, как этого требует женщина?

РОДИОН. Я способен, Люся. Я тебя по-настоящему...

ДАША. Полноте! Вы и Татьяну по-настоящему! Здесь все свои. Не отпирайтесь. Она во всем созналась. Женщина в бальзаковском возрасте отдает молодому любовнику все свои нерастраченные силы, а взамен получает одно страдание. Можете мне поверить. Я знаю, о чем говорю. Вы должны хотя бы повиниться перед Татьяной за то, что сделали ей ребенка.

ГРИША. Кого бы грохнуть...

РОДИОН. Это неправда, Люся. Это неправда.

ЛЮСЯ. Татьяна Макаровна...

ТАТЬЯНА. Не слушай ее, Люсенька. Не за что ему передо мной виниться. Я видела его полтора раза в жизни.

ДАША. Человек, лечившийся от импотенции, не сделал бы тебе ребенка за полтора раза. Не хитри, Татьяна. Мы не дети. И эта бедная девочка тоже не ребенок.

ЛЮСЯ. Ты сделал Татьяне Макаровне ребенка?

РОДИОН. Татьяна Макаровна! Скажите!

ТАТЬЯНА. Даша! Прекрати немедленно. Не смей людей. Все же ясно, как Божий день!

Я прощаю вас, люди

Возвращается Гриша.

ДАША. Что ясно? Кому ясно - Люсе? Или, может быть, Григорию?

РОДИОН. Я порядочный человек. Я не никому не делал ребенка!

ДАША. Но ведь вы и не Радик. Отец Татьяниного ребенка – Радик. Она признала это под прессом моей аргументации.

ТАТЬЯНА. Аргументация! Это называется аргументация!

РАДИК. Значит, я не Радик? А кто я? Кто?

ГРИША. У Радика косая сажень в плечах, квадратики и грудь курчавая!

ТАТЬЯНА. Да кто тебе это сказал?

ГРИША. Так Даша же и сказала.

ТАТЬЯНА. Да выдумала она все, Тернов. На нее как вдохновение найдет, так берегись! Мы ее в отделе специально для начальства держим. В таких красках работу нашу расписывает – почему только еще министерством не стали, одному Богу известно.

ЛЮСЯ. Он Радик, Григорий Петрович. Бывший Радик. Когда он жил у Даши, он был Радиком. А на самом деле он Родион. Родя. Мой жених. У нас сегодня была помолвка.

РОДИОН. Да я вам паспорт покажу. (Достает паспорт из заднего кармана брюк.) Смотрите. Это я. Я летом на паспорт сфотографировался. Еще не постриженный. Даша, это я, когда еще Радиком был. Смотри. Узнаешь теперь?

ДАША (не глядя в паспорт). Как вы наивны, молодой человек...

ГРИША (читает в паспорте). Тычко Родион Михайлович.

ДАША. И что это доказывает? Разве Родион и Радик это одно и то же имя?

РОДИОН. А разве Радик вообще – имя? Кто меня спрашивал, когда эту собачью кличку на меня вешал, как медаль за службу? Я Родион! И в дальнейшем попрошу уважать выбор моих родителей!

ДАША. Мужчина не принадлежит родителям, он всецело принадлежит своей женщине. Вы читали Библию, молодой человек?

ГРИША. Как мужик мужику... В последний раз... Ты Радик или кто?

ТАТЬЯНА. Он Радик, Гриша.

ГРИША. И вот к этому Радиду ты бегаешь после работы?

ТАТЬЯНА. Я на занятия городского хора бегаю. Три раза в неделю. У меня голос, сопрано. Я пою в хоре, Тернов. Скоро отчетный концерт. Придешь?

ГРИША. А ребенок у тебя от кого?

ТАТЬЯНА. Догадайся с трех раз, Тернов.

ДАША. Не дай себя запутать, Григорий.

ЛЮСЯ. Ну как вы не поймете, дядя Гриша! Григорий Петрович, миленький! Он Радик, только бывший. А про Дашу я все знала. Ну. То есть не все, конечно... Только то, что она у него была. И что он ей благодарен. И я ей благодарна. Это правда. Вы мне верите?

ГРИГОРИЙ. Даша, это же Радик. И тапки ему подошли. А у Татьяны сопрано.

ДАША (горько). Как был страусом, так страусом и помрешь. Вольному воля... (Радику). Снимите, пожалуйста, тапочки.

РАДИК (снимает, передавая в руки). Пожалуйста, пожалуйста.

ДАША (Родиону). Передайте ему его вещи при встрече. И скажите, что я не держу на него зла. Но непременно плюньте ему в лицо. И скажите, что он мерзавец.

РОДИОН. Я не мерзавец, Даша. Я честный человек. Просто дал слабину.

Люся перехватывает тапочки, прижимает к груди.

ДАША. Вы не смеее к ним прикасаться. (Пытается отнять тапочки у Люси).

ЛЮСЯ. Не отдам.

*После короткой борьбы Даша завладевает тапочками
и вышвыривает их в форточку.*

ДАША. Вам, Родион Михайлович, еще расти и расти до моего Радика. Расти и расти. Надо научиться слушать женщину. Говорить немного, но умно, чтобы за незатейливой фразой был слышен глубокий подтекст. Надо много заниматься спортом, чтобы накачать пресс. Надо серьезно ухаживать за волосами, чтобы они выросли там, где они растут у настоящих мужчин. И надо непременно пойти торговать в арбузные ряды, чтобы каждый мускул играл и хрустел, как сочная арбузная корка.

ГРИША. Не расстраивайся так, Дарья Васильевна. Зачем тебе Радик? Тебе бы книжки про любовь писать. А еще лучше детективы закручивать... Тань, а Тань?

ТАТЬЯНА. Чтоб тебе!..

ГРИША. И тебя с днем рождения, Татьяна!.. Не пора ли разбежаться, девочки-мальчики?

Выпьем-ка на посошок. За мир, за любовь.

Гриша наливает всем вина. Звон бокалов. Звонок в дверь.

Отчетливо слышны шаги.

Входит мужчина, прижимая к груди тапочки.

МУЖЧИНА. Это из вашей форточки прямо мне под ноги сверзлись тапочки? Не отпирайтесь. Из вашей. Я отлично видел, что из вашей. У меня есть обыкновение рассуждать, глядя на звезды. Поэтому глаза мои в момент падения тапочек были обращены к небу. Я счел уместным вернуть тапочки хозяину. Было бы слишком расточительным, я бы сказал кощунственным, разбрасываться тапочками тогда, когда в стране растет процент людей малообеспеченных. Они еще крепкие. Им сносу нет. Я бы, к примеру, носил и носил их.

ДАША (взяв мужчину под руку). Они ваши, друг мой. Вы доставили мне истинное наслаждение своим поступком. Вы вернули мне радость бытия. Именно радость. Именно бытия. В наше время, когда неуклонно растет процент людей, которым и в голову не придет вернуть награбленные миллионы, находится редкий человек...

В луче света только Даша и Мужчина.

МУЖЧИНА. Как приятно встретить на земле, этой маленькой планете, несущейся среди звезд в холодном космосе, родственную душу. Ах, что нам до этой маленькой планеты с этими маленькими людьми и маленькими недоразумениями, когда сама вечность лежит перед нами, играет своими мускулами и хрустит как арбузная корка...

ДАША. Сколько в ваших словах подтекста, радость моя. Я прощаю вас, Терновы. Я прощаю тебя, Радик. Я прощаю вас, люди...

ПОЭЗИЯ

Виктор ДЕМИДОВ

ЛЕБЕДИНАЯ РОДИНА

Север светлый,
Моя лебединая родина...
Белой ночи перо
Бережничему в ноги обронено –
Здесь я стал на крыло.

Сероперым птенцом учился
По земле ходить и летать,
За вожатым
В небо стремился,
Чтобы белым лебедем стать.

...Желтый берег.

Зыбун ивняковый.
На Усе – крутая волна.
По весне здесь точнее слова
Откровенная тишина.

ПЕРВЫЙ ГРОМ

И не зима уж, и не лето:
Сугробы,
Слякоть
И вода...
Веленьем северного ветра
Вспять повернуло холода.

Но грянул гром.
Аккорд могучий –
Еще умерен! – прозвучал.
А ветер стих,
И сникла туча,
И луч в окошке засверкал.
Так на душе повеселело,
Что не рубашка – грудь тесна...
Гром отгремел, и все запело –
Вслух голос пробует Весна.

А МОРЕ БЕЛОЕ

А море Белое – не белое,
Оно с утра черным-черно,
Когда лебяжьи стоны беглые
Каменьем канули на дно.

А море Белое – не белое,
А голубого голубей,
Когда немножко оробелое
Встречает белых дебедей.

Владимир СИЛКИН

ПОСАДКА

Возвращаемся с заданья,
Фляжку теплую деля,
А внизу мелькают зданья,
Черно-белые поля.

Хорошо в тепле чумазым.
Каждый радуется, цел, -

Бивший в нас «Иглою» промазал
И к Аллаху отлетел.

Вот огни аэродрома
Прорезаются во мгле.
Мы уже почти что дома,
Мы, почти что, на земле.

Этой зябкою порою
Страшно хочется тепла.
В этот раз над Ханкалою
В нас вонзается «Игла».

Вертолет, десантом полный,
Всем нутром своим хрипит.
Дальше я уже не помню,
Дальше я уже убит.

ГЕРОЙ

*Как родная меня мать
Провожала...
Д. Бедный*

Была пушка за горой,
Была пушка...
- Ну, какой же ты Герой?
Ой, Андрюшка!

Как мальчишка убежал
Ты из дома,
И зачем ты убеждал
Военкома?

Вон, дядь Паша на войне
Дрался в танке.
Ну, а ты в своей Чечне
Делал так ли?

- Дрался я и не пропал
Среди сопок,
И земли перекопал
Сотни соток.

А еще не отставал
Я на марше
И России отдавал
Все, что наше.

Я как надо воевал,
Хоть и мало...
Дважды роту прикрывал!
Слышишь, мама!

Не был трусом никогда
Твой Андрюшка...
Глянь, лежит моя Звезда
Под подушкой.

Ничего, что нету ног...
Былиб руки,
Я обнять тебя бы смог
До разлуки.

Ты не трогай простыню,
Ты не трогай,
Не сбегу теперь в Чечню,
Я... безногий.

Била пушка за горой,
Била пушка...
- Ты лежи, молчи, Герой...
Ой, Андрюшка!..

ШАЛЬНАЯ ПУЛЯ

Две пули встретились и разошлись –
Одна – под сердце, другая – в высь.

И та, что в небо гулять пошла,
Шальнойю пулей в степи была.

В разгаре лета, в ночном бою
Сыскала пуля мишень свою.

Пробила сердце и будь здорова –
И нет солдата из-под Ростова.

А там, от сына письмо читая,
Взялась за сердце мать молодая.

Кусала губы, встав на колени,
Молясь в тот угол, где бились тени.

Сюда вот пуля вошла хозяйкой.
Глядь, кирзачи стоят, висит фуфайка.

Присела пуля тихонько рядом,
Кося по дому стыдливым взглядом.

Пришла свинцовой, ушла пунцовой
От тетки Тони от Кузнецовой.

Рыдая пуля упала в грязь.
У жизни с пулей прямая связь.

* * *

Вовка Чижов уезжает в Чечню,
Вовка Чижов обнимает родню.

Вот утонула в отцовской рука,
Вот из машины: «Ребята, пока!»

И повлажнели у Вовки глаза,
И побежало шоссе на Рязань.

Рязск – позади, впереди Ханкала...
Долго же Вовку Россия ждала.

Он повоюет на этой войне
И возвратится домой на коне.

Через полгода вернется сержант.
Ох, как девчонки тогда задрожат!

Как он отлюбит и как отопьет –
Сразу за всех, кто домой не придет,

...Вовка Чижов уезжает в Чечню.
Крепче в России не сыщешь броню.

Алексей ИЕВЛЕВ

ДУША, КАК КОЛОКОЛ...

* * *

Душа, как колокол, пуста.
Но только тронь, зайдет криком
И выплачется перед ликом
Взошедшего на крест Христа.

Душа, как колокол, полна
Тревожным голосом набатным,
Как будто вновь в мозолях ратных

Ладони, плечи и страна.

Душа, как колокол, больна:
Ей бы малиновых разливов...
Но вновь седлают торопливо
Коней, и ноги – в стремяна.

Душа, как колокол, одна:
Ей пары не сыскать на свете.
И потому за все в ответе,
На все откликнется она.

* * *

По болотам и кручам...
По таежной глуши...
Оказалось – по лучшим
Для ума и души
Мы ходили дорогам.
Мы по ним и идем,
По краям-недотрогам
До недавних времен.
Все, что люди создали, -
Не измерить рублем.
Наши дальние дали
Стали чьим-то жильем.

* * *

Есть в жизни наши
И не наши –
Не обязательно враги.
С не нашими не сваришь каши.
Они встают не с той ноги.

Они всегда как будто рядом,
Пока не станет горячо.
Тогда их не отыщешь взглядом,
Не обопрешься на плечо.

Нас жизнь давно отфильтровала
И, словно самый высший суд,
Приговорила: «Наших мало.
Зато они не предают!»

* * *

Ие Ивановне Веселовой

Нету лучше отчего дома.
Нету лучше родной земли:

Всё здесь памятно и знакомо,
Ничего ценней не нашли.

Ничего нет прекрасней Лоймы:
Мать – она и в разлуке мать!
Если дети её достойны,
То не будут ее забывать.

Наши песни – из отчих далей!
Наши мысли – о тех местах,
Что всегда нас благословляли,
Будь мы в звездах или в крестах...

Метит голову звездный иней,
Удаль прежняя греет кровь.
Пусть нам метрики возраст скинут –
Мы с тобой молодые вновь!

* * *

Лоемскому землячеству

Мы от дома родного вдали
В Сыктывкаре встречаем рассветы.
Но любовью далекой земли
Наши души, как песней, согреты.

Хороши по весне небеса,
Бродит солнце мальчишкой по луже.
Но ни с чем не сравнима краса
Нашей Лоймы в объятиях Лузы!

Эта синяя лента реки
Обняла и деревни, и души.
Мы от дома сейчас далеки,
Но разлука любовь не нарушит!

Земляки, земляки!
Нам пока горевать не с руки.
Всех, кто помнит, что в Лойме рожден,
Мы сегодня на празднике ждем.
Жив в нас прежний задор и ребячество -
В Сыктывкаре есть наше землячество!

* * *

Марку Каганцеву

Был в бане женский день.
Остался Марк немывтым.
Расстроился:
«И здесь антисемиты!»

Николай ГЕРАСИМОВ

ПРЕКРАСНАЯ И ЧЕРНАЯ РАБОТА

* * *

Н.П.Юшкину

Верховья Лемвы. Август. Холода.
Ковер персидской осени на склонах
Угрюмых гор. Мятажная звезда
Пульсирует, как свечка пред иконой.

Распадками наверх ползет туман.
Закат – костром в полгоризонта – стынет.
Но, догоревши, за седой Туман
Иль за Печору без остатка схлынет.

Густеет на востоке ночи вал:
Мгновенье, и прорвет хребта плотину,
Чернильной тучей ринется в провал
И до утра затопит тьмой долину.

Выводит речка вечный свой мотив.
На берегу – палаток вереница.
Я, от дороги чуточку остыв,
В дневник впишу прожитых дней страницу.

Про черный крепкий чай, соленый пот,
Шальной маршрут и ранних рос монисты,
Про то, как не приходит вертолет
Неделями. Про жар избитых истин.

Про то, как хочется к подругам в города.
Про то, что еще вечность до отлета.
Верховья Лемвы. Август. Холода.
Прекрасная и черная работа.

Верховья Лемвы, 1983

ПОРА ДОМОЙ...

Проходит время летних экспедиций.
Пора домой. Готовы рюкзаки.
В палатке тесной больше не сидится,
И надоели спальные мешки.

Вас дома ждут, любимых, бородатых.
Пора домой. Погашены костры.
Все позади – болота, перекаты
И злые, как собаки, комары.

Вас дома ждут, усталых, загорелых.
Пора домой. Закрыты дневники.
На карте стало меньше «пятен белых».
Ждет вездеход. Готовы рюкзаки.

ХРАМ В ЯРЕНСКЕ

Созданные северной Россией
Более ста лет тому назад,
Фрески в храме. Золотые, синие
Ангелы под куполом парят.

Где тайга седая дышит сказкою
У прозрачной Яренги реки,
Своды расписали яркой краскою
Русские и коми мужики.

Я не приняла обряд крещения.
Ни о чем я небо не молю.
Но смотрю на фрески с восхищением,
Душу они тронули мою.

ПОБЕДНАЯ ВЕСНА

Я из детства синеглазого
Помню, много лет назад,
Как народ Победу праздновал,
Как встречали мы солдат.

Балалайка заливалась,
И плясал в кругу боец.
В те минуты мне казалось,
Что вернется мой отец.

Подойдет ко мне с улыбкою,
Сбросит с пыльных плеч рюкзак.
Весть о гибели ошибкою
Вдруг окажется. Вот так.

А в толпе, звенящей песнями,
Так печальны и горьки
Той войны проклятой вестники –
Вдовьи черные платки...

И теперь, Победу празднуя,
День тот в памяти храня,
Я кладу гвоздики красные
Возле Вечного огня.

Евгений СУВОРОВ

* * *

Опять я в морозную стынь через речку
спешу в Белый Бор до избушки своей.
Приду до озер, растоплю сходу печку,
И станет тогда сразу жить веселей.

Мороз все крепчает, щекочет за уши,
хватает за щеки и щиплет за нос,
в лесной тишине я в тепле буду слушать,
как в мерзлых сушинах стреляет мороз.

Как птицы в таежной округе щебечут,
и мыши погреться сквозь стены ползут,
в безлюдной тайге ожидать буду встречи
с лесными друзьями, что рядом живут.

Быть может пожалует в гости сохатый,
а может и волк прибежит навестить,
иль заяц прискачет...
Я всем буду рад им,
найду чем соседей своих угостить.

* * *

На избушке на Урале,
где Косью река течет,
отхожу душой усталой
от свалившихся забот.

Исцеляюсь от болезней:
прихватили на пути,
и теперь лечу над бездной -

ни проехать, ни пройти.

А вокруг тайга и горы,
солнце яркое, до слез,
белоснежные просторы,
и Господь - Иисус Христос.

* * *

Белая черемуха -
белые снега,
стала белой лебедью
Емвалька река.

Утопает в праздничных
белых кружевах,
опьяняет запахом,
и цветеньем трав.

Дух медовый, сказочный
на реке стоит,
белыми нарядами
Емвалька глядит.

Белые черемухи
встали в хоровод...
Белая лебедушка
по воде плывет.

* * *

Желтые цыплята одуванчиков
высыпали на прибрежный луг.
Там играют девочки и мальчики,
прыгает вокруг ушастый друг.

И смеются девочки и мальчики,
смехом заражая все вокруг,
и горят на солнце одуванчики,
и резвится с ними рыжий друг...

* * *

Удили мы рыбу
с чайкою вдвоем,
чайка все ныряла
в тихий водоем...

Я на бережечке
рыбку подсекал,

а она ловила
с голого пенька.

У меня срывалась
рыба всякий раз,
вижу, чайка снова
наострила глаз...

Вот опять поймала
рыбу в клюв-крючок,
думает, наверно:
"Ну и рыбачек!"

* * *

Милая, где бы я не был,
жди меня, скоро приду...
Сыплет черемуха снегом,
рыба играет в пруду.

Блики на солнце искрятся,
птички на ветках поют,
в тихом лесочке гнездятся,
семьи свои создают.

Вот вместе с ними и мне бы
песни соловушкой петь,
взмыть бы в высокое небо,
и до тебя долететь.

* * *

Там где рыба плещется,
и снуют мальки,
я рыбачил в озере
около реки.

На причале лодочка
в ил вросла вверх дном,
а на лодке водочка,
с огурцом притом.

И такой изысканный
клев стоял весь день
что под вечер стало мне
рыбку дергать лень.

Я за рыбку каждую
стопку поднимал,
и под вечер с водочки

сильно подустал.

Лег я рядом с лодочкой,
стало в сон морить...
А потом за водочкой,
чтоб уху сварить...

* * *

Не просто жизнь свою сложить,
я в этой жизни был и не был...
А над рекой снуют стрижи,
и летнее пронзают небо.

А я на берегу стою,
рыбачу, время коротаю,
а над рекой стрижи снуют,
и в гнезда сходу залетают.

Они приносят корм птенцам,
они их в жизнь с крыла выводят,
А я один. Мои птенцы
своей дорожкой где-то ходят.

Валентина ДУБЯНСКАЯ

* * *

Белый лебедь моей грусти
В слепой осени кружит,
Не улетит и не отпустит:
Я не знаю, как мне жить.

Как холодны нынче зори,
Окровавленный закат.
Моей грусти только вторит
С головы поникшей плат.

Он сорвался, оказался –
Белым лебедем в снегах,
А осень ходит по пригоркам
На высоких каблуках.

Все шагает и не вязнет,
Не смерзается, идет.
Белый лебедь без боязни
Вслед за мной в туман плывет.

Ну, когда угомонится,

Улетит в свои края?
Лебедь, верная ты птица,
Отпусти меня!

* * *

Подари еще неделю
Солнца, моря и песка.
Заточусь в сырую келью
Северного далека
Я опять на год полярный
Средь сверкающих снегов,
Буду пить закат янтарный,
Славить милости богов.
А песок поземкой стелет,
Ярко солнышко горит.
Подари еще неделю,
Подари мне, подари...

* * *

Вот опять дождем плюется
Осень вы пыльное окно.
Ей, проказнице, нейметя,
Для забавы все равно.
И по шпалам почерневшим
Вслед за поездом бежит
И по крышам, одуревши,
Бьет как глупая, крушит.
Пусть капризна и плаксива,
Укротится ее нрав.
Золотистой и красивой
Нам представится с утра.

* * *

Потолок обрушился,
Стены тело жмут.
Сказок я наслушалась,
Домовой наш – плут.
Два окошка пятнами
Блеклыми влекут.
На дороге пятками
Застреваю тут.
Двери крепко заперты,
Словно бы в тюрьме.
На церковной паперти
Дайте бублик мне...

* * *

Уже привыкли щёки к холодам,
А город Сочи только снится.
И родины своей я не отдам -
Журавлик в небе, а в руке синица.

ВЕСЕННИЙ СЮЖЕТ

посвящается И. В. Фёдоровой

Мы стояли у реки с друзьями,
Стая птиц кружила в вышине.
Тихий крик летящей в небе стаи
Вдруг, неожиданно тронул сердце мне.

Защемило сердце томно, сладко,
Отзвенела тайная струна.
Крылья встрепенулись на лопатках...
Вновь на север к нам пришла Весна!

ПЯТНИЦА, ВЕЧЕР, 8 АПРЕЛЯ

Летели птицы в вышине,
А мы стояли у реки.
Стакан всучили в руку мне...
И пили водку мужики.

Андрюха, Вовка и Юрок,
Серёги два и Вася
Вели неспешный говорок,
А водочка лилася!

За жизнь, за дружбу... Пирожок,
И тост, и разговоры.
Хороший дружеский кружок -
Не злые, в общем, споры.

Воспоминанья дружбе в сласть,
И в будущее взгляды...
В стаканы водочка лилась
И мы ей были рады!

АДВОКАТ

Адвокат, ты как Ангел-хранитель
Защищаешь людей от беды.
Может, снятся тебе по ночам
Бесконечные эти суды.

Бесконечные эти процессы,
Судьи, мантии, клетки, скамьи.
И летят быстрокрылою птицей
Напряжённые мысли твои.

И дымится в руках сигарета,
И работаешь ты в поздний час,
Чтобы вспомнить, и не упустить
Что-то важное здесь и сейчас.

Адвокат, ты как Ангел-хранитель
Защищаешь людей от беды,
И в руке твоей кончики нити –
Растревоженной чьей-то судьбы!

ЗВЕЗДА

У каждого своя звезда.
Звезда любви, звезда удачи!
Дари мне свет моя звезда!
Жить без тебя нельзя тем паче,
Что тьмы и так кругом полно
В сердцах и душах человеческих.
Сияй, свети моя звезда
Чтобы пройтись путём мне млечным!

Александр ВОСТРИКОВ

БЕГ

Белой гвардии

Солнце неуютное над белым,
Белым морем стылого огня –
Как ты велика, моя Россия,
Только нет приюта для меня.
И мешают с грязью снег копыта
Лошадей, измученных вконец;
Что-то очень хрупкое разбито,
По всему видать, – пришел конец...
Венец... свинец...

Смерть рифмуется четко

С безнадежной утратой.
Чьи же, чьи мы теперь,
Без Отчизны солдаты?!

«Есаул, оставьте ваши игры,
Будьте терпеливы до конца.
Помнится, улыбка не сходила
С вашего кавказского лица.
Вы еще не видели России,
Вам ли этот случай упускать...
Только б раз еще взглянуть на Киев,
В Белокаменной бы побывать...»
Опять скакать...

Наш удел уже ясен:
Ветер, пули и снег.
Где-то в этих снегах
Наш окончится бег.

По сибирским слякотным дорогам
Мы спешим, неведомо куда;
Здесь, за малахитовым порогом,
Бог и царь сойдутся навсегда.
Проболтали, пропили, проспали –
Сатана в Престольной правит бал.
Небеса ли веру испытали,
Или это судный день настал?
Кто знал, кто знал...

Исчезает в тумане
Родниковая даль,
А в осенних глазах –
Вороненая сталь.

ВРЕМЕНА ГОДА

Растворилась зима –
Быль и небыль, снежных вьюг кутерьма,
Ожиданья и сны,
Зыбкий мир волшебной сказки.
Все ушло в никуда,
Как обманутый снег, не оставив следа.
Пусть не кончены дни,
Но у весны другие краски.

Зимние слова дождем прольются,
Если их сказать весной;
Зимние надежды разольются талой водой,

Белый парус над волной
Ветер угнал – опоздал, опоздал...

Отшумела весна,
Кто-то ждет, что возвратится она,
Но темнеет вода
И на юг стремится стая.
Снова ляжет зима
Телом рыхлым на рябые дома:
Вроде, все как всегда,
Только это зима другая.

Лето отпоет, метель закружит
Песню запоздалых слов;
Летние мечты погасит стужа,
Дым от костров над безмолвием снегов
Ляжет тогда навсегда, навсегда...

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

Ветер рвет деревьев кроны
И смиряется в пучине,
Раздаются чаек стоны,
В море пена – будто иней.

Мы вчера с тобой расстались,
Только день – не день, а годы,
В небе тучи обнимались,
Значит, ждать нам непогоды.

Но горит вдали, над морем,
Красная Звезда Востока,
Будто спорит с чьим-то горем
Блеском красного потока...

Никогда не будет поздно,
Если жизнь в любви, как в хлебе –
Синеокой ночью звездной
Отыщи ее на небе.

ЛАБИРИНТЫ ПРОРОЧЕСТВ

Каждый по-своему этой дорогой уходит,
Увязая в слепой глухомани урочищ.
Вздумал в сторону? – стенка, назад? – кто проводит?
Остается одно – лабиринты пророчеств.

Кто их строил, угрюмые, с мокрыми стенами,
Кто заботливо камни и щебень возил?
Говорят, что судьба, извиваясь муреною,
Первой след свой оставила – слизистый ил.

А потом набежали пророки и знахари –
Каждый хвастался тайною связью с судьбой,
И по следу ее неизвестные пахари
Заложили фундамента каменный слой.

Век от веку менялось ходов направление –
Человечества судьбы в его же руках, –
Но пророк возвышался над всем поколением,
Карты в руки – ему, человечеству – страх.

А когда непомерно сужались стены,
Скудный свет угасал в лабиринтах совсем, –
Бунтовали плебеи и рвались из плена,
Сокрушая бывшее могущество стен.

И дрожал властелин на сияющем троне,
Но, согласно закону таинственных сил,
Как меняются листья деревьев на кроне, –
Если падал один, то другой приходил.

Утихала гроза, перемен в ожиданье
Усмирялись идущие в узости стен...
И решалось без них в благородном собрание:
Чей окончился путь, чей продолжится плен.

Где же выход из тесных ходов лабиринта,
Где кончается ложь в обилии слов?
И найдется ли этакий баловень спринта,
Что обгонит строительство новых основ?

Любовь МАРИНИЧЕВА

* * *

Тихо падает снег ...
Замерзают слова ...
И от прожитых бед – не болит голова.
И не грустно уже от вчерашней вражды,
От признаний и клятв, от ударов судьбы.

Тихо падает снег ...
Кто сумеет понять –
Этот времени бег, эту жизнь-благодать?..

Но за нами идут постигать вновь и вновь,
Что такое Судьба. Что такое Любовь ...

Тихо падает снег ...
На висках седина,
А в душе до сих пор – та Любовь,
Та Весна.
Одного не понять - почему так спешит,
Незаметно пройти эта долгая Жизнь.

Тихо падает снег....

* * *

Годы проходят...
Люди меняются.
Лучше становятся,
Хуже случается

Души простые
Становятся сложными.
Слово правдивое -
Словно бы ложное?

Нежность порой
Заменяется лестью...
Серую фальшью
Становится песня...

Трусость и злоба
В сердца забираются
И толстокожестью
Все заражаются...

Так не должно быть –
Ведь к Людям приходит
Счастье. И Радость.
А годы проходят...

Нина ПУНДИКОВА

* * *

Вновь клянёшься,
а я не верю,
понимая:
идёт спектакль...
После паузы
хлопнешь дверью,
постараешься сделать так,

чтоб казнилась я
и страдала,
чтобы гнула меня вина.
Лучше первой
шагну из зала
в ночь, где властвует
тишина.

* * *

В глубине наших душ,
в тишине наших снов,
среди обломков надежд
и осколков мечтаний
похоронены звуки
больно ранивших слов,
как в насмешку звучавших
пустых обещаний.
Но однажды во тьме
наша память даст сбой,
возвратив вновь к тому,
что в тисках мы держали,
проведёт через ад
и щемящей тоской
сокрушит наш покой,
умножая печали.
И заставит опять
пережить до конца
боль из прошлого,
что прожигала сердца,
чтоб её отстрадать,
отрыдать,
отмолить —
и забыть...
И для жизни себя сохранить.

* * *

Спасибо всем моим родным,
уже ушедшим и живым,
за то, что душу мне лечили:
без выпренности, громких фраз
вы мне на помощь приходили.

Друзьям сегодня, без сомненья,
за их великое терпенье
поклон мой низкий, до земли:
они, простив характер резкий,
сквозь годы дружбу пронесли.

Врагам признаюсь: из-за них
я в каждый свой победный миг
намного больше совершила,
им поступая вопреки,
там, где сама бы отступила.

Спасибо тем, с кем жизнь свела,
рождая ощущение света
во всём: на отдыхе, в делах,
в молчанье, в сказанных словах...
Благодарю судьбу за это.

* * *

Как дивно пахнет талая вода
туманами, съедающими снег,
смолой нагретой, свежестью, когда
звучит капелей перезвон, как смех!

Как нежится продрогшая земля!
Ввысь, к небу, тянут ветви тополя.
Всё веселее гомонят синицы...
Весною время не бежит, а мчится!

Проталины за низеньким оконцем.
Ах, как бездонна неба бирюза!
Вдруг мать - и- мачех крохотные солнца
откроют миру ясные глаза.

Опять на сердце счастья виражи,
дурман весенний голову закружит
и оживут надежды миражи,
когда поверишь: ты кому-то нужен!..

* * *

Играет жизнь на струнах наших душ
Романс надежд, волнений, ожиданий...
Пусть не будет сложено для Вас
Кантаты человеческих страданий.

Пусть в Вас живут мелодии любви,
Которые Вам в юности звучали,
И эти звуки пусть рождают в Вас
Ноктюрны счастья, радость без печали.

Мы облакаем бурю чувств в слова,
чужую боль своим участием лечим...

Пусть жизни Вашей новая глава
Подарит только радостные встречи.

Пусть никогда Вас не коснётся зло,
Летящее над нашей планетой.
Добра, удач побольше... А судьба
Пусть станет песней, до конца пропетой.

Александр ЛОБАНОВ

ПО-РУССКИ

Он со снегом боролся метлой,
Раскрасневшийся и пышнощёкий.
Ветер жалил - с того, что был злой,
Что снедали безбожно пороки,

Что гневлив был чрезмерно и горд
Необузданным нравом, февральским,
И вертляв, и циничен, как чёрт,
В преисподним заснеженном царстве.

Только дворнику всё нипочём:
Вжик метлой! – и сугроб вполовину.
Небо хмурится, смотрит сычом,
Сыплет белой порошей на спину.

Но хорош как, могуч мах руки!
Как по-русски, как по христиански!
И как мысли светлы и легки,
Как подвластны им эти пространства!

А ещё... Через месяц весна...
И Таргар станет раем пречистым,
Где достанет почёта сполна
Прошлогодним слежавшимся листьям...

СЕЙЧАС РВАНЕТ...

Стараюсь! Я предельно прост:
В словах и мыслях – как в раю.
Но что в душе... Тревога! SOS!!!
Мой ангел, как я Вас люблю!

Однако... Пушкин? Слог не мой...
Но как ложится на листок!..
Весна что хмель: ушёл в запой
И сам в себя, как в лужу, стёк.

Стараюсь... Гении – просты...
Меня же тянет в околось.
Апрель, во здравие тосты
Бубня, уже извёлся весь.

И, наштигован как фугас
Тротилом, порохом, фигнёй,
Навис – вот-вот рванёт сейчас –
Весенний космос надо мной.

Да что ж так просто всё! Любовь
(А я решил, война миров!!!)
Всего-то... Впрямь, хоть волком вой!
Любовь... Я просто нездоров!

МУЗЫ

На зов души моей слетались
Они желанно и легко.
Я прочь откидывал усталость,
Встречая их из облаков.

И нам так славно было вместе!..
Но где же, где же вы теперь?
Я одинок... Я стар... Безвестен...
Я обезумел от потерь...

Душа опутана колючкой,
На вышке бродит часовой.
Он не жесток, он просто скучный,
С пустой и честной головой...

Мои вериги – стопудовы,
От кандалов на струпех струп.
Вороны – тут как тут – готовы
Склевать того, кто глуп, как труп.

Не бред ли всё - и жизнь и память?
Да жизнь была ли вообще?!
Не проще прочерк ли поставить
На всём, как пластырь на прыще?

Ан нет!!! В груди гремит зачем-то
Упрямый ритм и гонит кровь,
А на ладонях мне начертан
Сюжет из линий про любовь...

Ах, «кровь-любовь»... Клише порочных,
Неразрешимых аксиом,

Давно запутавшихся в строчках
И преизбытке смысловом!

Но музы... Вами я покинут...
Уже ли это навсегда?
Кто вместо вас меня обнимет.
Когда зайдёт моя звезда?

ПОЭТ И ВЕСНА

Весна?.. О чём Вы? О погоде...
Капель, синицы, гололёд,
И ночь уже короче вроде,
И нечто вешнее грядёт...

О да! Компост парабриоза
Стал рыхлым, как пастозный снег,
Эфир трещит многоголосо,
И небосвод – пятнист и пег...

Но что на сердце?.. Фибры - вялы...
Ах, возраст ли тому виной?..
Но где же вихри, штормы, шквалы,
Где всё, когда ты был иной?

Весна... И что ж?! Всё – канители,
Всё суета да ералаш.
Ну что с того, что свиристели
В лесу с рассвета входят в раж,

А на проспектах голоного
Рябят скопления девиц?
Поэт, ты – труп!!! Ни рифм, ни слога,
Как муть, в прострации завис,

Таким ли в марте быть поэту?
Встряхнись, чтоб стала грудь тесна.
И не ворчи «зачем?» при этом.
Тебе ль ворчать, когда весна!!!

КОМИ ЗИМА

Иней липнет к усам и ресницам,
Воздух - в блёстках парящей слюды.
От мороза полнеба слезится,
И скрипят колким эхом следы.
Печь поленья жуёт, как солому.
Дым удавом обвил дымоход.
Перебежками, из дому к дому,
Суетится зырянский народ.

Разбросают тела по парилке,
Где целебный берёзовый лист
Объегорит вам паром прожилки,
Как бы ни был мороз норовист.
А потом, как святое причастье,
После баньки - душистый чаёк.
И народ к пониманию счастья
Вроде как бы уже не далёк.
Мельхиоровый рай вечной стужи
Красотой так и прёт, так и прёт,
Филиграни берёзовых кружев
С края в край оплели небосвод.
Серебрянкой припудренный полдень
Искрометит безлиственный лес.
Солнца диск, как за мужество орден,
Освящает знамёна небес.
А когда остывает парилка,
И зыряне садятся за стол,
Появляется водки бутылка,
И сижочки - печорский засол,
И груздочки, и клюква-брусника,
И душевной беседы запой...
И луна с обмороженным ликом,
И вселенский простор, и покой.
Белогривые вьюги-метели
Подспеют к похмелью как раз,
Чтоб мозги остудиться успели
К осмыслению новых прикрас.

Петр МАЛАФЕЕВ

ЗАВРТА МНЕ - 65.

Годы уходят –
а я остаюсь.
Годы проходят –
а я задержусь.
Вместе бы с ними,
встать и пройтись.
И попросить бы, себя,
«Оглянись!»
Годы сочти,
не утратил ли малость,
Всё ли, что прожито,
было мне в радость?

* * *

Приснилось мне,
 что дураки,
Теперь живут в верхах.
Меня б туда,
 но я ни-ни,
Хоть и пишу в стихах.

Вы напечатаете?
 Нет!
Другого я не ждал,
 в ответ...

* * *

Я иду по Сыктывкару,
Город мой – навстречу мне,
Улыбаемся друг другу,
Мы в мороз и по весне!
Город этот будто сказка,
По контрастам на снегу,
Уезжаю, приезжаю,
А расстаться не могу!
Чтобы видеть этот город,
Чтобы вновь не уезжать,
Я иду по Сыктывкару, -
«Здравствуй!» - хочется сказать!

* * *

Ю.А. Спиридонову

Уходит поезд на Тиман, -
Реальность жизни, не обман.
Не слышно лишь, его гудка...
У многих память коротка.
Кому прокладывал он путь?!
Сегодня сказано: забудь!
А рельсы, рельсы, как всегда,
Уводят в память поезда...
Когда он подал свой гудок, -
Жизнь словно сделала виток!
Проектов, смет круговорот...
Скажи, какой уж минул год,
В той самой жизни карусели?
Одни от зависти пыхтели,
Другие с горя, в самом деле...
И только ты, улыбки ради,
Сказал, что это были б....,
Друзья ведь в спину не стреляют!

Теперь все это понимают...
И вновь уходят поезда,
Звенят на стыках сталью рельсы,
И только память в никуда,
Нам не послать, уж даже, если ...

Вахтовый Рудник, - сентябрь 2002 г.

Елена ШЕВЕЛЕВА

ВОРКУТЛАГ

В заполярном краю
Девять месяцев царствует холод.
Здесь деревьям расти до небес
Не дает мерзлота.

Среди тундры бескрайней –
Затерянный маленький город,
Необычный и гордый,
А имя ему – Воркута.

Здесь стоял – Воркутлаг,
Он оплачен ценою немалой,
Где этапы прошли, -
Там по рельсам бегут поезда.
И спешат эшелоны с углем,
И под каждой шпалой –
Недопетая песня, убитая чья-то мечта.

Пережившие ад, люди город
И шахты построили.
Это страшное время
Украло у жизни года.
С лагерей и колючих заборов
Версталась история,

Невеселая повесть,
Жестокая быль – Воркута.
Порастают быльем одиночки –
Могилы и кладбища.
Душ загубленных вечный,
Безвестный, последний приют.
Там, на месте расстрелов –
Оленьи бескрайние пастбища.
Да густая трава,
А в июле ромашки цветут...

Раиса САЖИНА

* * *

Вы не поверите, я знаю.
Я не поверила б сама,
Когда бы женщина другая
В него была так влюблена.

И невысокого он роста,
Непривлекателен на вид,
И не хватает с неба звезды,
И не богат, не знаменит.

Но что меня в нем поражает,
Пред чем склоняюсь чуть дыша,
Как редкостный алмаз сияет
Его прекрасная душа.

В одежды разума одета,
Огнем любви озарена,
Небесной добротой согрета,
И, как родник, чиста она.

Елена ЖДАНОВА

* * *

Когда бой
Девятым валом накатывал,
И чья-то жизнь
Оплывала свечой, -
Оставался Островский
Дежурить в палатах
Лечащим душу
Врачом.
И не книжкой,
Не просто буквами на бумаге –
По больничным палатам
Прихрамывая шагал
Живой, по-солдатски свой
Павка Корчагин
И раненым
Встать помогал.
И тогда
Оттаивала душа
Забывалось, что рана болит
И кто-то
Нашаривал костыли
И первый шаг совершал!

* * *

Сверстникам-фронтовикам

Нам всем уже за восемьдесят,
Давно уж юность миновала,
Мы много лет назад
Ушли из этого причала.

Не прост был и не легок путь,
Но нам не свойственно сдаваться,
Чтобы снова в юность заглянуть,
Необходимо нам встречаться!

Однополчанин,
Мы ждем тебя, к нам приходи,
Оставь заботы и усталость!
Кто знает, сколько впереди
Нам юбилейных встреч осталось?

* * *

Медсестрам, погибшим в Отечественной войне

С нами девчонка в атаки ходила,
Плакала, нас хороня,
А под Смоленском спасла командира –
Вынесла из-под огня.
Но и она повстречалась со смертью.
В этом не наша вина.
Знайте, что даже к сестре милосердия
Немилосердна война!
Нет, никогда не забудет Россия
В шуме грядущего дня
Ту, что на хрупких плечах выносила
Родину из-под огня.

* * *

О, Мать!
Ты тайна вековая!
Любовью женской до краев полна
И будешь вечно для людей святая,
Ведь это ты Иисуса родила!

Такая уж судьба твоя иль доля,
Как говорят в народе иногда...
Твоя душа порой рыдает болью,
Но ты о том не скажешь никогда!

О, Мать!
Ты просто чудо!
Любой из нас тобой рожден!
И ты нужна всем этим людям!
Тебе и праздник посвящен!

О, Женщина!
Великой тайной
Для всех ты будешь вековой!
Безгрешная не станет мамой,
Но этот грех ее святой!

Хвала тебе, Великий Боже,
За чудо жизни – бытия!
Всех грешников суди построже,
А женщину суди, любя!

Без женщины не сотворится чудо,
Рождения и жизни на Земле,
Лишь ей одной мы поклоняться будем.
Всегда,
Во всем и дай нам Бог везде!

Галина МАРКОВА

СВЕЧА ПОГАСЛА

Свеча погасла,
Оплавившись своей последней каплей,
И растеклась безликой маской
По дну простой разбитой чашки.

Но пламень бился не напрасно –
Пока он был, свеча не гасла.

Так жизнь горит, не угасает,
Пока жива надежда, пусть пустая.
Но лишь она одна, как факел, освещает
Шаги идущего во тьме над пропастью, у края.

СЕРЕГОВО

Сереговские дали –
Крутые берега,
Раскинулись как шали
Твои леса, луга.

Тайга до горизонта,

А дальше снова лес,
И Вынь сверкает солнцем,
Голубизной небес.

Как тихо и печально
Вода в реке бежит.
Здесь все патриархально
И чистотой пленит.

Луга прохладой дышат,
Все замерло кругом...
И кто-то на кладбище
Спит тихим, вечным сном...

Валентин ГРИНЕР

* * *

Старик, умаянный бедой, -
Печальная улыбочка, -
Зачем связался с молодой
Такой непрочной ниточкой?!
Она еще надежд полна,
Надежд, тобою пройденных,
Она еще родить должна
Для продолженья родины.
Еще в ней бродит сладкий хмель,
Естественный, как солнышко.
Узда – у молодой в руке,
А у тебя – постромочки...
Давай присядем на пеньке
И погрустим в стороночке...

Евгений ТЕКУЧ

КОТОРОЙ БОЛЬШЕ НЕТ

Загорелась и угасла, замолчала навсегда,
Пролила на камни масло, натянула провода.

Не простила, не забыла, вбила в память города,
Звезды-фонари разбила, разбудила холода.

Злые сны ее бесплодны, как иссохшая слюда.
И глаза ее холодны, словно черная вода.

Неподвижна, но опасна, позабытая звезда.
Зла, слепа, мертва, безгласна, бесконечно молода...

Татьяна СОЛОВЬЕВА

* * *

Солнце весеннее высветлит душу
И озарит,
Солнце весеннее выгонит стужу
И оживит!
Солнце весеннее – радость общения,
И свет любви,
Солнце весеннее – луч вдохновения,
Свежесть зари!

* * *

И сотворил меня Господь
Из твоего ребра:
Одна у нас и кровь, и плоть,
Да и душа одна.

И биополе на двоих
У нас одно с тобой.
Идти нам дальше предстоит
Дорогою одной.

Ты не робей и не грусти,
Мы вместе, мы вдвоем.
И, что отмерено пути,
С достоинством пройдем!

Владимир ОЛОФИНСКИЙ

* * *

Такая стоит тишина...
Что слышно, как падает снег,
Цепляясь за голые ветки.
Но!..
Скрипнула старая дверь,
Из бани выходит соседка,
Прикрыв наготу не спеша,
Стоит в клубах пара.
Вот мне бы такую жену,
Да вместе присесть к самовару,
Да выпить ведро воды,
Да семеро душ по лавкам.
Такая стоит тишина,
А жизни так мало...
Жалко!

* * *

А ночами идут дожди,
Бесконечные, тихие, мокрые.
Уходя ты сказал, не жди,
И умоюсь слезами теплыми.
Не утешит меня яблочк вкус
И забытое обещание.
Только ночью приходит дождь
И стучит и зовет на свидание.
По привычке гляжу в окно,
В темноту осеннего сада.
Летом ты мне сказал, не жди,
И твоей любви мне не надо.
С тихой грустью я рву письмо.
Унесет его ветер листвою.
Я хочу теперь одного,
Чтобы снегом пришел ты зимою.

* * *

Заберите меня облака,
Так давно я на родине не был.
Ветер с Севера дует пока.
Длинный день, ночью месяц светел.
Я готов бежать босиком
По полям, по траве не скошенной.
Нужен мне твой земной покой,
Сына ты пожалей нехорошего.
Иногда разведет судьба,
И душа не знает покоя.
Напой родниковой водой,
Я всегда быть хотел с тобою.
Уходить в заливные луга,
Задышаться цветочным пленом,
Чтобы рядом была река,
А в реке отражалось небо...

Андрей КАНЕВ

* * *

На кухне делают дела
Плохие и хорошие.
Там нас и мама родила,
Мука лежит порошею.
Там тараканы и коты
Плетут интриги ушлые.
Там даже с Богом мы на ты.
Из-за того, что кушаем.

* * *

Мои тапочки прикроватные
При твоей стоят, при кровати.
Мои мысли вконец развратные
В твоих юбках живут, как тати.
Я несу цветок, только сорванный,
Только с грядки чужой, не нашенской,
Подарю тебе расторопненько
И уйду, словно полдень завтрашний.
Ты цветок возьмешь в руки нежные,
Наберешь воды в вазу слезную
И напоишь вновь наши прежние,
Подзасохшие розы-розоньки.
Убегу, на век распрощаемся,
Будто пальцы от «до» по клавишам,
А споткнусь, свалюсь, повстречаемся...
Ведь идти-плясать мне куда еще?

ПО ПЛОЩАДЯМ СЫКТЫВКАРА

Спуститься к парку на берег реки,
По руслу от излуки до излуки.
Нас встретил Сыктывкар, конец разлуке,
Хотя дороги были не легки...

А мне не стать отрадою тебе,
По площадям брожу я сыктывкарским.
Поземкой мчится вьюга по судьбе,
В проулках пряча норы свой бунтарский.

А я хочу быть радостью твоей
На перекрестках тех путей-дорожек,
Что не бывает для любви дорожке
Средь сыктывкарских улиц-площадей.

Теперь по жизни нам идти вдвоем
По площадям родного Сыктывкара,
И песню мы ему еще споем,
Еще вдвоем сыграем на гитарах.

Дома, фонтаны, парки и любовь.
Людской молвы житейской перекаты...
На Сыsole восходы и закаты
Встречать нам вместе вновь и вновь, и вновь!

Спуститься к парку на берег реки,
По руслу от излуки до излуки

Нас встретил Сыктывкар, конец разлуке,
Хотя дороги были не легки...

* * *

Вячеславу Андреевичу Шульгину

«И сердца боль», «И несли меня кони»,
И «Прерванный (кем-то) полет»...
Три книги, в которых искони
Душа патриота живет.

Он летчик и фотохудожник,
Которому свойственно «ню»,
Глядит на нас с ярких обложек,
Все то, что присуще ему.

По возрасту – юный писатель,
По опыту сверхкорифей.
Он литературы создатель,
С которым считайтесь теперь

Различные Музы и Дивы
Исконно зырянских кровей.
Слова в его книгах правдивы,
Как ток по весне глухарей.

Однажды он спел нам былинку,
Где «Коми (ходил) пионер».
Река прорывает плотину,
Травой покрывается сквер...

Весна в твоём творчестве ропщет.
В нём жизнь поколенья страны,
В нём кони по зорице топчут
Залитую кипень травы.

Пусть силы твои не иссякнут,
Творец по нелегкой судьбе,
И критики что-нибудь вякнут
В газетах своих о тебе...

Три книги, в которых искони
Душа праотца их живет,
И снова несут его кони
В не прерванный жизнью полет!

* * *

Малиновый восход –
Предвестник горя...
Вороны,
Словно дырки на мишени.
У покоренных
Мысли о позоре,
У них в крови истертые
Колени...

А в сумраке души
Растают войны.
Пред ликами вспомнется
Святое.
Враг мой уже давно
Земной покойник.
Но в жизни их еще
Остались двое...

Совмещая мушку на
Вороне,
Твердь
Приклада на плечо поставлю.
Дед Мороз,
Как будто, вор в законе
Мне сосульку
Дарует как саблю.

Выстрелю,
И каркнуть не успеет.
Гроздьями рябины
Кровь и перья...
Пред иконой
Истоптал колени,
Согрешил,
И каюсь вот теперь я!

Пред иконой
Благо на коленях...
Две собаки
На дороге вздорят...
Шесть ворон,
Как дырки на шинели...
Розовый закат –
Предвестник горя...

* * *

Изгиб реки, укутавшейся в снег.
Вдали сосновый бор в опушке снега.
Смотрю, и теплит душу мою нега.
И затихает мыслей скорый бег.

Теперь я понимаю почему
Перо в деревне тянется к бумаге.
Везут на дровнях сено по селу,
За ним пурга таит себя в овраге.

Над избами дымок струится в небо.
Там перекрестья самолетных струй.
Смотрю, и тешит мою душу нега,
И шепчется любимой: «Не балуй...»

Лохматый пес на бронзовой цепи
Хранит покой хозяйского удела.
Во мне еще так много всего спит,
И сделал я лишь половину дела.

Вдруг мир взорвался звуком в тишине,
Куда-то трактор потащил телегу,
Смотрю, и тешит мою душу нега,
И в очередь толпятся строфы мне...

* * *

Я люблю в тебе каждую строчку,
Каждый штрих возбуждающей рифмы.
То, как ставишь ты фразами точку...
Твои груди – округлые рифы.

И о них разбиваются мысли,
Словно волны любви океана.
И вино не становится кислым,
Мы разлили его по стаканам.

От хореев и ямбов прически
Я стою, овиваемый ветром.
И помада алеет полоской,
И глаза голубы в стиле ретро...

И когда открываю я книгу,
Ты поэмоюходишь мне в душу.
И на свет маяка легким бригом
Я стремлюсь к тебе, словно на сушу.

Ты меня обмануть не решилась.

Не решилась в глаза мне ответить,
Что любви нашей общей лишилась,
Отомкнув ворота на рассвете.

В той таверне пристанище пришлых,
Там, где ветер связал собой ставни,
Мое имя ты больше не слышишь...
Там другие столуются парни.

Распустив паруса на закате,
Мой кораблик из мятой газеты,
Сердце бросив в десятой палате,
«Упылил» по волнам в кругосветку...

Для меня ты – поэзия жизни,
О которой мечтается ночью.
Я исполню любую репризу,
Я любил в тебе каждую строчку!

* * *

Я хочу самим собой остаться.
Я хочу быть цельным и живым.
Мне не нужно пришлое богатства.
Всех врагов и так мы победим.

Крепостное право на идеи –
Пифагору коротки штаны.
Просыпаясь, я не знаю, где я...
Что осталось от былой страны?

Где моя большой державы гордость?
Я рвану тельняшку на груди,
И в салат паду избитой мордой...
Пробужденье будет впереди.

Лишь в тайге, где сам судьбе хозяин,
Остаюсь всегда самим собой...
На передовую б мне, в Израиль,
Все-таки уже знаком с войной.

Господи, услышь мои стенанья,
Подскажи дорогу мне в миру.
А не то не справлюсь с подсознанием
И с разбегу как-нибудь помру...

* * *

Я тебя выстрадал жизнью своею.
Может быть, слишком мне в жизни везло?
Сколько живу, никогда не болею
И побеждаю врагов им назло.

Я каждый шаг твой и каждое слово
Боготворю, и готов воспевать,
Даже когда самому мне хреново...
В церкви, наверное, лишь благодать!

Может быть, ты мне дана в наказание?
Может быть, радости в жизни конец?
В руки тихонько берешь ты вязанье
И выплетаешь терновый венец...

Людмила ХАНАЕВА

* * *

Тревожный перезвон над Русью древней,
На фоне неба – контур куполов.
Но ветхие забытые деревни
Не слышать громкий звон колоколов.

И в городах его не слышат люди:
Повсюду пьянство, воровство и блуд...
Что с матушкой Россией будет,
Где молодые ничего не чтут?

Позорно продаются за валюту
Иконы старые, младенцы, ордена.
И на руку безнравственность кому-то,
И тешится над нами Сатана!

* * *

И вдруг взметнется песня русская.
Ее подхватят за столом.
И что-то древнее и грустное
Ворвется с этой песней в дом.

Покатятся слова неспешные,
До глубины души задев,
И молодежь притихнет вежливо,
Знакомый слушая напев.

Не усидишь, поддержишь голосом
Про долю горькую и грусть,
Про красну девицу, при молодца,
Про жизнь нелегкую... Про Русь!

* * *

Холокост!!! Это даже представить непросто:
В сердце боль, в сердце скорбь по убитым живет.
Невозможно забыть, как бездушные монстры
Истребляли невинный еврейский народ.

Не жалели свинца на детей и на женщин,
Убивали мужчин и седых стариков.
Эта боль и сегодня терзает не меньше
Среди мирного неба и ярких цветов.

Слышу крики людей, их проклятья и стоны,
Вижу камеры с газом и топки печей
И колонны замученных и обреченных –
Ярость или же тупость в глазах палачей.

Над погостом то солнце, то яркие звезды,
Ветер тихо гуляет у братских могил.
Вижу тех, кто не выжил в огне Холокоста,
Не допел свою песню и не долюбил!

* * *

Сыну

Незаметно к нам подкралась осень,
С ней ты старше стал на целый год.
Пусть листву деревья тихо сбросят,
Белый снег на землю упадет.

Жизнь полна и не таких сюрпризов –
Будет в ней и радость, и тоска.
Иногда судьба бросает вызов,
Ты всего не испытал пока.

Жить, конечно, мальчик мой, не просто
Там, где подлость, зависть и обман.
Но ведь радуют зимою звезды,
А весной – голубой туман.

Я хочу, сынок, чтоб мог ты верить
В то, что есть любовь и есть добро,
Открывал радушно людям двери
И ценил душевное тепло.

* * *

А счастье растворилось незаметно:
Прикрыв тихонько дверь, оно ушло.
Луна струила свет тоскливо-бледный
И ветер за окном смеялся зло.

Не выдержало ссор оно, упреков,
Не попрощалось и не взяло кладь.
Ушло своей неведомой дорогой
И не сказало, где его искать.

Следы припорошило белым снегом.
Я знаю, ждет меня нелегкий путь.
Иду одна под тихим звездным небом,
Хочу найти его и в дом вернуть...

Маргарита ПРИЛУЦКАЯ

* * *

Ветер с юга,
А мороз крепчает.
За окошком снег скрипит все громче...
Заварю я горстку иван-чая,
Пусть он напоёт о лете звонком.

Я глаза закрою, и с улыбкой
Вдруг увижу шёлковые дали,
Дымкою затянутые зыбкой.
Лапы елей – синею эмалью
Так блестят под солнечным разливом,
Что слепит слезами отраженье.
Издали плывет речитативом
Ручейка невидимого пенье.
А в лугах – кузнечики стрекочут,
А в лесу – созревшая черника.
Наберу я полное лукошко
И глаза открою...
И поди-ка! –

Только что из лета – снова в зиму.
Пахнет чаем, яблоком с брусникой,
Клюквенным вареньем с апельсином.

СЕВЕР – БОЛЬ МОЯ

Север –
 мой степенный край,
Сны неторопливые.

Другая грань водораздела.
Я свой вопрос не задала.
Но и ответ не разглядела.

Не зря, наверно, синий снег
Планету холодом заносит.
И на земле ответов нет
На запредельные вопросы:

Ни в беспощадности огня,
Ни в неприкаянности дыма,
Ни в ясной искренности дня,
Ни в бурной ночи воробьиной.

Зачем бесцельность суеты?
Моя душа иного просит...
Но вечны млечные мосты
И безответные вопросы.

* * *

Окружи меня чарами,
Поцелуй.
Сердца льдинку печальную
Расколдуй.
Плотный снег одиночества
Растопи...
Я прошу невозможного.
Ты прости.
Огоньки,
Переполнены вёснами
И легки.
Где-то слово обидное –
Невпопад.
Сыплет ночью невидимый
Листопад.
Дождь на крышу обрушился,
Лопоча.
А часы равнодушные
Всё стучат.

* * *

Всё.
Конец игре.
И на слонах
Удалились с поля офицеры.
Не спеша, вальяжно, на рысях
Конница процокала в вольеры.

Отошли от берега ладьи,
В них уплыли пешки, словно братья.
Шпаги в ножны вдели короли
И сменили королевы платья.

Тихо в королевствах.

Бьют часы.

Полночь. Замки освещают звезды.

Временами лишь бессонный сын
Оглашает поле криком поздним...

Завтра снова верные полки
Встанут под знамена, мощи полны...
Если б разрушенья вечный пыл
Усмиряли игры,
а не войны!

Т. МИКУШЕВА

* * *

Скажи ему, что он мне нужен.
Пусть взгляд его пронизан стужей
И вежливо-спокойна речь,
Что лишь его мне нужно видеть
И нужность эту ненавидеть,
И избегать случайных встреч.
И удержать волненья дрожь,
Услышав в трубке: «Как живешь?»
Смеясь сказать: «Ах, это ты...»
Не показать, что он замечен,
Что голос страстью изувечен,
И не взорваться от тоски.
И удержаться от укора,
Придумать тему разговора.
Поговорить так, между прочим.
И, избегая искушенья,
Поставить точку в отношеньях-
Не многоточье...

* * *

Да не в тебе, конечно, дело!
А просто тело,
Вдруг обезумевшее тело,
Оно взрывалось и кипело
И, с головою не в ладу,

Оно металось, как в аду,
Рвалось на части. И хотело.
Но не тебя, а сладкой силы
И нежной ласки рук мужских,
И лжи, безудержно красивой,
Чтобы хватило на двоих.
И понесло, и закружило...
Но в протрезвевшей тишине
Зачем теперь понять не хочешь,
Что ты совсем не нужен мне?

Екатерина ФИЛИПЧЕНКО

* * *

В небе звезды, как мелкое крошево.
Белоснежный ковер весь промерз.
С потепленьем прогноза хорошего
От синоптиков ждем, но мороз

По Сибири гуляет, по Северу
И до южных окраин дошел.
Из трубы разлетаются веером
Брызги искр. У печи хорошо!

Стынет каждая веточка. Холодно.
Шапкой снежной накрылись кусты.
Ночь – волшебница иней, как золото,
Разбросала в задворках пустых.

* * *

Стынет дом без хозяина.
В поле стон ветер носит.
Сиротой на окраине
Шелковистые косы
Под раскаты громовые
Ива тонкая чешет.
Все ромашки садовые
Отцвели. Стали реже
Залетать птицы-аисты.
Устиляет муравушка
Все тропинки хозяйские.

* * *

Поют о поле русском сыновья
Протяжно, не спеша, поют с грустинкой.
Поют мальчишки песню. Про коня,
И вспоминаю я мой дом – хатинку.

Рассвет полощет розовую даль,
И жаворонок вьется над пшеницей.
Там яблоневый сад накрыла шаль.
А над болотом гуси вереницей.

Мой дом, моя земля. Не добежать.
Удушливый комок сжимает горло
И память сердца все еще свежа.
Я с ветром шлю туда поклон упорно.

* * *

Дурманит аромат ночных цветов.
Схватило эхо звонкое твой зов.
Утерян ключ от дома. К сеновалу
Ведет тропинка. Ах, как ночи мало!

* * *

Рыжие колосья на несжатом поле.
Дым жилых построек. Лодка на реке.
Блеклая трава шелестит на воле.
Пьяный голос с матом чей-то вдалеке.

Наталья ЗОНОВА

* * *

Майский жук жужжит желанный,
Наступила, мол, весна,
Что-то случилось, как-то странно
Ибо вовсе не до сна.

Зажурчали повсеместно
Говорливые ручьи,
Прорываясь к речке вместе
Их поди-ка приручи.

Дряхлым стал сугроб последний,
Почернел, совсем зачах,
Порыжел от ярких, медных
Попрыгунчиков в лучах.

Мир вдохнул живую свежесть
Зеленеющей травы,
Набухают почки нежась
Сок березку напоив,

Вырывается наружу,
Растворяя в людях хворь,

Прогоняя злую стужу
И злодейку ведьму – боль.

Сердце радуется. Бьется
С ним созвучно пульс земной.
Из бездонного колодца
Родниковую водой.

* * *

*По мотивам закулисной беседы в доме Корсаковых.
Откровения хозяйки*

Я клоун. Выходя из дома
Я надеваю маску счастья.
Не стройте лиц недоуменных
Мне, соболезнующих наспех.

Вы сами далеко ли, люди,
За эти годы ушагали.
Сахара – жизнь, а мы – верблюды,
Лишь терпим жажду и едва ли

Желаем жить такую жизнью,
Отсрочив счастье в долгий ящик.
Судьба-подруженька капризна,
Недобродетельный образчик.

А вы бездарно все же врете,
С улыбкой глядя в маску эту.
Что ж, дело вовсе не в работе,
А в том, что дым от сигареты

Я с большей радостью вдыхаю,
Чем разговариваю с вами.
И одиночеству прощаю
За встречи редкие с друзьями.

Но что уж тут поделывать, братцы,
Причина жить – одна из важных.
Вот только б жить, а не бояться
Всем выживающим отважно

За то, что где-то за кулисой –
Разоблачающая сцена,
За то, что нам – судьбы актрисам

Грозит погибелью измена¹.

* * *

Замкнут вечер в желтой оболочке
Звезд печальных и луны в полнеба.
Посижу на кухне в одиночку,
Так и манит запах щей и хлеба.

Шесть уже давненько миновало.
Говорят, чтоб соблюсти фигуру
На ночь есть нельзя, пусть даже мало.
Голодать? Ха-ха, ищите дуру!

Вы не верьте в глупые диеты,
Если очень хочется, держайте.
Мне б еще любимые конфеты.
Как нарочно, кончились, мерзавцы.

Посмотри, луна как чаровница,
В небе звезды-крылышки расправив,
Высоко порхает словно птица...
Как же вы, диетчики, не правы!

* * *

Эй, бродяга, скиталец, поэт,
Преклони свои стертые ноги,
Слышишь песни далекой привет –
Это ветер, он тоже в дороге.

Он попутчик, единственный друг,
На незримых просторах скитальца,
Ты вручи ему кладь своих мук,
Пусть отныне летят, не влачатся.

Может в дар получив навсегда
Невесомость – волшебные крылья,
Мука музой предстанет тогда,
И ничто возродится вдруг былью.

Ты подумай, бесславный поэт,
Сколько сказано будет тобою,
Человек, воспевающий свет,
Совладавший с мучительной болью.

¹ Себе самой

* * *

Растекается солнце в талом воздухе мая,
Брызжет искрами, греет лучезарную синь.
Знаешь, рыжая дева, как тебя не хватало
В долгих месяцах зимних. Серость мерзкая, сгинь.

Пусть наполнятся светом городские кварталы,
Лица хмурых прохожих обретут доброту.
Май, смешливый юнец, потрудиться не мало
В наших душах придется, чтобы смыть черноту.

Мы готовы, мы жаждем, врачуй, не стесняйся.
Я немедленно, слышишь, себя распахну.
Где-то тихо играет мелодия вальса –
Это ветер ласкает дождемку-струну.

* * *

Будет чудо! Новый день родится,
Прогоняя ночь с озябших улиц.
Будет чудо! В сонных хмурых лицах
Солнышко лучистое красуясь

Отразится и в глазах и в душах,
Наполняя светом мысли, грезы.
Будет нам что рассказать, послушать.
День родился! Прочь пойдите, слезы.

* * *

Зима как-то быстро оттаяла,
В весну превратилась нечаянно.
Природе назло, к одиночеству
Свое обратила пророчество.

Запела капелью, не вьюгами,
Не злокой, а лучшей подругою
Явилась неожиданно-негаданно,
Мечтами высокими радуя.

Валентин ТЫРИН

ОСЕНИ ПРЕКРАСНЫЕ МОТИВЫ

Говорят, что осень довольно скучная пора,
А мне до слёз смеяться хочется над ней.
Не оттого, что в ней смешного много,

А оттого, что нет прекрасней этих серых дней.

Легко увидеть красоту зимой и летом,
Когда вокруг одна лишь красота.
А ты попробуй разглядеть её без цвета,
Ведь так намного же трудней.

Я вижу в ней своеобразные узоры,
Я слышу музыку от шелеста листвы.
Дышу я чистым воздухом свободы,
Что нам достался от матушки земли.

Я чувствую прилив могучей силы,
Что не даёт уснуть мне по ночам.
Я знаю осени прекрасные мотивы
И никому и никогда их не отдам.

ВСЕ ПСЫ ПОПАДАЮТ В РАЙ

Все псы попадают в рай,
Таков закон великой природы.
Нам поучиться бы у этих ребят,
Но мы не такие, мы другой породы.

Мы слишком жестоки, не верны в поступках,
И знать не желаем, что будет потом.
Мы ищем любовь в ночных институтах,
Считаем, что быть лучше комнатным псом.

Лучше бы стать бездомной дворнягой,
Без дела скитаться по здешним местам.
Спасаться от стаи знакомой дорогой,
Идти куда-то по чьим-то следам.

А много ли надо для счастья собаке?
Найти себе дом, подругу и кость.
Они не хотели участвовать в драке,
Но мы воспитали в них зубы и злость.

И всё же они чище, чем люди,
Готовы быть верными нам до конца.
А мы, бездарные, это не ценим,
На землю упала собачья слеза.

Все псы попадают в рай,
Таков закон великой природы.
Нам поучиться бы у этих ребят,
Но мы не такие, мы другой породы.

ЗИМА ПРИШЛА

Зима пришла, пришли морозы,
Настала чудная пора,
Мороз рисует на стекле узоры,
А вьюга снега намела.

Кругом всё чисто и прекрасно,
Куда ни глянь, везде бело,
И понимаешь, как чудесно
Родиться здесь нам повезло.

Люблю я зиму, как нестранно,
Её величие, покой,
И санок скрип и смех ребячий,
Что с горки катятся гурьбой.

А по дороге тройка мчится,
Гармонь весёлая поёт,
Сегодня свадьба на деревне,
Гуляет весь честной народ.

Зима пришла, пришли морозы,
Настала чудная пора,
И это чудо рядом с нами
И не любить его нельзя.

* * *

Ты хочешь узнать поближе меня,
Возьми мою руку, посмотри мне в глаза.
Ты увидишь в них всё, что твориться во мне,
Ты увидишь в них больше, чем надо тебе.

Ты хочешь узнать поближе меня,
Прочти мои песни, стихи, гороскоп.
Тебе всё расскажут звёзды на небе,
Сегодня же ночью взгляни в телескоп.

Ты хочешь узнать поближе меня,
О том кто был первым на этой земле.
Кого ты так ждёшь, на исходе дня,
Я расскажу тебе всё о себе.

Ты хочешь узнать поближе меня,
Я буду с тобой до конца откровенен.
Я такой же как все, но немного другой
И судьбе своей буду я верен.

* * *

Звучи, Вселенная, звучи
Счастливою мелодией своею.
Пускай все люди на Земле
Сердца наполнят красотой твоею.

Устала матушка Земля
От наших дел, не понимая.
Мы ей должны помочь, любя,
Своим теплом и светом созидая.

Вселенной необъятной арфы струны,
Мелодией счастливою звучат.
Людские лучики повсюду
Согреть тебя скорей спешат.

Спешат наполнить песнею души,
Волшебной радугой небесной.
Открыть тебе свои сердца
И жизнь вокруг становиться чудесней.

Звучи, Вселенная, звучи
Счастливою мелодией своею.
Пускай все люди на Земле
Сердца наполнят красотой твоею.

* * *

Я слышал в воздухе божественные звуки,
Их извлекал не видимый творец.
И радовалось всё, тянуло руки,
На этот звук восторженных сердец.

Чарующие звуки те простые,
В них шум прибоя, шёпот ручейка,
В них крики птиц и трав дыханье,
Я их запомню все, наверняка.

Из них создам симфонию природы,
По нотам разложу и буду вам играть.
Её запомнят многие на годы
И сможет каждого она очаровать.

Очаровать своею простотой,
Изысканною линией добра.
Всё то, что я оставлю за собой
Проснётся, лишь когда придёт пора.

* * *

Первый снег был самый первый,
Падал голову кружа.
Самый белый, самый чистый,
Словно ангела душа!

Перед ним, как перед Богом,
Все мы, грешные равны.
На богатом, на убогом,
Ты найдёшь его следы.

Он укрыл собой всю землю,
Падал тихо не спеша,
И как будто мягкой шалью
Всё укутал не спеша.

Стало всё вокруг красивым
И дышать совсем легко,
И снежинок вальс игривый,
Знать зима не далеко.

Первый снег был самый первый,
Он растает чуть дыша.
Для меня он самый чистый,
Словно ангела душа!

Раиса КУКЛИНА

* * *

Мы с тобою так близки!
Очарованы друг другом.
Море... Солнце...Иль пески...
возникают перед Кругом?..

Наши тени – свет глубин.
А в сердцах – одна святыня.
Может, Ты... мой господин?
Может, Я... твоя рабыня?

Может, ты - судьба моя -
Зрелой юности дорога...
Свет и тайна Бытия,
Благодать и милость Бога?..

* * *

Опять опоздала?!
Ах, да. Опоздала...
Так, видно, - судьба!
Уходит мой поезд
по рельсам стуча
и огнями мигая...

А я – на перроне
пустом и безлюдном.
Стою... Улыбаюсь...
Вернется мой поезд,
и я точно к рейсу
успеть постараюсь.

МОЛЬБА

Ох, как мы жестоки,
жестоки – до боли.
И стонем в неволе
мы Божией воли.

Ах, как одиноки
в толпе многолюдной,
как будто в лесу
иль в пустыне безлюдной.

А счастье – лишь слово...
Прозрачные звуки...
Ах, Отче! Как трудно
терпеть наши муки.

Ах, Отче! Ты сделай,
чтоб легче всем было,
чтоб радость сошла,
ну, а горе – уплыло.

Ах, Отче! Пусть вера
белою птицей
в голубом небосводе
с Россией кружится.

* * *

Ты ушел, и тихонько захлопнулась дверь...
Ты ушел в мир огромной любви и потерь.
Сердце, стой, погоди, ты за ним не беги,
Только жди, тихо жди,
ведь любовь-то еще впереди.

Ты придешь, и волнующе звякнет звонок...
Ты придешь и тихонько шагнешь чрез порог.
Сердце, стой, погоди, ты к нему не беги,
Только жди, тихо жди,
ведь любовь-то еще впереди.

День за днем незаметно проходят года.
Ты ушел и пришел... Я ушла и пришла...
Лишь печали не смогут с тобой разлучить.
Будем жить... Вместе жить...
И друг друга любить.

* * *

Все э т о было уж не раз...
Со мною все э т о впервые:
И ясный свет, и злая грязь,
Каноны... догмы вековые...
Все в жизни было! Уж не раз...
Со мною
все случается впервые

* * *

Не хочу писать от боли,
А – пишу!
Не хочу грешить я боле,
А – грешу!
Ну, а если не грешить,
То и – не жить.
Как же быть на самом деле?
Вот вопрос!
Кто ответит на него мне?
Кто дорос?..
10.02.2006.

* * *

Как трудно мне тебя понять,
мой сын, мой славный мальчуган!
Сама не в силах объяснить,
где в жизни правда, где обман...
Тебя дороже в мире нет.
Поверь мне. Честно говорю.
И за тебя я так боюсь.
И все сильнее тебя люблю.
Прими мое благословенье:
Крепись, трудись и не хандри!
И этой жизни океан

переплывая, не замри!
Пусть будет жизненный успех,
удача, верность и любовь.
Пусть будет то, что и у всех:
семья, достаток, теплый кров!

* * *

Мы опять расстались, не прощаясь...
Печальный ты ушел в ночной туман.
Неужто милости, судьба, ты нас лишаешь?
А наша жизнь – один пустой обман?..

Ты есть... Твое я чувствую дыханье.
Ты мой. Ты для меня. А я – твоя.
Как тягостно и сладко ожиданье.
Любимый мой, прошу, прости меня.

Любая боль пройдет при нашей встрече,
и радостью наполнятся сердца.
Ты для меня единственный на свете,
а для тебя единственная я.

Ты есть... Твое я чувствую дыханье.
Ты мой. Ты для меня. А я – твоя.
Как тягостно и сладко ожиданье.
Любимый мой, прошу, люби меня

От боли, от обид я плачу горько.
Стекают слезы, разливаясь по лицу.
Не крикнут нам протяжно слово «Горько!»
И от тоски мятежной я кричу:

Ты есть... Твое я чувствую дыханье.
Ты мой. Ты для меня. А я – твоя.
Как тягостно и сладко ожиданье.
Любимый мой, прошу, ты жди меня.

Ах, ливень летний, ты омой нам души,
Ах, солнышко, согрей ты нам сердца.
Любимый мой, прошу, ты песнь послушай.
Ее тебе поет моя душа.

Ты есть... Твое я чувствую дыханье.
Ты мой. Ты для меня. А я – твоя.
Как тягостно и сладко ожиданье.
Любимый мой, прошу, ты жди меня.

МОЙ СЫКТЫВКАР

Возьму гитару, споем на пару,
Как я скучаю по Сыктывкару.
Я Парме снежной, девчонке нежной
В любви безбрежной... Признаюсь!!!

Хотя я пришлый, но так уж вышло,
Я твой поклонник – рядовой.
Очарованье Сыктывкаром
Я называю своей судьбой.

Святитель Пермский крестом и словом
Наш край суровый освятил.
«Зырянский Пушкин» - Иван Куратов
Здесь жил, работал и творил.

И труд, и песня у нас в почете,
Но ярче признанных наград
Гремит немеркнущая слава
Героев зимних Олимпиад.

Тебе на верность присягаю,
Мой город мира – миян кар.
Неповторимый, неотразимый,
Всегда любимый – мой Сыктывкар.

И НЕСУТ МЕНЯ КОНИ...

В.А. Шульгину

Нарисуйте коня,
Мне волшебной рукой.
Пусть умчит он меня
В мое детство стрелой.

Где скакал я галопом
Оставляя следы,
И несли меня кони
Без седла и узды.

Убегал от погони,
Несвободы и зла.
И несли меня кони
Закусив удила.

Но вложила в ладони
Мне судьба повода,

И несут меня кони
Неизвестно куда...

Митрофан КУРОЧКИН

ЛЮБИМАЯ МОЯ СТОЛИЦА

Для города – еще не стар:
Немного больше двух столетий.
Я рад, что молодисься, Сыктывкар,
Особенно при лунном свете.

Плетешь зеленые венки
Да липовым дурманишь цветом
И песни все твои звонки
В весну-красну и знойным летом.

Для очень многих горожан
Ты стал и мамой и отцом,
Растишь своих ты «парижан»,
Выводишь в люди сорванцов.

Дома-красавцы на смотринах
И в центре, и в других местах
Так гордо держат свои спины,
Купаясь в солнечных лучах.

Проходят годы, словно миг,
Не прибавляя седины,
Ведь бум строительный не стих
На зависть городов страны.

Поэтов многих и мой стих –
В любви признание тебе.
Он лишь мазок! И не в триптих –
В полотна о твоей судьбе.

Красивая моя столица,
Расти ты вширь, расти ты ввысь.
Улыбки на смурные лица –
С людьми ты радостью делись.

А пожеланье – «визажистам»:
Заботы больше проявлять,
Чтоб город обликом лучистым
Мог люд приезжий удивлять.

ПАНИКА

В панике Кашей Бессмертный,
Сам не знает, как так влип!
Врач сказал: «В яйце заветном
Обнаружен птичий грипп».

САЛЬМОНЕЛЛА

Не удивляюсь ничему уже
И новости, сюда что долетела:
В привезённых яйцах Фаберже
Тоже появилась... сальмонелла.

ЛЮДСКИЕ СТРАННОСТИ

Какие странные все люди:
Будущее светлое, мол, будет
И в то же время им не лень
Откладывать на «чёрный день».

ПЕРЕСЕКАЮТСЯ?

Бурлят в стране большие страсти,
Интересует очень многих:
Как часто коридоры власти
Пересекаются с большой дороги?

МОЛНИЯ

Был взгляд у молнии и ярок, и колюч,
Она мечтала, кто б подумать мог,
Блестать среди чёрных туч,
Увы, пришлось сверкать ей между ног.

ГЕРБАРИЙ

Был вздох Гербария похож на стон:
- По мне Цветы такие сохли, -
Расхвастался однажды он, -
Вам не дано понять такое, рохли!

КОМАР

Комар наш отличался добрым нравом, -
Летал в лесу он вольной птицей,
Считал, конечно, с полным правом

Свою жену поганой Кровопийцей.

Тамара КУРОЧКИНА

МОЙ СЫКТЫВКАР

Селенье Вычегодского уезда
На берегу красавицы реки
В конце шестнадцатого века
Впервые в летопись внесли.

Потом сама Екатерина
Герб Усть-Сысольска утвердила –
Так Вычегодская земля
Свой центр навеки обрела.

А в девятнадцатом столетии-
Тогда Наполеон на Русь напал,
Наш город Усть-Сысольск, заметьте,
Рублем Россию поддержал.

В войну минувшую был вклад
В копилку общую Победы –
Был каждый сыктывкарец рад,
Что поступил, как прадеды и деды.

Ах, славный город Сыктывкар,
Преодолел ты все невзгоды,
Ты рос, растил и сам мужал –
Тебя никак не старят годы.

В свой юбилей – красавец хоть куда,
Тобой гордимся не напрасно.
И знаю – будет так всегда
Мой Сыктывкар, любимый и прекрасный.

* * *

Стихи я показала «маститому поэту»,
Он вынес резюме: и то не так, и се не это,
А я с любовью и душой слова искала,
Но, видно, мастерства мне не достало,
С тех пор на лист с сомнением гляжу,
Что напишу – ему не покажу.

* * *

Ветер крепчает,
Метель за порогом

Давай помечтаем
О дальних дорогах.
Ветер утихнет,
А где же дороги,
И кто их увидит
Теперь под сугробом?!
Порой наши жизни
Пурга заметает,
Да ветер на тризнах
Как зверь подвывает.

* * *

Карандаш да лист бумаги
Вот и все, что мне сегодня надо:
Нужные слова приходят так нечасто
Больше все про беды и несчастья,
Про войну – про эту и про ту,
Про житейскую возню и суету.
А сегодня посижу в тиши, покое
Разгуляюсь по листу, как в чистом поле,
Вспомню речку, пойму и луга
И о лете погрузу слегка
Строки чистые на лист бумаги лягут
Отвлекут от всяких бед и тягот.

Анатолий ПОПОВ

АВТОБИОГРАФИЯ

"Страницы дней перебирая",
я убеждаюсь только в том,
что жизнь как с мышкою играет,
стараясь быть всегда котом.

ИЗ ЧУЖИХ МЫСЛЕЙ...

Взвинченный митинг на площади,
речи то вялы, то злы:
"Все мы немножечко лошади
лишь кроме тех, кто козлы"

Мы все немножечко Емели,
ополоумели давно:
как мало человек имеет
при том, что многое дано!

Я сделал вывод без жеманства
из аксиомы заводной:

любить всех женщин - донжуанство,
а донкихотство - быть с одной.

Показательно - честные все мы
и обман этот ранит больней:
если совести нет - нет проблемы,
чтоб легко в сделку вляпаться с ней.

ПРОЗА ЖИЗНИ

"Со смерти всё и начинается..."
Л. Мартынов

"Со смерти всё и начинается...":
воспоминания забытых,
забвенье очень резво взвитых –
пророчество сбывается.
Что изучали - не читается,
теперь никто с тем не считается,
теперь всё общество влечёт
на жизни твою переучёт:
"со смерти всё и начинается..."

КРИТИКА

Вениамин ПОЛЕЩИКОВ

ЕВГЕНИЙ ЗАБЕЛИН

В деле реабилитируемого писателя Ивана Васильевича Изъюрова упоминается ссыльный поэт Евгений Забелин. Это навело меня на мысль о поисках его литературного наследия. Внимательное изучение книги «Поэзия узников ГУЛАГа», изданной в 2005 году, результатов не дали. И все же удалось обнаружить небольшой сборник его стихотворений «Польнь», вышедший в Омске в 1990 году. Вступительная статья к сборнику стихов «Возвращение Евгения Забелина» написана Марком Мудриком, которую мы приводим в сокращении.

«В литературе послеоктябрьских десятилетий трудно назвать поэта, чья судьба сложилась бы столь трагично, как у омича Леонида Николаевича Савкина (1908 (?) – 1943гг.), не только из литературной прихоти ставшего Евгением Забелиным.

Он не оставил после себя ни одной книги – только стихи, разбросанные по газетам Омска и Вологды, журналам и альманахам Москвы, Новосибирска, Архангельска... Далеко не все из них выдержали испытание временем. Тем не менее, в литературе нашей был и снова возвращается в нее поэт Евгений Забелин.

...Интерес к творчеству Забелина носит, однако, не только историко-литературный характер. Краски лучших забелинских стихотворений не потускнели

с годами, и это несмотря на то, что мы располагаем лишь газетными и журнальными публикациями, - с ошибками, разночтениями, неточностями, которые не так просто исправить: архив Забелина пока не найден. Вместе с ним в конце тридцатых годов при аресте поэта оказались утерянными рукописи самых крупных его произведений – поэм «Печора» и «Протопоп Аввакум». Последняя, по мнению Сергея Маркова, явилась бы «значительным вкладом в нашу поэзию». Правда, известна и другая точка зрения – что была одна поэма, первая часть которой – рассказ о протопопе Аввакуме).

Евгений Забелин родился в семье священника Николая Афанасьевича Савкина, человека неординарного, уделявшего немало времени воспитанию детей. Он обращал внимание прежде всего на изучение библии, религиозной мифологии, проповедей. Многие из них его сын Леонид знал наизусть. На надгробиях умерших прихожан отца появились и первые его стихотворные «публикации» - эпиграфы.

...В 1926 году в омской газете «Рабочий путь» опубликовано его стихотворение «Полынь», восторженно встреченное.

ПОЛЫНЬ

Полынь, полынь,
Смиренная вдовица,
Кто не пил слез от горечи твоей?
Полынь, полынь,

Роняет перья птица,
Зыбь облаков белее лебедей.
Степную боль не выплакать до дна,
Копытом ветер бьют стреноженные кони,

И сохнет степь,
Как нежная княжна
В татарском перехлестанном полоне.
Полынь, полынь...

Ложится прахом пыль,
Ее себе, усталые, постелем...
Тряхнув кудрями, русый ли ковыль
Солончаки

Осыпал брачным хмелем?..
Под всхлипами предсмертного меча,
Под звон кольчуг, сквозь трещину забрала
Крутая кровь,

Сплеснувшись сгоряча,
В твоих устах цвела и отцветала.
Шуршание твое
Прошепчет смутно нам,

Молчальница просторов неизжитых,
Кружилось воронье по ржавым черепам
Над трупами убивших и убитых.
Но город стал панельною пятой,

Забрызгался гудками беспокойней,
Чтоб ты заблекла зеленью больной
На пустырях,
На свалках и на бойне.

Немудрая – в своем июльском росте,
Листву простоволосую раскинь,
Покойница
На меркнушем погосте,

Родная, задушевная полынь.
Не пой, не плачь,
Согбенная вдовица,
Мне тяжело от горечи твоей...

Полынь, полынь,
Роняет перья птица,
Зыбь облаков белее лебедей.

1926

В те же дни 1926 года закружила, завертела всех огненная забелинская «Карусель»:

В вихре песен, топота и свиста,
Разжигая радугу в крови,
Полетели пальцы гармониста,
Засвистели словно соловьи.

Бухлый бубен бьется от припадка,
Бурной брагой сбрызгивая хмель,
Снова волос обдувает сладко
Сарафанным ветром карусель.

В 1928 году в газете «Рабочий путь» появилось больше тридцати стихотворений Забелина. Он полностью окунается в литературную жизнь Омска. Он становится обязательным участником собраний Омской ассоциации пролетарских писателей.

В середине февраля 1929 года Забелин уже в Москве. Уже в апрельских номерах «Нового мира» и «30 дней» за 1929 год появились публикации стихотворений «В тайге», «Полынь», «Два сонета». Печатается Забелин также в «Красной нови», «Красной ниве», «Экране», «Пролетарском авангарде», «Земле советской» и других центральных изданиях.

В 1932 году Евгения Забелина, а также Леонида Мартынова, Сергея Маркова, Павла Васильева и, по свидетельству писателя Константина Коничева, Николая Анова обвинили в организации подпольной сибирской писательской группы. В стране начиналась «охота на ведьм», не так давно отшумел процесс «Промпартии», а тут под боком благоденствует какая-то «сибирская колония». Понаехали в Москву, встречаются каждый день, о чем-то разговоры ведут – возможно, контрреволюционные... Павла Васильева, впрочем, через месяц-другой освободили. Другим сибирякам пришлось хуже. Чудом сохранившиеся несколько забелинских строк, написанных в тюрьме, дают некоторое представление о характере предъявленных обвинений.

Прищурьте, следовательно, взор-
Здесь жизнь напряжена,-
У вас глаза глядят в упор
И голос – как струна,
Костюм, светлее синевы,
И гибкая рука,
И декламируете вы
Стихи про Колчака...

За такими обвинениями неизбежно должно было последовать наказание, и вскоре кунцевские «заговорщики» оказались в местах, столь же отдаленных от Москвы, как их Сибирь. Но совсем в другой стороне – возле Архангельска, тогдашнего центра огромного Северного края. Есть сведения, что какое-то время они находились в совхозе на берегу Белого моря.

Затем сибиряков отправили отбывать ссылку в различные города Северного края: Мартынова – в Вологду, Маркова – в Мезень, Анова – в Великий Устюг, Забелина – в Сыктывкар. Времена были еще не самые худшие – 1933 год, и ссылкой разрешили сотрудничать в местных изданиях, правда, нештатно. Мартынов даже стал довольно заметной фигурой в вологодской газете «Красный Север». Печатались сибиряки и в архангельском журнале «Звезда Севера», но Забелин по неизвестным причинам подписывал свои стихи новым псевдонимом – Виктор Волков.

Работал поэт в Сыктывкаре продавцом в книжном магазине, а осенью 1933 года, по словам К.И.Коничева, «сам лично, добровольно ... захотел ближе познать жизнь «урканов» и попросил работников Коми областного отдела ГПУ отправить его поблизости, в Пезмог, в лагерь на стройку лесного комбината».

...Неприметный поселок на правом берегу Вычегды. Деревянные дома, самый большой – управление строительства.

Положение Забелина все же было не таким, как других заключенных, он занимался и «культурной работой». Сочинял тексты для самодеятельности, писал стихи, поэму. Поиски ее в конце шестидесятых годов не имели успеха, считалось, что она безвозвратно утеряна. Но, повидимому, верно, что рукописи не горят, во всяком случае, не горят до конца... В редком сборнике «Шагает Север», вышедшем в 1934 году в Архангельске, удалось обнаружить стихотворение Виктора Волкова «Разговор о Печоре». Да и то, стихотворение ли? Похоже отрывок из той самой поэмы, о которой с восхищением говорили Сергей Марков, Николай Анов, - 140 строк! Интересно, что примерно такое название припоминал Игорь Иванович

Преображенский, брат жены поэта, считавший, однако, что была одна поэма, - о прошлом, настоящем и будущем Севера. Найденный отрывок подтверждает это...

В том же 1934 году Константин Коницев, занимавший какой-то пост в местном ОГПУ и «по долгу службы» приставленный к поэтам-сибирякам, посодействовал досрочному освобождению Забелина из ссылки. Уезжал поэт из Пезмога не один. В поселке он познакомился с Анастасией Преображенской, дочерью специалиста, работавшего в управлении строительства, и вскоре они поженились.

Поселились в Тарасовке, под Москвой. Второй приезд Забелина в столицу оказался еще менее продолжительным и совсем не заметным в творческом отношении: известен только опубликованный в «Правде» стихотворный фельетон «Головоногий человек». Возможно, это и побудило Забелина в начале 1936 года, когда родилась дочь, переехать в Вологду, куда перевели по работе отца жены. Да и другие опальные поэты после ссылки оказались далеко от Москвы.

Забелин становится журналистом. По одним сведениям, работает литсотрудником в «Красном Севере», по другим – разъездным корреспондентом в газете железнодорожников «Северный путь». Недавно из Вологды уехал Мартынов, и сразу же в местных газетах появились стихи другого омика – Евгения Забелина.

Писал он также рецензии на кинофильмы, реже – на спектакли и цирковые представления, обзоры стихов школьников. Этот большой, сильный человек очень любил детей, а после рождения дочери начал и сам сочинять стихи для малышей. Своему первенцу Наталье он посвятил «Северную колыбельную», «Песню».

...В квартире Преображенских, где жили Забелины, был чуланчик, в нем поэт засиживался допоздна. Писал на длинных полосках бумаги – обрезках газетных рулонов. Затем скатывал их в трубки. Все забрали при аресте. 1 ноября 1937 года родилась вторая дочь – Ольга, а 3 ноября за Забелиным пришли...

О его дальнейшей жизни мало что известно. Сохранился конверт от письма, присланного из-под Магадана летом 1940 года жене в Архангельск. На оборотной стороне конверта – несколько слов, своего рода шифрограмма, написанная рукой поэта: «Забелин Евгений Николаев. 58, п.11, 8 – 17...Срок 10-15. 1908...Палата...№ 18». Сделана эта приписка была, чтобы сообщить жене, по какой статье он осужден, и напомнить официальные данные о себе (кстати, и дату рождения), фигурирующие в материалах дела, - на случай, если Анастасии Ивановне придется ходить по инстанциям.

Косвенно это предположение подтверждается единственно сохранившимся письмом Забелина, датированным началом июня 1941 года: «Я жив... Не теряю надежду встретиться с тобой и детьми, так как крепко верю в нашу советскую справедливость...Мое дело находится у военного прокурора Архангельской области – прошу тебя, узнай, в каком положении, что нужно предпринять, чтобы его быстрее рассмотрели».

Последнее по времени сообщение о Евгении Забелине есть в письме Сергея Маркова к Ивану Коровкину: «...Казахский писатель Зеин Шашкин рассказывал, что Забелин... очень опустился, оголодал, был очень истощен... Он подлежал «активированию», увозу с Колымы, но почему-то был оставлен на берегу...»

Когда его реабилитировали, в сообщении прокуратуры о месте смерти оказался прочерк. Но время было названо – 3 января 1943 года. И причина смерти

– «паралич сердца». Может, это и верно: какое сердце выдержало бы то, что выпало на долю Евгения Забелина?..»

Разговор о Печоре

(отрывок)

Удавом сжимался Полярный круг,
Брусничные тлели зори
Над волчьим кочевьем безродных вьюг,
Над древней, глухой Печорой.
Норд – ост с океана хлестал в упор,
Засаливал землю иней,
Над тундрами замертво стыл простор,
Суровой молчал пустыней.
У чумов сквозь мглистый, густой туман
Под бубен метался и выл шаман.
Затерянной лыжной тропой кружа,
Врезался в разлив заносов
Прикушенный пулей, клинком ножа
Когтистый путь спиртоносов.
В скитах староверов под грузный сон
Гноились слепые глаза икон.
1934

Песня пастуха

Догорает на севере зимний день...
Гулким камнем земли легли берега.
Над разливами снега бежит олень,
Запрокинув от бега свои рога.
Самоцветом мороза сверкает лед.
И по древним, медвежьим следам зимы
Из колхоза «Советский оленевод»
С красным чумом по тундрам кочуем мы.
По снегам, коченея, крадутся мхи,
За вечерним становьем закат погас.
Нас встречают печорские пастухи,
И дозорные звезды глядят на нас.
Трубка дружбы проходит по их рукам,
Согреваясь дыханьем первых слов...
Мерзлый полог откинув, заходит к нам
Именитый охотник и зверолов.
Быстроногий старик – крутой следопыт –
Шел три ночи по дебрям от Усть - Усы.
У него, нависая с плеча, горит
Чернобурый огонь дорогой лисы.
- Волан – вылан, товарищ и спутник наш!

Лапы жилистых лыж у тебя в снегу...
Он снимает двухстволку и патронташ
И садится беседовать к очагу.
Вскинув голову – бубен и тронув слух,
С бубенцом скликается бубенец –
Тихо песню ведет за собой пастух
По широкой и близкой тропе сердец:
 «Меркнет среди тумана
 Снег беломорских скал...
 В цепких когтях шамана
 Бубен хитрил и лгал.
 Нынче ему поверьте:
 Замертво слеpla мгла,
 По волчьим дорогам смерти
 Молча Печора шла.
 Гребнем волны разбрызни
 Голос о новом дне,
 Мудрая сила жизни
 Зреет у нас в стране.
 Светлое слово – Ленин –
 Слышит со всех концов
 Край молодых оленей
 И голубых песцов».

1937

В городе Мезень Архангельской области, в нескольких сотнях километров от Сыктывкара, отбывал ссылку одноделец Евгения Забелина – поэт Сергей Марков.

В 1932 году, до ареста, он написал стихотворение «Адмирал Колчак». Для того времени, когда недавно окончилась гражданская война, стихотворение необычное, «идеологически вредное». Сергей Марков отдает должное этому мужественному человеку, много сделавшему для России. Только в наши дни отношение к Колчаку в корне изменилось и он, наконец, нашел свою последнюю пристань в родной русской земле.

Это стихотворение было приложено к следственному делу Сергея Маркова и, следовательно, оно фигурировало в обвинительном заключении Маркова, Забелина и других.

Ведь недаром Евгений Забелин в тюремной камере писал о своих следователях:

Костюм, светлее синевы,
И гибкая рука,
И декламируете вы
Стихи про Колчака...

АДМИРАЛ КОЛЧАК

Там, где волны дикий камень мылят,
Кольхая сумеречный свет,
Я встаю, простреленный навывлет,
Поправляя сгнивший эполет.

В смертный час последнего аврала
Я взгляну в лицо неожиданным снам,
Гордое величье адмирала
Подарив заплыванным волнам.

Помню стук голодных револьверов
И полночный торопливый суд.
Шпагами последних кондотьеров
Мы эпохе отдали салют.

Ведь пришли, весь мир испепеляя,
Дерзкие и сильные враги.
И напрасно бледный Пепеляев
Целовал чужие сапоги.

Я запомнил те слова расплаты,
Одного понять никак не мог:
Почему враги, как все солдаты,
Не берут сейчас под козырек.

Что ж считать загубленные души,
Замутить прощальное вино?
Умереть на этой белой суше
Мне, наверно, было суждено.

Думал я, что грозная победа
Поведет тупые корабли.
Жизнь моя, как черная торпеда,
С грохотом взорвалась на мели.

Чья вина, что в злой горячке торга
Я не слышал голоса огня?
Полководцы короля Георга
Продали и предали меня

Я бы открывал архипелаги,
Слышал в море альбатросов крик,
Но бессильны проданные шпаги
В жирных пальцах мировых владык.

И тоскую по морскому валу,
И с лицом скоробленным, как жесть,
Я прошу: «Отдайте адмиралу

Перед смертью боевую честь».

И теперь в груди четыре раны,
Помню я, по имени моем
Встрепенулись синие наганы
Остроклювым жадным вороньем.

Сергей Марков – участник Великой Отечественной войны, автор многих книг стихов и прозы. Он был и историком, и географом, и этнографом. По его инициативе на мысе Дежнева появился памятник-маяк. А в Москве в память победы над Наполеоном восстановлена Триумфальная арка.

Митрофан КУРОЧКИН

100 дней и ночей из жизни Адама Бабареки (с прологом и эпилогом)

Тему данной публикации мне подсказала международная газета «Голас Радзімы» (на белорусском языке), издающаяся в Минске. На одном дыхании прочитал в ней письма узника ГУЛАГа А.А. Бабареки, отправленные им жене и детям. Кинулся к книжным полкам, чтобы более подробно узнать об этом белорусском литераторе, но тщетно. Ни в «Советском энциклопедическом словаре» (издание 1989 года), ни в «Литературном энциклопедическом словаре» (М., 1987) не узрел его фамилии. Оставалось загадкой: что же написал Адам Антонович Бабарека?

Отправил письмо в «Голас Радзімы» с просьбой прислать хотя бы ксерокопию биографической справки, если такая включена в белорусские справочники. Это моё коротенькое письмо редакция напечатала в одном из номеров газеты.

По прошествии некоторого времени из Москвы на моё имя пришла небольшая бандероль с материалами об Адаме Бабареке. Его дочка Алеся писала: «Вельмі паважаны спадар Мітрафан Курачкін!.. Шчыра дзякую за вашу увагу да майго бацькі. Застаюся з глыбокай павагай да Вас ваша Алеся Бабарэка. Масква, 30.03.2002 г.».

В бандероли была и ксерокопия статьи из библиографического шеститомного справочника «Белорусские писатели», вышедшего в Минске в 1992 году, и библиография произведений этого литератора.

Начало

Адам Бабарека родился в д. Слобода-Кученка (ныне Копыльский район) на Минщине 2(14) октября 1899 года в бедной крестьянской семье. Его отец умер рано от чахотки и сироту приняли в Слуцкую бурсу. Потом он учился в Минской духовной семинарии, которую окончил в 1918 году. Более двух лет после этого Адам Антонович учительствовал в сельских школах на Слутчине, заведывал отделом народного образования, был членом ревкома Пуковской волости

(организовывал кружки сельской молодёжи, ставил любительские спектакли). Во время оккупации Белоруссии Польшей был одним из руководителей подполья на Слугчине, участвовал в партизанском движении (в 1920 г. был арестован польскими властями, сидел в тюрьме). В 1921-1922 гг. он - политработник Красной Армии. Потом Адам учился в Белорусском госуниверситете и одновременно работал в столичных школах учителем белорусского языка и литературы, в редакции газеты "Советская Белоруссия". В 1926-1929 гг. преподавал белорусский язык и литературу в Коммунистическом университете в Минске, с 1928 года был ассистентом кафедры белорусской литературы в госуниверситете.

А.А. Бабарека – один из организаторов и руководителей литературно-художественных объединений "Маладняк"(1923), "Узвышша"(1926). Первые свои произведения он публиковал в газете "Савецкая Беларусь" ещё в 1920 году, а через пять лет вышла первая книга "Апавяданні" ("Рассказы"). Наиболее ярко Адам Бабарека проявил себя в критике. "Белорусский Белинский" – таким считали его в двадцатые годы прошлого века в Белоруссии.

И.П. Чигрин, автор статьи в называвшемся справочнике, пишет, что Адам Бабарека печатался во многих изданиях ("Маладняк", "Узвышша", "Чырвоны сейбіт", "Савецкая Беларусь" и др.). Он исследовал творчество М. Багдановича, К. Черного, Я. Коласа, З. Бедули и др., историю белорусской литературы. "Разрабатывал методологические вопросы литературоведения и эстетики, - пишет И.П. Чигрин, - принципы классовости, народности, социальной и эстетической ценности литературы". Его творчество иллюстрировало сложный и противоречивый путь становления научного профессионализма в белорусской литературно-художественной критике.

На Север – по злой воле

Дочь Алеся прислала мне небольшую книжицу "Адам Бабарека: арест – лагерь - смерть", выпущенную смоленским издательством "Посох" в 1999 году (тираж – 400 экз.). Из нее явствует, что в 1930 году А. Бабарека был арестован и выслан на пять лет в Нижегородский край. Потом, в административном порядке, срок ссылки продлили ещё на два года. Жил уже в г. Слободском (с 1936 г. – Кировская область), в Вятке (с 1934 г. – Киров). Там же проживали и другие ссыльные белорусы, которых "чекисты" называли белнацдемами. Срок ссылки у многих из них заканчивался в середине 1935 года.

Но... Кировские "чекисты" сфабриковали уголовное дело на А.А. Бабареку. Обвинение было стандартное: "...принимая во внимание, что гражд. Бабареку Адам Антонович достаточно изобличается в том, что находясь в ссылке в городе Кирове ведёт контрреволюционную работу". Справедливости ради надо отметить, что к чёрному делу приложили руку и некоторые его земляки, которым литератор помогал, чем мог. В книжке называются их фамилии...

В процессе следствия А.А. Бабарека был допрошен четыре раза (26 июля, 1 августа, 7 августа и 16 декабря 1937 года). Следователи, на взгляд писателя Н.Н. Илькевича, после первых допросов поняли, что от Адама Бабареки они никаких нужных сведений не получают, сколько его не допрашивай и сколько ему не угрожай. Они знали о его партизанском прошлом, о заслугах в борьбе с польскими оккупантами, о вырезанных последними на спине Адама трёх звёздах-метках. "Шефы" ограничивались дежурными вопросами, не били, не запугивали арестом

родных. Возможно, они рассчитывали на надлом в характере поведения подследственного, на срыв в психике, что он пойдёт, наконец, на контакт с ними. Но этого не произошло. Вместе с тем, не допрашивать арестованного они не могли... Поэтому опубликованные протоколы носят исключительно формальный характер.

29 декабря следствие завершилось. Заседание Особой Тройки при УНКВД по Кировской области состоялось 15 февраля 1938 года. А.А. Бабарека и ещё несколько белорусов были приговорены к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Срок считался с 25 июня 1938 года. В общей сложности он провёл в Кировской тюрьме более десяти месяцев – до начала июня 1938 года. Через эту тюрьму, как утверждает Н.Н. Илькевич, к середине 1938 года прошло почти 11 тысяч заключенных.

Лагерь

В архиве управления исполнений наказаний Минюста РК Н. Илькевич обнаружил “Карту зачёта рабочих дней” на Адама Бабареку (на II квартал 1938 года). Местные эскулапы определили ему третью категорию трудоспособности. Что это такое – Адам рассказывал в письме жене и дочерям (датировано 14 августа 1938 года): “У меня определена третья категория трудоспособности, это значит, что норма выработки для меня снижена на 40%. Положенную норму на всех работах, на каких бывал до сих пор (копка канав, снятие мха, откоска дров и сучьев, работа на тачке, копка торфа, работа на узкоколейке), я выполнял и получал по 1 килограмму хлеба в день. Со временем, может быть, получу работу по специальности. Ген. Вас. уже получил и переведен на 42-й пункт в бухгалтерию”.

В Кирове, как известно, Адам Антонович работал бухгалтером в одной из контор. А тут – общие работы. Коми исследователи истории ГУЛАГа утверждают, что железнодорожные лагеря в той системе были самыми страшными: люди на прокладке дорог гибли, как мухи. А тем более следует учесть, что А.А. Бабарека и до заключения особым здоровьем не отличался. Ещё в 1925 году он заболел туберкулёзом и по путёвке правительства БССР ездил в Крым лечиться.

Когда попал за колючую проволоку (в Коми АССР), Адаму Антоновичу не исполнилось ещё и тридцати девяти лет. В июле он отработал 27 рабочих дней, в августе - 29. Средний процент выработки за месяц составил: в июле – 70, в августе -100. Как зафиксировано в документе, выявленном Н. Илькевичем в архиве, он показал “хорошее отношение к труду”. Постановлением аттестационной комиссии 3-го южного участка Севжелдорлага НКВД СССР (протокол №325 от 16 сентября 1938 года) А.А. Бабареке за третий квартал зачли 56 рабочих дней, общий срок нахождения в лагере был сокращён на 14 дней.

Какова была жизнь заключенного А.А. Бабареки на коми земле? Об этом рассказывается в его письмах домой. Впервые они были напечатаны в газете “Голас Радзімы” в 1999 году (с предисловием писателя Никольи Илькевича). “Гэтыя пісьмы, надзейна схаваныя ад пабочных вачэй, больш 60 гадоў бережліва захоўваюцца у сям’і пісьменніка. Як самую каштоўную рэліквію, як памяць пра самага любімага, які заўчасна пакінуў гэты свет, мужа зберагала пісьмы Ганна Бабарэка. Як найдаражэйшы сямейны скарб у памяць пра бацьку, які загінуў у лагеры НКУС, беражэ пажаўцелыя ад часу пісьмы малодшая дачка Алеся

Бабарэка. Ніякія жыццевыя пературбацыі: рэпрэсіі, вайна, бытавая неўладкаванасць, змена месца жыхарства – не прымусілі і не маглі прымусіць расстацца са спісанымі рукой дарагога чалавека паштовымі карткамі і аркушыкамі паперы”...

Итак, воспроизводим письма (или отрывки из них) Адама Бабареки из-за колючей проволоки. Они печатаются без редакторской правки.

«18.VI.1938 г.

Дорогие мои Анечка, Лорочка и Лялечка! Вчера нас привезли в Котлас. Находимся сейчас на пересыльном пункте Ухтпечорского лагеря НКВД. Отсюда должны отправить на место, где придется отбывать свой долготелный срок лагерного заключения. Когда и куда будет отправка, это неизвестно. На каких работах придется быть, это тоже ещё неизвестно. Вчера проходили квалификационную и медицинскую комиссию. У меня отметили анемию и разницу глаз, какую ж установили категорию – не знаю. Из тюрьмы написал я Вам большое письмо в ответ на Ваши письма. Хотелось бы знать, получили ли его. Как жаль, что не складно у нас вышло с помощью от Вас, что посылка опоздала... Когда прибуду на место оттуда напишу подробно про всё. Осуждены мы все, я, Ген(н)адий Вас.(ильевич), Дмитр.(ий) Романов.(ич), тройкой НКВД сроком на 10 лет, это нам объявили здесь. Не отчаивайтесь, дорогие!

Моцна цалую Вас. Ваш тата Адам.

26.VI.1938 г.

Усть-Вымь.

...Пишу гэтыя радкі из пересыльного пункта Устьвымлага. Сюда привезли нас позавчера. Отсюда увезут дальше, в желдорлаг. Кажется, что это будет последний этап нашего следования к месту нашего интернирования. С места напишу поподробнее. Мне ничего не нужно. Посылать, Анечка, ничего не посылай. Прибуду на место, тогда будет видно, в чём будет нужда. Любая Анечка, у цябе ёсьць наша радасьць – наши славные дачушки. Ці справил ты им сьвята с прычыны отличного перехода их в следующие классы? В письме из тюрьмы (получили ли Вы его толькі) я просил устроить им этот праздник обязательно. Пусть этот праздник будет для них памятью о том, что только в отличной учёбе залог их будущего счастья. Любая детаньки, как много хочется писать о Вас, Вами теперь я живу более, чем самим собою. Всё нутро моё, вся душа моя, весь дух мой – это только Вы, мои дорогие и любые, Анечка, Лорочка и Лялечка. Не забывайте свайго няшчаснага татачку. Дамагайцеся, як мага, хадайніцтвам перад вышэйшымі установамі зьмены лёсу Вашага татачкі. Я сам буду хадайнічаць таксама...

4. VII. 1938 г.

День добрый, любые мои детаньки Лорочка и Лялечка! Как жаль, что мне не удалось получить Вашего второго письма в тюрьме. Вывезли меня из Кирова 15.VI.38 г. В дороге был до 1 июля. Вечером 1-го прибыл на 41 лагпункт 3-го южного участка строительства жел.(езной) дороги в Коми АССР. Пока здесь буду оставаться. Возможно, что здесь придется долго быть. Вчера я писал письмо маме и просил, если возможно, достать мне и прислать простые крепкие кожаные сапоги размером 41. Буду очень благодарен. Что касается продуктов, то, если будете

посылать, шлите только нескоропортящиеся. Присылать можно всё. Не забудьте только положить чесноку, и по возможности побольше. Бумаги, конвертов и карандашей с пару также вложите. За всё буду очень благодарен. Денег у меня пока есть ещё немного (сорок пять рублей). Любые мои, живите щчасьліва, слухайтесь ўва ўсём мамы, любеце яе и не забывайце свайго татачку...

3. VI(I). 1938 г.

День добры, дарагие и любимые мои Анечка, Лорочка и Лялечка! Позавчера вечером прибыли мы на место, т.е. на 41-й лагпункт 3-го южного участка строительства железной дороги в Коми АССР. Вчера ходили уже на работы. Я не ходил. Получил освобождение. У меня воспаление среднего уха в обоих ушах. Надеюсь, что скоро пройдёт. Дорога закончилась благополучно. Работать пока придётся на общих работах, а потом возможно получу работу по специальности, т.е. по бухгалтерии. В общем устраиваемся на совершенно новом месте и строим железную дорогу. В дальнейшем думаю буду иметь возможность написать более подробно. Сейчас же я ограничен бумагой, её у меня почти нет. Поэтому хочу теперь сказать несколько слов о своих нуждах. Анечка, самое необходимое в данный момент - это хорошие кожаные сапоги. Жаль, что их нет у нас дома. Если тебе удастся достать и прислать мне, я был бы очень благодарен. Размер их 41-й. Больше из вещей пока ничего не нужно... Что касается посылок, то можно сюда посылать всё. Если вы, любые мои, пошлёте мне посылку, за что буду очень благодарен, то не забудьте в неё вложить бумаги, конвертов, открыток, карандашей и мыльницу. Из продуктов глядите сами, галовнае это – не скоропортящиеся...

12. VII. 1938 г.

Дорогие и любые мои Анечка, Лорочка и Лялечка! Дзень добры вам! Пишу Вам з гэтага пункту ужо трейці ліст. Хочацца паведаміць, што яшчэ жыў і з большага здароў. Кажу з большага, бо вушы мае яшчэ не паправіліся. Агульны стан здароўя нішто. Трымаюся яшчэ. На работы яшчэ не хадзіў. Хутка пэўна-ж пайду. Работы агульныя: вырубка леса, земляныя работы, словам пракладка чыгуначнай трасы...

Ах, які жах, то-ж кожны мой ліст не абмінае пасылкі. Ведаецца, любя, як цяжка усё гэта пісаць, асабліва, калі уздумаеш пра свой доўгагадовы тэрмін затачэння. Адна толькі уцеха і засталася – гэта Вы, адна толькі радасць, што слаўныя нашы дзеткі вучаца выдатна...

Анечка любая, ты щчасьлівейшая за мяне: на тваю долю выпала выхаваньне нашых слаўных дзетак. А мне ці давядзецца бачыць іх дзецьмі. То-ж калі вярнуся дадому, яны ужо будуць зусім дарослыя, а ня дзеці. Як ня цяжка, Анечка, табе, ня сумуй і распачы не аддавайся...

31. VII. 1938 г.

День добры, дорогие и любые мои Анечка, Лорочка и Лялечка!

...Я здоров. Работаю на общих работах, копаю канавы, снимаю мох, карчую пни, вожу тачки, словом, работаю на трассе. Пока что норму выполнял и зарабатывал по 1 килограмму хлеба в день. Возможно, что скоро дадут работу по специальности.

Я писал Вам, что у меня было воспаление среднего уха в обоих ушах. Слава богу, всё уже прошло, и я уже около двух недель хожу без повязки. Правда, болезнь тянулась долго, более полутора месяцев. Теперь слышу как следует. Вот немного руки изранены, надеюсь, что скоро пройдёт. Малокровье тоже сказывается, начинают появляться фурункулы. Если будешь, Анечка, посылать посылку, будь любезна положи в неё несколько коробок пилорину (это новый препарат от малокровья), несколько коробок пивных дрожжей в сухом виде, фитину, вазелину и мыла (тое ў мяне сёння ноччу украли). Из продуктов обязательно чесноку и сухих фруктов. Вещей никаких не нужно. Нужны карандаш, бумага, конверты, нитки, иголка, ножик, зубная щётка, миска (их постигла участь мыла)...

7. VIII. 1938 г.

Дарагія і любыя Анечка, Лорачка і Лялечка!

5-га августа получил Вашу телеграмму и очень обрадовался этой вестке. Пожалел только, что Вы напрасно съездили в Котлас. Я подал заявление на свидание, но ответа ещё не получил. Как только получу разрешение – вышлю. Очень хотелось бы увидеться со всеми Вами, но это почти невозможно. Я и так беспокоюсь, сможешь ли ты, Анечка, приехать сюда, если будет разрешение – как и с кем оставишь детей? С детьми же ехать невозможно – и далеко и трудно. Наш лагерный пункт находится в нескольких километрах от Княж-Погоста – в лесу. Если будет разрешение, напишу подробнее, каким образом до него дойти. – Любыя, не беспокойтесь, что не получили обратной телеграммы. Па-першае у мяне няма грошай, по-другое – гэта зрабіць тут наогул цяжкавата. Геннадий Васильевич переведён на сорок другі пункт. Адказваю таму лістом.

Я здоров. Ушы маі паправіліся. Чую нармальна. Правда, чувствую общий упадок сил и слабость вследствие развившегося малокровья. Работаю на трассе, на земляных работах. Зарабляю па килаграмму хлеба ў дзень. Вельмі утамялюся і зморваюся. Падаў заяву (ужо другую, першую загубілі), каб мяне скарысталі як бухгалтэра, але пакуль што нічога няма, хаця даклярауюць з часам скарыстаць. Больш што сказаць пра жыццё?! Жыву, таму што Вы, любыя, у мяне ёсць. А цяпер усе мае думы і пачуцьці – гэта Вы. Вами и живу...

14. VIII. 1938 г.

День добрый, дарагие и любые мои Анечка, Лорочка и Лялечка!

...Про своё здоровье могу сказать, что пока что оно в удовлетворительном состоянии. Я писал уже Вам, что уши мои поправились давно и слышу я теперь нормально. Работаю на общих работах уже скоро месяц. Зморваюся страшна. Руки крыху пакалечаны: патрескаліся, папрыпухали крыху, баляць. Если в этой посылке не послала, то в следующей пошли, Анечка, вазелину и глицерину. Лёгкие мои как будто ещё в порядке, хотя по утрам бывает какое-то подозрительное отхаркивание с красноватыми крапинками. Думаю сходить к доктору. Это очевидно от змораннасьці ды переутомления. Общее самочувствие хорошее... Вышлите также немного денег. У меня уже нет их совсем. А здесь есть ларёк и можно иногда купить кое-что (повидло, селёдка, воренье, печенье, конфеты). Со временем, говорят, ассортимент товаров в ларьке будет большой, он только что организовывается. – За все Вам вельмі удзячан и абавязан буду завсягды. Бывайце здоровы. Цалую Вас моцна моцна. Ваш татачка Адам.

16. VIII. 1938 г.

День добры дорогие и любые мои Анечка, Лорочка и Лялечка!

Вяликое спасибо за посылку. Вчера её получил. Не знаю, как и благодарить за неё. Очень уж кстати мыло. А то у меня што было украли, и я без мыла был больше полмесяца. Любые мои, не надо таких роскошных посылок. Лучше поскромнее. Я здоров. Анечка, не беспокойся и телеграмм не шли. Ответить телеграммой я не могу: и денег нет и это трудно. Вчера получил твою вторую телеграмму. Со следующей посылкой, будь добра, пошли вазелину, глицерину, зубную щётку, пивных дрожжей, фитину, пилорину. Пишэце. Я от Вас не получил ещё ни одного письма...

17. VIII. 1938 г.

День добры дорогие и любые мои Анечка, Лорочка и Лялечка!

Был я у доктора на счёт отхаркивания с кровью. Оказывается, серьёзного ничего нет. Это временное явление и скоро пройдёт. Любые мои, не беспокойтесь. Чувствую себя я хорошо. Надеюсь, что скоро все мои недомогания пройдут. – Я уже писал, что посылку получил. Вяликае вам дзякуй за яе. Вельми ужо роскошная яна. Лепей по скрамней, любые...

19. VIII. 1938 г.

День добры, дорогие и любые мои Анечка, Лорочка и Лялечка!

Пишу ужо третью паштовку, як атрымаў пасылку... Адчуваю я сябе добра. Недамаганьни маі ужо праходзяць памаленьку. У лёгких маіх нічога сурьёзнага нет. Кровахарканьне зьменшаецца, гэта магчыма ад прастуды. Фурункулы вот яшчэ не праходзяць...

25. VIII. 1938 г.

Дзень добры, дорагія і любыя маі Анечка, Лорочка і Лялечка! Да этага часу ад Вас не атрымаў яшчэ ніводнага ліста. Ня ведаю ў чым справа. Ня думаю, каб Вы ня пісалі. Ці здаровы Вы? Ці здароў Ігнась і мама? Ці атрымалі Вы мае паштоўкі (іх я напісаў 3, як атрымаў пасылку). Я здароў. Пакрысе недамаганьні мае праходзяць. Кровахарканьне спынілася. Гэта была часовая зьява. Лёгкія зусім у парадку. Рукі таксама папраўляюцца. Ужо не баляць як раней. Вот яшчэ толькі з твару не пасходзілі прышчы да фурункулы. Спадзяюся, што хутка і гэта пройдзе. Працую на агульных работах. Адчуваю сябе добра. Нормы выконваю. Спадзяюся як кончым пабудову дарогі, быць дома. Выбачайце за незграбнасць лістоў. Няма часу і нязручна без стала пісаць. Адказу на заяву аб пабачэньні з табою, Анечка, до гэтага часу няма. Прыдзеца чакаць да наступнага лета. Бывайце здаровы. Цалую Вас моцна моцна. Ваш татачка Адам.

1. IX. 1938 г.

День добры, дорогие и любые мои Анечка, Лорочка и Лялечка! Каторый ужо лист пишу вам, а ад Вас не атрымаў яшчэ ниводнага... Сейчас у Вас начинается учебный год и конечно до лета нам уж не удастся увидеться. Любыя Лорочка и Лялечка, поздравляя Вас с началом нового учебного года, я хочу выразить одно единственное своё пожелание Вам – это учиться также отлично,

как Вы учились и прошлые годы. Знайте, любенятки, что Ваша отличная учёба это единственная радость и шчасьце Вашага татульки...

Я здоров, кажучы наогул. Сённяя крыху павышенная температура. Быў у доктора. На заўтра атрымаў вызваленьне ад работы. Грипп. Надеюсь пройдёт... У меня проходят уже фурункулы. Если будешь готовить, Анечка, другую посылку, то главным образом посылай жиры, лук, чеснок, сахар, сушённые яблоки (кислые). Вообще хорошо бы если бы ты прислала или лимонной кислоты или клюквенного экстракту. В этом я ощущаю острую нужду...

15. IX. 1938 г.

День добры, дорогие и любые мои Анечка, Лорочка и Лялечка! Вот уж третий день не хожу на работу. Болею. На почве расстройства сердечной деятельности получились отёки и опухоль по всему телу. Доктор назвал эту болезнь – асцит. Самочувствие скверное. Всего как-будто что-то разрывает. Ходить очень тяжело. Доктор запретил ходить. Лежу много. От лежания тоже всё болит. В груди всё спирает, не хватает лёгких для дыхания – всё тесно – такое ощущение. Как скоро пройдёт всё это не знаю. Не думал я, что так со мною станет. Правда, я всё время недомогал, не здоровилось мне. Думалось, пройдёт всё. Оказывается новая хворь навязалась. Хотя-бы всё прошло благополучно. Любые мои, от Вас до сих пор я не получил ни одного письма. Не знаю, как Вы живёте, здоровы ли вы все, как здоровье моей мамы и вообще, как живут наши домашние...

Хорошо было бы, если бы Вы выслали (как ни тяжело мне об этом писать и просить, но прошу и пишу) новую посылку. От прежней у меня уже ничего, кроме чая, не осталось. Что хотелось бы иметь, так это масла (я думаю, если его посолить то оно не испортится долго), сала, лук, чеснок - это основное... Хотелось бы чего-либо острого (хорошо что либо из консервов), кислого (хоть бы экстракту клюквенного или лимонной кислоты), а также что-либо из домашнего приготовления. Правда, теперь тебе, Анечка, некогда заниматься стряпнёй. Но если найдётся свободная минута, что-либо придумай. Сухарей купленных как можно поменьше они трутся ужасно и ня спорны, хранить их очень не удобно. Ведь у меня нет ни корзины, ни сундука, ни чемодана, вообще ничего подобного на эти вещи. Всё приходится хранить в мешке, а это сами знаете, страшно неудобно. Ведаеш, Анечка, вельми хацелась бы сялянскай хатняй килбасы и нашаго дамашняго белага сухого сыру. Кали удасться табе гэта дастать или приготовить, я буду очень благодарен. Но если это трудно, то не надо.

Простите дорогие, что так много места и времени занимаю вопросом посылки.

Пишите как Вы живёте? Где работаеш, Анечка? Прошла ли аттестацию? Как учитесь вы маи любые Лорочка и Лялечка? Ведь Вы уже в последних классах, а это значит, что Вам надо будет очень и очень серьёзно позаниматься в этом году, чтобы окончить эти классы также отлично, как и предыдущие. Знайте, любенькие, что Ваша отличная учёба это наивяликшая радость и шчасьце Вашего татачки. Вучецесь, старайтесь и вы будете счастливы. Слухайцесь, любыя, мамы. Яна Ваш адины цяперь и друг и старши тавариш и галовнае славная мамуська, якой не сыскаць у сьвеце. Любице её, паважайце и шануйце.

Анечка, на сваю заяву аб дазvole на свидание, я ответа до сих пор не получил. Любая, напиши, сможеш ли ты приехать в учебное время или в зимние каникулы. Если будет такая возможность, напиши, а я подам тогда ещё заявление.

Вельми хацелася-б побачыцца з Вами усими. Але што зробішь: и ня близка и ня лёгка усе гэта робицца. Лёс мой вельми суровы оказался. Адиная надея, что як закончим чугунку, то можа атрымаем палегки, и угледимся з Вами раней присуджанага термину. Абы-б тольки паправиться, рэшта всё пераживецца. Быть бы здоровым – тепер это одна единственная моя дума и забота.

Бывайте здаровы. Моцна моцна вас цалую. Ваш татачка Адам.

18. IX.1938 г.

День добры, дарагие и любые мои Анечка, Лорочка и Лялечка! Вчера получил Вашу телеграмму от 25. VIII. 38 г., а позавчера вторую посылку, о которой вы сообщаете в телеграмме. Большое Вам спасибо, дорогие, за поддержку. Получил я посылку полностью. За телеграфную вестку также большое спасибо. Я знаю, что Вы здоровы и этому я бесконечно рад. Бо что может быть более дорогим и радостным, как не весть о здоровьи. Ведь здоровье – это все. У меня, на жаль, в последнее время оно подкачало. Сердце совсем расстроилось, а на этой почве все тело отекло и опухло. Сегодня доктор обещал положить в больницу. Сейчас тяжело, но надеюсь, что скоро поправлюсь. Ах, как хорошо быть здоровым. Шануйцесь и беражецесь, любыя детаньки, чтоб быть здоровыми и чтоб отлично учиться. Бывайте здоровы. Моцна моцна цалую Вас. Ваш татачка Адам.

20. IX.1938 г.

Дорогие и любые мои Анечка, Лорочка и Лялечка! Горячо поздравляю тебя, Лорочка, с днём рождения и желаю тебе всего наилучшего, доброго здоровья, хорошего учения и вообще всего хорошего, чего бы ты для себя не пожелала.

Дорогие мои, вчера получил от всех вас по открытке, которые Вы писали 7-го августа. Хоть и поздно, но я бесконечно рад им. Особенно славна написана открытка Лорочкой. Я все Ваши вестки читаю со слезами на глазах. Как хотелось бы Вас увидеть... За всё, за все ваши заботы и тёплую память обо мне я бесконечно Вам благодарен. Вы для мяне – тот промень, які не дае зусім мне згаснуць.- Сегодня меня направляют на лечение на 42-ой пункт, а оттуда в Княж-Погост, очевидно, в стационарную больницу. Пока совсем неважно у меня. Весь я отёк и опух, ходить не могу, задыхаюсь. Но надеюсь, что всё это временное явление и при хорошем лечении в больнице быстро всё пройдёт и я смогу снова работать. – Бывайте здоровы. Моцна моцна цалую Вас.

Ваш татачка Адам.

1. X.1938 г.

День добрый дорогие и любые мои Анечка, Лорочка и Лялечка! С 20 сентября нахожусь я в стационаре (больнице) 42 лагпункта на излечении от асцита (отёки почти всего тела). Были моменты, когда думалось, что не перенесу этой болезни. Сейчас самочувствие значительно улучшилось. Положение понемногу улучшается. Надеюсь, да и доктор это утверждает, что всё пройдёт благополучно и что я вновь буду здоров. Ах, как хочется быстрее выздороветь. – 20 сентября я писал вам, что получил ваши три открытки, писанные 7. VIII. За время пребывания в стационаре получил денежный перевод на 50 рублей и третью посылку от 2. IX. 38 г. Глубоко благодарный за Ваши заботы, внимание и память, я не в силах выразить эту благодарность иначе, чем как только словами, а это больно. Хотелось

бы обнять Вас и крепко крепко расцеловать Вас, любые, и отблагодарить любовью и преданностью до конца дней своих. А пока буду стараться быстрее поправиться и сохранять своё здоровье. Это единственное, что может быть выражением искренней моей любви и преданности ко всем Вам, мои дорогие. Бывайте здаровы. Мощна мощна цалую Вас. Ваш татачка Адам».

Это письмо было последним. 10 октября 1938 года, как утверждается в акте № 63, А.А. Бабарека умер «в 7 часов 25 минут. Смерть последовала от воспаления почек». Он стал одним из многих умерших узников Севжелдорлага НКВД, чьё дело пришлось сдавать в архив. А ведь узник прожил в этом лагере всего лишь ничего - с 3 июля по 23 сентября 1938 года, да ещё до 10 октября того же года был в больнице. 100 дней и ночей прожил на коми земле ГУЛАГовец Адам Антонович Бабарека. Сто суток...

Эпилог

Дорога к реабилитации А.А. Бабареки была долгой и сложной. Жалобы жена в основном отправляла в Москву – либо в адрес наркома внутренних дел СССР, либо в адрес прокурора Советского Союза. 30 апреля 1957 года Анна Бабарека в очередной раз обратилась к Генпрокурору СССР с заявлением о реабилитации мужа. Оттуда, как и два предыдущих заявления, его отправили в прокуратуру Кировской области. И его тоже оставили без удовлетворения. Снова были заявления, на которые снова получала отписки. И только 6 июля 1959 года А.И. Бабарека получила справку о том, что её муж реабилитирован. По тому делу были признаны невиновными (за отсутствием состава преступления) и другие белорусы, проходившие по одному делу, - Богданович Геннадий Васильевич, Жавридо Павел Яковлевич, Пушкин Сергей Ильич и Дунько Дмитрий Романович. Они тоже реабилитированы.

В Белоруссии имя А.Бабареки воскресили из забвения. Как уже отмечалось, статья о нём и библиография произведений включены в справочник «Белорусские писатели» (1992), в книгу «Автобиографии белорусских писателей» (1966). О судьбе родителей – Ганны Ивановны и Адама Антоновича – Алесь Бабарека опубликовала воспоминания в ежегоднике «Скарыніч» (1993, № 2 и 1999, № 4). Творческий путь А.А.Бабареки исследовали С.Карабан, М.Мушинский, В.Конон...

Данная публикация – тоже дань памяти незаурядному человеку А.А.Бабареке, жизнь которого так трагически завершилась на северной земле. Здесь он до конца испил свою горькую чашу.

Андрей КАНЕВ

Обзор художественной литературы, вышедшей в свет в 2005 году: поэзия, проза, очерки...

Весь мой опыт работы подсказывает, что делать подобные обзоры задача, увы, неблагодарная. Объяснением тому служит то, что невозможно бывает охватить в подобных исследованиях весь пласт художественной литературы, вышедшей в обозначенном году, но дефицит внимания современных СМИ к

проблемам литературы делает подобный труд просто необходимым, как для авторов самих книг, так и для преподавателей учебных заведений. Моя статья, к сожалению, из-за незнания языка не затронет национальных коми изданий, ну да это не умолит ни в коем разе их ценности для регионального литературного процесса.

Мне в руки попала замечательная книга обозревателя газеты «Время новостей», критика и историка литературы Андрея Немзера «Дневник читателя», в которой московский автор высказывает свой взгляд на российский литературный процесс. «Субъективную литературную хронику 2005 года составили рецензии на наиболее важные книги и журнальные публикации, полемические заметки, статьи о писателях-юбилярах, отчеты о впечатлениях от книжных ярмарок, «премиальные» сюжеты...». Прочитав ее, подумал, а чем мы в провинции хуже? Совершенно ничем, масштаб, может быть, поменьше...

Итак, начнем...

А начать мне хочется с творчества замечательного автора, известного как в Республике Коми, так и за ее пределами, поэта, прозаика и литературоведа **Алексея Ивлева**. В 2005 году увидели свет два замечательных издания с его произведениями «Без нас спокойнее на свете» и «На пороге третьего тысячелетия».

В повести «Без нас спокойнее на свете» (я бы ее обозначил как киноповесть) кипят страсти советской контрразведки времен Великой Отечественной войны. Ее главные персонажи разведчики Леднев и Балабин, чтобы расставить все точки над «и» в своих старинных взаимоотношениях, ныне «обычного» пенсионера-генерала НКВД-КГБ-ФСБ и американского бизнесмена средней руки, встречаются в самом заурядном сыктывкарском кафе. Основной вопрос их «разборок» заключается в том, куда делись огромные деньги, потраченные на выкуп из нацистских лагерей евреев в годы второй мировой войны. В остросюжетной повести, основанной на реальных событиях, которые автор счел возможным связать между собой и интерпретировать по своему усмотрению высказывается неординарный взгляд на деятельность Рауля Валленберга, современное политическое соотношение сил в мировой политике и место в ней России.

Поэтический сборник «На пороге третьего тысячелетия», выпущенный в свет одним из московских издательств, собрал под своей обложкой произведения около двадцати российских авторов. Республику Коми в этой книге достойно представила подборка стихов Алексея Ивлева, отличающаяся, на мой взгляд, высоким патриотизмом:

*Малой родины не бывает,
Как Россию не умаляй:
Океан целиком вбирает
Родники.
И отцовский край,
Даже прячась в углу медвежьем,
От России не отделим,
И уверен в завете прежнем:
Там Россия, где мы стоим...*

Алексей Ивлев автор десяти книг стихов, прозы и литературной критики, редактор-составитель многих литературных альманахов, кандидат геолого-

минералогических наук. Хочется пожелать ему и в дальнейшем плодотворной литературной деятельности.

Валентин Гринер современный русский писатель известен в нашей республике как одно из самых острых перьев в конце восьмидесятих годов прошлого столетия газеты «Красное знамя». Он трудился геодезистом в тайге и тундре, строил дороги на крайнем севере, работал литсотрудником газеты «Заполярье» и собкором республиканской газеты «Красное знамя» по печорскому бассейну, служил пресс-секретарем генерального директора объединения «Воркутауголь», выпустил в свет более двадцати книг, в том числе четыре поэтических сборника.

В 1990 году В. Гринер эмигрировал из страны, сейчас он живет в Новой Зеландии. Не смотря на солидный возраст, он продолжает плодотворно работать. Вышедшая в свет книга прозы Валентина Гринера, благодаря стараниям литератора Альберта Бернштейна, в сыктывкарском издательстве «Геопринт», включила в себя две новые, ранее не публиковавшиеся повести «Взрыв» и «Домой». Основанные на личных воспоминаниях автора и большом жизненном материале, они объединены трагическими темами Великой Отечественной войны и судеб людей в то тяжелое время. Написанные, одна – в стиле авантюрно-приключенческого повествования, другая – в виде воспоминаний о военном детстве, они привлекают внимание читателя захватывающим сюжетом, обилием неизвестных и малоизвестных фактов, динамикой повествования и мастерством изложения материала.

«За семью печатями (Из архива КГБ)» и «Вся его жизнь...» - так назвал две свои книги очерков, вышедшие в свет в 2005 году в издательстве «Полиграф-Сервис», известный в республике и за ее пределами историк и литератор **Вениамин Полещиков**. «За семью печатями (Из архива КГБ)» - посвящена первому народному поэту и ученому Коми Края Ивану Алексеевичу Куратову, ее публикация приурочена к 130-летию со дня его смерти. Во второй части книги идет рассказ о талантливом поэте Якове Натановиче Космане, безвинно расстрелянном в Ухтинских лагерях в 1942 году. С полной уверенностью можно сказать, что книга отражает преемственность судеб поэтов, живших при царизме и социализме. В ней приоткрывается завеса тайны агента НКВД из литературных кругов того времени, предоставлявшего свои «сообщения» под псевдонимом «Белка». Произведя филологический анализ текстов, В. Полещиков высказывает версию о том, что за оперативным псевдонимом «Белка» скрывался коми писатель П. Доронин.

В небольших очерках, которые составили книгу «И вся его жизнь...» и зачастую носят документальный характер, у одних героев прослеживается вся жизнь, у других, которые находятся в рассвете своих сил, профессиональных и творческих возможностей – лишь отрезок их жизненного пути. И это замечательно. Пусть их судьба вместе с судьбой страны будет более легкой и счастливой, нежели судьба людей старшего поколения довоенного и военного времени. Ведь эта книга, автором которой является В. Полещиков, посвящена Победителям в Великой Отечественной войне, Д.А. Батиеву, отдавшему жизнь в борьбе за образование Коми автономии, а также людям с необычной и трудной судьбой.

***Бесшумный полет золотого листа.
Он славы не ищет и в счастье не ропщет.***

*Последнее слово в застывших устах
Еще не уснувшей березовой рощи.
Летит, не цепляясь за ветки надежд,
Нежданный аккорд в наступающей тризне.
Не требуя почестей, белых одежд –
Последняя боль остывающей жизни... -*

это строки из стихотворения «Имя твое не известно...» ранее еще нигде не публиковавшего свои произведения поэта **Владимира Куликова**.

Поэзия Владимира Куликова поразила меня своей свежестью, как тематической, так и пристрастным отношением к написанному им слову. Сразу видно, что это уже сложившийся автор, которому чужды пороки ученичества:

*Окончен праздник, наступает день.
Какой же срок нам временем отпущен?
И солнца луч, куда-то вдаль зовущий
Рождает грусти сумрачную тень.
(Закутавшийся в шубу Новый год...)*

Он с легкостью владеет рифмой и ритмом стихосложения. Его стихи не чужды философского осмысления жизни и происходящих вокруг автора событий, как в стране, так и в сугубо его внутреннем мире:

*Философия пути.
Зыбь песка и твердь базальта.
Нескончаемая нить
Из бетона и асфальта.
Шум колес и звук шагов,
Запах трав, порывы ветра.
Сотни тысяч городов,
Миллионы километров...
(Философия пути...)*

Хорошо иметь свой взгляд на окружающую действительность. И такой своеобразный взгляд у В. Куликова есть. Это важно. Лирический герой поэта – метущаяся личность, ищущая себя в мире человеческих взаимоотношений:

*Сквозь рожки милые, приятно чавкающие,
Недогоревшие церквей огарки,
О чем-то вечном собака гавкающая.
Бредет Россия и кровью харкает.
И грязью брызжет кроваво-черной
Рожденья мука в полях абортю.
Залита водкой горбушка черствая
В вороньем хохоте хмельных аккордов...
(...Честь имею!)*

Хочется пожелать автору более серьезно относиться к своему творчеству. Оно, на мой взгляд, уже состоялось, от него уже не избавиться, а творческое начало необходимо ежедневно оттачивать. Мастерство приходит с работой. И сам поэт это понимает:

*Я в прострации. Отпиваюсь
От налипшей житейской грязи.
Гривой встряхивает, вздыхая,
Мой каурый у коновязи.*

*Вот сижу за столом, пока еще,
Поднабравшийся, как скотина.
Размышляю про апокалипсис,
Бытия рисуя картины...
(Я в прострации. Отпиваюсь...)*

Большая подборка стихов В. Куликова была опубликована в сборнике статей и очерков известного историка и литературоведа Вениамина Полещикова «И вся его жизнь...». И замечательно, что эта книга открыла путь в литературу поэзии интересного стихотворца Владимира Куликова.

Урожайным на издание книг 2005 год стал и для известного в республике и за ее пределами журналиста, фотохудожника и литератора **Вячеслава Шульгина**. Вышли в свет его автобиографическая повесть о детстве деревенского мальчишки «И несли меня кони» и документальная повесть о плавучем пионерском лагере «Быль о «Коми пионере» и его организаторе педагоге от Бога А.А. Католикове. Хочется отметить, что обе повести написаны живым образным языком в захватывающей сюжетом манере исполнения.

В повести «И несли меня кони» рассказывается о простом деревенском мальчишке и его друзьях, детство которых пришлось на самый тяжелый период истории нашей родины, предвоенные и военные годы. Они были свидетелями репрессий, познали голод и тяжелый труд во время войны, когда в селах оставались старики, женщины и дети. Через их детство кровавой волной прокатилась война. Они видели бесславное отступление нашей армии, пережили оккупацию и познали радость освобождения. Стали свидетелями победы наших войск на Курской дуге. В свои детские годы они умели работать как взрослые, обращаться с оружием, как солдаты. И это их не ожесточило. Они так и остались добрыми, отзывчивыми мальчишками с чисто русской душой. Прочитав эту книгу, понимаешь, почему их поколение назвали «дети войны».

Повесть «Быль о «Коми пионере» - это бесхитростный рассказ о работе рядом с прекрасным педагогом Александром Александровичем Католиковым в сыктывкарском Дворце пионеров и школьников, при котором не только Дворец достиг наибольшего уровня своего расцвета, но был создан и организован, на радость всем детям Сыктывкара, замечательный плавучий пионерский лагерь «Коми пионер». О плавании от Сыктывкара до Архангельска, о повседневной жизни на нем, о городах и селах, о музеях, культурных и исторических памятниках, с которыми знакомились дети, рассказывается в этой книге.

В.А. Шульгин родился в Курской области. Его детство пришлось на тяжелые предвоенные и военные годы. После учебы в Таганрогском аэроклубе поступил в Армавирское летное истребительное училище. Демобилизовавшись из армии, окончил Московский лесотехнический институт. Некоторое время работал в лесном хозяйстве республики. Затем посвятил свою жизнь фотожурналистике. Публиковался во многих газетах и журналах. Им написаны и изданы автобиографические повести: «Любовь и небо», «Прерванный полет», «О превратностях судьбы» и другие.

Ветеран Великой отечественной войны **Галина Маркова**, родившаяся в 1929 году в Сыктывкаре, известна в научном мире, как автор более пятидесяти научных статей и нескольких брошюр, книги очерков «Самое памятное». Она тридцать лет проработала научным работником института геологии КНЦ. Работает она и как литератор. Неоднократно публиковалась в литературных сборниках,

альманахах, периодическом издании «Вестник института геологии» с очерками, рассказами, стихами. Особое место в ее творчестве занимают очерки, посвященные людям родного Коми края, о войнах Великой Отечественной войны.

В 2005 году в издательстве «Полиграф-Сервис» и в ОАО «КРТ» вышли в свет две ее книги «Сергей Марков. Жизнь и судьба» (в соавторстве с Марковой О.С., Кочевой (Марковой) Л.С.) и «Люби ближнего». Первая о жизненном пути и творческой деятельности заслуженного работника культуры России, народного артиста Республики Коми, заслуженного учителя Коми АССР, ветерана войны Сергея Павловича Маркова, который прошел путь от рядового моряка-балтийца до оперного певца и признанного вокального педагога, воспитавшего знаменитых певцов мирового уровня. Вторая – сборник рассказов, очерков и стихов, в которых автор анализирует свою жизнь и судьбы своих героев:

*Нет, не минует участь эта,
Испить ее должна до дна –
По капелькам ночного цвета
Я чашу терпкого вина.
Все превозмочь должна потери
Друзей любимых дорогих.
Как сквозь хрусталь мой свет, я верю,
Пройду сквозь строй наветов злых...*
(Судьба)

Александр Мацук – имя в русской литературе Республики Коми новое. И отраднo, что в 2005 году увидела свет книга этого необычного для нашего литературного процесса литератора, пишущего в стиле «фэнтази» в типографии Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми под названием «Дорога в никуда». Книгу составили роман «Дорога в никуда» (состоящий в свою очередь из трех частей «Проводник» (написана в прозе), «Город» (написана в стихах) и «Дорога в никуда» (написана в прозе)) и стихотворной «Балладе о вампире». Приведу небольшой отрывок из баллады:

*И начертав на каменном полу
Проклятых символов бесчисленные строки,
Я взрезал себе вены и пронзил,
В агонии бушующее сердце!
И мрака пелена застлала взор,
Остановив неровное дыханье
Моей души...
И холод лютый вдруг
Сковал меня, заставив громко вскрикнуть...*

Признаюсь, что от таких строк мурашки начинают бегать по спине.

Увидела свет новая книга заслуженного работника культуры Республики Коми литератора **Валентина Охупкина** «Мои «арабески»», которая была выпущена Коми республиканским колледжем культуры им. В.Т. Чисталева. В своем сборнике очерков и рассказов автор раскрывает роль физической культуры в жизни корифеев русской литературы, таких как А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, А.И. Куприн, В. Набоков, С.А. Есенин и других.

Восемьдесят три стихотворения на русском языке и сорок два на коми вошли в поэтический сборник **Раисы Куклиной** «Ты и я», который появился на

свет в издательстве «Геопринт». Удивительные стихотворения, составившие книгу, в основном посвящены любовной тематике. Свет и добро – вот две отправные точки для каждого из них:

*Твои глаза мне – два крыла.
Как долго я тебя ждала
И свято верила судьбе.
Ты шел ко мне... Ты шел ко мне.
Твои глаза мне – два крыла.
Ты пробирался сквозь метель,
Со светом в сердце шел ко мне.
Твои глаза мне – два крыла.
Идем по жизни: ты и я.
Рука в руке. Глаза в глаза.
Ликуй и радуйся, земля!*

Поэтическое слово Людмилы Ханаевой звучит с каждым годом все ярче и откровеннее. С ее поэзией знакомы читатели республики по многочисленным публикациям в газетах, журналах, литературных сборниках и альманахах. 2005 год стал для ее творчества настоящим прорывом – в типографии КРИРО и ПК вышла в свет ее полновесная поэтическая книга «И стихи срываются с пера...». Вот что написала о ней во вступительной статье кандидат филологических наук Н.А. Ставшина: «Поэтическое творчество Людмилы Ханаевой образует гражданская, пейзажная и любовная лирика. Боль за судьбу России, собственное осмысление ее истории звучат во многих стихотворениях...». Признаюсь, именно этим и нравится мне поэзия Л. Ханаевой, вчитайтесь в эти строки:

*Тревожный перезвон над Русью древней,
На фоне неба – контур куполов.
Но ветхие забытые деревни
Не слышат громкий звон колоколов...*

Людмила Ханаева родилась в Сыктывкаре, получила педагогическое образование. Пишет стихи и прозу. Публикуется с 1992 года. На протяжении нескольких лет возглавляет литературный клуб Эжвинских литераторов «У комелька», является вдохновителем и редактором-составителем одноименного литературного альманаха.

Поэтическая звезда Людмилы Чебыкиной давно и прочно угнездившаяся на небосклоне республиканского литературного процесса с выходом в свет книги стихов «Тропинка» стала освещать нашу убогую провинциальную жисть еще ярче. Дано человеку слагать стихи настоящие, и слава Богу. Читаешь ее поэтические строфы и оторопь берет от того, что сам чувствуешь тоже самое, а сказать так не сумеешь. Вот ведь незадача и закавыка. И читать сложно, потому что это исключительно «женская» поэзия, со свойственной ей тонкостью восприятия мира человеческих взаимоотношений, ранимостью и истинной красотой:

*Распушу я на бегу
Свою руссу косоньку.
Пробегу я по лугу
Ноженьками босыми.
Есть в кармане пять монет –
Нынче пообедаю.
Будет счастье или нет,*

*Я того не ведаю.
До отказа заведешь
Часики – ломаются.
Сердцу воли не даешь –
Вот оно и мается...*

Людмила Чебыкина родилась в 1962 году в городе Кривой Рог. Окончила Одесский политех, работает на СЛПК. Ее стихи печатались в журнале «Новый мир», республиканских и районных газетах, в литературном альманахе «Сыктывкар», сборнике «Белый бор».

«Сполохи жизни» - так назвала свой поэтический сборник **Мargarита Прилуцкая**. Около двухсот стихотворений сборника символически разбиты на четыре цикла с незамысловатыми названиями: «Зима», «Весна», «Лето», «Осень». Годовой цикл завершился. Читая книгу, чувствуешь, некую ее итоговость для автора.

Редактировала его Людмила Чебыкина. Вот что она написала о творчестве М. Прилуцкой во вступительной статье: «Встретившись с поэзией М.В. Прилуцкой, душа моя была до того очарована искренностью и чистотой ее мироощущения, лиричностью и легкой музыкальностью ее стихов, что возникло непреодолимое желание, чтобы их услышали все вокруг. И от чего, казалось бы? Стихи Прилуцкой просты по форме и содержанию. Никакой вычурности, никакой зауми, ни в стиле, ни в слоге, никакого потока сознания или потока без сознания, столь модного в современной литературе. Они могут даже показаться несовременными, но мне они кажутся классическими...». Ну что ж, лучше и не скажешь, остается только проиллюстрировать мысли Чебыкиной текстом:

*В последнюю неделю сентября
Франтиха-осень лес принарядила:
Казалось, в полдень разлилась заря –
Так все вокруг она озолотила.
В последнюю неделю сентября
Так радовали глаз лесные дали,
Что думалось: как счастлива земля!..
...А это просто листья увядали...*

М. Прилуцкая – уроженка Архангельска. По специальности – врач. С 1965 года живет и работает в Эжве. Стихи писала с юности, всерьез стала относиться к своей поэзии с 1999 года, с этого же года публикуется в местной периодической печати, в городских и республиканских литературных альманахах.

В типографии Коми республиканского института развития образования и повышения квалификации в 2005 году увидела свет книга стихов Н. Николаевой «Музыка души». Однажды Ю. Ионов написал о **Нине Николаевой**: «Нина Николаева в своих стихах, пожалуй, демонстрирует доброеприятие окружающего мира со всеми его красками, с летним разгулом природы и однообразно-белой суровостью северной зимы». В ее лирике много стихов, посвященных описанию природы:

*Осень завладела всем пространством,
И березы обнаженными стоят.
Первые снежинки для убранства,
Белоснежный надевают им наряд.
Пышные синички-белощечки,*

*Легкокрылые по веточкам снуют.
Темные комочки, как лисички
Оживляют переменчивый этюд.*

Литературовед Р. Куклина так отозвалась о поэзии Н. Николаевой: «Ее стихи рождаются от любви. От любви к слову, к поэзии, к творчеству. Это чувство облагораживает ее собственную поэзию». А еще многие стихотворения Н. Николаевой посвящены конкретным людям, датам, событиям. И от этого, на мой взгляд, она становится особенно приближенной к обычной человеческой жизни («Внуку»):

*Счастье приносит с улыбкою внук –
Он мой волшебник, мой маленький друг.
С ним рассмеемся, как глянет подчас –
Радостно: молнии прыгнут из глаз.
Яркий румянец – горячая кровь:
Чувствует сердце, что это – любовь.*

Н.А. Николаева родилась в Ярославской области. Там же получила высшее педагогическое образование. С 1967 года живет и работает в Эжве. Ее стихи печатались в литературных альманахах и сборниках, районных и республиканских печатных СМИ. Песни, написанные на ее стихи, звучали на радио «Коми гор».

На траурном митинге в Республиканском драмтеатре имени Виктора Савина по поводу ухода из жизни замечательного русского поэта Виктора Кушманова звучали стихотворные посвящения усопшему местным поэтов. Но только одного, предоставляя ему слово, чиновник от литературы объявил как ученика народного поэта Республики Коми. Таковым был объявлен **Олег Рочев**. В 2005 году вышла в свет его первая книжка стихов «Мой костер». Прочитал и понял, что лирика О. Рочева действительно во многом перекликается с поэзией В. Кушманова.

Вот что написал о ней известный литератор А. Иевлев: «Она состоялась. И по объему, и по форме, и по содержанию. В книге есть Мысль. И она интересна. И она красиво выражена. И заставляет читателя думать, сопереживать, восхищаться и даже спорить»:

*Где силы взять, чтоб жить легко, играя,
Щекой румяной удивляя свет,
Дождю и солнцу душу подставляя,
Не оборачиваясь на неровный след,
Не волоча припасы на дорогу,
Не нагибаясь долу за грошом,
Служить рабом возвышенному слогу,
Всегда равно – в парче, иль голышом.*

Олег Рочев родился в 1956 году в г. Сыктывкаре. По специальности он фотограф. Пишет стихи и прозу. Печатается с 1998 года. Более тридцати его стихотворений стали песнями.

Поэтическое творчество **Николая Тюрнина** по тематическому ряду можно сравнить с хрустальным словом поэзии Сергея Есенина и Николая Рубцова, а в региональном литературном процессе нашей республики с лирой Виктора Кушманова. (О чем свидетельствует его сборник стихов «Время для любви...») Именно Виктору Кушманову, с которым Тюрнина связывала многолетняя творческая и просто человеческая дружба, он посвятил свои замечательные строки:

*Ты в далеких краях колоски собираешь стихов...
Оглянусь, по плечу не похлопаешь сильной ладонью.
Журавли, что с тобой провожали порою в Покров,
Улетают опять за туманы над Пармой и болью.
Здесь стихи твои помнят, поет на них песни народ,
И рябина цветет по весне, будто ты еще рядом.
Ты любил на девчонок смотреть, когда те в хоровод,
Как березки по осени принаряжались в наряды...
(перевод с коми А. Канева)*

«Стихи Николая Тюрнина, - как написал в одной из своих рецензий на творчество поэта известный коми писатель Александр Ульянов, - очень образные, они полны лиризма и посвящены, в основном сельской тематике. Многие поэтические произведения написаны для детей младшего школьного возраста. По-видимому, особая лирическая нотка, которая звучит в стихах Николая Тюрнина, и притягивает коми композиторов...»

Большое количество стихотворных текстов Н. Тюрнина, посвящены описанию неброской, но такой дорогой сердцу коми человека, северной природе. Буквально за душу берут написанные им строки:

*За окном дождь плачет проливной,
Скоро отпечалит сердце осень.
Поделись черемуха со мной
Грустью, я тебя жалею очень.
Не тужи, придет она – весна...
Снова станешь чьей-нибудь невестой.
Белой кипени цветов, листва
Вновь подарит радостную песню.
(перевод с коми А. Канева)*

Русская поэзия Николая Тюрнина пока, к сожалению, не известна широкому кругу любителей поэтического творчества. Думается, что книга «Время вечно для любви» исправит эту роковую ошибку. Большинство стихотворений написаны на русском языке им самим, а некоторые переведены мной и поэтом Сергеем Журавлевым, который привнес в лирику Н. Тюрнина живой мир своего поэтического слова, как это произошло в стихотворении «Песня о родной парме»:

*Снегом занесло лощины,
Крутит вьюги кутерьма.
Широко расставив крылья,
В Коми край летит зима
В сердце холоду нет места,
Свежий ветер ждет душа,
Парма – вечная невеста,
До чего ж ты хороша!*

Лирика Н. Тюрнина публиковалась в таких стихотворных сборниках как «Звезды над Вычегдой» (1988), «Нежности нет предела и границ» (1995), «Зарубки» (1999) выходивших в свет на коми языке. Публиковались они и в русских изданиях таких как «Строка, летящая в огонь» (2005), «След на северной земле» (2005), «Летящей мысли яркий свет» (2005), а также в нескольких выпусках столичного литературного альманаха «Сыктывкар». Подборки стихов поэта были напечатаны в разные годы в московском журнале «Парма» и республиканских «Войвыв кодзув» и «Би кинь», в переводе на удмуртский язык в детском журнале «Кызыли».

Николай Тюрнин больше известен в республике как поэт-песенник. На протяжении ряда лет его творческие связи развиваются с такими самодеятельными и профессиональными композиторами как Борис Тюрнин, Гелий Кочанов, Марк Новоселов. Одна из песен написанных на его стихи Марком Новоселовым, посвященная Виктору Кушманову, публикуется с нотами в этом сборнике. Песни Николая Тюрнина легки для исполнения, душевны и лиричны. Их поют и ми восхищаются особенно сельские жители республики.

Трудным был путь поэта к его первой полновесной книге стихов. Немало бытовых, жизненных трудностей и неурядиц случилось на его творческом пути. Но Николай Тюрнин сумел их преодолеть и устоять, сохранив свою душевную стойкость. И лишь к уже зрелому возрасту, поэт обрел свой по-настоящему теплый дом, с любящей и понимающей хозяйкой, свою приносящую радость работу редактором отдела в детском литературно-художественном журнале «Би кинь». Вот почему он с нескрываемой горечью пишет в одном из своих стихотворений:

*Ночной туман. Души покой.
Я слышу голос: «Мой родной!
Ты не теряйся. Поспеши
На день рождения души!»
Проснуться б раньше на годок.
Ну, черт с ним, эдаких на пять...
Я б сердце виршами прожжег,
Чтобы вернуть ту жизнь опять.*

Родился Николай Алексеевич Тюрнин 5 марта 1956 года в Сыктывкаре. Служил в армии в Витебской воздушно-десантной дивизии. В армии и начал писать свои первые стихи. Там же и пристрастился к журналистике, получив первые навыки в этом деле, будучи слушателем заочной школы военкоров. После демобилизации продолжил поэтическое творчество, работая в районных газетах «Звезда» (с. Корткерос) и «Ленинский путь» (с. Усть-Кулом), а также в республиканской газете «Югд туй». Некоторое время Н. Тюрнин трудился редактором в телерадиокомпании «Коми гор».

Н. Тюрнин член Союза журналистов России. Он награжден почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми ССР, Союза журналистов России и другими.

Работает Н. Тюрнин и как поэт-переводчик. Он плодотворно переводит на коми язык стихи таких поэтов как В. Кушманов, А. Канев, М. Курочкин, поэтессы из Удмуртии Надежды Лопатиной и украинки Ольги Слюсаревой. Им переведена с языка ханты на коми язык «Легенда о Ермаке», которая не так давно была

включена в учебное пособие для учащихся седьмых классов общеобразовательных школ республики.

Книга «Время вечно для любви...» состоит из нескольких разделов «Где тоской заливаются грусть...», «Посвящаю», «Мой берег», «Время вечно для любви...», в нее вошли около сорока стихотворений.

Народный коми поэт Виктор Кушманов еще при жизни в одном из своих поэтических сборников «Прости», вышедшем в свет в серии «Звезды Севера», посвятил бывшему десантнику Николаю Тюрнину такие строки:

*Хоть небо светится до жути,
Паденья нам не ведом страх.
Все на одном мы парашюте
Висим на солнечных лучах...*

Эти строки народного поэта Республики Коми не только о нем, а обо всех нас...

Естественно, моя обзорная статья не претендует на академичность, всеобъемлимость и не является истиной в последней инстанции. Просто напросто мне захотелось сказать пару добрых слов о тех книгах, которые мне попали в руки и понравились. Надеюсь, что и «Без нас спокойнее на свете» Алексея Иевлева, и книга повестей Валентина Гринера, и «За семью печатями (Из архива КГБ)», «Вся его жизнь...» Вениамина Полещикова, и автобиографическая повесть о детстве деревенского мальчишки «И несли меня кони» с документальной повестью о плавучем пионерском лагере «Коми пионер» Вячеслава Шульгина, и книги Галины Марковой «Сергей Марков. Жизнь и судьба» (в соавторстве с Марковой О.С., Кочевой (Марковой) Л.С.), «Люби ближнего», и роман Александра Мацука «Дорога в никуда», и «Мои «арабески» Валентина Охупкина, и поэтические сборники Раисы Куклиной «Ты и я», Людмилы Ханаевой «И стихи срываются с пера...», Людмилы Чебыкиной «Тропинка», Маргариты Прилуцкой «Сполохи жизни», Нины Николаевой «Музыка души», Олега Рочева «Мой костер», Николая Тюрнина «Время для любви...» найдут своего благодарного читателя.

Я ЕЩЕ НЕ ВЕРНУЛСЯ С ВОЙНЫ...

Война – это одно из самых страшных явлений на земле, связанное с существованием человечества. К сожалению, наша цивилизация пока не может обходиться без локальных войн и конфликтов, есть своя боль и у современной России, это – Чечня...

Тысячи юношей прошли через горнило страшных боевых действий, которые разворачивались на территории этой небольшой горной республики. Но любой военный конфликт не вечен, вот и строки стихов Надежды Алексеевой из г. Сызрань, как будто, приглашают остановиться в военном походе и присесть у привального костра:

*Над Грозным безликий рассвет,
Холодная светит луна.
Пока еще выстрелов нет,
Прилег покурить старшина...
(Старшина)*

Это стихотворение открывает книжку поэзии «Я еще не вернулся с войны...». Присядем же у костерка поэзии, перелистаем странички, опаленные войной, и окунемся в мир образов и мыслей авторов книги...

Сборник стихов с таким названием выпустило не так давно в свет Главное управление воспитательной работы Вооруженных сил Российской Федерации. Книга «Я еще не вернулся с войны...» - третий выпуск в ряду подобных сборников, в нем свои произведения на суд читателей представили около тридцати авторов.

Вышла в свет книга в издательстве «Дороги», благодаря усилиям и доброй воле Военно-художественной студии писателей. В ней, как и в двух предыдущих собраны произведения писателей России, пропускающих через свое сердце боль за все происходящее ныне в Чеченской Республике, дающих свою оценку действиям Объединенной группировки федеральных войск на Северном Кавказе.

Эта книга еще интересна и тем, что в ней представлены произведения разных поколений военнослужащих от умудренных опытом полковников (Александр Вырвич, Владимир Газер, Евгений Грязнов, Михаил Лесников, Вадим Маркушин, Александр Петров, Анатолий Попов, Владимир Силкин, Лев Чистяков) до представителя совсем юного поколения, суворовца Игоря Антонова из Екатеринбурга, творчество которого представлено в сборнике отрывком из поэмы «Подвиг пилота»:

*На этот раз мы взяли курс на юг,
Ну, что ж, приказ и в Африке – приказ,
Летим бомбить чеченский Чичи-Юрт,
Куда спешит сейчас и наш спецназ...*

(Подвиг пилота)

Великая боль утраты звучит в стихах Светланы Моисеевой из Волгограда (Звезда героя, Когда ты будешь на земле, Папе), утраты любимого человека, погибшего в чеченскую войну, и ставшего Героем России:

*Спустили мне холодную звезду,
С небес спустили, празднично, неожиданно.
Теперь я понимаю: на беду
Легла она на плечи капитана.*

*Тогда ж смолчала вещая звезда,
Что мне любви отпущено немного,
Что счастье оборвется навсегда
Прощанием у отчего порога.*

(Звезда Героя)

Трагедия гибели родного человека усиливается еще и тем, что убитого на войне отца уже никогда не обнимет родившийся после его смерти на поле боя сын:

*Я не успел к беде родиться.
Я не успел тебя обнять,
Чтоб навсегда с тобой проститься,
Чтоб нежно папою назвать...*

(Папе)

У каждого солдата на войне своя правда, своя смелость, своя каша в желудке... И только то главное, ради чего они все вместе идут в бой – одно. Вот о чем пишет в своем стихотворении «Левша» Александр Петров:

*Сколько нас уже убито, сколько стерто ваххабитов –
Посчитается и спишется войной.
Наш девиз непобедимый: «Будет Родина единой!» -
Даже с трижды распроклятою Чечней!
(Левша)*

Замечательный русский поэт Анатолий Попов, автор нескольких книг стихов, профессиональный военный, в своем стихотворении «Чечня. Чечня...» осуждает политиков толкнувших в горнило чеченской войны десятки тысяч юных россиян разных национальностей:

*Как будто я ношу вериги,
А не ожоги строгих звезд.
Вас, политические клики,
Согнать на этот бы погост,
Где воют матери и жены,
Где ребятишек душит страх
И где в минутах напряженных
Отцы седеют на глазах...
(Чечня. Чечня...)*

Особенно ярко и широко в сборнике «Я еще не вернулся с войны...» представлена поэзия Владимира Силкина. Для него каждый солдат – это конкретный человек со своим именем, со своим характером. Вот и идут по его стихам военными тропами Андрюшка, Ванин Саня, Вовка Чижов... По мысли автора именно на их юношеских плечах держится все в нашей многострадальной стране:

*...Вовка Чижов уезжает в Чечню.
Крепче в России не сыщешь броню.
(Вовка Чижов уезжает в Чечню ...)*

Его рассказ о войне прост и понятен речью и практически в каждом стихотворении идет от первого лица, что несомненно усиливает эффект восприятия поэтического текста:

*Этой зябкою порою
Страшно хочется тепла.
В этот раз над Ханкалою
В нас вонзается «Игла».*

*Вертолет, десантом полный,
Всем нутром своим хрипит.
Дальше я уже не помню,
Дальше я уже убит.
(Посадка)*

Просто физически ощущаешь горе матери сына Андрюшки, оставшегося без ног. Этот солдат вернулся с войны, пусть калекой, но вернулся, под его подушкой лежит Звезда Героя... Сколько любви чувствуется в простых материнских словах, обращенных к сыну, и... сколько счастья от того, что сын, вот он ярдом, и:

*Ты не трогай простыню,
Ты не трогай,
Не сбегу теперь в Чечню,*

*Я... безногий.
(Герой)*

В стихотворении В. Силкина «Шальная пуля» мы видим образ другой матери, простой русской сельской женщины из-под Ростова, которая молится в избе в пустой без икон «красный угол», как умеет о том, чтобы ее сын вернулся с войны, читает его письмо, схватившись за сердце и верит, верит, верит, что ее мальчик жив... А на самом деле он убит той самой шальной пулей.

Министерство обороны России, имея в распоряжении огромный творческий потенциал в виде Культурного центра Российской Армии, а в его структуре, студию военных писателей во главе с В. Силкиным выпускает в свет достаточно много интересных для читателя изданий, в том числе и литературный альманах «Рать». Один из последних номеров включил в себя стихи и прозу военнослужащих, побывавших в «горячих» точках.

Аркадий КАЛИМОВ

«ВРЕМЕНА»

Поэтический сборник Андрея Канева с таким названием вышел недавно с печатных станков издательства «Полиграф-Сервис» при финансовой поддержке Фонда пожарной безопасности.

Андрей Канев в поэзии не новичок. Он автор нескольких сборников стихов, таких как: «Снег на крышах» (Сыктывкар, 1992), «Тропа» (Санкт-Петербург, 1996), «Над обрывом» (Сыктывкар, 2000), «Белые росы печали» (Санкт-Петербург, 2003), «Судьба была разной» (Сыктывкар, 2004). О его стихах хорошо отзывались такие известные люди, как доктор филологических наук Владимир Демин, поэты Александр Алшутков, Олег Чупров, Алексей Иевлев, Виктор Демидов, Юрий Ионов и другие. Они были переведены на английский, венгерский, белорусский и языки народов России.

Все авторы рецензий и литературоведческих исследований всегда в первую очередь отмечали яркую патриотическую направленность лирики А. Канева. Не даром его поэзия была высоко отмечена на Всероссийском поэтическом Лермонтовском конкурсе патриотической поэзии «Люблю Отчизну я!» в 2003 году, на котором его стихи завоевали среди, более чем тысячи участников, третье место. Вот и в этом поэтическом сборнике «Времена» многие стихотворения поэта посвящены теме любви к своей стране. Так в стихотворении «Везет кому-то, пишут о природе...» А. Канев восклицает:

*Я болен словом, раздирает душу
Оно, когда рождается на свет.
И стих, пускай, мой с виду простодушен,
И будто в нем камней подводных нет...*

*Но в нем, наверно, Божье проведенье –
Стихи приходят изредка ко мне...
И каждое мое стихотворенье
Пишу о своей горестной стране.*

Поэт истинно верит в величие России, несмотря на все катаклизмы, как политические, так и экономические, которые обрушились на страну в последние годы двадцатого столетия и в начале двадцать первого века, он пишет:

***Будет свет, и пишу я об этом.
Встанешь скоро, Россия, с колен.
И твои золотые поэты
Нищете не потянутся в плен!***

Андрей Канев ветеран боевых действий, тема войны известна ему не понаслышке, и не по книгам. В его лирике («Времена пошли нынче такие...», «Судьба офицера бывает похожей на выстрел...», «Звенят награды на мундире...», «Солдатским сапогам пропойте оду...») она звучит остро и правдиво:

***Мне пришлось воевать за Россию,
И друзей потерять и врагов,
Что пощады, увы, не просили,
И лежат у чужих берегов...***

Тема ГУЛАГа, драмы российского народа, оставила свой отпечаток на семье поэта. Им издана научная монография «Художественное воплощение темы ГУЛАГа в русской литературе Республики Коми второй половины XX века». Звучит эта тема и в поэзии А. Канева («Взгляд с прищуром открытых и синих озер...», «Там, где лес давно уже не рубят...»):

***Ездил я в заброшенные зоны.
Сколько лет со сталинских времен
Утекло... Меняются законы –
Памяти лишь срок не отменен.***

***Вот она страны великой драма,
Где еще колючка на столбах.
Родилась тут в женской зоне мама
И выросла на эковских хлебах.***

В поэтическом сборнике «Времена» представлены переводы с коми языка стихов Николая Тюрнина, сделанные А. Каневым. Эти переводы талантливо раскрывают перед русским читателем поэтическое творчество коми поэта.

В заключение хочу пожелать новой книге Андрея Канева доброго пути к читателю.

СОВРЕМЕННАЯ КОМИ ДРАМАТУРГИЯ: ОТ ТРАДИЦИИ К НОВАТОРСТВУ

Основные особенности творчества современных коми драматургов обусловлены рядом прогрессивных тенденций: возрастание роли авторской личности, тенденция художественного осмысления обновляющейся действительности и активизация поиска, отражающегося на разных уровнях произведения. Пьесы Алексея Попова, Николая Белыха (1941-1992), Александра Ларева, Геннадия Юшкова конца XX – начала XXI века свидетельствуют о коренном изменении поэтики драматургии. Они убедительно доказывают, что в настоящее время коми драматургия решает не только конкретные художественные задачи, а выполняет миссию, связанную с совершенствованием личности коми человека, с интенсивным поиском идеального уклада национальной жизни.

В коми драматургии со времени ее становления преобладал принцип жизненного правдоподобия. В настоящее время драмы и комедии Н.Белыха («Ов, дитяй, ов!» - Живи, дитя мое, живи!), А. Ларева («Кор йиркакылс гым-чард» - Когда гремел гром и сверкала молния), А. Попова («Вой, кодӧ некор эз вӧвлы» - Ночь, которой никогда не было, «Туналӧм ордым» - Заколдованная тропа, «Чудь мыльк» - Холм чуди) свидетельствуют о том, что коми пьеса является не только зеркалом, отражающим перипетии деревенского быта. В большей степени в ней стала проявляться авторская оценка происходящих событий. Проявление индивидуального начала в драматическом произведении начинает играть благотворную роль в развитии драматургии.

В творчестве народного писателя Геннадия Юшкова, который имеет уже большой драматургический опыт (первые произведения появились в середине 50-х годов), стали преобладать пьесы с иронико-юмористическим пафосом («Коми бал», «Му вежан кад» - Троица, «Гӧтыртӧгьд абу олӧм» - Без жены нет жизни). Действие происходит либо в семье, либо на деревенской улице. Писатель перестал уделять внимание проблемам морали и оставляет в стороне производственные конфликты. Поэтому в его последних пьесах отсутствует дидактизм, который отчетливо проявлялся в его предыдущих произведениях. Герои Юшкова соседствуют, но не стремятся к миру и согласию. Они постоянно потешаются друг над другом, высмеивают друг друга, как бы состязаясь в умении уничтожения. В связи с этим наблюдается сходство героев с фольклорными персонажами.

Надо отметить, что обращение к фольклору в творчестве Г.Юшкова и других драматургов в основном обусловлено тем, что их внимание зачастую концентрируется на негативных аспектах происходящих перемен. Параллельно с этим в пьесах обнаруживается интенсивный поиск позитивных начал. Скажем, если в образах героев коми драматургии 80-х гг. в основном отражались чувства смятения, недоумения, разочарования и горечи, то в последующее десятилетие ведущими становятся более энергичные и деловые герои, нацеленные на преобразование и совершенствование.

Одним из существенных итогов поисков является синтез конкретных примет нынешней реальности и условных художественных форм. Во многих современных пьесах наблюдается явный отрыв от традиционности, как в сфере идей, так и в области образительности. В ряде случаев авторы уже при обозначении жанра своего произведения демонстрируют отказ от правдоподобия: фантастическая трагикомедия (А.Ларев), грустная комедия (А.Попов). Показательной в этом отношении является пьеса Николая Белых «Живи, дитя мое, живи!». Драматург находит оригинальное определение, заменяющее жанровое обозначение: «збыль нисьё вѳт» - то ли явь, то ли сон. Авторское «я» воплощается в образе главного героя, писателя Томова. Томов - герой пьесы и одновременно – создатель новой художественной реальности. Он пишет одноактные пьесы, которые в ходе действия прочитывает другим персонажам.

Художественная значимость главного героя заключается в том, что через его образ драматург пытался выразить мотив одиночества творческого человека. Хотя Томов редко остается один, а почти всегда находится в центре внимания и интереса окружающих его персонажей, он страдает. Драматизм житейской ситуации героя в том, что сам он как бы отрешен от окружающих его людей. Писатель живет в мире своих образов. Автор высветил изнутри сложности писательского труда, сделал наглядными тайные сомнения творческого человека.

Отличительной чертой пьесы является ее концептуальность. Драматург размышляет о жизни коми человека, о человеке, живущим по законам разума, о перипетиях его существования в постоянно обновляющейся действительности. Николай Белых дает свою интерпретацию нравственной эволюции человека.

Неординарная композиция пьесы, кольцевой сюжет, изображение фольклорных персонажей для раскрытия отношения человека к природе в далеком прошлом, способы ретроспективного изображения (период христианизации и коллективизации), использование ремарок, содержащих указания на арсенал сценических возможностей – все это говорило о новом подходе к возможностям драмы.

Помимо всего этого драматург использовал прием перевоплощения своих героев. В перечне действующих лиц он указывает имена основных персонажей и добавляет: «и их разные тени». Художественный замысел заключался в том, чтобы показать человека не просто как некоего функционера, а как самоценное явление жизни. Можно понять, что автор делает интересное художественное заключение, что жизнедеятельность человека не ограничена пределами времени его жизни. В настоящих проявлениях его героев проглядывает прошлое и есть в них моменты будущего.

Интересным элементом поэтики пьесы также является звучащий из небытия голос матери главного героя писателя Томова. Полный сострадания материнский голос является образом трансцендентального характера, вносящим в пьесу мотивы утешения и одобрения.

Во всех мини-пьесах (кроме последней) человек представлен в конфликте с природным и духовным миром, во враждебных отношениях с подобными себе. В первой мини-пьесе охотник демонстрирует свою власть над природным миром. Затем изображение сцен насильственной христианизации (конфликт между христианами-миссионерами и язычниками) сменяется сценами насильственной коллективизации. Между героями происходят острые конфликтные столкновения.

Последняя мини-пьеса наполнена пафосом веры в добрые отношения. Демократические перемены 80-х годов, поворот к свободе слова и гласности в пьесе представлены как благодатные изменения в жизни общества. Эти изменения обернулись для главного героя, журналиста Ситкарева, как отрицательной, так и положительной стороной. Появилась возможность свободно выразить свои мысли и чувства, поделиться с читателями с тем, что он долго хранил в себе. В то же время он замечает и негативные, разрушительные тенденции в жизни. Ему трудно примириться с ними. И все же эта мини-пьеса наполнена верой автора в то, что в жизни наступает время свободы человеческой личности.

Для ряда современных пьес характерно фантазмагорическое начало. Причудливое переплетение близких к реальности и в то же время рационально непостижимых сцен наблюдается в пьесе А.Попова «Ночь, которой никогда не было», в фантастической трагикомедии А.Ларева «Когда гремел гром и сверкала молния», в которой наряду с реальными действующими лицами (коммерсант Петухов, его секретарша Вася-Василиса, отец Серафим, милиционер Алексеев) активную роль играет персонаж, обозначенный автором как «человек с того света». Образ Ворона, «человека с того света», предстает как символ недоумения по поводу неожиданных и непредсказуемых перемен, происходящих в жизни. Ворон относится к ним с позиции солдата, воевавшего за мирное будущее и счастье будущих поколений.

Пьеса А.Ларева – одна из немногих пьес в комедийной драматургии с трагическим финалом. Выстрел Василисы в Петухова имеет не только конкретный смысл. Драматург как бы «сталкивает» два мира: Василиса одержима не только мыслью о мести своему обидчику. Ее выстрел имеет символический смысл: категорическое неприятие происходящих в жизни перемен. Острые конфликтные коллизии между героями-обновленцами и персонажами, которые лелеют возврат к привычным устоям, в трагикомедии «Когда гремел гром и сверкала молния» отразили глубину замешательства, противоречий в сердцах наших современников.

Знаменательным явлением в творческой жизни А.Ларева становятся успешные постановки его лирической комедии «Свидания у черемухи» на сцене Чувацкого драматического театра им.К.В.Иванова. В 2002 году была осуществлена 21 постановка одноименного спектакля. Комедия была написана в 1959 году и получила всесоюзную известность.

В начале XXI века Александр Ларев вновь обращается к жанру лирической комедии. Лирическая комедия, в которой острые конфликтные ситуации сменяются комедийной игрой, позволила драматургу отразить веру во взаимоотношения между людьми, основанными на добросердечии и любви. Герои комедии «Прощай, любовь?!» – люди, если можно так сказать, из обновленной реальности. Мартынов Мартын Петрович – фермер, Николай Иванович – лётчик-афганец, Лихачева Елена Николаевна – руководитель сельской администрации и другие персонажи представлены уже не в свете страданий и ностальгии по прошедшему времени. Они обладают позитивным умонастроением. Несмотря на некоторые разногласия, которые автор не склонен переводить в конфликты, герои лирической комедии готовы созидать, строить новую жизнь.

Примечательным является то, что драматург отстраняется от стереотипного изображения остроконфликтных отношений между героями. Напротив, герои лирической комедии исполнены добросердечия и миролюбия. Драматург как бы предлагает некоторые эталоны человеческого поведения.

Фермер и руководитель сельской администрации строят свои взаимоотношения на основах уважения труда друг друга. При встрече с Павлой Николай Иванович кланяется ей. Сын фермера Федор на коленях просит прощения у Маши за то, что не сдержал своего обещания жениться на ней. А его настоящая жена Ева плачет от сострадания к покинутой Федором девушке.

Следует отметить, что в творчестве Александра Ларева не наблюдается тяготения к фольклорным истокам. Он также не ставит конкретной цели выявить национальные особенности характера коми человека. Это, конечно, не говорит о том, что пьесы начисто лишены национального колорита. В них отчетливо отражается традиционный для коми человека культ радушного гостеприимства, а также сохраняется культ ироничного отношения друг к другу.

Наиболее плодотворно в драматургии трудится Алексей Попов, лауреат Государственной премии Республики Коми, написавший с 1990-го года уже более 10 пьес: «Мыйсяма йӧз» (Что за люди), «Вой, кодӧ некор эз вӧвлы» (Ночь, которой никогда не было), «Туналӧм ордым» (Заколдованная тропа), «Вежа кытш» (Священный круг), «Чудь мыльк» (Холм чуди), «Сур лагун» (Бочонок браги), «Мыйла и волӧсны» (Зачем и приходили), «Йиркап», «Мывкыд парма» (Мудрая парма), «Кисьмӧм тусь» (Спелая ягода), «Лоӧмтор» (Происшествие) и др. Многие пьесы были поставлены на сцене национального театра и за пределами республики и пользовались зрительским успехом. К происходящим переменам драматург относится аналитически и по-философски. Действие в его пьесах происходит как в селе, так и в городе. Иногда автор переносит действие в прошлое. Это говорит о том, что идет активный художественный поиск. Писатель раскрывает характеры героев в экстремальных ситуациях (разрыв отношений как следствие непонимания друг друга – «Бочонок браги», изменение взаимоотношений в частной жизни в связи с происходящими событиями в политике – «Ойя да ойя!», шантаж – «Священный круг»). В пьесе «Ночь, которой никогда не было» действие происходит в морге. Само место действия являет собой образ полуиррационального порядка и выполняет важную художественную роль. Герои по воле автора постоянно оказываются в абсурдных ситуациях. Оригинальность конфликта состоит в том, что в этой пьесе он играет не просто формообразующую роль. Это своеобразный конфликт-протест против всего негативного, что встречается в действительности.

Обращение Алексея Попова к фольклорным мотивам («Заколдованная тропа», «Холм чуди», «Йиркап», «Мудрая парма») свидетельствует о процессе творческого переосмысления трагических коллизий народных преданий в поисках позитивных жизненных начал, эталонного образа. Поиск идеала является одним из стимулов его писательской деятельности. А итогом становится выражение антиидеала. Именно в связи с этим драматург сетует, что героями коми преданий являются Кӧрт Айка – разбойник, Юрка – вор, Шыпича – деспот. В структуре многих образов заложено самоотрицание. Позитивность таких персонажей заключается в том, что происходит активное воздействие на подсознательные структуры человеческого сознания. Драматург создает ситуации, во время которых происходит само- и взаиморазоблачение. Его герои руководствуются отнюдь не писаными законами и высокими помыслами. В основе их поступков – жадность, ревность, зависть, чувство мести, жажда власти. Они иногда представлены в неприглядном свете. Драматург зачастую подчеркивает бессилие человека перед духом зла, как нечто роковое. Высвечивая порочность образа жизни своих

персонажей, драматург проявляет к ним сострадание. Авторское сопереживание является важной эстетической слагаемой драм и комедий А.Попова.

Если Николай Белых истоки порочности коми человека находит в далеком прошлом (это непомерная гордыня, самовозвеличение человека, его желание быть полновластным хозяином в природном мире), то творческим импульсом для Алексея Попова является идеализация прошлого коми народа. Драматург пытается обнаружить нравственные истоки коми человека в прошлом, утвердить духовно-этические ценности, необходимые, на его взгляд, и приемлемые в современной жизни. Одним из эталонов нравственности является почтительное отношение человека к дереву. У каждого человека есть свое дерево, и он живет до тех пор, пока оно не срублено или не спилено. Главный герой коми легенды Йиркап срубил свое дерево и сделал из них лыжи, за этим последовала его гибель. Нравственность человека определяется по его отношению к природе, к своему дереву – такова основная идея пьесы «Йиркап», написанной по мотивам коми фольклора. На этой идее концентрируется внимание автора и в пьесе «Мудрая парма».

Драматург в своем творчестве отражает противоречивые глубины внутренней жизни своих героев и создает своеобразную модель мира. Это – круг. Но он предстает не как символ вечности. Это замкнутый земными пристрастиями круг. Герои движутся по замкнутому кругу по горизонтальной плоскости. Пиля и Парась, взявшие дичь из чужого капкана, кружат по лесу в надежде на то, что простится их грех («Заколдованная тропа»). Дорога от села к холму чуди и обратно, по которому ходят персонажи трагикомедии «Холм чуди», – это не только земная дорога, а некий невидимый круг их самопознания и самооценки. «Священным» назван круг чиновничей власти в грустной комедии «Священный круг». Движущей силой поступков Зины, Лобанова, Аркадия является устремленность к власти, желание иметь больше и лучше, чем имеют другие. Таким образом, Алексей Попов изображает своих героев то в смешном, то в плачевно-жалком состоянии. В их мироощущении наблюдается явный приоритет языческого начала, связанного с земными потребностями и пристрастиями. При этом важным и значимым является отношения автора к своим героям. А оно – сострадательское. И его драматургия знаменательна тем, что драматург страдает своим героям и коми человеку, живущему в условиях сложившейся дисгармонии. Открытый, иногда алогичный, а то и совершенно немотивированный финал является приглашением к размышлениям о дне сегодняшнем и прошлом, о земном и духовном, о видимом и невидимом.

Таким образом, комедии и драмы А.Попова, Н.Белых, Г.Юшкова, А.Ларева свидетельствуют об особенностях художественного творчества в период непредсказуемых общественно-политических изменений на рубеже веков. Их созидательные поиски, смелые решения убедительно доказывают, что современная коми драматургия постепенно становится на путь усложненной художественности. От изображения традиционных конфликтов на почве быта и сельского труда драматурги переходят к созиданию индивидуальной художественной реальности, включающей элементы бытия и инобытия. Этот процесс, естественно, сопровождается плодотворным обогащением арсенала изобразительных средств национальной драматургии формами условной поэтики.

ЖАНР МИНИАТЮРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В.Т. ЧИСТАЛЕВА

В.Т. Чисталев (1890-1939) - автор широко известных произведений о природе: “Во гөгөр кытшовтём” (Времена года, 1919), “Поводдя вежсигён” (Смена погоды, 1921), “Тулыс воём” (Приход весны, 1921), «Ывлавыв» (Природа, 1922), «Тувсовья» (Весеннее, 1922), «Гожся лунё» (Летним днем, 1922), «Гожём пом» (Конец лета, 1922), «Тувсов войясын» (Весенними ночами, 1923), «Арся лунё» (Осенним днем, 1923), «Шонді бердлём» (Затмение солнца, 1923), «Кер пөрөдём» (Рубка леса, 1921), «Кер кылөдём» (Сплав леса, 1921), «Пуръясянінын» (На сплотке леса, 1921), «Вөр лэдзанінын» (На лесозаготовке, 1929), «Вөр-пулы сьыланкыв» (Песнь лесу, 1937).

Он являлся художником философского масштаба, решавшим проблемы бытийного значения, одной из которых является проблема взаимоотношений человека и окружающего мира. Основные жанры – лирические стихотворения, рассказ, очерк, лирико-философская миниатюра. Первые рассказы были написаны им в начале 1920-х годов, которые сам автор определяет как серпастор (зарисовка), натур серпас (зарисовка с натуры). Они представляют собой небольшие заметки - наблюдения над погодой, окружающей природой. В данных рассказах автора выступает характерная особенность его писательской манеры: он и в прозе остается поэтом. Его проза очень своеобразна, лирична. Сильная лирическая струя вообще характерна для ранней советской прозы. Достаточно вспомнить произведения М.М.Пришвина с их лиричностью, взволнованными интонациями. В.Т.Чисталев тяготеет к этой линии советской прозы.

В.Т.Чисталева принято считать основоположником коми национального пейзажа: его рассказы о природе занимают особое место в коми прозе 1920-х годов, хотя в коми критике они рассматривались по-разному. Так, например, А.Н.Федорова пишет, что «самое ценное в творчестве автора – связь с народом, с его жизнью, с милой его сердцу северной природой»¹. А.А.Вежев полагает, что «воспевая родную природу, поэт забывает о восприятии современности, его рассказы бесконфликтны и бессюжетны, они представляют собой зарисовки природы, картин времен года, описание фауны, коми пармы»². Он рассматривает рассказы-миниатюры коми прозаика как заготовки к рассказам³. В исследовании Л.В.Лыткиной «Очерковая проза о коми крестьянском крае первой половины XX века» рассмотрены разнообразные жанровые модификации зырянского очерка (этюды, репортажи, очерки-статьи, пейзажные зарисовки) на материале творчества В.Т.Чисталева, проанализированы конкретные произведения⁵.

В статье «Внутрижанровая типология коми советского рассказа 60-80-х годов» Г.К.Лисовской содержатся некоторые наблюдения о рассказе-миниатюре в коми новеллистике на примере творчества С.Раевского, Е.Рочева, А.Льурова. П.Артеева, Л.Палкина, А.Попова. Е.Козлова⁶. Рассказ-миниатюру на примере творчества В.Т.Чисталева как особую разновидность лирических рассказов Г.К.Лисовская рассматривает в работе «Коми рассказ первой трети XX века»⁷.

Необходимо отметить, что в коми критике и литературоведении работы, посвященные анализу творчества В.Т.Чисталева, содержат в основном суждения о типах героев, композиции, языке произведения, тематических линиях и т.д. В

жанровом отношении рассмотрены лирические стихотворения, рассказы, очерки, этюды, зарисовки с натуры. Жанр миниатюры практически не исследован, поэтому представляется целесообразным дать ему историко-литературный комментарий и проанализировать конкретные произведения. Анализ и рассмотрение материала позволят по-новому оценить тот вклад, который внесла коми литература в разработку художественных приемов описания природы. Прежде всего в рамках данной работы необходимо обратиться к понятию миниатюры. Изучение жанра миниатюры относится к числу наиболее сложных и мало разработанных современными литературоведами вопросу. Но когда в этом жанре автор рассуждает о природе или описывает «натуру», возникают новые трудности: мало изучен жанр миниатюры, также недостаточно уделялось внимания проблеме взаимоотношений человека и естественного мира. Исследование поэтики любого жанра предполагает прежде всего изучение его исторического генезиса и структуры. При этом важно выяснение наиболее общих структурных элементов жанра, определение его специфических признаков как в плане внутреннего состава, так и в области формы. При определении жанра миниатюры в качестве исходных нами используются теоретические положения, изложенные в работах «Стихотворения в прозе» И.С.Тургенева (Арзамас, 1961) С.Е.Шаталова, «К.Паустовский – новеллист» Е.А.Алексяна (М., 1969), «Бунин-повествователь» И.Вантенкова (Минск, 1974), «Природа в художественном мире М.М.Пришвина» (Саратов, 1989), «Рассказ-миниатюра М.М.Пришвина» (Ленинград, 1973), «Образ природы и жанр миниатюры в творчестве М.М.Пришвина» (Куйбышев, 1985), «К «родословной» миниатюр М.М.Пришвина» (Воронеж, 1986), «Миниатюры М.М.Пришвина: философская идея в подробностях пейзажа» (Сыктывкар, 1988), «М.М.Пришвин: изображающая речь в миниатюре» (Казань, 1992) Т.Я.Гринфельд, «Малые жанры в русской литературе». Сб статей (Киров, 1986), «О лирической прозе» А.Павловского (М.; Л.; 1965), «Современная лирическая проза (Проблемы стиля и жанра)» Л.А.Ореховой (М., 1983), «Поэтика лирической прозы. 1960-1970-е гг» Э.А.Бальбура (Новосибирск, 1985).

Каждый жанр обладает своими способами, своими средствами видения и понимания действительности. Жанровая природа миниатюры характеризуется ярко выраженной приверженностью к малым формам, новеллистичности, стремлением к законченности, завершенности, к емкости. Как справедливо отмечает Э.Бальбуров миниатюра – это «наиболее сконцентрированная, сжатая в несколько строк малая форма, генетически восходящая к «Стихотворениям в прозе» И.Тургенева, обычно выражает какое-то отдельное переживание, поэтическую мысль...»⁸. Думы о творчестве, картины природы, бытовые зарисовки, споры по вопросам современности, философские выводы, возникшие от столкновения с каким-либо случайным фактом, событием – все вмещается в миниатюру, в несколько ярких строк. Приобретает поэтическую окрашенность, выражают не только мысль, но и настроение писателя, его индивидуальное видение мира. Предметом непосредственного изображения лирико-философской миниатюры является лирическое переживание, которое как правило тематически развернуто. Это может быть и целый комплекс переживаний. Мир окружающих переживаний в миниатюре художественно претворен в субъективный мир лирического героя. Как правило, основными событиями в лирической прозе вообще, в миниатюре, в частности, которые движут ее действие, являются движения мыслей лирического героя, его воспоминания, волнения души. Они

образуют последовательный ряд событий, то есть сюжет лирической прозы. Это своеобразное психологическое действие имеет свою завязку, кульминацию, развязку. Пейзажные описания, эпизоды, изображенные в миниатюре, являются своеобразной проекцией души лирического героя, объективируют его поэтическое размышление. Безусловно, в лирической миниатюре находят отражение события и действия героев, но их функция по преимуществу экспрессивная.

Исследовательница Л.И.Иссова, анализируя жанр стихотворений в прозе и жанр лирико-философской миниатюры, отмечает: «Литература к XIX – начала XX веков характеризовалась повышенным интересом к внутреннему, духовному миру человека; стремлением большинства писателей к синтезу реализма и романтизма, причем заметную роль в поэтике их произведений играли иносказания, аллегория, романтическая образная система; усилением лирического, субъективного начала, распространявшегося на все литературные роды и виды; преимущественным господством прозы, ее малых жанровых форм: повести, рассказа, очерка. Все это объясняет тот факт, что стихотворения в прозе стал в России довольно популярным жанром»⁹. Для лирических миниатюр, - далее подчеркивает автор, - характерно «стремление к лирическому, субъективному изображению действительности, к рефлексии и философским обобщениям, к сгущенности и лаконизму повествования, к метафоричности, к мелодическому звучанию речи»¹⁰.

Многочисленные формы малой прозы, при их кажущемся разнообразии, тем не менее можно классифицировать. Во-первых, по наличию или отсутствию в них внешне выраженного действия, точнее говоря, по функции фабулы в них. С этой точки зрения бесфабульные миниатюры будут наиболее близки лирическим стихотворениям, тогда как фабула вводит текст в круг маленьких, коротких рассказов¹¹. С содержательной стороны амплитуда минимальных жанров огромна – это и философские, и юмористические, и лирические, и драматические тексты, тексты, близкие дневниковым записям, афоризмам¹².

“Во гөгөр кытшовтём”, Поводдя вежсигён”, “Тулус воём”, «Арся лунё» В.Т.Чисталвева - это миниатюры, маленькие по объему, но композиционно и содержательно законченные произведения, заключающие в себе мысль или образ, жанр «малых форм»¹³. В жанре миниатюры у В.Т.Чисталева, как и у многих других писателей (И.С.Тургенев, С.Т.Аксаков, К.Г.Паустовский, И.С.Соколов-Микитов, Б.Сергуненков, Ю.Н.Куранов и др) используется преимущественно два вида художественной речи: описание и рассуждение (размышление) и их смешение. Для коми автора в жанре миниатюры основным является «обживание» будничной, окружающей микросреды с массой подробностей, с сюжетами фенологии, персонажами из животного и растительного мира, с их лесными историями. Обратимся непосредственно к текстам автора, чтобы по достоинству оценить некоторые характерные ее черты. По нашему мнению, это прежде всего натуральные истории - сюжеты, героями которых являются существа, явления природы или образы природы, детальные «портреты» из окружающего нас естественного мира, своеобразие художественной речи о природе.

В миниатюрах о человеке и природе коми автора нет фабулы, построение кое в чем схоже с сюжетом лирического стихотворения, движут его «скрытые, внутренние пружины образные, психологические, философские»¹⁴.

Миниатюра “Во гөгөр кытшовтём” (1919) – это восхищение звуковой симфонией птиц, населяющих коми парму, это знакомство с персонажами мира пернатых: зябликом, вороной, тетеревом, воробьями, гусями, кукушкой, куликом –

прибрежником, лебедями, дятлом, снегирем, которым даны описательные характеристики. Автор выдвигает на главное место первозданную красоту окружающего мира, естество. «Натура» занимает здесь заслуженное положение, заставляет нас обратить свой взор к ней и оценить ее по достоинству. Это произведение напоминает музыкальные темы: «Пинь-пинь...пинь-пинь!..» - кытӧнкӧ коз йылын кылӧ тшетшкӧдчӧ-пинясьӧ кӧдзыдкӧд пинькай, коль гылӧдӱгырйи... «Туррр...куррр...»-шондӱ петан вежӧсын ылісянь кылӧ тарьяслӧн койтӧм...«Чи-чи, чи, чи...чи-чи-чи-и-и...» - матӱник пуясын кылӧны медводдза локтысь сьылысь каяяс...«Чик-чилик...чик-чилик!..»- сырчик воӧма...«Кук-ку-ку-у-у!.. Кук-ку-у-у!..» - рытъясын ольясысь кӧклӧн нора горзӧмыс кылӧ...«И-ис..и-ис – и-и-ис...» - йӧжгылясьӧ-кынмӧ ва дорын истан...«Клуук-куллук!.. Клук-куллук!..» - мӧдӧмаӧсь эзысь юсьяс саридзӧ! Гезъясьӧмӧн, звӧйкӧн лӧбӧны...«Кытш-кытш...Кытш-кытш!..» - потшӧсысь потшӧсӧ, майӧгысь майӧгӧ шывъялӧ-лӧбалӧ катша...«Трк-п-прк-ч-ччк!..» - пуысь пуӧ, мырйысь мырйӧ тӧрыба лӧбалӧ-жбырйалӧ сизь; зӱля котшкӧдчӧ-дорччӧ: «тук-тук! тук-тук-тук!..»... «Жжннь...жжннь...жжннь...» - йӧжгылясьӧ-кынмӧ пу йылын жонь...». («Пинь-пинь...пинь-пинь!» - где-то на елке слышно как стрекочет-ругается с холодом зяблик, глодая шишку...«Туррр...куррр...» - издалека слышно токование тетеревов... «Чи-чи, чи, чи...чи-чи-чи-и-и...» - в близлежащих деревьях слышны прилетевшие первыми певчие птички... «Чик-чилик...чик-чилик!..» - прилетел сырчик... «Кук-ку-ку-у-у!.. Кук-ку-у-у!..» - вечерами с березово-еловых лесов на заболоченных кочковатых низинах слышен печальный крик кукушки... «И-ис..и-ис – и-и-ис...» - ежится –замерзает возле воды кулик-прибрежник... «Клуук-куллук!.. Клук-куллук!..» - серебряные лебеди собрались в теплые края. Летят, растянувшись вереницей... «Кытш-кытш...Кытш-кытш!..» - от изгороди к изгороди, от кола к колу летает ворона... «Трк-п-прк-ч-ччк!..» - от дерева к дереву, от пня к пню быстро летает-порхает дятел, шустро стучит: «тук-тук! тук-тук-тук!..»... «Жжннь...жжннь...жжннь...» - ежится–мерзнет на дереве снегирь...»). Автор-повествователь стремится так передать пение птиц, чтобы ее можно было «услышать», уловив объективно присущую им специфичность звучания. Можно сказать, что в описаниях голосов леса, а именно птиц, его населяющих – все очарование произведения.

Миниатюра «Тулыс воӧм» (1921) – это зарисовка о наступлении весны, описание изменений природного мира: ручьи бегут с шумом, верхушки деревьев освободились от снега, снег тает, образуя лужу под ногами, под солнцем снег голубеет, превращается в воду, сугробы оседают и т.д. Лирический герой в данном случае соединяет природные составляющие в единое целое, и жизнь природы определяет описания лирического героя.

Обратим внимание на тот факт, что заглавие миниатюры дает понять читателю, что речь пойдет о последовательном изложении событий, связанных с рождением нового времени года, наступлением весны. В тексте приведено описание солнца: «...Енӧжын шондӱыс вылі нин ветлӧ, дзирдалӧ югыда – синьястӧ ерӧ...» (солнце в небе уже высоко, сверкает так, что слепит глаза), облаков: «...Кымӧръяс качӧны...» (облака взлетают – взмываются), неба: «...Енӧжыс кыптӧ зӧв вылӧ...» (небо поднимается высоко). Есть пространство, создаваемое для нас твердой материей – верхушка дерева, ветки, с которых тяжело падает ком снега, дождевая вода, капающая с крыши, подножие дерева, где в талой воде умываются упавшие хвоинки – не бесконечное, оно обнимается взглядом человека и для него

досягаемо. В тексте обозначены и изменения, происходящие со снегом: снег начинает таять, голубеет, превращаясь в талый снег, сугробы оседают, уменьшаются; с деревьями: деревья освободились от снега. Образ природы в данном произведении занимает, пожалуй, больше половины объема описания, т.е. господствует, и человек находится в неприменном окружении натуральной среды. Автор вводит в миниатюру элемент бытописания, образа жизни мужика, а именно – весенние работы деревенских жителей (стук топоров – торопит, зовет на работу, «шков» - слышно с речки биение колотушек, в домах без остановки ткут холсты).

Наступление, приход весны в данном произведении раскрывается В.Т.Чисталевым многообразно, на многих «уровнях». Писатель вводит в пейзаж и персонажей из птичьего мира: «...Со, тонё, гож водзё петёма курёг, лажъялө-ветлөдлө нбжйёник, тшапа. Петуклөн чуксасьём прёста зэв кылё, юрьялө йёлаыс, сикт кузя ветлө...» (Вот там, под лучи солнца вышла курица, слоняется, медленно расхаживает по двору, словно щеголяет. Раздается пение петуха, разносится эхом по всей деревне...). Таким образом, перед нами живописное описание природы, это прозаическая миниатюра, которая, развивает прекрасное через сферу эмоций, предлагаемых пейзажем, описанием весеннего пробуждения естественного, натурального мира, который окружает человека. Данную миниатюру, казалось бы, можно отнести к чисто пейзажному, природному описанию, но при внимательном прочтении присутствие лирического героя становится все же заметно: «Гажа сэн, гора и кыпыд, кокныда ветлөдлө лолыд... Гөгөр дзик ловзьёма, нюмъялө-сьылө». (Весело там, легко дышится...Вокруг все ожило, улыбается – поет...). Образ лирического героя создается при помощи вводных слов, междометий, восклицаний, пространственной и временной характеристики, которые «выдают» присутствие субъекта. В.Новиков утверждает, что лирическую миниатюру отличает «непосредственное присутствие авторского «я», раскрывающегося в своих переживаниях, чувствах, мыслях»¹⁵. О человеке здесь «напоминает» несколько слов, все остальное – «портретное» описание естественного мира, это картина повторяющегося из года в год наступления, рождения нового весеннего сезона.

«Арся лунё» (1923) – крошечная миниатюра, запечатлевшая один эпизод северной поздней осени, день первого снега. В ней описан холодный дождь, поля, земля, лес, снег, ветер, птицы (красноголовая синица, снегирь, сорока), крестьянские, деревенские участки, заборы. Обозначено время – «Лунтыр сільгис-зэрис кодзыд зэрён. Рытладор тёлыс бергөдчис. Лои войтёла. Войбыд уси лым. Асывнас ывлаын лои гөгөр еджыд...» (Целый день лил холодный дождь. К вечеру ветер поменялся. Стал дуть с севера. К утру на улице все стало белым-бело...). Следовательно, то, что происходит, измерено в земных мерах: утро, день, вечер, ночь. В данной миниатюре, как и в предыдущей, отдается предпочтение такому виду художественной речи как описание. Природные образы здесь помогают лирическому герою найти «правильные» слова для изображения состояния душевного, внутреннего мира. Лирический герой миниатюры обеспокоен, его тревога, печаль, забота связаны с предстоящей зимовкой птиц снегирей, синиц, сорок. Его отношение к происходящему заявлено в эмоционально окрашенных тонах: «Бедные, много же вам придется мерзнуть зимой, да терпеть голод!».

В миниатюре «Поводдя вежсигён» (1920), которое мы приводим полностью, применяется чистое описание: «Тёла... Кымөрьяс енэжті төвзёны-мунёны өйдё. Сувтовкост мыччыслө лөзалан пыдөстөм енэж. Шондыс өйдөджык

удитлас видзодны, зарниа югөрнас өвтыштас мусё. Регыд кежлө. Кымөр пласт бара нин шондйос вевттё. Тэрыба котортас кок увті кымөрлөн вуджөр, водзиджык видз вывті паськыд гын тубрас моз быгыльтчас өдйё, асыввыв яг нёрыс паныд тувгыяс-каяс... Шочаммё кымөрьяс. Ёдйё зэв швучкё, енэжті мунё, гонечён сүддө медбөрья кымөртөр... Мунісны кымөрьяс. Весасис енэжыс. Сэзь лои, лöz. Ётнасён сөмын дзирдалан коли сэтöні шондй». (Ветрено... Облака по небу быстро бегут - летят. Время от времени показывается бездонная синь неба. Солнце успеваает быстро выглянуть, золотым лучом сверкнуть на землю. Но ненадолго. Туча большим пластом опять закрывает солнце. Быстро пробежит под ногами тень от тучи, быстро перекатится по лугу, как широкий ком войлока, пронесется - покатится навстречу утренней сосновой возвышенности... Редуют тучи. Быстро мчится - бежит последняя тучка, словно гонец догоняет остальных... Ушли тучи. Очистилось небо. Стало ясно, чисто. Лишь солнце осталось там одиноко светить”.

Перед нами смена времен года, а именно, - преобразование, изменение погоды. Персонажи объединены идеей движения: облака бегут-летят, туча мчится-бежит, она закрывает солнце, они одушевлены. В тексте определено пространство, оно зримо: небо и земля, луг, сосновая возвышенность. Можно увидеть вертикальный срез: солнце, облака, ниже – земля, соотношения света и тени: солнце светит, по лугу перекачиваются тени от тучи. Природа как художественный образ в приведенной миниатюре обладает «портретом», «характером», мотивом, действием. Картина динамична, герои ее в действии. Читатель видит движение не только в пространстве, но и во времени, это вызвано стремлением автора показать изменения, происходящие в природе. Таким образом, это вполне завершённый текст, где лаконизм согласуется с цельностью художественной мысли.

В жанре миниатюры В.Т.Чисталев как бы запечатлевает на бумаге мгновенную мысль, которая пришла на ум в данный момент от созерцания каких-либо природных образов, явлений в окружающем мире, только что увиденных. Сиюминутная мысль обычно не длинна и природный образ изображается краткими штрихами, деталями, чтобы сохранить свою «свежесть», «моментальность», поэтому их легко поместить в рамки миниатюры. Коми писатель в своих небольших по объёму произведениях чувствует поэзию пролетающих мгновений из жизни природы и схватывает их. Он подробно описывает флору, фауну, ландшафт, природно-климатические явления. Он утверждал в коми прозе жанр лирической миниатюры, обогатив его живописностью описаний. В каждой из чисталевских миниатюр свой мир красочных, зрительных и слуховых впечатлений и связанных с ними переживаний. Миниатюры коми писателя отличаются тонкими наблюдениями над малейшими переменами в состоянии природы в различное время года и суток. Многостороннее живописное воспроизведение окружающего мира в его творчестве осваивается в емкой, лаконичной, выразительной, экспрессивной форме миниатюры, подчеркивающей авторское осмысление сути явления.

Полнота изображения, объективность, «предметность», цветовая яркость, четкая пространственная перспектива, игра света – эти характерные черты пейзажных миниатюр автора, передающие его неповторимость и своеобразие. Коми писатель поэтизировал движение, у него вся природа полна движения, преобразования. Движение в природе мыслится им не как механическое

перемещение, изменение, а как взаимосвязь, взаимопереход явлений, переход одного качества в другое.

Миниатюры “Во гӱгӱр кытшовтӱм”, “Поводдя вежсигӱн”, “Тулыс воӱм”, «Арся лунӱ» являют собой типичную организацию описательной речи: последовательность, перечисление объектов наблюдения, смена форм движения, перемены состояния в природе. В них коми прозаик развернул автономные пейзажи, подобно панораме, с массой «предметов», эпитетов, перечислений, сравнений. В миниатюрах В.Т.Чисталева природа показана как «сочетание непредсказуемо возникших деталей», в «постоянно новых состояниях, которые она сама ежесекундно творит»¹⁸.

В жанре миниатюры автором предпочтение отдается миниатюрам-рассуждениям и миниатюрам описаниям. В некоторых из них присутствует лирический герой, думающий, размышляющий о природе, ее обитателях. Наряду с сочетанием рассуждения и описания применяется и «чистое» описание «Поводдя вежсигӱн».

¹ Коми советские писатели. Сыктывкар, 1968. С. 128.

² Вежев А.А. Становление и зарождение коми советской литературы. Сыктывкар, 1966. С. 22, 98.

³ Там же. С. 128.

⁵ Лыткина Л.В. Очерковая проза о коми зырянском крае первой половины XX века. Сыктывкар, 2000. С. 18-29.

⁶ Лисовская Г.К. Внутрижанровая типология коми советского рассказа 60-80-х годов // Жанровое развитие коми фольклора и литературы на современном этапе. Сыктывкар. 1988. С. 113-120. (Тр. Ин-та языка, литературы и истории КНЦ УрО АН СССР № 45).

⁷ Лисовская Г.К. Коми рассказ первой трети XX века (поэтика жанра) . Научные доклады. Вып. 365. Сыктывкар. 1995. С. 12-13.

⁸ Бальбууров Э.А. Поэтика лирической прозы. 1960-1970-е г. Новосибирск, 1985. С. 26.

⁹ Иссова Л.И. Жанр стихотворений в прозе в русской литературе (И.С.Тургенев, В.М.Гаршин, В.Г.Короленко, И.А.Бунин). АКД. Воронеж, 1969. С. 14-15.

¹⁰ Там же. С. 14-15.

¹¹ Тарасова С.В. Новый взгляд на малую прозу // Литературоведение. 2003. №.1. С. 11.

¹² Семенова С. Русская поэзия и проза 1920-1930-х гг. Поэтика – Видение мира - Философия. М, 2001. С. 431.

¹³ Краткая литературная энциклопедия. М. 2003. с. 527.

¹⁴ Миниатюра // БСЭ. 3-е издание. М. 1974. Т. 16. С. 286.

¹⁵ Новиков. В. Поэзия действительности // Знамя, 1966, № 4. С. 155.

¹⁸ Чудаков А.П. Мир Чехова. М., 1986. С. 154, 158.

ПАРНЯ В ГОРЫ ТЯНИ – РИСКНИ!

Не зря говорят: если человек талантлив, то это проявляется во многом. Наглядный пример тому – выпущенный известным сыктывкарским писателем и поэтом Сергеем Журавлевым «Путеводитель. Манарага (Альпинистские маршруты)».

Выбор темы книги не случаен. С. Журавлев – кандидат в мастера спорта и квалифицированный инструктор альпинизма, совершивший более двухсот восхождений на горные вершины. В свободное от работы время занимается с группами начинающих альпинистов Сыктывкара, а летом организует учебно-спортивные сборы и альпинистские экспедиции на Приполярный и Северный Урал.

Надо сказать, что многие жители нашей республики даже не подозревают, что в состав ее территории входит огромная и прекрасная горная страна, которая малоизвестна для путешественников и людей, увлеченных туризмом. А гора Манарага является своеобразной «Короной Урала», притягивающей к себе искателей экстремальных впечатлений. Здесь каждый может испытать себя и удовлетворить амбиции первопроходца и спортсмена.

С. Журавлев предлагает сделать Приполярный Урал своеобразным природным полигоном для развития альпинизма и описывает точные и выверенные маршруты, ориентированные на людей с различным опытом восхождения на вершины. Для каждого маршрута предложена наиболее безопасная схема его прохождения.

Следует напомнить, что еще в начале XX-го века известный исследователь нашего края Андрей Журавский писал о прекрасных перспективах развития индустрии отдыха на Приполярном Урале, сравнивая здешние ландшафты со Швейцарией. Но до сего времени идея «Северной Швейцарии» и «Печорских Альп» не нашла достойного воплощения.

Книга С. Журавлева – это несомненно новый шаг в направлении создания и развития разносторонней индустрии Республики Коми, в которой сфера отдыха и развлечений должна занять свое достойное место. Тем более, что наша территория имеет для этого все возможности.

РЕКА ПАМЯТИ

Коми республиканская типография выпустила в свет книгу Альберта Бернштейна «Аяч-яга - изобильная река времени», которая посвящена истории одной из угольных шахт Воркутинского района. Автор книги в течении 32 лет работал в комбинате «Воркутауголь», а ныне возглавляет горнорудный департамент Министерства промышленности и энергетики Республики Коми.

Казалось бы, об угольной отрасли нашей республики уже известно и написано многое, если не все – опубликованы десятки научных исследований, защищены диссертации, сняты фильмы. Да и газеты почти ежедневно доносят до читателей свежую информацию о положении дел в этой, когда-то всеми признаваемой героической, а ныне очень проблемной и непростой сфере деятельности.

И тем не менее, это уже третья книга А.Бернштейна, в которой основное внимание повествования обращено не на гигантский размахстроек социализма, не на производственные показатели и достижения предприятия, а на судьбы тех, кто лучшую часть своей жизни, а, порой, и всю жизнь отдали родной шахте.

Самое первое по хронологии упоминание о шахте «Аяч-Яга» относится к 1942 г., когда были проложены первые километры узкоколейного пути в район будущих площадок шахт № 12, 14 и 16. Они были объединены 30 июня 1947 г. в шахтоуправление № 2, названное впоследствии шахтой «Аяч-Яга». И если для всего человечества «вначале было Слово, и Слово было у Бога», то, как это было привычным на Воркуте, свидетельством о рождении шахты послужил приказ начальника комбината «Воркутауголь» МВД СССР, т.е. распоряжение всеильного тогда и вряд ли когда сотрущегося из памяти людей ГУЛАГа. Строительство и первые годы эксплуатации шахты осуществлялись силами заключенных, которых в 1948 г. в шахтоуправлении № 2 насчитывалось 3 967 человек. Территория была обнесена высоким забором из колючей проволоки со сторожевыми вышками по углам с вооруженной охраной и одной общей контрольно-пропускной вахтой... До боли знакомая картина: кому-то по личному опыту, кому-то по рассказам близких, кому-то по фильмам и книгам. Но об этом надо напоминать снова и снова, чтобы, как подчеркивает А.Бернштейн, личная трагедия сотен тысяч ни в чем неповинных людей снова не стала естественным образом жизни общества.

Сотни людей проходят перед глазами читателя. Кое о ком, как, например, о первом начальнике шахты А.Д.Фомичеве, сохранились лишь скудные строчки персонального дела. Другой руководитель запомнился анекдотическими ситуациями, в которые попадал из-за отсутствия соответствующего образования и опыта работы. Но имена В.Т.Прискоки, В.М.Бульбенко, К.А.Пластининой, Н.Л.Бегинина, А.А.Ларионова, П.И.Банина, Е.П.Лыкина, В.И.Сыроватко, В.Д.Гаргаева, В.И.Экгардта, Н.С.Жердева, А.Н.Сергиенко, в разное время возглавлявших «Аяч-Ягу», по праву занимают видное место в непростой истории освоения угольных богатств Заполярья и не отделимы от истории Воркуты. Однако большой заслугой автора книги является то, что, справедливо отдав дань заслугам «генералов» предприятия, он не меньше внимания уделил начальникам участков и служб шахты, потому что «как и в армии, от самостоятельной боевой единицы – участка – зависит достижение успеха всем коллективом».

Были в трудовом коллективе шахты «Аяч-Яга» и совершенно удивительные личности. Чего стоит хотя бы С.Х.Хусаинов, проработавший 46 лет на этом предприятии и ставший не только свидетелем, но фактически летописцем истории шахты. Именно на воспоминания этого беззаветно преданного «Аяч-Яге» человека во многом опирается в своей книге А.Бернштейн.

А, например, Ю.И.Калимов пришел на «Аяч-Ягу» в 1952 г. и был принят на высокую для начинающего инженера должность – помощником главного инженера. Через двадцать лет, защитив диссертацию, он стал первым в Воркуте доктором технических наук. Его научные работы определили новое техническое направление в угольной отрасли Печорского бассейна – создание системы дегазации, без которой достижение высоких нагрузок на забой просто невозможно.

Трагично сложилась жизнь И.А.Экгардта, одного из ветеранов «Аяч-Яги», все преступление которого в свое время было лишь в том, что он родился немцем. Но вот как он сам оценит прошлое, проживая ныне за рубежом: «Германия – чудная, сказочная, свободная, демократическая страна, родина моих

предков. А моя родина – это село Бекетное в Ростовской области. И главная родина – Воркута. Суровая, неласковая, несправедливая. И в то же время наполненная многими счастливыми событиями, свершениями, из которых и состоит человеческая жизнь. Конечно, Воркута была наказанием за преступления, которых мы, немцы, не делали. Но страдание возвышает. Оказавшись за колючей проволокой, мы не озлобились... Душой, сердцем, своими мыслями я навсегда связан с Воркутой, со своей родной шахтой «Аяч-Яга». Я живу одновременно как бы в двух измерениях: в чудесном немецком городе Стендаль, который все еще остается мне чужим, и в далекой заполярной Воркуте, бывшей моим наказанием за несуществующее преступление и моим счастьем, которое неожиданно-негаданно подарила мне судьба».

Необычно и в то же время весьма органично выглядит в книге А.Бернштейна глава, посвященная литературному творчеству бывших работников шахты «Аяч-Яга». Это тоже люди неординарные. Поэт В.Стрелков – фронтовик, агентурный разведчик в немецком тылу, член Союза писателей СССР – в свое время, будучи заключенным, работал проходчиком. Поэт В.Соколов, трудившийся в очистном забое, получил срок за «крамольные», по мнению прежней власти, стихи и кончил жизнь в Новошахтинской «психушке». Грузинский писатель Л.Готуа отбывал наказание на «Аяч-Яге» за отказ написать произведение, возвеличивающее историческую миссию Сталина. Член Союза журналистов СССР Л.Городин тоже не избежал шахтоуправления № 2 за свои «преступления». Хорошие рассказы писал и С.Хусаинов, о котором уже упоминалось выше.

В конце книги А.Бернштейна приведены списки ветеранов шахты «Аяч-Яга», трудовых династий, сложившихся на предприятии... Но есть и скорбный список тех, кто погиб в результате несчастного случая на производстве. В нем 59 фамилий – такова цена, которую запросил Север за свои кладовые.

Эта книга о ветеранах шахты «Аяч-яга». Но адресована она не только им, а, в первую очередь, их детям и внукам и, конечно, большинству из тех людей, кому черный пот адского подземного труда неведом. Трудом именно этих людей, и миллионов подобных им, было создано величие и могущество той державы, которой сейчас нет. И современная Россия еще очень много должна сделать, чтобы обрести былую мощь и влияние. Ветераны «Аяч-яги» своими героическими и трагическими судьбами, вознесенными и искалеченными непростым временем освоения северных кладовых, служили Родине. Служили повседневным, тяжелым, изнуряющим и захватывающим трудом, плодом которого был уголь – черное золото, давшее свет и тепло людям, служившее источником энергии для тысяч заводов и фабрик нашей страны.

«Не знаю, представляете ли Вы сами, что книга Ваша бесценна, - написала А.Бернштейну бывшая воркутянка Е.Хусаинова, проживающая ныне в Твери. – Вы провели титаническую работу, собрав столько материала, и ведь это не просто историческая справка, что можно часто встретить, в книге все живые люди... Первые страницы книги прочла с содроганием, с болью в сердце: ведь в 1957 году Воркута нас встретила колючей проволокой, бесчисленными лагерями. Колонны заключенных, сопровождаемые собаками, конвоирами встречались мне по дороге на работу каждое утро. Да, все это было. Может быть, потому Воркута была всегда городом прекрасных людей, бескорыстных, благородных, работающих, преданных. Я благодарна судьбе, что наша жизнь прошла там, в этом уникальном местечке на планете, где обрели верных друзей, где намного выше ценится

прекрасное, настоящее, непреходящее... У меня уже очередь прочесть книгу из родственников, друзей (бывших воркутян), так что уверена, что книга найдет признание и потребуются еще переиздание».

Без прошлого нет будущего. Точнее, у забывших прошлое не будет будущего. И книга А.Бернштейна, как река памяти, отразила на своих страницах судьбы сотен шахтеров, наших земляков, создавших индустриальную славу Республики Коми.

Помощь в издания книги оказало ОАО «Воркутауголь». Генеральный директор А.К.Логинов написал в предисловии: «Я считаю важной составляющей жизни нашего предприятия сохранение его исторического наследия, верность традициям. Думаю, что эта книга может побудить многих, в первую очередь, ветеранов, к написанию своей истории жизни, которая станет не только частью семейной хроники, но и частью истории угольной компании и города Воркуты».

Ирина ШАБУЛДАЕВА

БЕЛОРУССКИЙ СЛЕД НА СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛЕ

Пожалуй, редко мы - люди, жизнь которых стремительно протекает на родной земле, - задумываемся над тем, что значит для нас слово «Родина». А до конца понять его смысл нам выпадает только тогда, когда приходится расстаться с любимой сторонкой. Однако есть люди, которые при определённых обстоятельствах радикально меняют место жительства. Они обрастают корнями и самоотверженно работают на землях других народов. Для них особенно важно иметь хоть какую-то связь с Родиной, быть в курсе всех событий или просто иметь рядом человека, который мог бы разделить с ними их обострённое чувство любви к Отчизне. И так хочется им быть услышанными земляками, рассказать про то, что где-то далеко, за границами дорогой сердцу страны, они с гордостью отстаивают право зваться белорусами.

В этом году, благодаря авторам-составителям Аркадию Крупенько и Митрофану Курочкину, осуществилась надежда белорусов, которые живут в России. В Республике Коми увидела свет книга «След на северной земле». Она включает в себя разделы, объединённые общей темой: жизнь этнических белорусов за рубежом. Книга готовилась стараниями активистов национально-культурной автономии белорусов в Коми на общественных началах. Она представляет рассказ о представителях белорусской диаспоры, которые внесли значительный вклад в развитие экономики, образования и культуры Республики Коми.

Книга начинается повествованием о судьбах белорусов, сломанных жестокой машиной репрессий в двадцатые-тридцатые годы минувшего столетия. Тысячи наших соотечественников отбывали наказание вдали от родного края. Так, на коми землю были высланы один из организаторов и руководитель литературно-художественного объединения «Маладняк» Адам Бабареко, композитор Николай Клаус, медик Михаил Чехович...

Читая очерки, зарисовки, биографические справки о представителях белорусской диаспоры в разделах «След на северной земле» и «Это наша с тобой биография», невольно вглядываюсь в лица людей. Бегут буквы, строчки, страницы. И вдруг охватывает такое ощущение радости, будто с каждым знакома лично, вот

только давно не виделись. А чувство радости, гордости переполняет сердце, ибо Анатолий Дмитриевич Измалков – народный артист Республики Коми, Иван Семёнович Семёнов – Герой Социалистического Труда, Георгий Гаврилович Набокин и Пётр Николаевич Головачёв – заслуженные работники народного хозяйства Коми АССР, Мария Станиславовна Кутукова – отличник народного образования, Дмитрий Никифорович Татаринцов – заслуженный работник транспорта РФ, Вячеслав Андреевич Федорович – кандидат философских наук, Георгий Николаевич Вашкевич и Ярослав Георгиевич Карташевич – генералы и так далее.

Можно без конца перечислять достижения наших земляков, но следует отметить, что нет такой сферы деятельности в Республике Коми, где бы они не оставили свой след, заслуживая уважение своей работоспособностью, добросовестностью, задушевностью и, безусловно, талантом.

«Нам песня строить и жить помогает» - так оптимистично называется следующий раздел книги. Сразу же вспоминаются строчки из белорусской народной песни «Чаму мне не печь, чаму ж не дудзец, калі ў маёй хатацы парадак ідзець». Счастье, радость, красота, чувство человеческой годности требуют раздолья для души, а его можно найти только в песне, пронесённой народом через столетия. Уже на первом заседании Совета национальной автономии было решено организовать коллектив художественной самодеятельности «Беларусь», у истоков которого стояли Валентина Москаленко, Лидия Крупенько, Надежда Лосева, Алла Добровольская и другие. За время своего существования коллектив стал постоянным участником мероприятий республиканского масштаба и был награждён многими почётными грамотами, дипломами. Следует отметить, что коллектив объединил белорусов Коми. В его составе есть врачи, учителя, агрономы, экономисты, строители...

Далеко от Родины очень важно знать, что рядом есть надёжная рука друга. Поддержку и взаимопонимание белорусы нашли в лицах Владимира Муляка, Евгения Лескина, Андрея Канева, Дарьи Игнатовой, Петра Малафеева и других. Именно потому им посвящён раздел «Сябры белорусской автономии».

Завершает книгу раздел «Когда нас муза посетила». В нём представлены авторы прозаических и поэтических произведений не только представителей белорусской диаспоры, но и её друзей. Стихи Ивана Пехтерева, Андрея Канева, Нины Пундиковой, Митрофана Курочкина, Ольги Дриндрожик, Светланы Кравцовой трогают до глубины души своей искренней любовью к Беларуси, непреодолимым притяжением до родных корней, несмотря на огромные расстояния и время. Жизненным лиризмом насыщен рассказ Тамары Курочкиной «Доброта», который впечатлил и многих читателей «ГР» (№ 34-35, 2005). Названы далеко не все произведения, помещенные в этом разделе. Здесь можно прочитать ещё и юморески, новеллы, забавные случаи из жизни, басни, стихи для детей и другое. Радует, что талант наших земляков многогранен.

*(«Голас Радзімы», 2006, №27-28, с.12 (на белорусском языке).
Международная газета для белорусов-соотечественников зарубежья.
Распространяется в 52 странах мира)*

Перевёл с белорусского Митрофан КУРОЧКИН

БОРИС ЛЕВЯТОВ-СЕЛИВЕРСТОВ

*Меня твои тревожат дни,
Я в жизнь пришёл твоей дорогой,
Страна, распятая людьми
И возвеличенная Богом*

Б. Левятов-Селиверстов

Если бы меня спросили, кто является твоим лучшим другом и кто оказал на тебя самое большое влияние, то я, не задумываясь, ответил бы : Борис Левятов-Селиверстов, поэт из Москвы.

Судьба занесла нас в один и тот же Интинский строгорезимный лагерь № 6. И юность была искалечена одной и той же политической системой.

Помню, придя с работы и подойдя к спасительной жарко горящей печке, и приложив ладони к горячим кирпичам, он прочёл полупрошепотом только что сочинённые стихотворные строчки:

Мы оба страдаем в болотах Инты
По нашим неверным невестам.
И оба узнали, и я, брат, и ты,
Своё настоящее место.

Писать о друзьях-товарищах всегда сложно, тем более, нам тогда было чуть больше двадцати лет, и никто ещё существенного ничего не успел совершить в жизни. В течение пяти лет мы с Левятовым находились в одном и том же бараке "Минерального лагеря". В нас было много общего и, в то же время, разного, непохожего.

Юность Борис провёл в столице, где было больше возможности приобщаться к культуре, а я - в рабочем посёлке, где, помню, немецкий язык нам преподавала старушенция, кругозор которой на родном языке желал бы лучшего.

Столь длительную дружбу могу объяснить лишь одинаковыми уровнями человечности, а в условиях лагеря это весьма и весьма значимая вещь. Лагерь для любого - это всегда жесточайшее испытание на прочность его нравственности и совести. За колючей проволокой нельзя играть роль жизни /так бы я сказал/, там всё искусственное быстро сдувается ветрами Севера и человек становится таким, какой он есть на самом деле. Мы оба выдержали удары системы и можем смело смотреть в глаза каждому и в целом всему XXI веку.

Вероятно, именно этот комплекс всех обстоятельств заставил Бориса в книге "Инталия" (каламбур на слово "Италия") написать в мой адрес признательное: "Моим первейшим другом по лагерю был бывший офицер-артиллерист Павел Почиталин..."

А теперь о поэте и прозаике более конкретно.

Борис Самуилович Левятов-Селиверстов родился 31 октября 1927 года в Москве, в журналистской семье. Его родителями были : Самуил Моисеевич Левятов, приехавший в Москву из Украины, а мать, Елизавета Ивановна Селиверстова, была родом из Рязска, что на Рязанщине.

Мать одно время работала редактором многотиражки в Большом театре. Вероятно, отсюда он на всю жизнь стал большим поклонником музыкального искусства.

Поначалу казалось, ничто не предвещало в задумчиво-мечтательном мальчике, написавшем в одиннадцать лет своё первое стихотворение, будущего бунтаря и "государственного преступника". Но так, по сути, и получилось: в неполные двадцать лет он был арестован и помещён в Бутырскую тюрьму за "участие в создании контрреволюционной организации", а потом отправлен в строгорегимный лагерь в Инту.

В Москву вернулся лишь в 1956 году. Окончил историко-филологический факультет Московского педагогического института, после чего несколько лет преподавал в школе русский язык и литературу. Позже перешёл на работу в издательство "Медицина" на должность литературного редактора.

К поэзии Левятов-Селиверстов приобщился весьма рано: в школьные годы он уже писал серьёзные вещи. И так же рано сделал для себя открытие : оказывается, поэзия это не только Пушкин, Лермонтов, в крайнем случае, Блок-Есенин-Маяковский, но и Ахматова, Гумилёв, Пастернак...

В лагере Борис пользовался всеобщим признанием, известный драматург Алексей Каплер (он тоже жил в "нашем" бараке) называл его "кимвалом звучащим". Он, кстати, испробовал все стихотворные формы, включая редкий сонет. Он быстро выработал свой поэтический стиль, отличающийся образностью и какой-то удивительной ясностью и трезвостью в оценке всех событий и явлений.

Обнаруживаю важную закономерность: почти все поэты не могли миновать образ матери. Мать он любил нежно и трепетно:

Мама скорбная, ты не гляди на дверь,
Это сын чужой стоит за дверью...
Не верь, пожалуйста, не верь
Ни родным, ни суеверьям.
Сны и люди могут обмануть,
Душу одурманить сладкой ложью...
Только я один свой знаю путь -

Путь к тебе по бездорожью. Одна из главных черт поэзии Левятова-Селиверстова - это глубочайший психологизм : он страстно защищал идею нравственного достоинства человека, и некоторые его стихи несут в себе неистребимый протест против несправедливости :

О Север, чёрный враг ! Как бледен я, как бледен!
Но вы ещё бледней, холодные снега.
Нас мрак уводит прочь. Мрак ужасов. Мы бредим.

Как будто вдаль плывут родные берега... В одном из стихов поэт горестно восклицает:

Сброшены колокола медные,
Колокола под арест!
И рядом со звездой победною
Я вижу поникший крест.
Чей этот лик там белый?
Согбенная чья-то спина...
Эй, выходи, кто смелый !
Распятого распинать !
Эй, выходи, кто смелый !
Распята Русь на звезде.
Вбей в неё доблестно и умело

Ещё пару ржавых гвоздей. Немногим вот так удаётся строить единый и многоплановый образ России, её многострадальную историю, как это делает Левятов-Селиверстов:

Говорят, что рвали ноздри, били плетью.
Стало Родине .терпеть невмочь.
И от нетерпения столетье
Чёрное воздвигли, словно ночь.
Ночь вокруг. В груди как будто полночь.
О, заря, октябрьская заря,
Та, что бедным посулила помощь,
Ты была вечернею не зря.

Все стихи, мной процитированные, написаны поэтом в разные годы. В 2001 году в издательстве "Лири" вышел его первый роман "Пора любви" на 388 страницах. Роман автобиографического характера, весьма многогранен, с философскими вкраплениями. Много сюжетных ответвлений, автор как будто спешит рассказать читателю обо всём, что накопила память за долгие годы. В итоге роман запечатлел не только жизнь самого автора, но и жизнь всего общества.

Герцен, как-то, размышляя, сказал: "Мы, писатели, не врачи, мы боль!" Писатель Левятов-Селиверстов ещё раз напомнил людям о тех физических и нравственных проблемах, в которых совсем недавно корчилась страна. На суть происходившего он смотрел как бы изнутри и, рассказывая об этом, он одновременно втягивает читателя в некий творческий процесс, и возникает вывод : так, как мы жили, дальше жить нельзя !

По этому поводу хочется рассказать такой эпизод : как-то мы с женой приехали на квартиру Левятовых в самый обед. Пока наши жёны хлопотали на кухне, мы с удовольствием обсуждали будущий роман писателя. Писал он его, по его же словам, очень долго, многие места не раз переписывал. И сразу перешли к вопросу о непотребных словечках : употреблять их или обойтись без них ?

- Обязательно употреблять! - отозвался Борис, - как можно игнорировать целый пласт народной культуры? Без них жизнь лагерей будет неполной и искаженной...

В какой-то миг он подошёл к книжной полке и взял толстенный фолиант в твёрдом переплёте:

- Вот он, великий и могучий. Читать - одна стыдобушка! Передо мной была только что отпечатанная книга с образцами полновесного русского мата, аккуратно собранного исследователями русского языка. И здесь я вспомнил свой родной московский университет имени Ломоносова, где профессор толковал нам, будущим историкам, о проблемах возникновения русского мата. Кое-что осталось в памяти...

Оказывается, в Древней Руси самым ругательным словом было слово "пахать". За это слово тогда могли здорово побить, да так, что рёбер не досчитаешься. Потом это слово постепенно вошло в обиход крестьянина и стало означать вспашку полей обыкновенной сохой. Вот какие могут быть метаморфозы... В годы татарского господства на Руси (правильнее, монгольского) пришельцы из далёких восточных степей подбросили нам хлёсткое выражение из трёх букв. Это мы, русичи, втиснули в эти три буквы известную часть мужской физиологии, а у монголов этим словом обозначали красивую русичку с длиной косой, и только!

Нужно сказать, что роман Левятова вряд ли мог обойтись без лагерных фольклорных словечек. Вмонтированные в современную словесную ткань, они

создают ту лагерную атмосферу, без которой вряд ли можно обойтись. Должен заметить, в быту писатель всегда, насколько я знаю, был весьма скромен и чистоту русского языка он всегда ценил. Лично меня новая книга писателя привлекает ещё и тем, что на её страницах я находил немало строк, посвященных мне, как другу, и тем событиям, в которых я был каким-то образом замешан. Естественно, писатель избегает называть фамилии, так, как они есть, и в этом его право.

На обложке дарственного экземпляра он по этому поводу написал мне такие слова: "Дорогой друг! Тебе от меня на память о прожитом. Не ищи здесь прототипов. Людей здесь, в основном, выдумывал факты - нет..."

В заключение хотел бы сказать: всю свою сознательную жизнь писатель посвятил бесконечной драме человеческого бытия. Его искусство всегда сопротивлялось вольному или невольному упрощению человеческих отношений. Силой таланта он заставлял своих героев говорить только правду, хорошую или плохую, но правду.

10 сентября 2001 года неожиданно зазвонил телефон. Беру трубку

- Вас вызывает Москва!

Слышу взволнованный голос Люды - жены писателя:

- Здравствуй, Павел... погиб Боря... и я хотела, чтобы ты приехал на похороны...

Судьба есть судьба. Она может приносить всякие неожиданности. Борис, как всегда, о чём-то думающий, шёл вблизи своего дома по тротуару в магазин, который расположен в сотне метров. За хлебом! И тут выскочила машина...

В течение каких-то секунд передо мной промелькнула жизнь поэта, писателя, мыслителя. Я слышал лишь биение своего сердца...

О Ч Е Р К И

Николай СУРКОВ

ОН БРАЛ ШТУРМОМ КРЕПОСТЬ КАРС

В Национальном архиве Республики Коми хранится уникальный в своем роде документ. Приведем его содержание полностью.

1886 года июля 31 дня, я нижеподписавшийся запасный рядовой Давид Андреев Овчинников, проживающий в дер. Ивановской Ношульской волости, дал эту подписку господину приставу 1 стана Устьсысольского уезда в том, что предписание Устьсысольского уездного полицейского управления от 30 июня за № 231 мне объявлено и светло-бронзовую медаль «За взятие штурмом крепости Карс» при сем представляю.

Рядовой Давид Овчинников.

Пристав 1 стана Усть-Сысольского уезда В.Попов 1.

Появлению этого документа предшествовало отношение командира 4 гренадерского Несвижского полка от 19 июня 1886 года в адрес уездного полицейского управления об изъятии указанной медали у солдата Давида Овчинникова, а взамен ему высылалась серебряная медаль.

Полицейское управление поручило выполнить эту функцию приставу 1 стана, который позднее доложил начальству об успешном выполнении задания.

Давид Андреевич Овчинников участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Кавказе, где находилась русская армия, насчитывавшая свыше 100 тыс. человек с 276 орудиями. Но более трети войск было разбросано в нескольких

населенных пунктах для усмирения восстаний. Непосредственно в военных действиях участвовал корпус (60 тыс. человек) во главе с генералом Лорис-Меликовым.

Первые сражения складывались для русских успешно. Штурмом овладели крепостью Ардаган, заняли Баязет, осадили Карс. Но успех развить не удалось. Русские военачальники допустили медлительность, что позволило неприятелю подтянуть подкрепления. Осаду Карса пришлось снять.

Новое наступление на Карс предприняли в октябре 1877 года. Заметную роль в подготовке наступления сыграли начальник штаба Кавказской армии генерал Н.Н.Обручев и командир одного из отрядов генерал А.Н.Лазарев. Под его командой был и 4 гренадерский Несвижский полк, в котором служил рядовой солдат из Коми края Давид Овчинников.

Крепость Карс была хорошо укреплена. Этому способствовало отсутствие удобной артиллерийской позиции для атакующих. Форты взаимно оборонялись, был широкий обстрел перед ними. Гарнизон крепости насчитывал 30 тыс. чел. со 122 орудиями³. Некоторые иностранные военные считали крепость Карс неприступной. Так, французский генерал де Курси, покидая Кавказ, говорил русскому командующему: «Я видел карские форты, и одно, что я могу посоветовать, - это не атаковать их, на это нет никаких человеческих сил. Ваши войска так хороши, что они пойдут на эти неприступные скалы, но вы положите их всех до единого и не возьмете ни одного форта».

Но русские военачальники все же приняли решение штурмовать крепость притом не днем, а в ночное время. В войсках распространили инструкции с особенностями боя в ночных условиях. Особо стремились сохранить военную тайну. Для того, чтобы усыпить бдительность противника, сформировали команды, которые по ночам нападали на аванпосты турецких войск и поднимали тревогу в гарнизоне. Турки свыклись с постоянными набегами русских и ограничились только стрельбой дежурных команд.

К штурму подготовились заранее. Изготовили штурмовые лестницы. Офицеров снабдили чертежами укреплений. Распространили слух, что штурм начнется утром 18 ноября, а начали его в 20 часов 17 ноября.

В местах сбора войск запретили зажигать огни, подавать какие-либо звуковые сигналы.

Во всех приготовлениях к штурму участвовал Давид Овчинников, но, как и его однополчане, он не знал точной даты и времени наступления, так как солдатам начало операции не сообщали. Кстати, заметим исходя из выявленных на настоящее время документов Национального архива РК, Давид Андреевич Овчинников единственный солдат из Коми края, участвовавший во взятии штурмом крепости Карс.

Большую помощь атакующим оказали проводники-армяне, указавшие русским войскам пути к фортам крепости, которую штурмовали семью колоннами одновременно со всех сторон.

При штурме Карса проявились боевые качества русских солдат и офицеров, их самоотверженность, инициатива, мужество, взаимная выручка в критических ситуациях боя, упорство в достижении цели. Один участник штурма позднее писал: «Солдаты лезли на бруствер, цепляясь друг за друга, втыкая штыки в

бруствер, подставляя плечи друг другу... но лезли вперед». Так вел себя и отважный солдат Давид Овчинников.

В итоге осажденные не смогли сдержать натиск наступающих, Сдались около 18 тыс. турецких солдат и офицеров. На поле боя похоронили 2500 солдат противника, а госпиталях находилось 4,5 тыс. турок. Потери русских составили: убитыми – один генерал, 17 офицеров и 470 солдат; ранеными – 77 офицеров и 2196 солдат. Давида Овчинникова судьба хранила. Он остался жив после такого ожесточенного сражения, притом даже не был ранен.

События на Кавказе в период русско-турецкой войны 1877-1878 годов, в которых участвовал мужественный солдат из Коми края Давид Овчинников, не были определяющими. Но эти сражения все же сковали часть турецких войск и способствовали более успешному развитию событий на Балканском полуострове и ускорили поражение Турции на главном направлении и в конечном итоге приблизили освобождение братского болгарского народа от многовекового турецкого ига.

Оставшихся в живых солдат, среди которых был Давид Овчинников, наградили светло-бронзовыми медалями «За взятие штурмом крепости Карс». Но спустя почти девять лет русское правительство вернулось к этому славному событию и, видимо, решило особо выделить доблесть своих солдат. Результатом этого явилось награждение более значимой – серебряной медалью, которую заслуженный воин Давид Андреевич Овчинников носил до конца своей жизни.

Альберт БЕРНШТЕЙН

ВОСТОРЖЕННЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ

(журнальный вариант)

С душевным трепетом и любовью начинаю рассказ об удивительном человеке, которого по праву можно назвать восторженным Летописцем или аяч-ягинским Нестором и без которого книга об этой шахте едва ли могла появиться на свет. Этот человек — Хусаинов Саян Хаметович, чей производственный стаж на Аяч-Яге начался летом 1957 года, а закончился весной 2003 года.

Сорок шесть лет на одном предприятии!

В 1957 году история шахты насчитывала всего десять лет, и большинство работающих на ней были у истоков ее биографии и являлись коллегами Саяна Хаметовича, его друзьями и товарищами. А последующие четыре с половиной десятилетия Хусаинов С.Х. был непосредственным участником, свидетелем и фиксатором этой истории. Причем, участником активным, беззаветно любящим свое предприятие, свою профессию и своих коллег.

— Хусаинов — необыкновенный человек, — вспоминает о нем его коллега Волобуев, — интеллигентный, эрудированный, тактичный. Я бы сказал о нем: идеальный человек. Когда мы провожали его, он сказал: «Никто не говорил вам об этом, а я хочу сказать, что вы все – красивые люди. Посмотрите на себя внимательно, и вы увидите это. Я на пенсии хочу нарисовать ваши портреты, у меня для этого теперь будет много времени». Саян Хаметович говорил это искренне, он просто иначе не умел.

Рассказывая о начальниках участков, он давал всем исключительно положительные характеристики, умея в каждом из них найти только положительные черты и интересные поступки. А ведь таких характеристик было несколько десятков. Поразительно качество — умение в человеке видеть только хорошее. Он словно был «заряжен» восторженным восприятием каждого человека, каждого события, каждого явления. Один из руководителей шахты сказал о нем: «Он был светлый человек, доброжелательный, любящий людей. Он ни о ком не мог сказать плохо. И его все любили». А о его профессиональных качествах: «Как специалист он был на своем месте; техническая документация, которую он готовил, была всегда безупречна». И совсем не потому, думаю, что он был грамотным и исполнительным. Нет, он был идеальным специалистом. Впрочем, уверен, что он и любую другую работу выполнял бы так же идеально.

Предваряя свои записи о коллегах, Саян Хаметович размышляет:

«Проходят чередой в мыслях годы, события, беспокойное угольное хозяйство, бесконечные поиски, находки, неудачи, минуты торжественных встреч в залах предприятия по праздникам, и непременно слышишь мягкий шелест-шумок круглосуточного угольного «ручья» из железнодорожного бункера шахты.

И всякий раз, как утешение, как награда, как тихая радость, легко и непринужденно приходят на память образы простых людей, скромных тружеников, которые, не требуя многого для себя, изо дня в день добросовестно вкладывают свой большой опыт, свои знания в свой любимый труд.

В душе каждого из них заложена глубокая философия обязанностей человека на земле. Для них совсем не важно, где и какую работу выполняет человек-труженик. Их кредо — как наилучшим образом выполнить свою работу, чтоб никто и никогда, в том числе и сам, не мог упрекнуть тебя.

С ними легко вести деловой разговор, нетрудно придти к общему мнению. Они, как правило, много лет работают на одном участке, цехе, коллективе, любят и уважают свою профессию.

Как же приятно осознавать, что такие люди были и есть в трудовом коллективе шахты «Аяч-Яга».

Но нельзя забывать и о том, что труд этих людей был всегда организован неординарными людьми, личностями-руководителями участков, служб, цехов.

И, конечно, мне хочется сказать несколько слов о каждом из них отдельно.

Наиболее выпукла и трогательнее осязаема сердцем память, которая хранит более яркие впечатления о первых годах работы на шахте, о людях, среди которых я начинал свою трудовую биографию.

Непросто сказать какое-то слово с высоты нескольких десятков лет о своих соратниках — начальниках участков, руководителях служб, проработавших в разные годы разное количество лет на шахте.

Многие из них остались в памяти, и всякий раз воспоминания о них непременно приводят к размышлениям, в которых образы этих людей по-разному, каждый со своей «изюминкой», вписываются в трудовую жизнь коллектива своего участка, своей службы и всей шахты, и это все на фоне того, что сама шахта обретала, утрачивала и вновь обретала и ценность свою, и приоритеты в течение последних 40 лет уже прошлого XX века, века крутого, неповторимого, величественного, дерзновенного.

Что было, то было. В мои трудовые годы на шахте процветала партийная организация, да и на каждом участке действовала участковая парторганизация.

Ах, какие были в те далекие годы знатные партийцы-горнорабочие на добычных и подготовительных участках!

Парторганизация шахты особенно повысила свой авторитет и свою значимость в годы работы на шахте моего друга детства — Будзиаловского Аркадия Владимировича в должности парторга с 1965 по 1975 год.

Именно в эти годы шахта как производственная единица несколько раз продлевала срок службы, проведя несколько больших реконструкций, усовершенствовала технологию добычи угля и проведения горных выработок, и сама в целом обновилась, технически перевооружилась, но нельзя забывать и о том, что шахта до 1975 года, в основном, оставалась «деревянной», имея общую протяженность горных выработок около 80 километров.

Вот кратко главные штрихи условий горячих шахтерских буден, трудовых недель, месяцев, лет, в которых трудились мои соратники, друзья, товарищи».

Ни одного слова я не поменял в авторском тексте, который написан человеком явно с душою поэта, а в поэзию вторгаться не следует...

... Хусаинов Саян Хаметович родился 12 мая 1933 года в селе Красное озеро Ужурского района Красноярского края третьим ребенком в многодетной семье. Его отец Хамет Ахметович в 1917 году окончил Троицкую духовную семинарию и, возможно, пошел бы по стопам своего отца, который был Башкирским архиепископом (по словам самого Саяна Хаметовича). Но советская власть распорядилась иначе: религиозная семья в середине 20-х годов была выслана в Сибирь, где глава семейства, владеющий восемью языками, стал работать в начальной школе преподавателем, а затем и ее директором. Мать — казанская татарка, Софья Константиновна, занималась домашним хозяйством и воспитывала пятерых детей.

Отец много раз обращался к властям с просьбой о разрешении вернуться в Башкирию, на родину, но всегда получал отказ. Так семья оставалась жить в Хакасии, откуда в 1941 году отец ушел на войну и через два года погиб. Как удалось маленькой хрупкой женщине, матери Саяна в годы войны поднять пятерых детей — это за пределами человеческих возможностей. В свое время она окончила четыре класса татарской школы, а потом еще четыре класса —русской. Этого было достаточно для того времени, чтобы преподавать в сельской начальной школе.

Саян во время войны не учился. Школа была за три километра в соседнем селе, а одежды для того, чтобы посещать ее, не было. Уже после войны он пошел сразу в пятый класс, а седьмой класс окончил уже 17-летним парнем. Отец Саяна, будучи по образованию муллой, никогда дома не говорил на религиозные темы: религия в стране была под запретом. А вот на философские темы он часто беседовал с детьми; скорее всего, это была своеобразная форма образования и развития. В доме хранился старинный Коран необыкновенной красоты, и во время войны мать, зная арабский язык, часто по ночам читала его. Саян очень сожалел, что судьба этой уникальной книги ему неизвестна.

Смею предположить, что первоначальное домашнее образование Саян Хаметович получил не только из философских бесед с отцом, но и обращаясь к Корану. Достаточно беглого взгляда на написанное Саяном, и сразу обращаешь

внимание на своеобразие его почерка, удивительным образом напоминающим замысловатую вязь арабского письма.

Философские беседы отца, сказки, которые он мог рассказывать часами, и невозможность посещать школу со сверстниками сформировали непреодолимое стремление к учебе. После окончания семилетки перед юношей стоял выбор: педагогическое училище (учительский пример родителей в сочетании с собственным желанием) или горный техникум, где платили большую стипендию. По понятным причинам победила стипендия. Было у Саяна еще одно влечение: он хотел и умел рисовать. Но едва ли в то время в глухом селе кто-либо смог подсказать, как это влечение преобразовать в профессию, которая могла бы обеспечить сносное существование. И только годы жизни подтвердили, что это влечение не просто хобби, а настоящая страсть, которая позволила довести мастерство художника до высокого профессионализма. (Забегая вперед, скажу, что Саяну Хаметовичу уже в зрелые удалось годы реализовать свою мечту: он выполнил с поразительной точностью в натуральную величину копии портретов двух самых загадочных женщин — Моны Лизы и Лопухиной. «Какое величие, какой взгляд, — восхищался Хусаинов. — И главная загадка этих портретов — полуулыбка»).

... Итак, черногорский горный техникум, хорошая стипендия, а со второго семестра первого курса и до окончания учебы — повышенная стипендия. На четвертом курсе — вынужденный перерыв: три года службы в армии в Забайкалье, станция Домна под Читой. Возвращение в техникум и «красный» диплом. Три события свершились практически одновременно летом 1957 года: получение «красного» диплома, женитьба, направление и отъезд в Воркуту. Следует заметить, что от момента поступления в техникум до получения диплома прошло семь лет, от знакомства с будущей супругой Катей до женитьбы — пять лет, а стремление убежать от бедности в денежную Воркуту, наверное, формировалось все предшествующие годы с самого детства.

Саян Хаметович вспоминает объемы своего семейного багажа, с которым молодая семья приехала в Воркуту: «У меня в кармане: «красный» диплом горного техника, комсомольский билет, направление Министерства угольной промышленности СССР в Воркуту. У Екатерины Тимофеевны: «красный» диплом учительницы младших классов, свидетельство о браке, комсомольский билет, студенческий билет заочного отделения Абаканского педагогического института, трудовая книжка с 4-летним стажем работы в школе.

Так начиналась наша прекрасная, незабываемая, 46-летняя трудовая и семейная Воркутиана. Как молоды мы были, как верили в себя. Мы, коренные сибиряки, решили осваивать Заполярье. И освоили ведь».

Как видно из перечислений объема багажа, Екатерина Тимофеевна была куда богаче. У нее была еще и ножная швейная машинка, а это, вообще, предмет роскоши в то время, который соизмерим, может быть, в наше время с личной яхтой. В конце июля 1957 года Саян Хаметович приступил к работе в качестве горного мастера добычного участка. А его супруге пришлось побегать, пока она нашла работу: ей дали вести первый класс в школе № 22 на поселке «Аяч-Яга», в которой через четыре года она стала директором. Потом долгие годы она работала завучем школы № 42 на поселке «Северном».

А начиналась эта самая «прекрасная, незабываемая» жизнь, по словам Саяна Хаметовича, нелегко. Единственная на шахте № 14 лава была длиной триста метров, пласт меньше метра, рабочая смена — 8 часов, непосредственно в лаве. Для этого надо было находиться на шахте 12-13 часов в сутки, а зачастую и того больше. В половине шестого утра приходилось идти на работу, если в семь вечера удавалось вернуться домой, значит, рабочий день прошел благополучно. Лавы отработывали буровзрывным способом: электросверло и врубовая машина — вот и вся механизация. Все остальное — вручную. В бригаде 28 рабочих, из них 18 заключенных с большими сроками, до 25 лет, остальные 10 — вольнонаемные. Все заключенные числились убийцами, но был там разный народ: «лесные братья» из Прибалтики, «бендеровцы» из Украины, несколько кавказцев. Кто за что сидел — не обсуждалось. Да и не положено. Но народ, в основном, озлобленный, опасный.

«Были крутые моменты. Однажды в лаве мне досталось кувалдой по голове, — рассказывал Саян Хаметович, — спасла шахтерская каска. В другой раз кавказец Бокаев запустил в меня лопатой. Попал бы — тяжелой травмы не избежать. Был у меня в бригаде и такой «убийца» Ваня Замуруев. Он мне говорил:

— Ты, гражданин начальник, в течение смены в мой забой не заходи. Знай, у меня всегда будет порядок.

И, действительно, работал образцово. И еще всю смену поет».

После выезда из шахты — отчет в спецовке перед главным инженером. И это после того, как раз двадцать в лаве прополз вверх-вниз. Если что-то главному не понравилось, то может и обратно в шахту отправить. После бани — закрытие нарядов.

«Поздно вечером приходил домой, жена кормила горячим супом. Это был единственный в течение суток прием горячей пищи. Я ложился и отключался до утра. Уставал неимоверно», — так вспоминает Саян Хаметович рабочий режим того времени.

В одном из писем Хусаинова С.Х. несколько страниц посвящено супруге Екатерине Тимофеевне.

«В первые годы жизни в Заполярье, работая на шахте при 8-часовом рабочем дне в рядах младшего горнадзора, работе отдавалось ежедневно 11-12 часов, из оставшихся часов 9-10 отнимал отдых. И образ жизни в кругу семьи складывался так, что львиная доля забот ложилась на плечи жены. Нечастые возможности сделать что-либо по дому для семьи общую совокупность забот о семье почти не уменьшали. Так и повелось, что забота о детях и о доме на 90% всегда была заботой жены.

Тяжело ей было, но она никогда не жаловалась, терпеливо несла ношу завуча школы (около ста учителей и 1200 учеников) и в семье. Ее золотой характер для семьи, да и в школе был всегда божественным даром.

Есть у Екатерины Тимофеевны одна завидная грань характера — красивое умение реагировать на события, известия, поступки окружающих — это совершенно спокойное восприятие известия о случившемся, а, выслушав, еще некоторое время помолчать, причем, чем круче и поразительнее событие, тем глубже ее спокойствие и осмысление. И еще более ценный дар ее разума — это быстро и обязательно найти самое правильное, как отреагировать, что сделать, как поступить.

И вывод я давно сделал один: Екатерина Тимофеевна педагог, учитель и человек от Бога. Очень тепло всегда и благодарно отзывается о директоре педучилища, которое она закончила — главному он ее научил — умению слушать людей умом и сердцем.

У меня же характер — полная противоположность, и вывод я давно сделал второй: все, что мне удалось в жизни сделать хорошего, только благодаря ее золотому характеру. Проработать на шахте после выхода на заслуженный отдых дополнительно еще 18 лет я смог только потому, что за моими плечами всегда была моя жена, моя Екатерина Тимофеевна».

Эти строки вполне можно назвать гимном любимой жене, заботливой матери. Но она еще и руководитель большого педагогического коллектива, отмеченная званиями «Отличника народного просвещения» и «Заслуженного учителя Республики Коми».

В наших долгих беседах с Саяном Хаметовичем он однажды спросил меня:

— Хотите, я расскажу один трагикомический случай, который произошел со мной в лаве?

— Конечно, хочу, — я почувствовал, что этот случай какой-то особый, и Саяну Хаметовичу остро необходимо с кем-то поделиться этим.

— А случай был такой, — начал рассказ Саян Хаметович. Было заметно, что он внутренне напрягся. — В конце 50-х поступил к нам в лаву первый комбайн «Донбасс» с захватом 1,8 метра, при работе за ним по почве тащился грузик. Мы долго с этим комбайном мучались при внедрении, пока не научились оставлять за комбайном «пачку» угля, чтобы удержатъ ложную кровлю, которая была мощностью около одного метра. Никаких бутовых полос за лавой мы уже не выкладывали, так как негде было взять породу. Так и висела кровля за лавой на деревянных стойках.

Саян Хаметович сделал небольшую паузу, словно собираясь с мыслями. Карандаш, который он держал в руке, слегка подрагивал, выдавая волнение рассказчика.

— И вот однажды в середине очередной смены я вдруг заметил, что в лаве появилось какое-то марево, слегка заметное в свете шахтерской лампы. Казалось, что в воздухе висит какая-то очень тонкая пыль, словно туман. Я не могу понять, что это такое. Смотрю, кровля стоит нормально, на крепление тоже признаков усиления давления не видно. Никакого шума, треска не слышно. А все непонятное вызывает страх. А в шахте особенно. И я интуитивно принимаю решение вывести людей из забоя. Бегу вверх по лаве к комбайну и приказываю бригадиру всех выводить из лавы. Потом бегу вниз, там тоже люди работали, и вывожу людей на штрек. А всего в лаве вместе со мной 29 человек. Как только вывели людей, лава полностью завалилась. Кровлю обрезало по самой забой. А в районе комбайна закол кровли ушел дальше в массив за линию забоя. Как говорят горняки, лава «села по-черному». Сижу на штреке, дрожь во всем теле. Такое потрясение. Промедли я несколько минут, и почти три десятка шахтеров были бы погребены заживо. Потом, когда я убедился, что все люди целы, слегка успокоился и звоню диспетчеру: «Я завалил лаву». Завал был такой мощный, что разобрать его не удалось, и пришлось проходить новую разрезную печь через пятьдесят метров.

Я не очень понял, в чем комизм этой истории, которая вполне могла завершиться большой трагедией. Может быть, в том, что горному мастеру, у

которого произошел завал лавы, даже выговор не объявили. Хотя, как правило, в подобных случаях всегда находили «крайних» — горного мастера и начальника участка.

— А паспорт крепления у вас строго соблюдался? — я счел нужным задать такой профессиональный вопрос.

— Не знаю. Я этот паспорт на потертом клочке бумаги видел однажды у начальника участка, он носил его в кармане спецовки. В то время этого было достаточно.

В этом определенный комизм ситуации тоже есть.

— Позже, работая в техническом отделе шахты, я старался, чтобы паспорт был простым и понятным каждому рабочему.

... В середине 1964 года Хусаинов Саян Хаметович назначается старшим инженером технического отдела шахты «Аяч-Яга» и почти сорок лет занимается разработкой технической документации. Подводя итог своей работы на этом поприще, в одном из писем мне он написал: «За годы, начиная с 1964 года и по 2003 год, коллективом шахты «Аяч-Яга» подготовлено и отработано 100 выемочных полей. Добыча угля за эти годы составила 26 млн. тонн, и если учесть, что шахта всегда отработывала маломощные пласты, то добыча эта представляется внушительной. Мне иногда кажется, что я все-таки сумел в жизни сделать одно хорошее дело: какая уж есть, в этой цифре и моя лепта — и это главное дело моей жизни».

Сказано хорошо. Но едва ли в итоге жизни только работа, даже сделанная профессионально и с любовью.

Прекрасная семья, дети, увлечение живописью, музыкой, любовь к своему предприятию и его истории — все это составляющие многогранной личности Саяна Хаметовича. Одно из его писем было посвящено музыке.

«У меня никогда не было музыкального слуха, однако я всегда, где только мог, был участником хора. Пел я вместе с хором в горном техникуме, в армии, в Доме культуры шахты «Аяч-Яга». Музыка звучала в доме у нас всегда. Вспоминается не без улыбки момент из жизни нашей семьи. Получил я первую в своей жизни зарплату горного мастера добычного участка № 4 шахты № 14 (ШУ-2) в сентябре 1957 года. И побежали мы с Екатериной Тимофеевной в магазин и сделали первую и, как впоследствии выяснилось, самую главную в нашей жизни покупку.

В однокомнатной квартире на тот час не было ни стола, ни стульев, ни кровати, ни вообще ничего, но была у нас кабинетная швейная машинка, и на нее мы торжественно водрузили свою первую покупку — радиолу «Урал» с проигрывателем и единственной пластинкой «Выходная ария Марицы».

Какова же была реакция наших соседей, когда они услышали голос Марицы. Испепеляющей была их тирада в адрес нашего «благоразумия».

Без грусти и обиды и даже с некоторой душевной усмешкой мы выдержали жестокие упреки соседей.

С арии Марицы и началось восшествие нашей семьи в музыкальный мир. Не сразу, очень трудно приобретались пластинки с записями шедевров музыки. Но мы старались не упустить любую возможность.

Но шли, бежали, летели годы. Дети наши — сын и дочь — окончили Воркутинское музыкальное училище. Затем сын Игорь окончил Петрозаводскую консерваторию и все продолжал музыкальную учебу».

Последний эпизод Саян Хаметович прокомментировал так:

— Однажды после окончания 8 класса сын вдруг сообщает нам, что он поступил в музыкальное училище. Никого ни о чем не спрашивал, не предупреждал и — «на тебе». Мы только развели руками. А музыкальное училище он окончил так, что на выпускном вечере директор училища объявил, что Игорю Хусаинову дается направление в училище им. Гнесиных. Якобы для него там место уже забронировано. Это была такая радость для нас. Но, увы, это место успели занять те, кто ближе, видимо, был. И Игорь поступил в консерваторию в Петрозаводске.

Продолжаю цитировать письмо Хусаинова С.Х.

«Несколько лет Игорь работал над кандидатской диссертацией на тему «Музыка И.С. Баха и ее особенности». Первоисточники по этой музыке написаны на немецком языке, а печатать статьи об этой музыке, необходимые для выхода на защиту диссертации, можно было только на английском языке, поэтому Игорю срочно пришлось штурмовать сразу два языка, что он и сделал. Первоисточники были изучены, статьи были напечатаны. В результате состоялась защита работы, и Игорь получил в академии Гнесиных, в Санкт-Петербурге «Диплом кандидата искусствоведческих наук». В настоящее время Игорь занимается сочинением музыкальных произведений при помощи компьютера».

Саян Хаметович в своем письме перечислил более десяти произведений Игоря. В их числе симфоническая поэма «Воркута» и многие-многие другие.

«Все сочинения Игоря исполняются на сцене музыкального училища, на концертах, которые ежегодно проводятся 5-6 раз. Благо, есть прекрасные исполнители (преподаватели) на всех инструментах, есть замечательный хор, и в его исполнении часто звучат сочинения Игоря. Записи его сочинений мы с Екатериной Тимофеевной с гордостью храним и частенько устраиваем для себя домашние концерты. Будучи много лет преподавателем теории музыки, он без труда аранжирует свои сочинения для любых инструментов. В завершение остается добавить, что из всей нашей семьи мы с Екатериной Тимофеевной «гениально» слушаем музыку, а остальные все овладели фортепиано: Игорь, Юля (жена Игоря — преподаватель по классу фортепиано), Марианна (дочь) и Татьяна (внучка, студентка МГУ, окончила музыкальную школу по классу фортепиано).

И, видимо, есть в делах и жизни Игоря и Марианны дальний отзвук от «Выходной арии Марицы».

Едва ли можно согласиться с формулировкой «дальний отзвук». И Игорь, родившийся в 1959 году, и Марианна, 1965 года рождения, «Выходную арию Марицы» слушали многократно еще до своего рождения (если верить исследованиям медиков в области акушерства и гинекологии), а уж детство их, бесспорно, прошло в мире серьезной музыки.

«Ничто не проходит бесследно...»

В эстетическом воспитании детей огромную роль на поселке Аяч-Яга играл клуб шахты. Все ветераны, с которыми мне приходилось беседовать на эту тему, давали самую высокую оценку этому настоящему «очагу культуры», как в те времена его высокопарно называли.

В одном из писем свое отношение к клубу выразил и Саян Хаметович. Почти дословно привожу его мысли по этому поводу.

«Рабочий поселок «Аяч-Яга» был в 60-80 годы многонациональным. Жили и работали на шахтах русские, белорусы, украинцы, эстонцы, латыши, литовцы, коми, татары и т.д. И для всех жителей одним культурным центром был клуб, в котором ежедневно в три сеанса показывали кино. Иногда наезжали знаменитости. Были у нас в разное время очень известные киноартисты: Н. Крючков, А. Кузнецов, Е. Леонов, А. Кадочников, Л. Гурченко и певицы, и певцы. Клуб всегда был многолюдным, мест в зрительном зале всегда не хватало, билеты всегда были в дефиците. Но главными и дорогими для жителей поселка были всегда концерты художественной самодеятельности, их народ ждал и готовился к ним. Программы концертов были богатыми, номеров хватало на 2-3 часа. Был при клубе певческий коллектив, и песни, исполняемые хором на 3-4 голоса, были всегда «гвоздем» программы. Приходили на сцену клуба и детские школьные хоры. Исполнялись песни и отдельными мастерами пения.

Славился клуб и оркестрами струнным и духовым. В разгар концертов лихо отплясывали коллективно молдавский танец и в одиночку «Цыганочку».

Аплодисменты не смолкали. Тому была причина — зрители и слушатели были, в основном, родители и родственники «артистов». Концерты всегда удавались на славу. Веселых рассказов о них хватало надолго. Много было и недовольных; тесным был клуб. Но, несмотря на это, авторитет и значимость коллектива клубных работников были всегда высокими, и «виновником» в этом был директор клуба — обаятельный человек Ефим Гаврилович Заячковский.

Заражен он был сценическим искусством до мозга костей, и умел, и любил заражать других удивительно быстро и основательно. Тянулись люди к нему и, попав в его коллектив, были старательными помощниками.

Вниманием своим он наделял людей, находясь ежедневно в клубе с утра и до позднего вечера. Великая жила в нем любовь к сцене и зрительному залу.

Работал он и над постановками драматических произведений, которые проходили всегда с его активным участием (сам играл роли) на высоком уровне, приглашать людей не надо было, сами шли с большим желанием.

Однажды, где-то в 1965-66 годах после завершения очередной концертной программы (была поставлена пьеса «Маты Наймичка») администрация города добилась от руководящего центра по развитию культуры Коми республики торжественного присвоения клубу ШУ-2 статуса «Дом культуры шахты «Аяч-Яга». К тому времени к зданию клуба был пристроен замечательный танцевальный зал, и люди разного возраста охотно ходили на танцы под духовой оркестр. Еще теснее сплотились коллективы школы № 22 с коллективом дома культуры. И юных артистов приходилось просто просить следовать домой для выполнения домашнего задания.

Ко всему сказанному о клубе хочется непременно добавить несколько слов о директоре клуба Ефиме Гавриловиче Заячковском.

Но, прежде всего, он был профессиональным потомственным служителем сцены, обладал очень красивым и хорошо поставленным голосом. Его лицо украшали открытые умные голубые глаза и крылатая, убеленная сединой, роскошная шевелюра. Одет он был всегда «с иголочки» в элегантный костюм по сезону с неизменно ослепительной белой сорочкой и со вкусом подобранным

галстуком. До блеска начищенная обувь подчеркивала цельность и законченность образа. Он был «до кончиков ногтей» аристократом, обладал отточенными манерами держаться, принимать и слушать человека. И вся эта грация и гармония общения с людьми в душу его была заложена с молоком матери.

Много лет он отбывал в местах столь отдаленных от его родины, но чувство и красоту человеческого достоинства не растерял и хранил, как зеницу ока.

Это о таких людях С. Маршак сказал высоким слогом:

Не в ту среду попал кристалл,

Но растворяться в ней не стал.

Кристаллу не пристало

Терять черты кристалла.

И, конечно, он не одному человеку в душу заронил зерно добра, чистоты и духовного достоинства, и вспоминают о нем с теплотой и благодарностью многие.

А вспоминают непременно, потому что это и красота жизни на земле, а жил он на ней набело.

Грустно думать, что это его живое детище — центр культуры для нескольких тысяч жителей поселка в 2000 году сравняли с землей».

Конечно, печально, что в годы перестройки многое из советского образа жизни незаслуженно «сравнили» с землей. Но тот след в сердцах и умах наших современников, в их детях и внуках не сотрется никогда.

... Почти год я ежемесячно получал от Саяна Хаметовича многостраничные письма, точнее, пакеты с изложением его воспоминаний, характеристик, событий. Его цепкий взгляд, литературный стиль и постоянная юношеская восторженность позволяли мне более детально вживаться в историю шахты и биографии ее специалистов. Но во второй половине 2004 года поток писем неожиданно иссяк.

И вот в конце марта 2005 года пришел тоненький конверт от жены Саяна Хаметовича Екатерины Тимофеевны. По привычке читаю через строчку: «... у него много замыслов — материалы для книги, но ... больше вы ничего не получите». Что за чертовщина, неужели обидел ненароком? Снова перечитываю письмо: «... С прискорбием сообщая вам, что 11 марта умер мой муж Саян Хаметович, похоронен в г. Твери 14 марта 2005 года...»

Оглушенный этим сообщением, перебираю в который раз все наши прежние беседы и фотографии, присланные Саяном Хаметовичем, с его пояснительными трогательными надписями.

Молодые и красивые Саян и Екатерина — и подпись: «Июль 1957 года, город Абакан. Познакомившись в 1952 году, мы долгие пять лет терпеливо и настойчиво ковали этот миг. Как в песне поется: «и жили в разлуке, и любили в тоске».

На другой фотографии бригада лыжников и подпись: «Дружный коллектив управления Аяч-Яга. Зима 1963 года, воскресенье. Лыжная прогулка. Первый справа — замечательный механик добычного участка № 5, интересный, честный, чистый человек — Калабашкин Виктор Николаевич; второй справа — строгий, справедливый человек — начальник ОТНиЗ шахты Аяч-Яга Шлехт Яков Яковлевич; третий справа — трудоголик, участковый нормировщик Чигирев

Николай Ефимович; первый слева — инженер технического отдела по внедрению новой техники и технологии Хусаинов Саян Хаметович; второй слева — заядлый рыбак, волейболист, начальник технического отдела Ламас Вамбола Хендрикович».

Еще фотография и подпись к ней: «Директор шахтоуправления № 2 Евграф Петрович на торжественном собрании в честь Первомая 1964 года вручает инженеру техотдела Хусаинову С.Х. первый памятный (с гравировкой) подарок (кинокамеру) за прилежность в работе».

Еще один снимок с хорошо известным мне человеком. «Чистые и светлые чувства сердечности и большого уважения к моей семье сохранил навсегда друг моего детства (учились в далекой и глубокой таежной Сибири в одной школе, окончили один горный техникум, вместе приехали в Воркуту, много лет работали на шахтоуправлении № 2) главный технолог по охране природы ОАО «Воркутауголь» Будзиаловский Аркадий Владимирович.

Много лет, будучи неженатым, был завсегдатаем нашей семьи, отмечали все праздники, дни рождения только у нас... Ходили вместе в наш знаменитый клуб на танцы, в кино, на концерты. У нас с ним есть очень многое что вспомнить и забавного, и интересного. Снимок сделан на добрую память перед их отъездом из Воркуты на заслуженный отдых в 2002 году в г. Рыбинск». Саян Хаметович и Екатерина Тимофеевна на фоне цветущего сада. «Белый дым яблонь в мае 2003 года — первой весны заслуженного отдыха ветеранов Заполярья».

Годом позже Саян Хаметович написал мне: «Кажется, второй раз в жизни взахлеб наслаждаюсь весной с цветением яблонь, каштанов: под окном у нас целая аллея».

Вот и получается, что только два раза успел налюбоваться цветущим садом Саян Хаметович, хотя мечтал, видимо, об этом все 46 лет пребывания в Воркуте.

Чудовищная несправедливость ...

Почему смерть всегда забирает самых лучших?

Может быть, потому, что, щедро делясь заботой и любовью с ближними, они без остатка расходуют себя. Может быть, потому, что судьба Саяна Хаметовича и судьба шахты — это одна общая судьба. И угасание его родной шахты не могло не коснуться и его самого. И приходится привыкать к мысли, что такого уникального, талантливого человека, восторженно любящего окружающих его людей, с нами больше нет.

Уверен, что все, кто знал Хусаинова Саяна Хаметовича, будут помнить его до конца своих дней.

... А увидеть красивые портреты красивых сослуживцев Саяна Хаметовича, которые он обещал нарисовать, нам уже не суждено. И почему перед ушедшими мы всегда испытываем чувство вины?

Прости нас, Саян....

ВОСПОМИНАНИЯ О ЕЛЕЦКОМ

Побывав не раз, и не два в зоне ликвидации той или иной чрезвычайной ситуации, постепенно начинаешь забывать об особенностях каждой из них. Все они словно выстраиваются в череду событий каждодневной службы. Поэтому, пользуясь возможностью поделиться своими воспоминаниями о службе в МЧС России, я решил написать о недавних событиях, происходивших в январе 2006 г. в нашем северном крае – Республике Коми, в небольшом поселке железнодорожников Елецком. Именно находясь в самом эпицентре человеческой беды острее начинаешь понимать значение своей службы, испытывать гордость за нее. Поэтому, пока свежи воспоминания о случившемся в поселке Елецкий, я решил рассказать о том, как спасатели боролись в буквальном смысле слова, за жизнь заполярного поселка.

В мистику я не верю. Но все же есть что то мистическое в некоторых днях недели и цифрах. И наверное, при прогнозировании чрезвычайных ситуаций следует учитывать и сочетание определенных дней и чисел, издавна в народной молве признанных несчастливими, например – пятница, 13. Итак – в пятницу, в 13 часов 13 января 2006 г. в Республике Коми, в заполярном поселке Елецкий в результате шквального ветра (35 метров в секунду), при температуре воздуха -30 градусов по Цельсию, была повреждена линия электропередач. Прекратилось электроснабжение посёлка Елецкий Сосногорского отделения Северной железной дороги. Из-за отсутствия электроэнергии остановлена работа котельной, обеспечивавшей теплом 42 жилых дома (это 220 квартир), школу, детский сад, два общежития, фельдшерско-акушерский пункт, магазин, узел связи и администрацию поселка. В 16 часов 20 минут с восстановлением электроснабжения котельная вновь заработала. Однако сразу же были обнаружены разрывы в системе центральной теплосети, нарушение теплоснабжения в водозаборной башне, в общежитии и ряде жилых домов. Снизилось давление в теплосети. В результате аварии на водоводе от водонапорной башни до котельной подача теплоносителя на поселок была прекращена. Возникла реальная угроза жизни и здоровью людей, угроза разрушения всей социальной инфраструктуры посёлка Елецкий. Налицо сложилась чрезвычайная ситуация, которая без принятия быстрых мер оперативного вмешательства могла привести к тяжелейшим последствиям.

Возникшая ситуация стала испытанием как живущим в поселке Елецкий людям, так и всей республиканской подсистеме РСЧС – от каждого руководителя до каждого специалиста, ремонтника, спасателя.

О том, что случилось в поселке Елецкий, я узнал вечером 13 января, около 22 часов. Семья по старой традиции собиралась встретить Старый Новый год. И вот – звонок оперативного дежурного Главного управления Мельникова Алексея Борисовича: «В республике чрезвычайная ситуация – замерзает заполярный поселок под Воркутой. Собирайтесь, с вами едут специалисты ГУ и спасатели, вы старший».

Прибыв в Главное управление, я узнал, что уже в 17 часов, то есть через 4 часа после аварии энергоснабжения, и практически сразу же после получения оперативным дежурным Главного управления сообщения о случившемся,

состоялась Комиссия по чрезвычайным ситуациям и пожарной безопасности Республики Коми. Именно с этого момента началась проверка нашей службы, проверка ее оперативности, умения правильно оценивать сложившуюся обстановку и быстро принимать правильные решения.

Уже в ночь с 13 на 14 января по решению Оперативной группы КЧС, которую возглавил генерал-майор Анатолий Федорович Нуйкин, в Сыктывкаре был сформирован и выехал в 3 часа специальный поезд со спасателями и необходимым оборудованием. Руководителем отряда специалистов и спасателей МЧС назначили меня. Дополнительно по пути следования поезда к нам присоединились спасатели из Ухты и Сосногорска. К составу была прицеплена платформа с необходимым оборудованием и 40 печками – временками для населения. В Печоре пришлось самим грузить уголь в вагоны, которые в Елецком станут нашим домом.

Путь был неблизкий – от Сыктывкара до Елецкого более тысячи километров. И конечно, все мы понимали, что нас может ожидать в размороженном поселке. Мы, северяне, этой зимой немного с юмором относились к словам ведущих теленовостей, говоривших о небывалых, до минус тридцати, морозах в Москве. Нам всем было известно, что такое мороз в Заполярье.

Минус 40 по Цельсию и ветер – 37 метров в секунду – вот что такое заполярный мороз. Так нас встретил Елецкий в 03 ч. 30 мин. 15 января, когда наш поезд прибыл на станцию. Вышли на станцию – на ветру все минус 45. И первое, что увидели, сразу привело нас в гнетущее состояние – из котельной поселка не идет дым.

Однако унывать было некогда, да и не собирался никто унывать. Как выяснилось - в первые сутки с момента аварии были предприняты те меры, которые в дальнейшем дали возможность успешно ликвидировать последствия чрезвычайной ситуации. Котельная была переведена на внутреннюю циркуляцию. Уже на следующие сутки после аварии в Елецкий прибыли спасатели Воркутинского поисково-спасательного отряда во главе с начальником Управления ГОЧС г.Воркуты полковником Агафоновым Олегом Семеновичем. Он возглавил оперативную группу МЧС до прибытия основных сил.

Слов благодарности заслуживают специалисты Сосногорского участка Северной железной дороги, на балансе которого и находится поселок. В первые часы аварии в поселке находилось всего три ремонтника – электрик, сантехник и сварщик. Сам поселок разбросан по территории на полтора километра. Легко понять какова протяженность тепломагистралей, которые в условиях вечной мерзлоты находятся все на поверхности. Естественно, что в самом поселке не было ни средств, ни сил устранить прорывы на теплотрассах с километровой протяженностью. И было принято, как мне кажется, единственно правильное грамотное решение – закольцевать линию, отключив жилой фонд, и тем самым спасти котельную.

Котельная была переведена на внутреннюю циркуляцию, произведен слив теплоносителя с системы отопления. Однако 42 дома – 220 квартир, в которых проживает 540 человек, из них 116 детей, а также социальные объекты поселка остались без тепла. Перед нами всеми, кто прибыл в поселок, стоял вопрос – или полная эвакуация жителей и консервация поселка до короткого северного лета, или восстановление системы теплоснабжения и возвращение жизни в Елецком в нормальной русло в максимально короткий срок. Как я позже узнал – в первые же

дни на центральных телеканалах журналисты заговорили об уникальной операции МЧС по эвакуации жителей целого поселка. А уникальность оказалась как раз в другом – в условиях сильнейших морозов (за все 12 дней моего пребывания в Елецком температура воздуха не поднималась выше минус 30) ремонтными бригадами железнодорожников и спасателями МЧС была восстановлена нормальная жизнь поселка с населением более 600 человек. Эвакуация была проведена лишь частично – были эвакуированы дети.

С первых дней в поселке находился главный инженер Сосногорского участка Кривенко Владимир Иванович. Вместе с ним мы и начали работу по восстановлению нормальной жизни в Елецком. Для начала расставили приоритеты. Первым делом необходимо было провести ревизию и инвентаризацию всего жилого фонда, оказавшегося размороженным. Обеспечить горячее питание и медицинское обслуживание для населения. Кстати сказать, что за все время чрезвычайной ситуации не было допущено ни одного случая обморожения. Работа фельдшерско-акушерского пункта была восстановлена в первый же день. Людям обеспечено горячее питание в прибывших из Воркуты вагонах-ресторанах и в станционной столовой.

Одной из моих непосредственных задач являлось обеспечение прямой связи штаба по ликвидации аварии в поселке Елецком с оперативным штабом Главного управления МЧС России по Республике Коми и с руководством Северной железной дороги. Связь была обеспечена, и тем самым увеличилась оперативность решения многих управленческих вопросов. Все действия координировались Комиссией по ЧС и ПБ Республики Коми и руководством Северо-Западного регионального центра МЧС России.

Так, несмотря на нежелание жителей эвакуироваться, штаб по ликвидации аварии все же принял решение вывезти в Воркуту детей, которым к тому же после окончания новогодних каникул была пора возвращаться в школу. Утром 15 января в Воркуту были отправлены на специальном поезде 66 детей, учителя, несколько родителей. Администрация Воркуты серьезно подготовилась к приезду ребятишек. Их разместили в профилактории «Заполярье», школе интернате и в одном из детских садов города. Воркута радушно встретила маленьких жителей Елецкого, многие из которых конечно с неохотой уезжали из родного поселка. Было организовано четырехразовое питание, экскурсии в музеи, концерты, игры в плавательных бассейнах. Учились ребята в воркутинских школах, и конечно, успели подружиться со своими ровесниками. Как оказалось, некоторые ребята из Елецкого никогда не были в Воркуте. И расставались с ней неохотно. А самое главное – в них остался заряд положительных эмоций. Как будто это была не эвакуация, а путешествие.

Взрослые жители станции встречали нас по разному. Жизнь на крайнем севере оставляет свой отпечаток. Народ суровый, привыкший к трудностям, и не привыкший к такому вниманию. Разморозились квартиры – люди пошли жить на рабочие места, по знакомым, у кого есть печное отопление. От эвакуации, как и от печей-временок, отказались, с неохотой отпускали детей в Воркуту. Правда, узнав, как встретила их детей Воркута, и увидев, сколько людей пришло к ним на помощь, благодарили. А их благодарность многого стоит.

В этот же день 15 января в Елецкий прибыла комиссия ОАО «Российские железные дороги» под руководством Первого вице-президента РЖД Морозова Вадима Михайловича, а ночью в поселке уже работала оперативная группа КЧС.

Руководитель оперативной группы генерал Нуйкин лично провел осмотр каждого объекта аварийного жилого фонда и социальных объектов поселка. После проведения ревизии жилого фонда и поквартирного обхода, началось планомерное восстановление отопительной системы. Специальным восстановительным поездом Воркутинского участка Северной железной дороги в поселок доставлено дополнительное оборудование и материалы, медикаменты для населения.

Спасатели, хоть народ и бывалый, но в тонкостях инженерных работ по теплоснабжению особо не разбираются. Поэтому основными задачами для них стали демонтаж аварийного оборудования, то есть расчистка поля для работы специалистов по ремонту сетей теплоснабжения. Другая задача – разгрузка из прибывающих на станцию ремонтных составов оборудования и материалов. Работали по 14 часов в сутки. Возможно, работали бы и дольше, но мороз не позволял. Кстати – единственно приемлемой обувью для спасателей в Заполярье были валенки. Ни какие специальные ботинки на меху, будь они хваленные импортные, ни даже унты, не годятся. Это мнение всех, кто работал в Елецком. Вот валенок не хватало. Не совсем пригодна оказалась и специальная одежда спасателей, в основном предназначенная для работы в природных условиях, для огневых работ, которые и велись в основном в Елецком, она не годится. Здесь был нужен специальный костюм сварщиков. А в некоторых случаях, особенно при такелажных работах, приходилось вспоминать и о, пусть немодном, советском ватнике – фуфайке. Он движения не сковывает, достаточно прочен, в нем тепло, а запачкаешь, порвешь – выбросить не жалко.

Зато прекрасно себя показали специальные инструменты, имеющиеся на вооружении спасателей. Особенно бензорезы по металлу. Железнодорожники мучались в основном автогенами. А у нас – секунда, и дело сделано! Они даже на выручку наших ребят звали – особенно когда велись работы по демонтажу лопнувших труб и радиаторов отопления.

Бригада воркутинских спасателей днем и ночью работала в здании школы, демонтируя поврежденную систему отопления. Все понимали, что чем быстрее она будет демонтирована, тем скорее можно будет приступить к восстановлению теплоснабжения поселка. Работы велись быстро и аккуратно. Вспоминаю, как была обеспокоена женщина - директор школы, сопровождавшая поезд с детьми до Воркуты. Видимо, по опыту зная, какой бардак остается иногда после ремонтных работ. И видимо, уже подсчитывала, во сколько школе обойдется ремонт после ремонта, И как она потом удивлялась, говорила спасибо, вернувшись в школу и увидев, на сколько аккуратно были проведены работы специалистами МЧС. Всякое бывает в таких ситуациях – и мебель ломают, вынося металлический лом, и стены крушат. А здесь выносили здоровенные батареи, наполненные практически льдом. И ни чего из школьного оборудования не было повреждено.

Однажды, еще в самом начале восстановительных работ, когда выдалась свободная минута среди бессонной ночи, я с товарищами вышли на улицу и увидели, что весь Елецкий озарен огнями костров. Велись работы по демонтажу размороженной теплоцентрали. И возникла мысль сразу у всех – что может случиться, когда огневые работы начнутся в домах. В поселке нет пожарной части. В одном из боксов железнодорожной станции стоит раздолбанная пожарная автоцистерна на базе ЗИЛ-131, уже лет 20 назад списанная с баланса. В срочном порядке в поселок прибыли 4 сотрудника отряда ГПС из Воркуты. К сожалению, я не помню их имен и фамилий, но эти ребята совершили чудо. Они за четыре часа

привели в рабочее состояние автомобиль. А когда начались огневые работы в квартирах, и пришел первый сигнал о возгорании, они выехали на этой машине на вызов и не допустили пожара. Ими была организована круглосуточная работа пожарного поста, они практически и ночевали у машины, моментально реагируя на сообщения о возгораниях. В поселке также работали 3 инспектора государственного пожарного надзора. Каждый ремонтник ежедневно проходил инструктаж по правилам пожарной безопасности. До всех жителей Елецкого был доведен телефон противопожарной службы. Благодаря этому, при столь масштабном проведении огневых, сварочных работ, охвативших практически весь поселок – дело ограничилось лишь несколькими возгораниями. За весь период ликвидации аварии в поселке Елецкий не произошло ни одного сколь ни будь серьезного пожара.

Сразу по прибытии в Елецкий мы, специалисты МЧС, заинтересовались – есть ли баня в поселке. Баня оказалась тоже размороженной. В железнодорожном депо имелись три душевых. Учитывая характер чрезвычайной ситуации, мы поняли, что их явно недостаточно. К нашему предложению восстановить работу бани железнодорожники отнеслись скептически – какая баня, не до нее. Всем стало до нее после недели работы в авральном режиме. И три душевых 19 января, когда максимальное количество задействованных на ликвидации аварии людей составило 371 человек, уже не могли решить вопросы гигиены. Но к этому времени баня уже работала – ее восстановили спасатели МЧС.

В течении недели велись восстановительные работы. Дом за домом, квартира за квартирой получали тепло. При этом руководство рабочей группы не забывало о порядке, была организована вывозка мусора, расчистка улиц от снега. Хочу отметить еще один важный аспект нашей работы – обо всех мероприятиях, планах аварийно-восстановительных работ население поселка оповещалось своевременно. Это очень помогло избежать всякого рода слухов и кривотолков, что порой мешает работе. И средства массовой информации оказались на высоте, быстро разобравшись в случившемся, не нагнетали обстановку, а давали объективную картину действий по ликвидации ЧС, давая понять что ситуация под контролем.

Четкая координация совместных действий, соблюдение плана и установленных сроков работ позволило в рекордные сроки вернуть жизнь поселка в нормальное русло.

20 января спасатели ГУ РК «ПАСС» и часть оперативной группы убыли на место постоянной дислокации. Все возложенные на них задачи были выполнены в срок и с хорошим качеством. Руководство РЖД и население выразили большую благодарность за оказанную помощь в восстановлении теплоснабжения поселка.

Я уже говорил, что в СМИ говорилось, что в Елецком будет проводиться уникальная операция МЧС по эвакуации целого населенного пункта. Да, на то мы и служим в Министерстве по чрезвычайным ситуациям, чтобы быть готовыми к любому варианту событий. И еще раз вспоминаю, как удручающе на меня подействовало отсутствие дыма из трубы котельной в поселке. Но мы справились, а как же иначе! И еще раз повторяю, что операция по спасению Елецкого уникальна в другом. В рекордно короткие сроки, в условиях крайне низких температур была полностью восстановлена система теплоснабжения всего населенного пункта без полной эвакуации его жителей. Операция в Елецком показала готовность республиканской подсистемы к быстрому реагированию на

возникающие ЧС, показала важность четкой координации действий при их ликвидации. Особенно неocenим опыт совместной работы спасателей, железнодорожников, коммунальных служб, приобретенный в ходе ликвидации последствий аварии в поселке Елецкий. Спасибо за этот опыт железнодорожникам, ребятам из Архангельска, Вологды, Ярославля, Сольвычегодска, всем тем, кто был в Елецком в январе 2006 г.

И все таки мы, сотрудники МЧС России, в Елецкий прибыли первыми! Потому что мы всегда первыми приходим на помощь!

Литературная запись Петра ЛОБАНОВА

Петр МАЛАФЕЕВ

ТРЕТИЙ, ТЫ НЕ ЛИШНИЙ

Минуло 55 лет, как последние жители поселка № 3 (он же Усть-Вель), оставили свои жилища, которые отстроили, в 1930 году, - полагая, на всю оставшуюся жизнь. Четверть Века, всего 25 лет существования, а сколько горя и страданий принесли они жителям и других, подобных поселений. Через пол Века, автор этих строк вернулся на Малую Родину, чтобы сказать, что Третий, ты не лишний...

Этот проект задумывался лет десять назад, когда в Воркуте жили Мухины и Рыбочкины, в Сосногорске Бахаревы, в Ухте Быковы, в Сыктывкаре братья Андрей и Федор Ваземиллеровы и Василий Идт, и конечно мы с Михаилом Залесским. Долгие весны, я вновь и вновь напоминал друзьям детства об общих желаниях и стремлениях и все клялись, уж этот отпуск, посвятим Малой Родине!

А это значило, что мы, дети поселка номер три, приезжаем в Ваймэс, берем лодку, грузим пару мешков цемента и поднимаемся по нашей красавице реке.

Радость в том, что наш поселок, возможно и не случайно, расположился среди трех рек: Лузы, Велдорьки и Пырельки. Там, среди трех рек и бросили родовые корни, притулив к берегу баржу, которую тащили, как бурлаки на Волге по заливным берегам холодной северной реки, со скарбом, старухами и малыми детьми, от самого устья давно и ненавистно известной станции – Луза, что в Кировской области, наши дедушки и бабушки, а вместе с ними, - еще малолетние, - наши будущие родители.

Плакали бабуси и стонали деды, не понимая своей участи и своего греха перед любимой Родиной, когда в начале лета 1930 года начали копать землянки дабы не замерзнуть и выжить до очередной весны. Не считались временем и здоровьем, спешили и спешили заготавливать лес под завтрашнее жильё. Выжили. Минуло 75 лет...

Но не сбылись наши давние планы, об увековечении в бетонном монолите, ну хотя бы красивого названия, - Усть-Вель, что взял начало с поселка № 3.

Так уж получилось. Разъехалась третьевская и нулевская ребятня, уже значительно повзрослев. Кто подальше от Севера, а кто в ближнее и дальнее зарубежье. Мне некому стало звонить и напоминать о поселке нашего детства. И вдруг, телефонный звонок из Ношуля. Звонил Константин Вагнер. Друг детства и одноклассник, с которым судьба как свела, так и развела неожиданно.

Дело в том, что родители наших родителей, по уже известному Указу от первого февраля 1930 г. были раскулачены. Мой дед (по матери) Иван Рыжов, из Курской губернии.

Дед (по отцу) Тимофей Малафеев из Гомельской области. Вся родословная Константина, оным методом, была вывезена из Республики Немцы Поволжья и расселена в верховьях р. Велдоряка, в поселке Нулевом. Буквально за 10 лет наши поселки настолько расстроились, обжились и сдружились, что не только вместе отмечали немецкие и русские праздники, но и устраивали выездные ярмарки. И, конечно, не чурались свадеб. Уже в 1942 году, когда всех русских мужиков и взрослых парней призвали на войну, а колхоз без мужиков - дело гиблое, Нулевских жителей перевезли на Третий. С пор мы с Костей и стали учить друг друга, - я его говорить по-русски, а он меня по-немецки. Ну, а уже в 1956 г., на Восьмом, мы закончили главную, по тому времени, школу - семилетку. В этот же год всем переселенцам объявили свободу. Немцы потянулись к своим родственникам в Казахстан. А в моей толстой коленкоровой тетради появилось новое стихотворение, начало которого я помню и сегодня: -

Уставшей осенью, над крышею моей,
Вдаль улетала стая журавлей...

Конечно это был крик детской души о расставании и, возможно на всегда, с друзьями нашего детства. Детства холодного, детства голодного, но счастливого детства нулевской, третьевской и шестовской поры...

- Извини, - кричал в трубку Костя, - я тебя по голосу не узнаю!

Да и встретимся, возможно, не узнаем друг друга. Пол Века минуло!

- Я приехал из Караганды и очень хотел бы с тобой встретиться! А еще очень хочется пройтись по тропам нашего детства. Ты как?!

- Костик, я устал ждать счастливого времени! Завтра утренняя автобусом выезжаю...

Задумка была проста. Лодку и другое имущество грузим в кузов и едем до Велдорьи. Самосплавом по Лузе до Третьего.

Когда ранним утром подъехали к Велдорьи, я не узнал того поселка, который действительно стал родиной моего труда. После окончания Ношульского ФЗО, я вернулся в Велдорью уже трактористом. Это был 1958 год. По мобильности работающих, Велдорьинский лесопункт Ношульского Лестранс Хоза, уступал только Ношульскому лесопункту. Сегодня Велдорья, что-то вроде заброшенного дачного поселка, определенного на самовыживание.

Когда же увидели понтонную переправу, решение стало однозначным, - ехать на Шестой. Как можно при такой возможности не заглянуть на огонек в наш, очередной поселок, откуда я, Костя, Колька Вернер и Эльма Киндсфатер, три года, в любую погоду, за четыре километра шли на восьмой в школу и обратно. Мне хотелось увидеть тополя под которыми стоял наш Дом. Увы.

За сорок два года территория так заросла, что когда мы захотели спуститься к реке, - где по утру умывались, днем купались, рыбу на зорьке удили, то преградой стали густейшие заросли.

И все-таки поразмыслив, мы с Костей определили, что эти сухие стволы тополей и есть те самые, что стояли у нашего Дома. А сухие они потому, что за минувшие годы они выплакали собою все, что видели и что пережили с жильцами дома, который укрывали тенью своей широкой кроны.

Собираясь на Третий мы понимали, что из цемента ничего сваять не сможем. Но и с пустыми руками в родной дом идти не принято. И мы решили изготовить памятную доску...

Отплыв, вниз по течению несколько километров от Велдорьи, мы обратили внимание на то, что за все расстояние ни разу у берега ни бубухнула щука, ни всплеснулась на речной глади даже мелкая рыбешка. Если поднять весла, над рекой возникает звенящая тишина. И тогда далеко-далеко слышно, как булькает ручеек из ключевой воды. Правда, уже ниже Семенихи, своими играми нас веселили и бобры, и стаи молодых уток, под управлением мамаш.

Границей определения территории нашего поселка было устье Велдорьки но, это была уже не та речка, на которой стояла огромная мельница, капитальный мост на деревянных сваях, а в омутах ловили не только хариуса, но и приличны щук. Сейчас, к нам из под зарослей, вытекает маленький, тихий ручеек...

Вот и Третий! Здравствуй, Третий!!! Здравствуй, наш родной!!! Ты никогда не будешь лишним здесь и в нашей памяти, и в душах еще живых!!!

Мы, трое, сидим на берегу, и каждый по-своему сушит глаза. Не стеснясь. Здесь я должен представить дочь Константина Александровича, - красавицу Ольгу. Когда она пожелала быть третьей в лодке, мы были, -«за!». Она давно ждала случая увидеть места где родился и вырос отец, где жили бабушки и прабабушки и самой убедиться, что нужно ехать туда, где уже ничего нет, туда где еще сладок дух земли, которой впервые касаются детские, босые ножки... С той поры, как мы отсюда уехали на Шестой, с водами Лузы, утекли пятьдесят пять лет.

Ольга достает из сумки буклет, который я подготовил к 70-летию родного, Прилузского района и, подарил ей, громко-громко, читает стихи, дабы услышала вся округа:

Там где Луза берет начало,
Там где Луза уже река,
В лодке детство наше качала,
Домом были её берега!
К Лузе спешим мы,
И только к одной –
Гордимся Прилузьем
И Лузой родной!!!

Пройдя от реки в глубь поселка, мы не пересекли тропинки, что могла бы вести от Ваймэса, как на сенокосные луга, так и на охотничьи уголья.

Мы стояли среди сосен, берез и высокого кустарника и, ориентировочно представляли, куда гоняли пасти коров и овец, где рос лён, и где стояла пасека, где были ржаные и пшеничные поля...

- А во-о-он там, за Пырелькой,- Костя показывает Ольге,- был овин, где молотили зерно, сушили и везли на мельницу! Да, тогда все было своё! Даже листовой табак дед Бергер растил.

А зерно, шерсть, кожу, лен, мед и масло сдавали как госпоставку. Вспоминаем, вспоминаем, вспоминаем. Кто в каком доме жил, кто у них был и где же наши ровесники, одноклассники!? И вдруг одновременно, не сговариваясь, спрашиваем:

- А где жила наша Первая и Любимая учительница, Дарья Алексеевна Ромашкова-Киндсфатер?! Костя, пять лет назад я был у Дарьи Алексеевны в

гостях, она живет в Объячево. И, по секрету тебе скажу, что через два года ей исполнится, всего, 85 лет!

Хотелось пройти к Пырельке,- на берегу которой стоял курятник, была баня, в сторонке - кузница, - где с утра и до вечера ухал молот кузнеца. Увы и увy, пробраться сквозь лес и заросли, просто не смогли. Тогда, в 1930 г. и были, здесь, срублены первые вековые сосны. Поселок стал лишним на местной карте. К сожалению, не передается младшему поколению летопись района, для сохранения местной истории. Помните, у лесничих есть правило отводить делянки под рубку леса, которому уже не менее пятидесяти лет. Что ж, уже можно делать второй круг раскорчевки...

Уставшие от воспоминаний и опьяненные счастьем встречи с Малой Родиной, запахом реки и не скошенных трав и тем, что МЫ вкопали столб с памятной доской, в честь двух исторических событий поселка № 3, на крутом берегу нашей Лузы.

Я написал эти строки, зная, что в Прилузье и сегодня живут многие, чьи судьбы родственно связаны с Нулевым, Третьим, Шестым и Восьмым поселками. А нам, детям войны, рожденным в 1941 г., эти места, при жизни не забыть. От сюда и навсегда ушли и не вернулись, наши отцы...

Это судьба.

Евгений КУШМАНОВ

ВРЕМЕННЫЙ ОТДЕЛ МИЛИЦИИ

Недавно во всех средствах массовой информации страны прошли сообщения о ликвидации в Чеченской Республике боевика номер один – Аслана Масхадова. Произошло это событие в чеченском селении Толстой-Юрт, в котором в 2001 году мне пришлось побывать в спец командировке, связанной с восстановлением конституционного порядка в этом уголке Российской Федерации. Память – штука избирательная, что-то хранит десятилетиями, а нечто важное может вычеркнуть из анналов без объяснений. Зная это, я вел своеобразный дневник, где фиксировал все, что происходило со мной и вокруг меня. Дневник этот составили ежедневные письма жене Алевтине Изосимовне. Вот он сейчас лежит передо мной...

Когда я перелистываю страницы этой большой «амбарной книги», исписанные моим порой торопливым почерком, в памяти снова встают картины пережитого, люди рядом с которыми пришлось нести военную службу. Вот они: полковник милиции И.И. Гладких, подполковник внутренней службы А.А. Бухтуев, капитан милиции В.П. Лобанов, а также группа Государственной противопожарной службы С.П. Петров, Х.К. Хамхоев, Д.В. Мурашов, А.Е. Константинов, Р.М. Готра, В.Ф. Шарипов, С.Л. Кокарев... И многие, многие другие, ведь всего во временном отделе внутренних дел Грозненского (сельского) района Чеченской республики из Республики Коми было около трехсот человек.

Выехали мы в служебную командировку в соответствии с указанием МВД России от 22 декабря 2000 года № 1/23828, приказом МВД России № 43 от 30.01.2001 года и приказом МВД Республики Коми № 25-дсп от 18.09.2001 года. Во временный отдел внутренних дел вошли сотрудники ОВД городов Сыктывкара, Воркуты, Инты, Печоры, Ухты, Вуктыла, Усинска, Сосногорска, из Усть-

Куломского, Прилузского, Койгородского, Удорского, Сысольского, Княжпогостского, Сыктывдинского, Троицко-Печорского, Ижемского, Усть-Вымского районов. Так что, география республики была представлена широко.

Вокруг временного отдела внутренних дел по ночам бегало много бездомных собак. Бывало, так что по ночам раздавались взрывы. Это собаки подрывались на минах и растяжках, которые с завидной периодичностью устанавливались вокруг нашего расположения «мирные жители». Оказывали практическую помощь в налаживании работы местному, уже не временному, отделу внутренних дел. Из 188 человек штатной численности был некомплект – 22 человека. Это не смотря на большую очередь кандидатов на службу. Основной вопрос – где был и чем занимался с начала девяностых годов.

Рядом с нами стояли связисты федеральных сил. Меня поразило состояние дисциплины в подразделении. Днем пьют, по ночам песни орут. Несколько раз устраивали необоснованную стрельбу. Местное население их боялось.

От Толстой-Юрта до Ханкалы около шестидесяти километров. Туда необходимо было выехать с документами. В группе – А.А. Бухтуев, я, водитель и еще один офицер. Вооружились, надели «бронники». «Уазик» всю дорогу, которая нещадно изрыта воронками, чихал и полз на скорости 20-30 километров в час. Еле еле дотянули до Ханкалы. «Уазик» в пути на перевале заглох, водитель что-то подремонтировал в движке, поехали дальше. Ханкала – это настоящая крепость, по периметру вокруг палаток и сборных домиков несколько рубежей обороны, прорыта канава, вкопана в землю бронетехника. Решив все вопросы, направились «домой». На выезде блокпост, нашу машину не выпустили, пришлось дожидаться, пока не соберется колонна из трех автомашин, только тогда выпустили. Наш «уазик» вскоре отстал от остальных. Ехали молча, в душе проклиная дорогу. Вскоре перевалили через перевал, показался наш блокпост, на душе стало спокойней. Если бы сломались, пришлось бы заночевать в «зеленке» без помощи, так как рация эфир не брала. Слава Богу, добрались.

Ночью 16 ноября в поселке Старые Атаги боевики обстреляли из гранатометов, автоматов и снайперских винтовок Санкт-Петербургский ОМОН. Есть погибшие и раненные. Наши выезжали туда на следственные мероприятия.

Много еще было потом за всю командировку выездов в неизвестность, обстрелов, спецопераций, несения боевого дежурства, проверок паспортного режима, задержаний с изъятием огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ да и другой мужской работы, потом было возвращение домой, встреча с близкими, недолгий реабилитационный отдых...

Это только кажется, что работа кадровика на войне проста и связана лишь с бумагами. Это не так. Подготовка приказов и распоряжений по личному составу, строевки на боевой расчет, приказы на поощрение и наказания, штатные перестановки – вся данная работа выполнялась параллельно с боевыми выездами и дежурствами. Кадровик на службе еще и воспитатель. Высокий боевой дух подразделения – гарантия того, что в случае осложнения оперативной обстановки и боестолкновения возможно будет избежать главной беды на войне – человеческих жертв. А влиять на морально-психологическую обстановку не сможешь, если не будешь бок о бок с другими выполнять с другими «черновую» работу. Тебя просто не будут слушать и воспринимать всерьез.

Одним из самых эффективных способов поддержания высокого боевого духа всегда был и остается – юмор. Без него на войне, как без каши – выжить не

возможно. Основным источником милицейского фольклора выступал начальник временного отдела внутренних дел И.И. Гладких – человек профессиональный и в своем деле грамотный. Был например такой случай на утреннем разводе личного состава. Гладких делает очередной разнос:

- Что вы пьете эту гадость, а потом рыгаете. Сходите в туалет, зачерпните и рыгайте неделю. Невкусно, за то бесплатно...

Из толпы:

- Не ползет...

Гладких:

- У всех жидкий стул, ползет...

Приведу еще несколько особенно трепетных высказываний Ивана Ивановича:

1. Захожу в комнату, а там начальники спят со своими подчиненными...

2. Наши сотрудники вступают в связь с военнослужащими за сигареты, водку и гранаты...

3. Розыск! Выделите всех пьяниц, я их лично возглавлю, каждого...

4. Пьянота! Пьют всю ночь, выйдут на развод, стоят, глаза красные как у китайцев...

5. Захожу в кубрик, тут тревога, а они спят в трусах...

6. В Грозном уже стреляют, а у вас плац не убран и постели не заправлены...

7. Идет цистерна, написано «вода», на ней человек сидит, проверьте удостоверение, может это не он сидит...

8. Автобус грязный, а сзади написано «нас не догонишь», товарищ Круглов, я с вами разберусь, и вас догонят...

9. Сидят под моими окнами ночью и рассказывают дурацкие анекдоты, идите к себе в комнату, лягте под одеяло и рассказывайте друг другу...

10. Нажретесь как свиньи, а потом ходите как индюки...

11. Захожу в баню, а банщик пьяный, это же надо до такого напиться, что не видит, кто перед ним стоит, я ему стучу по голове, а он мне: «Сколько можно стучать, я и так слышу»...

12. Водители сделали дырку и лазают к себе как в будку, скоро лаять начнут...

13. Оперативная группа ездит без бинокля, вы хоть бинокль с собой берите, а то по полю бежит человек, вы же за ним не побежите, хоть посмотрите, как он убегает...

14. Стоит жаровня, как тазик, то ли картошка, то ли капуста, хрен ее разберешь, втроем нюхали, так и не разобрали что там...

15. Будем всех поощрять, у нас на всех хватит и знаков и крестов...

16. Товарищ начальник штаба, садитесь ему на голову и контактируйте с ним, и вообще, написать можно все что угодно, Супрядкин, дам тебе кассету на ночь, завтра «Ну, погоди!» покажешь...

17. Положите себе снаряд под подушку, лягьте и спите на ней.

18. Ходят с оружием, разгрузки повесят, как в музее восковых фигур, скоро куры на головы гадить будут, ГИБДД, что у вас за шапки, вас увидят и не поймут, вот ОУР в масках, глаза зальют, Кутькин их узнает по запаху...

19. Местные проститутки болеют сифилисом и СПИДом, поэтому прежде чем вступать с ними в половую связь, подумайте сначала о своих товарищах...

20. Связист, надо постричься, приедете домой и делайте себе начес с низу и до верху...

А одно из высказываний Ивана Ивановича, на полном серьезе считаю, просто необходимо внести в учебники по борьбе с терроризмом: «Оружие нужно в огородах искать, а не по сервантам лазить...»

Литературная запись **Андрея КАНЕВА**

Николай ЮШКИН

ХИБИНСКИЕ ДНИ ПОЭТА НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА РУБЦОВА

Мир тесен, и в нем постоянно сходятся надолго или накоротко жизненные тропы многих людей, соприкасаются разные судьбы. Одним из таких случайных житейских совпадений были у меня полтора года совместной учебы с сентября 1953 до января 1955 г. с будущим великим российским поэтом Николаем Рубцовым в Кировском горно-химическом техникуме в Хибинских горах на Кольском полуострове.

Мы учились на разных курсах и по разным специальностям и были лишь отдаленно знакомы, изредка общались благодаря сокурсникам или сокурсницам, но я его хорошо запомнил, поскольку он был парнем компанейским и жизненно опытным, пришел в техникум с тралового флота, да еще выделялся снежно-белым кашне при черной форменной горной шинели. То, что Коля Рубцов пишет стихи, мы даже не подозревали. Среди студентов было много поэтов, почти каждый что-то рифмовал, стихами заполняли многочисленные стенгазеты и даже публиковали их в городской газете, читали на вечерах со сцены, но о рубцовских поэтических опытах мало кто знал. Сокурсники больше запомнили его увлеченную резьбу по дереву и задушевные песни под гармошку.

Николай Рубцов вошел в литературу ярко и мощно во второй половине шестидесятых годов публикацией своих лучших стихов в журналах «Юность», «Октябрь», в других литературных изданиях. Поэтический талант заявляет о себе сразу, талантливого поэта узнаешь по первому же прочитанному стихотворению, независимо от того, признан ли он, много или мало печатается. Поэзия – это чувство, это что-то вроде красоты и запаха цветов. И Николай Рубцов поразил меня с первых же прочитанных его стихов. Было очевидно, что это великий поэт, счастье и гордость России. Его удивительно емкое четверостишие «О Пушкине»

*Словно зеркало русской стихии,
Отстоял назначенье свое,
Отразил он всю душу России!
И погиб, отражая ее ...*

в полной мере можно отнести к творчеству и судьбе самого Николая Рубцова.

Прижизненные рубцовские сборники мне не попадались, портретов я его не встречал и впервые увидел фотографии поэта уже в посмертных изданиях. На них Рубцов был простой, жизнерадостный или грустноватый и чем-то очень и

очень знакомый. И только прочтя где-то, что он недолго учился в Кировском техникуме, я вспомнил его. Это же наш Коля Рубцов с маркшейдерского отделения!

Потом я расспрашивал о техникумовских годах еще помнивших его преподавателей (теперь уже никого из них не осталось), сокурсников и согруппников. Розыск материалов о кировском периоде жизни Н.Рубцова вел научный сотрудник горного института Кольского филиала АН СССР кандидат физико-математических наук А.Бакланов, опубликовавший результаты своих поисков в 1986 г., к пятидесятилетию со дня рождения поэта. Сейчас он где-то в Израиле.

В декабре 2005 г. минуло 50 лет со дня получения мною диплома горного техника геологоразведчика, и, будучи в это время в Апатитах, в Кольском научном центре Российской академии наук, я съездил в Кировск, чтобы выразить свою глубокую признательность замечательному техникуму, давшему мне путевку в жизнь. После теплой встречи с нынешним директором теперь уже не техникума, а Хибинского технического колледжа А.М. Куделиным, беглого осмотра учебных корпусов и лабораторий я с Маргаритой Анатольевной Салтан перешел в музей колледжа, который она возглавляет. М.А. Салтан, а в годы моей юности Рита Стенковенко училась на том же маркшейдерском отделении, что и Н.Рубцов, но курсом позднее. Она по моей просьбе подобрала все, какие нашлись архивные материалы, отражающие учебу и жизнь будущего поэта в Кировске.

Их оказалось немного. Личное дело не сохранилось. Может, его уничтожили после отчисления, может просто пропало при переездах, как и многие другие дела. Не сохранилось ни одной фотографии Н.Рубцова, ни отдельной, ни коллективной. Наверное, ближе всего техникумовский облик отражают снимок в морской форме из собрания А.Пантелеева, вынесенный на обложку замечательной книги Николая Коняева «Николай Рубцов» (Серия ЖЗЛ. М.: «Молодая гвардия», 2001) и полуслепая фотография 1956 г. из учетной карточки члена ВЛКСМ.

Первые сведения о Н.Рубцове мы находим в приказе № 218 по Кировскому горно-химическому техникуму от 25 августа 1953 г. о зачислении в число учащихся 1-го курса лиц, сдавших приемные экзамены и прошедших по конкурсу. Среди 31 учащегося, принятых на маркшейдерскую специальность, двадцатым в соответствии с алфавитным порядком значится Рубцов Николай Михайлович. Кстати, этим же приказом в одну из трех групп по специальности «Разработка рудных и россыпных месторождений» зачислен и мой младший брат Юшкин Олег Павлович.

Я в трудном 1952 году пришел в техникум с мечтой о геологической специальности, с уверенностью в единственно правильном выборе ее, а что привело Колю Рубцова, трудно сказать. Может быть прав Н.Коняев, что это было выражением его стремления к перемене мест: «*Я везде попихаюсь*». Он выбрал или ему навязали совершенно не соответствующую романтической и поэтической натуре измерительно-техническую специальность маркшейдера, требующую скрупулезности основательных математических знаний, умения работать с приборами, проводить сложные расчеты, хорошо чертить и многого другого. Вот как «прославлялась» эта специальность в студенческой песенке тех лет:

*Жил маркшейдер молодой,
Строил шахту под горой,
Он ошибся на чуток –*

*Получил приличный срок ...
Если жизнь невыносима,
Не стреляйся, не топись,
Поезжай быстрее в Кировск,
На маркшейдера учись.
Будешь верным кандидатом
В трудовые лагеря,
И тогда поймешь, товарищ,
Что учился ты не зря.*

Передо мною зачетные ведомости по маркшейдерской специальности. Оценки за первый курс хоть и не блестящие, но и неплохие. По русскому языку твердые четверки, письменный экзамен - 4, устно - 5. То же и по истории, по геологии. А вот по математике, физике, химии, черчению - тройки с редкими четверками. Последний зачет по иностранному языку сдан на пятерку. Дисциплина не выше четверки, за вторую четверть тройка.

Снижение оценок по дисциплине, это мягкое наказание, Коля Рубцов вообще мог «вылететь» из техникума.

Вот выдержки из протокола заседания педагогического совета от 30 марта 1954 г.

СЛУШАЛИ: Сообщение классного руководителя **ЛАГУНОВОЙ М.И.** о поведении учащегося I-го курса **МС РУБЦОВА**. Тов. **ЛАГУНОВА** сказала, что учащийся Рубцов вызывается на педсовет за плохое поведение, за пропуски занятий по неуважительным причинам. Рубцов недостойно ведет себя на уроках. В первом семестре он обещал исправиться, однако и во втором семестре он продолжает вести себя очень плохо.

После вводного слова М.И. Лагуновой последовала серия дежурных вопросов: почему плохо ведет себя, почему испортил чертежную доску, какого года рождения, сколько плохих оценок и т.п. Должен заметить, что все на «Вы», сейчас даже на педсоветах больше «тыкают».

Затем последовала довольно длительная дискуссия.

ВЫСТУПЛЕНИЯ.

БОБЫРЕВ Г.Г. [зав. учебной частью] – Учащийся Рубцов имеет большое количество пропусков занятий.

ОБШИВАЛОВА Н.И. [преподаватель черчения] - Рубцов разлагающе действует на группу, на консультации он не ходит, позволил себе испортить чертежную доску. Считаю необходимым исключить Рубцова из числа учащихся техникума.

ПРИХОДЬКО Н.А. [физкультурник] – Рубцов плохо ведет себя на уроках. Он нагрубил мне на занятиях в спортзале. Поддерживаю предложение **тов. Обшиваловой**.

ПЕТРОВА М.А. – Сегодня на уроке Рубцов подавал реплики с места и мешал моим занятиям с группой. Я отказываюсь заниматься с Рубцовым. На группу он влияет отрицательно. Считаю необходимым исключить его из техникума.

АЛУПОВ И.Ф. – Мы вызывали Рубцова и долго с ним беседовали. Он обещал исправиться, но доверия нашего он не оправдал. Его надо исключить из техникума.

ЛАГУНОВА М.И. – Рубцов трудный учащийся, но он может исправиться.

МОРОЗОВ И.А. [преподаватель истории] - На моих уроках Рубцов ведет себя хорошо, но учиться он не желает. Он пришел к нам в техникум, чтобы получать большую стипендию.

ПЕРЕКРЕСТ Л.А. (преподаватель минералогии) - Рубцов плохо ведет себя и на моих уроках, но его можно исправить.

ИВИНСКАЯ К.С. – У Рубцова не легко сложилась жизнь. К нему требуется особый подход.

ГЛУЩЕНКО А.Е. [директор техникума] – Исключить Рубцова никогда не будет поздно, мы еще недостаточно сделали для его исправления. Считаю необходимым дать ему строгий выговор с предупреждением об исключении из числа учащихся техникума.

ПОСТАНОВИЛИ: За нарушение Устава техникума, выразившееся в плохом поведении на уроках, порчу чертежной доски, большом количестве пропущенных занятий по неуважительным причинам, просить директора техникума учащемуся I курса МС Рубцову объявить строгий выговор с предупреждением об исключении из числа учащихся техникума.

На следующий день, 31 марта 1954 г. это решение педсовета было узаконено приказом № 74 по техникуму.

Как видно из протокола среди преподавателей у Н.Рубцова были не только противники, но и защитники, и это заметно проявляется в характерном для тех времен назидательно строгом ходе заседания. Необходимо сказать несколько слов о тех, кто особенно активно участвовал в обсуждении.

Прежде всего, это классный руководитель М.И. Лагунова. Она в то время была представителем молодежной группы педагогов, только что окончила вуз и преподавала русский язык и литературу, заменив изумительно талантливого и безмерно любимого студентами Н.М.Иванова, начавшего свою педагогическую деятельность еще до революции. М.И. Лагунова была очень активной, ей было интереснее общаться со студентами, чем с пожилыми преподавателями. Помнится, мы, буровики и геологи, «обмывали» свои дипломы у нее на квартире, а не со своими классными руководителями. Она, несомненно, симпатизировала Н.Рубцову, чувствовала его талант и творческую избранность. Однокурсница поэта Е.К.Савкина вспоминает, что Н.Рубцов после ухода из техникума какое-то время переписывался с М.И. Лагуновой.

Такой же либеральной и доброжелательной была Перекрест Лилия Алексеевна, моя наставница по минералогии. Благодарные ученики даже назвали ее именем один из новых открытых ими минералов – перлиалит.

Особенно резко выступала против Н.Рубцова преподаватель черчения Н.И. Обшивалова. Это была замечательная, беспредельно преданная своему предмету женщина, очень строгая, добивавшаяся от своих учеников высочайшего мастерства. Я понимаю ее возмущение: для нее не остро заточенный карандаш был признаком неуважения к любимому черчению, а уж испорченная чертежная доска тем более.

Педагогически мудро вел и закончил заседание директор техникума Антон Евдокимович Глушченко, внешне очень строгий и бескомпромиссный. Его все побаивались, но в душе он, наверное, был добрым и многим помог в трудных ситуациях.

Несмотря на неурядицы, первый курс техникума был успешно преодолен и Н.М. Рубцову как и другим учащимся приказом № 149 от 1 июля 1954 г. был предоставлен « ... отпуск на период каникул с 1 июля по 31 августа 1954 г. ... с выплатой стипендии за июль и августа месяцы».

Как провел этот отпуск Н.Рубцов мы знаем из книги Н.Коняева. Он съездил на свою вологодскую родину, встретился в Тотьме со своей девушкой Таней Решетовой, первой его любовью, а потом почему-то поехал в Ташкент. Может быть и не столько в Ташкент, сколько на один из рудников, куда посылали на практику учащихся техникума. Есть у него в одной из стихотворных строк, что жизнь его носила «... и по рынкам знойного Чор-Су». Возможно, что это был серный рудник Шор-Су в Ферганской области, в предгорьях Алайского хребта. Там всегда было много наших студентов и выпускников. О ташкентской поездке осталось довольно мрачное стихотворение:

*Да! Умру я!
И что ж такого?
Хоть сейчас из нагана
в лоб!
Может быть,
Гробовицик толковый
Смастерит мне хороший
гроб.
А на что мне
Хороший гроб-то?
Зарывайте меня хоть
как!
Жалкий след мой
Будет затоптан
Башмаками других
бродяг.
И останется все,
Как было
На Земле,
Не для всех родной ...
Будет так же
Светить Светило*

*На заплеванный шар
земной!*

Листая протоколы заседаний педсовета тех времен, находилось много любопытного. Оказывается, не только Н.Рубцов стремился в литературу, были и другие уже определившиеся в писательских целях учащиеся.

Протокол от 25 мая 1954 г. хранит эпизод из судьбы учащегося горноэлектромеханической специальности Маковозова.

Приведу некоторые выписки из этого документа, упустив возмущенные выступления.

СЛУШАЛИ: Сообщение классного руководителя тов. **МАКМАТОВОЙ Р.И.** о поведении учащегося II курса ГЭМС **МАКОВОЗОВА.**

Тов. Макматова сказала, что учащийся Маковозов в последнее время изменил свое отношение к учебе в техникуме, имеет плохую успеваемость и пропуски без уважительных причин 36 учебных часов. Учащийся Маковозов обладает достаточными способностями и мог бы учиться хорошо, однако он не хочет учиться, так как намерен оставить техникум, сдать экзамены за десятилетку и поступить в литературный институт, т.к. литературу считает своим призванием.

Сообщение тов. Макматовой дополнил директор техникума тов. Глущенко А.Е., который сказал, что учащийся Маковозов договорился со школой сдать экзамены экстерном за 10 классов. Однако это пошло в ущерб его учебе в техникуме и дисциплине. Он сдавал экзамены в школе и пропускал занятия в техникуме. Маковозов находится на госстипендии. Получая стипендию он использует техникум в личных своих интересах. Я хотел исключить его из техникума и взыскать с его родителей деньги, полученные им в виде стипендии, но он обещал исправиться. Обещание он, однако, не выполнил.

ВОПРОСЫ:

МОРОЗОВ И.А. – Зачем вы, тов. Маковозов, поступили в техникум, если намеривались поступить в литературный институт?

МАКОВОЗОВ (ответ) – Я хотел уйти из техникума, но мне сказали, что с меня удержат деньги, полученные по стипендии.

МОРОЗОВ И.А. – Вы так уверены, что из вас получится писатель? У вас что-нибудь есть? Имеются ли отзывы?

МАКОВОЗОВ – Да, есть. Могу прочитать.

МОРОЗОВ И.А. – Вы уверены, что в этом ваше призвание?

МАКОВОЗОВ (ответ) – Да, это мое призвание. Я должен быть литератором, и как можно скорей. Время не терпит. Надо бороться с грязью, которая еще не вполне

изжита. Не
подхалимам.

изжита грязь и в техникуме: пятерки ставятся только

РЕШЕНИЕ: Учащийся Маковозов за время пребывания в техникуме зарекомендовал себя с отрицательной стороны, имел пропуски занятий по неуважительным причинам, на политзанятиях вел себя крайне вызывающе, бросая реплики: «зачем это мне нужно» и т.д. На педсовете проявил идейное хулиганство, показав себя крайним индивидуалистом, проявил недостойное советского учащегося поведение, оскорбил педсовет в полном составе. Педагогический совет ходатайствует перед директором техникума об исключении учащегося Маковозова из числа учащихся техникума и перед комсомольской организацией об исключении его из комсомола.

МАКОВОЗОВ: - Спасибо за мудрое решение.

О дальнейшей судьбе Маковозова я не знаю.

На переданной мне копии протокола есть пометка, сделанная, скорее всего, М.А. Салтан «Может быть Рубцов Н.М. знал об этой истории и задумав уходить решил не учиться, чтобы исключили!» Возможно это и так. Добровольный уход требовал возвращения стипендии, что для Н.Рубцова было нереально.

После каникул он, наверное, понял, что маркшейдерское дело не его стихия и практически перестал учиться. В ведомостях успеваемости за второй курс у него пятерки только по истории, самозащите и военно-физической подготовке да четверки по русскому языку и литературе, по другим предметам двойки и редкие тройки. Дисциплина по прежнему вызывает справедливые нарекания, колеблется между тройками и четверками.

Из приказа по Кировскому горно-химическому техникуму № 255 от 30 октября 1954 г.:

Учащиеся 2-го курса ГЭМС Мезенцев, Алексеев, Телов и др., учащийся 2-го курса МС Рубцов, 23/Х-54 г., под предлогом проводов товарищей в Советскую Армию, устроили в общежитии коллективную выпивку, после чего учинили шум, выражались нецензурными словами и нетактично вели себя с комендантом общежития.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. За допущение выпивки в общежитии учащимся 2 к. ГЭМС Мезенцеву, Алексееву и Телову объявить **ВЫГОВОР**, а группу учащихся 2-го курса ГЭМС на доску Почета не заносить.

2. За допущение выпивки в общежитии учащемуся 2 к. МС Рубцову объявить **ВЫГОВОР**.

Замечу, что летом 1955 г. было закончено строительство нового пятиэтажного кирпичного общежития на улице Хибиногорской с паровым отоплением. В него поселили ряд групп, в том числе и маркшейдеров. Н.Рубцов поселился в одной комнате с Е.В.Ивановским, ставшим впоследствии главным маркшейдером объединения «Апатит». На первом курсе они жили вдвоем в одном из щитовых бараков на улице 30-лет комсомола, где надо было топить печки и все

*в деревенском стиле я,
Будоражат сердце мне
в сумерках полей
Крики перепелок,
ранних звезд мерцание,
Ржание стреноженных
молодых коней ...*

С этих восторженных мотивов начинался кировский поэтический цикл Н.Рубцова.

А завершился он на тоскливых нотах (напомню «Прощальные стихи» для Н. Шантаренкова). И вот, несомненно, самое последнее стихотворение, написанное девятнадцатилетним Колей Рубцовым в январе 1955 года перед самым увольнением из техникума:

*Уж сколько лет слоняюсь по планете!
И до сих пор пристанища мне нет ...
Есть в мире этом страшные приметы,
Но нет такой печальнее примет!
Вокруг меня ничто неразлично,
И пусть укрыт от взора моего.
Иду, бреду туманами седыми;
Не знаю сам, куда и для чего?
В лицо невзгодам гордою улыбкой
Ужели мне смеяться целый век?
Ужели я, рожденный по ошибке,
Не идиот, не гад, не человек?
Иль нам унынью рано предаваться,
На все запас терпения иметь?
Пройти сквозь бури, грозы, чтоб назваться
Среди других глупцом и ... умереть?
Когда ж до слез, до боли надоели,
Заботы все забвению предать?
И слушать птиц залиvistые трели
И с безнадежной грустью вспоминать?
И вспомню я ...*

*Полярною зимою
Как ночь была темна и холодна!
Казалось, в мире этом под луною
Она губить все чувства рождена!
Как за окном скулил, не умолкая,
Бездомный ветер, шляясь над землей,
Ему щенки вторили, подвывая,
И все в один сливалось жуткий вой!
Как, надрываясь, плакала гармошка,
И, сквозь кошмар в ночной врываясь час,
Как где-то дико грохали сапожки –
Под вой гармошки – русский перепляс.*

*... Бродить и петь про тонкую рябину,
Чтоб голос мой услышала она:
Ты не одна томишься на чужбине
И одинокой быть обречена! ...*

Думаю, что грустные мотивы в лирике Н.Рубцова – это следствие метаний в поисках самого себя. Они продолжались всю его недолгую жизнь. «Никем по свету не гонимый» поэт не мог успокоиться. Он жил чувствами.

Александр ЕРШОВ

ЗАМ ПО ВОЙНЕ, КАК МЕНЯ НАЗЫВАЛИ...

Это было в ноябре 2000 года. Меня назначили первым заместителем командира Мобильного отряда МВД РФ. Отряд находился в Грозном. Место дислокации гостиница «Арена», рядом с дворцом Дудаева. Сначала «вертушкой» добрался до Ханкалы. А с Ханкалы меня уже привезли во Временный отдел внутренних дел. Командиром МО был полковник милиции А.К. Кисленко, начальник МОБ Липецкого УВД. Помню, по ночам были постоянные обстрелы. Всю ночь по нам долбосили, наши отстреливались в ответ. Стреляли по нам и из цирка.

Утром стал разбираться, почему у боевиков есть такая возможность каждую ночь обстреливать наши позиции? Взял оперативную сводку. Где-то тридцать с лишним фугасов было снято за сутки, но за сутки же произошло около двадцати подрывов нашей боевой техники. Меня возмутила, та наглость, с которой боевики устанавливали фугасы в 50 метрах от блокпостов.

Собрал всех командиров отрядов, которые стояли на блокпостах ОМОН, СОБР. И устроил им разгон. Ночи, конечно, темные, но увидеть действия противника можно и своевременно принять меры. Командирам такое мое поведение не понравилось. Послышался ропоток:

- Мы по пятнадцатому разу в Чечне, а вы тут нас учить вздумали...
- Попробуйте сами...

Но я старый вояка, с Академией имени Фрунзе за плечами, задавил поначалу особо ретивых знанием армейской терминологии по минированию и инженерным работам с минами. Поставил задачи по минно-взрывным заграждениям и секторам обстрела на каждый вид оружия. Заставил проверить в своих секторах и доложить какие минно-взрывные заграждения имеются. Они меня убеждали, что и сами минировали и растяжки ставили и их предшественники, а нашли только несколько растяжек, а рядом с расположением мобильного отряда лишь две. Большинство мин и растяжек боевиками были уже давно сняты и рассекречены. С каждым командиром определил сектор обстрела, рубеж обороны, потренировал на подъем по тревоге... Люди были не довольны, особенно подмосковные СОБРы:

- Приехал тут, пальцы гнет...

Решил: «Ну, сейчас я вам покажу, кто чего стоит...». Переговорил с командиром северо-западного РУБОП СОБР Ленинградской области. Он выделил мне десять человек, и мы сходили ночью поработали. Это называлось «похулиганить в тылу врага». Утром поделились результатом вылазки. Была

ликвидирована группа боевиков. Они пытались установить фугасы на дорогах и оказали вооруженное сопротивление. Несколько особо рьяно сопротивлявшихся были уничтожены, остальные задержаны. Эта ночная вылазка во многом решила взаимоотношения с подчиненными отрядами, и подняла среди них мой авторитет на пользу общего дела. Часто стали поступать предложения от командиров подчиненных отрядов:

- Ну что, Александр Константинович, нынче ночью похулиганим?

При удобном случае, установил более тесные взаимодействия с внутренними войсками. В комендатуре города наметили рубежи огня минометной батареи, провели пристрелку местности осветительными минами. Ночью, когда стемнело, нас, как обычно, начали обстреливать. Вызвал огонь минометной батареи по тому участку, по которому стреляли днем. Кроме того, якутский ОМОН установил фугас в цирке. Рванули его и обстреляли, как следует, помещение самого цирка. После чего стрельба прекратилась практически на два месяца. Позже боевики несколько раз пытались подойти к цирку, больно уж удобная позиция для обстрела нашего расположения, но срабатывали налаженные минно-взрывные заграждения, и на этом вылазка прекращалась. «Зам по войне сработал», - так говорили обо мне ребята. На утро устанавливали новые мины и растяжки. На местах взрывов находили покореженные части вооружения, лоскуты камуфляжа, своих подорвавшихся подельников боевики всегда уносили с собой. Иногда попадались брошенные полусгоревшие машины боевиков.

Боевые группы мобильного отряда ходили на зачистки по всей Чечне. В Урус-Мартане, в Чеченауле, Аргуне, Ведино и Шали, доходили рейдами по горам до Этумкалинского района. Генерал-лейтенант милиции А.А. Чекалин, заместитель министра внутренних дел РФ требовал результатов, и мы результаты давали. Изымали очень много оружия пулеметы, минометы, стрелковое боевое, нарезное. Попадалось и самопальное оружие. Обнаружили и уничтожили подпольный завод по изготовлению самодельных минометов, которые делали из камазовских карданных мостов. В одном из кафе в вечернее время взяли брата Кантемирова с незаконным автоматом.

Как-то обратил внимание на то, что наши блокпосты есть возможность объезжать по другим дорогам. Взял десять человек якутского ОМОНа, встали на параллельную, второстепенную трассу, и сразу результат: на нас напоролось два боевика, которых мы взяли и сдали в Ленинский отдел внутренних дел. После этого приказом начали устанавливать временные КПП на дорогах, которые не были перекрыты блокпостами. Результат оказался прекрасный, и «урожай» достойным.

Однажды проводили спецоперацию в Аргуне, ночью выехали, взяли восемнадцать боевиков по адресам. К шести утра уже их привели в штаб к заместителю командующего по спецоперациям генерал-майору В.П. Подрезову.

Садимся завтракать, Подрезов вызывает:

- Съезди в местечко «Крепость» разберись в обстановке, какая-то буза с местными милиционерами...

Там раньше базировался чеченский ОМОН УВД города Аргун. Взял я десять человек из волго-вятского СОБРА. И вскоре мы выехали.

А обстановка была такая. Парашютно-десантная рота ВДВ окружила эту базу. На ее территории, как доложил мне командир роты, около десяти бывших чеченских омовцев, которые уволены из российских органов правопорядка, но

отказываются разоружаться. Видимо, эти «гвардейцы» были приняты на службу из бывших боевиков. Без долгих разговоров мы туда влетели и всех задержали, разоружили. Стали выходить, по нам как жажнули снаружи. Спрашиваю по радиации Подрезова:

- Кто по мне стреляет?

Он мне:

- А ты где?

- В «Крепости»...

- Что там делаешь?

- Вы же сами меня сюда направили разобраться с обстановкой!

- А мы думали, что вас уже там всех порешили...

Бывшие омоновцы чеченского ОМОНа, подозреваемые в причастности к деятельности незаконных вооруженных формирований, оказали сопротивление. В частности, при штурме мою группу обстреляли из гранатомета РПГ-7, одна из гранат взорвалась рядом со мной. Так я получил контузию, которая на медицинском языке квалифицируется как, закрытая черепно-мозговая, минно-взрывная травма с сотрясением мозга.

А тут еще и наши на выходе чуть не расстреляли. Пока мы разбирались с боевиками, к роте ВДВ присоединились бойцы отдельного разведбата. Они-то и дали предупредительный залп в стену крепости с БМП-1 осколочно-фугасным и с БМП-2 из двадцати трех миллиметровой автоматической пушки, хотели еще и из танка стрелять... Выходим, и вижу на «Крепость» в боевом развороте заходят два вертолета, так называемые, «Крокодилы», вовремя успел дать зеленую ракету отбоя атаки. А то бы покрошили в салат и нас и задержанных.

За время командировки мобильным отрядом было разработано и проведено около пятидесяти специальных операций в городах Грозном, Гудермесе, Аргуне, Урус-Мартане и других населенных пунктах Чеченской Республики. В их ходе задержали по подозрению совершения преступлений и причастности к незаконным вооруженным формированиям почти четыреста человек, изъяли двести пятьдесят единиц огнестрельного оружия, почти триста тысяч единиц боеприпасов, полторы тысячи взрывных устройств, весь этот арсенал был уничтожен и, слава Богу, не выстрелил и не взорвался в боевых действиях против федеральной группировки. Сотрудниками мобильного отряда были уничтожены двадцать четыре подпольных мини завода по переработке нефтепродуктов.

С тех пор много раз еще выезжал в спецкомандировки на Северный Кавказ с различными поручениями, но этой моей маленькой войны я не забуду никогда.

(литературная запись Андрея КАНЕВА)

Валентин ЛЫЧКОВСКИЙ

МИГ ПОБЕДЫ

«Я был беспощаден к себе. Не принимал в расчет температуру, слабость, боли. «Надо!» – и брался за «железо». На подоконнике стояли валидол, валокордин, цистенал, валялись тугие бинты для измочаленных, натруженных связок».

Ю.Власов. «Белое мгновение». 1967 г.

«Белые мгновения» школьного помоста (Необходимое предисловие)

Штангист Юрий Власов – олимпийский чемпион (Рим, 1960 г.), серебрянный призер токийской олимпиады был кумиром мальчишек шестидесятых годов. «Белым мгновением» он называл миг победы. Когда взят неподъемный, казалось бы, вес. Когда зал ревет от восторга, когда глаза слепят фотовспышки репортеров.

Многим из нас хотелось походить на него. Школа, помню, была перегруженной, занимались в две смены, поэтому учителей физкультуры работало несколько. Но только Владислав Иванович Размыслов, добродушный человек с фигурой медведя, пошел навстречу нашим стремлениям и организовал секцию тяжелой атлетики, показав, как надо работать с гирями и штангой. Он же дал нам первые уроки классического силового троеборья, организовал соревнования между участниками секции. И помог понять, что же это такое – белое мгновение.

Никогда не забуду тот счастливый миг, когда за какую-то тысячную долю секунды понимаешь, что вот сейчас, через мгновение, возьмешь вес, который еще пару месяцев назад еле-еле отрывал от помоста. И пусть на наших школьных соревнованиях в тесном коридоре четвертого этажа толпилось не более двух десятков болельщиков и никто не снимал нас для газет и кинохроники, главное было в другом – в преодолении своей слабости. Но для подростков это очень важно. Спасибо Учителю за то, что он помог нам закалить характер.

...Когда мы учились в десятом, Владислав Иванович уволился из школы. Куда он ушел, зачем? – мы, по правде сказать, не задумывались. «На носу» маячили выпускные экзамены, и на какое-то время нам стало уже не до штанги. Но сам учитель остался в нашей памяти именно как штангист. И только три десятилетия спустя я узнаю, что штангистом он станет только сейчас, в последние годы. И не просто штангистом, а двукратным чемпионом Европы в своей весовой категории.

«Уйти» от инфаркта

В школьные годы мы как-то не задавались вопросом, где Размыслов учился, кто он по основной специальности, тем более – откуда родом. Оказалось, что он человек местный, из села Палевицы. Окончил институт физкультуры имени Лесгафта в Питере, где специализировался по водным видам спорта – гребле на байдарках и каноэ. Дважды вместе с напарником становился чемпионом Ленинграда по гребле на байдарке-«двойке».

Получив диплом, несколько лет работал в нашей школе. А после увольнения перешел в училище искусств, где тридцать лет трудился преподавателем физвоспитания. И при этом сам активно занимался спортом, в основном легкой атлетикой, выступал на городских соревнованиях в составе команды ДСО «Спартак». Результаты росли, и в 1996 году его, единственного из Республики Коми (!), пригласили в сборную России для участия в чемпионате Европы по легкой атлетике среди ветеранов, проходившем в шведском городе Мальме. Размыслов занял третье место в легкоатлетическом пятиборье (бег на 100 и 200 метров, толкание ядра, метание диска, прыжки в длину). Год спустя, в 1997-

м, он принимает участие в чемпионате России среди ветеранов, тоже по легкой атлетике. В своей возрастной группе (60 – 64 года) он становится чемпионом в тройном прыжке с результатом 9 м 67 см и серебряным призером по прыжку в длину – 4 м 97 см. Для спортсмена 63 лет – результаты более чем хорошие!

А спустя несколько месяцев после победы на первенстве России его свалил инфаркт. Лечился в общей сложности полтора года. После лечения вышел на пенсию. И с этого момента началась новая страница его жизни, в конце которой его ждали... две золотые медали европейского первенства!

– Я, когда встал на ноги после болезни, ни о каких медалях не думал, – вспоминает Владислав Иванович. – Думал о том, как «уйти» от инфаркта, чтобы жить полной жизнью, а не существовать, как инвалид. Но специфика легкой атлетики такова, что после инфаркта ей заниматься нельзя. Поэтому единственным выходом оставалась штанга. Пришел в спортивный клуб общества «Юность России», к его руководителю Ивану Ивановичу Кулижникову. Тот проявил полное понимание и поддержку, сказал: «Приходите и занимайтесь в любое время, когда вам удобно».

...В первые дни Размыслов только разминался с пятикилограммовым диском – на большее не хватало сил. Недели через две выжал двадцатикилограммовый гриф от штанги. Потом с каждой тренировкой стал увеличивать нагрузку. Пройдет несколько месяцев, и он полностью восстановит свою «доинфарктную» спортивную форму. И – захочет попробовать свои силы в соревновании с ровесниками. Но заниматься классическим троеборьем после инфаркта нельзя, там надо прилагать большие усилия в считанные доли секунд и снова надорвать сердце, другое дело – жим лежа, пауэрлифтинг. В этих упражнениях нагрузка растягивается во времени примерно на 7-8 секунд, что вполне допустимо по медицинским показаниям.

Через четыре месяца после начала тренировок Размыслов принял участие в первенстве республики по жиму штанги лежа. Взял вес в 100 килограммов, заняв первое место в своих весовой (85, 5 кг) и возрастной категориях.

Боли в сердце ушли в прошлое. Закупленные впрок валидол, валокордин и прочие лекарства оказались ненужными.

Европейское золото

К лету 2001 года Владислав Размыслов и еще несколько сыктывкарских ветеранов-«лифтеров» достигли таких показателей, что могли на равных состязаться с сильнейшими тяжелоатлетами Европы. Как раз в тот год в Хельсинки проводился очередной чемпионат Европы среди ветеранов. Конечно, Размыслов, Кулижников и еще два спортсмена-ветерана «загорелись» – вот бы принять участие в нем. Только где взять деньги на поездку в Финляндию?

Руководство Минспорта РК не выразило никакого желания помочь штангистам, хотя бывший министр В.Иванов объездил, наверное, больше стран, чем все члены правительства республики, вместе взятые...

Хорошо, что о проблемах узнал Юрий Алексеевич Спиридонов, в ту пору Глава республики, и нашел средства. Успех наших спортсменов оказался потрясающим! Хотя недостатка в соперниках не ощущалось, на призовые места претендовали около 300 тяжелоатлетов из 27 стран, наши не «затерялись» в толпе богатырей. В тяге Размыслов отрывает от пола штангу весом 170 килограммов, делает приседание с весом в 140 кг, выжимает 110. Получает золотую медаль чемпиона Европы. И – «заявляется» на выступление, где жим лежа учитывается

отдельно от других. «Заказывает» штангу в 120 килограммов. Вес взят! Он получает вторую золотую медаль! И в этом же упражнении чемпионом в своей категории становится Кулижников. Еще два сыктывкарца привозят из Хельсинки «серебро». Весь зал аплодирует спортсменам из города, название которого до этого чемпионата мало кому было известно...

Пластмассовая медаль, или Победитель не получит ничего?

Примечательная деталь – выступая на победном для него чемпионате Европы, Размыслов одолжил экипировку у одного из товарищей, так как своя оказалась сильно поношенной, а позориться перед иностранцами не хотелось. А вскоре после возвращения домой он принял участие в чемпионате Российском, где выступал уже в своем спортивном костюме – чего стыдиться, остальные участники одеты не лучше...

Добившись победы и в родных стенах, Размыслов получил еще одну заслуженную награду – «золотую» медаль, изготовленную из... пластмассы. Вроде тех, какими в детских оздоровительных лагерях награждают малышей за участие в соревнованиях типа «Веселые старты», заказать золотые медали хотя бы из латуни у организаторов чемпионата, конечно же, не хватило средств... После чего я и спросил Размыслова: а что за люди участвуют в европейских чемпионатах, из каких кругов западного общества? Он ответил: «Разные встречаются, в том числе рядовые рабочие и служащие. Но, все-таки, большинство – директора и владельцы предприятий, представители среднего бизнеса. Приезжают на своих машинах, с семьями. Зачем это им нужно? Для примера. Они там у себя строят спортивные клубы для своих рабочих, чтобы люди вели здоровый образ жизни, меньше пьянствовали и болели. Буржуи давно поняли, что заботиться о здоровье рабочих – выгодно...»

Я оглядел убогое помещение спортклуба «Юность России». Спросил:

– А такие помещения там, наверное, только в клубах для разных полулегальных гастарбайтеров из стран Востока?

– Нет, у них гораздо лучше, – с горькой иронией сказал присутствовавший при разговоре Иван Кулижников, неоднократно посещавший Германию. – А у нас – хорошо, что теперь хоть душ есть, а то раньше обливались на улице из садового шланга...

Этот позорный шланг я и сам видел несколько лет назад. В таких условиях много лет работал клуб, где под руководством И.Кулижникова около 60 человек «доросли» до мастеров спорта, а счет перворазрядникам давно потерян. Отчего такая бедность? Этот клуб – бесплатный, кстати, один из немногих оставшихся в городе. И занимаются в нем обычные парни: учащиеся, студенты, молодые рабочие, да еще ветераны-пенсионеры. То есть люди, у которых лишних денег нет и в обозримом будущем не предвидятся. Как, впрочем, нет их и у ветерана спорта Владислава Размыслова, недавно отметившего свое семидесятилетие. Двукратный чемпион Европы не получил от правительства республики ни копейки премии. И звание «заслуженного» тоже, видать, не «заслужил», хотя и проработал 37 лет учителем физвоспитания.

Так и живет на скромную учительскую пенсию. Конечно, на хлеб и кашу остающихся после квартплаты денег хватает. На бифштекс – уже не всегда. Но он никому ни на что не жалуется. Сожалеет только, что в 2002 году, спустя год после

Хельсинки, не смог принять участие в очередном, 33-м чемпионате Европы. Разумеется, по финансовым причинам. Это тем более обидно, что он имел все шансы снова взять европейское «золото». Сравните рекорды Европы в его спортивной категории и его личные достижения:

Жим лежа – рекорд Европы 120 килограммов, его личный – 125.

Приседание со штангой – соответственно 140 и 195.

Тяга – 160 и, – трудно даже поверить, – 225 килограммов!

Именно такие результаты он показывает на республиканских чемпионатах.

В эти минуты зал просто ревет от восторга. А вот в чемпионате Европы ему больше участвовать не пришлось, хотя для поездки требовалось всего-то 500 долларов – в странах ЕЭС это двухнедельная минимальная зарплата... Так что «золото» и «серебро», которые могли в очередной раз прославить не только Республику Коми, но и Россию, «увели» какие-то западные спортсмены, и не потому, что у них техника выше, а потому, что они лучше кормлены, чем наши штангисты... Что особенно обидно энтузиастам «железных» игр и их почитателям...

И еще раз – о белом мгновении (Необходимое послесловие)

...Ни я, ни мои товарищи из школьной секции не пошли в «большой спорт» Но за те полтора года, что мы занимались под руководством Владислава Ивановича Размыслова, я понял главное. Что штанга – самый драматичный вид спорта. Потому что, допустим, если в хоккейном матче ты промажешь по воротам, победную шайбу забросит другой. Если на борцовском ковре получишь во время соревнований травму, твой же соперник поможет тебе подняться и дойти до медпункта.

А со штангой ты остаешься один на один. И если штангу начинает «крутить» над твоей головой, тебе не поможет никто. Просто не успеет помочь. Поэтому в штанге вся надежда – только на себя.

Так когда же, черт побери, мы научимся по достоинству ценить людей, которые не боятся вступать в мужские «игры» с железом на международных чемпионатах, чтобы, завоевав европейское золото, прославить не только себя и свой город, но и Россию?!. Кстати, Размыслов по-прежнему тренируется ежедневно.

Альфия КОРОТАЕВА

«ЖЕЛАЮ БОЛЬШИХ ПОБЕД!»

70 лет назад, 30 августа 1936 года в Коми открылся первый профессиональный национальный театр. Это поистинне знаменательная дата в театральной истории нашей республики.

Правда, старт созданию национального театра был дан еще в октябре 1932 года, когда небольшая группа растерянно озиравшихся, усталых от долгой дороги коми ребят предстала перед испытательной комиссией Ленинградского государственного театрального училища. Можно только догадываться, какие

сомнения терзали тогда педагогов. «Материал» был исключительно сырым. Сказать, что будущие артисты не знали ни произведений советских писателей, ни классиков – значит, не сказать и половины правды. Большинство из них плохо владело русским языком. И это не удивительно для ребят из тогдашней деревенской глубинки. Но дело в том, что педагоги, в свою очередь, не знали коми языка, а преподавание в училище, естественно, шло на русском.

Скепсис членов комиссии только усилился, когда ребята прочли стихи. Они явно были из коми школьной программы, а будущие мастера сцены не обнаружили творческого подхода к излагаемому материалу, преподнося его тихо и несмело. И только импровизации на заданные темы неожиданно выявили у претендентов яркую фантазию, юмор и находчивость. Это решило дело.

Коми курс предложили вести заслуженной артистке республики (РСФСР) Надежде Ивановне Комаровской и режиссеру-педагогу Яну Борисовичу Фриду. Нелегкая им выпала честь! Как вспоминал Я.Фрид, многие преподаватели высказывали обоснованные сомнения: «А выйдет ли что из этих некультурных, обладающих весьма слабыми сценическими данными людей?» Кроме того, опыта работы с национальными группами в училище не было.

Но коми ребята оказались на диво преданными выбранной профессии. Все свои способности и молодую энергию они вкладывали в учебу. И медленно, кропотливо, шаг за шагом стали добиваться желаемых результатов. Уже на первом годовом зачете коми курс выдвинулся на одно из первых мест по театральному училищу. Было чему удивляться бывшим скептикам! Любовь к искусству сделала свое дело. Не было случая, чтобы коми курс не выполнил задания педагогов. Наоборот, частенько работа завершалась досрочно.

Уже весной 1933 года курс показал свое творчество в Сыктывкаре и получил положительную оценку зрителей. А через год будущие профессиональные коми артисты приезжали уже с двумя спектаклями. Всего же за период обучения в училище курс под руководством Я.Фрида и Н.Комаровской осуществил постановки спектаклей «Лес», «Слуга двух господ», «Чудесный сплав» и «Ревизор». В процессе напряженного труда создан прочный театральный коллектив – Мысов, Аврамов, Попов, Кызыорова, Тарабукина, Юранева, Пунегова и другие.

В мае 1936 года коми мастерская успешно закончила курс обучения в училище и стала напряженно готовиться к грядущему 15-летию юбилею Коми области и к торжественному открытию Коми театра.

Открылся первый сезон пьесой А.М.Горького «Егор Булычев» в переводе коми писателя И.Изьорова. Вот что отметила накануне этого события Н.Комаровская: «Открывая первый национальный коми театр и подводя итоги нашей четырехлетней работы, мы должны сказать: в больших трудностях всегда побеждает горячая любовь к искусству, воля к труду и светлая вера в прекрасное настоящее и будущее нашей дорогой родины».

Интересно, что писатель Николай Островский, автор романа «Как закалялась сталь», через Н.Комаровскую вручил коллективу театра свою книгу с надписью: «Коллективу Коми театра желаю больших побед».

АЛЬФИЯ – НАШ СЕВЕРНЫЙ СОЛОВЕЙ

КОРОТАЕВА АЛЬФИЯ САИТНУРОВНА (р. 27.06.1959, Челябинск), певица, ведущая солистка Государственного театра оперы и балета Республики Коми, заслуженная артистка РК (1994). Работает в Сыктывкаре с 1985 г. после окончания Уральской государственной консерватории (г. Сыктывкар). У К. – лирико-колоратурное сопрано полного диапазона...

«Энциклопедия Республики Коми», 2000, с.141-141».

Известная в России поэтесса Надежда Мирошниченко, давая интервью корреспонденту республиканской газеты «Красное знамя» в марте 2000 года, свое восхищение талантом этой замечательной певицы выразила просто: «Я люблю всех солистов театра, но настоящий соловей для меня – Аля Коротаева». Эти слова прозвучали после спектакля «Травиата», в котором Альфия исполнила партию Виолетты. Вскоре А.С.Коротаевой (в девичестве Калимуллина) присвоили звание «Народный артист Республики Коми». В феврале 2006 года она стала заслуженной артисткой России...

Как к человеку приходит успех и признание? На столь непростой вопрос Альфия может ответить весьма убедительно и обстоятельно, и в ответе обязательно будут присутствовать слова «труд» и «упорство». Впрочем, известный сыктывкарский литератор, член Союза писателей России Алексей Иевлев тоже ответил на вопрос правильно. «Альфия Коротаева, - писал он, - не обделена наградами, не обойдена вниманием зрителей... Адской работой дается ей неземное волшебство вокального и сценического творчества... Надо только надеяться на себя, верить в Богом данный талант – и работать, работать, работать...»

По прошествии многих лет актриса, по её признанию, часто ловит себя на мысли, что фигурное катание в детстве (в этом виде спорта она доросла до второго разряда) дало ей многое. А самое главное – девочка узнала очень много хорошей музыки, полюбила Чайковского, Кальмана и других композиторов. После десятого класса Альфия не сразу поступила в музыкальное училище, а потом – в консерваторию родного города. До этого у будущей певицы были свои «университеты».

«Отец нас бросил, когда мне было шесть лет, сестре Земфире – два года, - вспоминает Альфия. – Мама (Хамида Калимуллина), перенесшая туберкулез, была на легком труде и получала 40 рублей в месяц. Наш «генерал» долгие годы скрывался и не платил алименты, его пришлось искать по всему Советскому Союзу. Мама мыла полы в 5-этажном четырехподъездном доме, собирая с жильцов по 50 копеек в месяц. Так и жили».

После окончания восьмого класса девочка хотела поступить в техникум легкой промышленности, но так, как её «аттестат» был, мягко говоря, не очень хорош, то пришлось эту идею оставить. После окончания десятилетки Альфия с аттестатом зрелости со средним баллом 4,5 пошла в швейное училище, чтобы получить специальность «пошив верхней женской одежды». Она окончила его с красным дипломом и получила высший для выпускника разряд – пятый. Шестой давали только мастерам-закройщикам в ателье. Правда, по полученной специальности девушка никогда не работала – всегда мечтала петь. Полученная в

училище «нужная» специальность, ой как, пригодилась Альфии в будущей жизни – она сама моделировала и шила себе одежду (на зависть подругам), а впоследствии – и сценические наряды.

Всегда мечтала петь... Для воплощения мечты А.С.Коротаевой пришлось пройти через тернистый путь. И она его осилила.

- Альфия, а что больше всего врезалось в память из детских лет? – спросил однажды её один из авторов этого очерка.

- Обида.

- Обида? А на что?

- Мы жили в Челябинске. Близость Татарстана, Башкирии, Удмуртии, Чувашии, а также длительный срок проживания людей разных национальностей, казалось бы, должны были сгладить все предрассудки. Но не тут-то было. Дети – самое бесхитростное отражение родителей... Многие школу вспоминают с радостью – «Школьные годы чудесные, с книгами, с дружбой, с песнею!» А мне от школы – лишь горечь. В классе и в глаза, и за глаза обзывали черномазой. И ладно бы – только обзывали. Запросто могли пнуть, стукнуть или плюнуть в лицо. Детский экстремизм?

Хуже, когда отвратительно ведут себя взрослые и, особенно учителя. И сейчас голос известной певицы дрожал, когда она рассказывала об эпизодах из школьной жизни, хотя прошло уже несколько десятилетий.

...Учительница первая её Александра Яковлевна, наверное, в классе четвертом, раздала школьникам анкеты. В них было много пунктов: как зовут родителей, где они работают, домашний адрес и... национальность. Альфия, считай, еще девчужка-несмышлениш, неокрепшим почерком вывела в той анкете слово не татарка, а «ТАТАРОЧКА». Что было на следующий день! Как смеялась учительница, зачитывая её анкету и акцентируя: «Вы послушайте, как она написала – татарочка!». Весь класс гоготал, а девчужка не могла сдержать слёз...

- Бог судья этой учительнице. Но я и сейчас твердо убеждена – не должно быть таких педагогов, - заключила Альфия. Она попутно заметила, что в консерватории никакого национализма не помнит, хотя учились там отовсюду – из Якутии, Прибалтики, Монголии, Украины...

...Сыктывкар для молодого специалиста тоже не стал раем. В спектаклях Альфия была занята в малозначительных ролях. Несколько лет ушло у неё на детские постановки и сказки – в театре тогда была «эпоха» другой солистки. И если бы она позволила себе опустить руки в первые годы своей театральной карьеры, то так и блистала бы в ролях мышек, кошек, репок и других героических персонажей. «Под лежащий камень вода не течет», - вспомнила будущая знаменитость мудрую пословицу и начала действовать.

Первую оперную партию она подготовила самостоятельно – на основе опыта, полученного в консерватории. Слушая пластинки великих оперных певиц и глядя, как играют на сцене другие, Альфия сама организовала свой первый сольный концерт, который состоялся в «Комигражданпроекта». Она сходила в профком той стройорганизации, сказала: «Не надо мне никакого гонорара. Настройте инструмент». В большом зале «Комигражданпроект» тогда собралось человек восемьдесят. Зрители выступление приняли хорошо (она пела арии и романсы русских композиторов). Певице подарили бестселлер тех лет «Анжелика – маркиза ангелов». Признанная теперь актриса как-то призналась, что хранит ту книгу до сих пор.

А потом снова была работа над собой, над новыми произведениями, без наставника, вслепую, с ошибками, но и с удачами (всегда работа и работа). Перед тем, как пойти в театр, в театре, после выступления в театре. «Порой я так досаждала домашним своим пением, - смущенно, но с юмором, присущим ей, улыбается актриса, - что даже собаки начинали мне подвывать, помогая брать верхние ноты».

Альфия не знает, как объяснить это, но судьба (или линия жизни) постепенно и неуклонно вела к тому, что в конце концов она стала профессиональной певицей. Трудностей судьба, конечно, не жалела, но с этим актриса просто смирилась. «И не получилось бы из меня ничего путного, - говорит она, - не будь этих самых трудностей».

Шло время... В газетах все чаще писали о её удачных выступлениях, об удачно исполненных партиях и операх в опереттах. И вот пришел 1994 год. В марте в театре был большой концерт по случаю открытия года семьи. Альфия тогда впервые исполнила «Сказки Венского леса». Зал просто взорвался от аплодисментов. Такого счастья, по признанию певицы, она еще никогда в своей жизни не испытывала. Ия Петровна Бобракова – педагог, музыкальный режиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР и Коми, будущая народная артистка России (1995 г.) – тогда воскликнула:

- Альфия, завтра ты станешь звездой!

Ее слова оказались вещими. Много воды уже утекло с тех пор. Много удач у актрисы было в минувшие годы. Часть их отражена в уже упоминавшейся «Энциклопедии Республики Коми», с которой и начато наше повествование. Это прекрасно исполненные партии в опереттах и операх: Адель и Арсены («Летучая мышь» и «Цыганский барон»), Дездемоны («Отелло»), Микаэлы («Кармен»), Марфы («Царская невеста») и многих других. Они – культурное достояние нашей республики.

А потом было все: и концерты, и выступления в ближнем и дальнем зарубежье, и поездки по городам и весям Коми, и выступления в Москве и Санкт-Петербурге, и победы в различных конкурсах. Одно оставалось неизменным: восторг и восхищение слушателей её чудным исполнением романсов, песен и арий. Вокальные произведения в исполнении Альфии Коротяевой звучали и в эфире радиостанций «Маяк», «Народное радио», «Радио-1», «Садко», «Звук», «Коми гор». Притом, на разных языках – руссом, татарском, коми... В её исполнении записан цикл вокальных передач на телевидении Коми. В 1999 г. Альфия исполнила написанный для неё вокализ Евгения Доги в кинофильме режиссера В. Панина «Опять надо жить», снятом на киностудии «Мосфильм». В 2001 году вышел аудиоальбом «Тебе, моя республика!» (16 песен авторов Коми в исполнении этой примы земли северной).

Из наиболее значимых для нее побед, которыми Альфия очень дорожит, считая их важными вехами в своем певческом творчестве, назову лишь несколько:

Гран-при на республиканском конкурсе вокалистов (1993);

Лауреат первой премии II памяти И. Юрьевой в Таллинне (май 2001 г.);

Лауреат первой премии III Всероссийского романса во Владимире (октябрь 2001г.);

Гран-при на Международном конкурсе в Одессе (2003 г.)...

А.С. Коротяева идёт по жизни рука об руку с юмором, который, как известно, помогает преодолевать преграды. Еще не так давно руководитель

еврейской национально-культурной автономии Леонид Зильберг, с которым она жила в одном доме, при встрече заметил: мол, была бы в тебе хотя капелька нашей крови, мы бы тебя раскрутили...

- Кровь у меня татарская, другой нет, - сказала она тогда соседу.

Через некоторое время, встретив того снова, молвила:

- Дело поправимое. Я уже учу одну еврейскую песню.

Зильберг заинтересовался: «Какую?»

- «Раз пошли на дело я и Робинович!»

Сосед с удивлением долго смотрел ей вслед.

...30 апреля 2003 года в республиканской газете «Красное знамя» почитатели её таланта прочли вот эти строчки: «Народная артистка РК Альфия Коротаева стала лауреатом Гран-при Международного конкурса – Открытого кубка Евразии исполнительских искусств «Имена будущего». Тем самым она продолжила серию своих побед»...

Местные поэты посвящают северной примае стихи, например Алексей Иевлев – аж два («Актриса», «Как тебя занесло в эту глушь?»). А поэтесса из Эжвы Нина Николаева написала вот эти строчки:

«Дивно в театре поет Альфия –
Нет голосистей того соловья,
Голос её даже любят в Кремле –
Честь Татарстану и Коми земле!»

И как не делать такого: если в газетах то и дело печатаются восторженные отзывы на её выступления – журналистов и критиков. 7 июля в одной из газет (2004г.) появилась вот эта заметка: «По крайней мере, один «бриллиант из Коми» давно и безоговорочно признан уникальным среди российских ювелиров. Это народная артистка РК Альфия Коротаева. Вместе с другим «самородком» России, певцом Ренатом Ибрагимовым, она является постоянным гостей ежегодных Международных ювелирных фестивалей... Девизом компании «Алмаз-Холдинг» является призыв «Вместе с нами в мир прекрасного!» Альфия получила приглашение принять участие в праздновании 1000-летия Казани».

Да что восторги журналистов! Народная артистка СССР Ольга Лепешинская еще пять лет до этого после выступления Коротаевой на сцене ЦДРИ в Москве не смогла сдержать восхищения: «Какой голос, Бог мой, откуда в Коми такой самородок!...»

Талант Альфии воистину многогранен. 23 января 2004 г. певица родила сына Назвали его Анатолием. Удивительное дело: хлопоты и заботы не заслонили у Альфии тягу к творчеству. Она умудряется выкроить время не только для работы над новыми сольными номерами, но и пишет статьи о людях, с которыми её свела судьба. Они напечатаны в литературных альманахах «Сыктывкар», «Был у меня хороший друг» и тоже тепло встречены читателями. Но это не все. Недавно в сыктывкарской типографии отпечатан тираж ее книги «Как в сказке о Золушке». В книжной новинке – интервью, статьи и воспоминания самой актрисы, отзывы ведущих деятелей культуры России и Коми, сказавших доброе слово о нашей землячке. В книге есть раздел «Библиография», в котором я насчитал (с 1994 г. по сей день) почти триста упоминаний и заметок о нашей примае. Да, доступна она журналистам, труд которых ценит очень высоко.

Вкратце говоря о книге, следует обязательно подчеркнуть: статьи, вышедшие из-под её пера, написаны живым и сочным языком, с добрым юмором.

Книга читается на одном дыхании. Жаль только, что из-за ограниченного объема очерка нет никакой возможности процитировать избранные места из столь чудной книжки. Правда, один абзац все же осмелюсь предложить читателям, вот этот:

«Награды – это вообще больное место. Начни о них говорить, любой может в глаза укорить, что скромней надо быть. Но я-то просто обвешана шлейфом «детективных» историй, связанных с моими республиканскими наградами. Звание «заслуженной» я получила после визита к нам Минтимера Шаймиева. Мне сообщили, как сейчас модно говорить, из заслуживающих доверия источников, что руководство Татарстана, услышав мои «Сказки Венского леса», тут же объявило Главе Коми, что намерено забрать меня в Татарстан, где умеют ценить таланты. Татарам меня не вернули» (с.76).

Радуется, что слава не испортила приму северной земли. Альфия по-прежнему доброжелательна к людям, даже немного застенчива, не чванлива, на коллег не смотрит свысока. А вот требовательности к себе у нее прибавилось. «Чтобы держать планку», - говорит она.

А еще у нее есть одно очень хорошее качество, что в нынешние времена большая редкость – чувство благодарности к людям, сделавшим для нее хоть когда-то добро. Она всегда помнила и сейчас благодарит своих педагогов вокала в консерватории Милиту Александровну Садовскую и Людмилу Флегонтовну Дроздову, сделавшими из поющей девочки оперную певицу.

...В конце февраля 2005 года Альфия Коротаема дала первый сольный концерт в Сыктывкаре, подготовленный после рождения ребенка. До этого она уже участвовала в концертных программах, но полновесного концерта еще не было. Ее новый сольный концерт был посвящен юбилею (225-летию) Сыктывкара и 20-летию ее профессиональной деятельности. Альфия дала ему название «Грезы любви». Успех, как и прежде, был оглушительным. А летом 2006 года Альфия покорила своим голосом и слушателей Татарстана. Она выступала с концертами в Казани и Набережных Челнах.

Что ж, порадуемся за этого замечательного человека – упорного, настойчивого, а главное – очень талантливого. Пусть удачи сопутствуют ей и дальше!

Галина МАРКОВА

“CIRCOLO MATEMATICO”

Это почетное звание университет города Палермо в 1929 г. присудил 36-летнему профессору Ленинградского горного института Андрею Митрофановичу Журавскому. В этом институте он работал с 1916 г. после окончания Петербургского университета, возглавлял кафедру высшей математики с 1920 по 1942 гг. и впоследствии с 1955 по 1969 гг., вплоть до своей кончины. Выдающийся ученый, математик с мировым именем А.М.Журавский занимался исследованиями не только в области «чистой математики» (теория чисел, теория вероятности, теория функций), но и в ее прикладных направлениях – в области геологии и в военном деле.

Здесь, в Сыктывкаре, он оказался после отбытия срока заключения по 58-й «расстрельной» статье (с 1942 по 1952 гг.) по так называемому «Делу № 555» ленинградских ученых, сфабрикованному в отношении 12 человек, из которых

только четверо дожили до реабилитации в 1954 г. Суть заключалась в том, что ему предложили эвакуироваться, разрешив взять с собой лишь одного члена семьи (только мать или сестру). С этим он не мог согласиться. И это послужило достаточным поводом, чтобы обвинить профессора А.М.Журавского в антипатриотизме, в намерении сотрудничать с немецкими оккупантами. Под пытками, подвергаясь физическим и моральным истязаниям, он дает «добровольные» показания в принадлежности к некоей «организации, образованной для содействия иностранному государству, находящемуся в состоянии войны с СССР». Около года А.М.Журавский провел в тюрьме, ожидая исполнения приговора. Высшая мера была заменена десятью годами лишения свободы. Сначала он был этапирован под Соликамск, Пермской области (с февраля 1943 г. началась его работа в ОКБ спецлагеря для научных работников), а после войны его заключение проходило в «Крестах», в Ленинграде.

В феврале 1952 г. А.М.Журавский был выслан в Коми АССР, в Сыктывкар, где устроился работать в Коми государственный педагогический институт на должность лаборанта кафедры математики. Он пишет письмо в адрес Л.П.Берия с просьбой предоставить ему возможность начать в ОКБ работы. Через несколько месяцев ему разрешают возвратиться в Ленинград, а 20 декабря 1954 г. полностью реабилитируют.

А пока он в Сыктывкаре. Из писем к матери Екатерине Ивановне узнаем, как и чем жил здесь А.М.Журавский. Он начинает оборудовать кабинет математики, сам изготавливает учебные пособия, проводит консультации, помогает студентам и школьникам, занимается с заочниками, по линии Института усовершенствования учителей читает лекции по математике, организует математический семинар на кафедре. Включается в научную работу. С 1 сентября 1952 г. его переводят на должность старшего лаборанта с правом чтения лекционных курсов и проведения практических занятий, вскоре назначают на должность старшего преподавателя. Живет он на частной квартире, в деревянном доме по улице Бабушкина у наших дальних родственников (район современного здания Администрации города). На жизнь не жалуется, хотя пишет о накопившейся усталости.

А.М.Журавский вдохновлен тем, что в Коми на базе пединститута намечается развернуть Политехнический институт с лесным и горным факультетами. Он всецело погружается в дела и проблемы Коми края. Его слова: «Хочется быть максимально полезным тому краю, где живу, и стране в целом» - это не пустая патетика, а боль души, глубинные помыслы чистого и возвышенного человека, привыкшего трудиться и отдавать все силы на благо Отечества.

Очень тепло Андрей Митрофанович отзывается о людях, которые его здесь окружают. Будучи русским по национальности и зная в совершенстве основные европейские языки (французский, немецкий, английский), владея испанским, шведским, итальянским, а также греческим, латинским, со словарем – норвежским, польским, он начинает изучать и даже говорить на коми языке. Однако отмечает его фонетические сложности и особенности структуры языка.

В Сыктывкаре для А.М.Журавского открылось огромное поле деятельности, и, даже получив в октябре 1952 г. разрешение возвратиться в Ленинград, он по просьбе дирекции остается в Коми пединституте с тем, чтобы завершить свои лекционные курсы и провести зимнюю экзаменационную сессию. Он руководствуется чувством долга перед кафедрой и студентами. Но Ленинград,

близкие люди, потребность продолжать свои научные работы зовут его. В январе 1953 г. он покидает Сыктывкар.

Мне довелось знать его. В начале 1952 г., когда он начал работать в КГПИ, я училась на последнем курсе физико-математического факультета. Весь облик Андрея Митрофановича – гордая осанка, величественная посадка крупной головы, безусловно причесанные седые волосы (львиная грива!), мягкий спокойный голос, все понимающие глаза и какая-то ирония в них – все вызывало чувство почитания и даже юношеской влюбленности. Он был, как мне помнится, выше среднего роста, ходил он неторопливо, не было в нем ни суеты, ни униженности, ни следов истощения. Это, наверное, и была та самая породистость, которая «от дворян». В этом была, видимо, и несломленность духа, чувство правоты, нужности, полезности, которые его не покидали. Одет А.М.Журавский был во все серое. Костюма я не помню, возможно, это была тужурка типа спецовки. Кирзовые сапоги, серое грубошерстное пальто без теплого воротника, шапка-ушанка арестантского покроя завершали его гардероб. В то время никаких лекций он не читал, но я иногда обращалась к нему за консультацией.

Сохранился список научных работ А.М.Журавского, написанный им собственноручно 10 марта 1953 г. при оформлении на работу в Коми государственный пединститут на должность лаборанта кафедры математики. Он, видимо, составлен А.М.Журавским по памяти, не выдержан хронологически и ограничен 1940 г. Список содержит 38 наименований и, возможно, неполный. Многие его работы, в том числе выполненные в «Крестах», относились к военной технике и были засекречены. Документ хранится в Музее истории КГПИ.

Не менее интересна биографическая справка, которую в 1998 г. мне передал доцент кафедры высшей математики Санкт-Петербургского горного института В.Карпенко:

«Журавский Андрей Митрофанович (1892-1969 гг.), выдающийся ученый в области прикладной математики, профессор, доктор технических наук, автор около 100 научных работ. С 1920 г. по 1942 г. и с 1955 г. по 1969 г. заведовал кафедрой высшей математики Горного института, в 1941-1942 гг. руководил Ленинградским отделением Математического института АН СССР.

Научные исследования А.М.Журавского характеризуются широтой и разнообразием тематики и относятся к различным областям теоретической и прикладной математики: алгебре, теории чисел, теории функций, теории вероятностей, численным и графическим методам анализа. Ряд его работ посвящен приложениям математических методов к задачам горного дела и оборонной технике.

В теории чисел А.М.Журавским была решена задача чисто арифметического доказательства взаимности кубических вычетов, оставшаяся нерешенной после смерти Гаусса. В теории аналитических функций им было дано элементарное построение эллиптической функции Вейерштрасса в рамках идей Ю.В.Сохоцкого. Развивая исследования Ляпунова, относящиеся к предельной теореме теории вероятностей, А.М.Журавский первым решил классическую задачу о предельном законе распределения для суммы независимых случайных векторов.

А.М.Журавский первым объединил общей идеей разрозненные приемы подсчета запасов полезных ископаемых и дал теоретическое обоснование новым методам, учитывающим геологическую специфику месторождения, разработав способы оценки возможной погрешности. Созданная им теория использовалась

для оценки запасов месторождений, введившихся в эксплуатацию в годы первых пятилеток.

А.М.Журавским были составлены «Справочник по теории эллиптических функций», отличающийся полнотой, строгостью и краткостью изложения и удобный для решения практических задач, и первый в стране «Сборник задач по высшей алгебре».

В конце 20-х годов А.М.Журавский был основателем и первым директором «Бюро технических расчетов», организованном при Ленинградском университете.

В 30-е годы А.М.Журавский одновременно с работой в Горном институте заведовал Отделом приближенных методов Математического института АН СССР, а в 1941-1942 гг. был руководителем Ленинградского отделения этого института.

Трагический излом в судьбе А.М.Журавского произошел в 1942 году, когда он был необоснованно репрессирован.

Находясь в заключении, А.М.Журавский создал в ОКБ-172 по разработке корабельной артиллерии школу молодых сотрудников, внесшую значительный вклад в разработку новой военной техники. По этой тематике им было написано около 30 научных статей и отчетов и ставшая классической монография «Теория теплового процесса в артиллерийском оружии» (М., Военмориздат, 1952, 240 с.), а разработанные на базе этой теории методики расчета были предписаны как обязательные при проектировании артиллерийских орудий. В заключении А.М.Журавским был также произведен расчет газовой турбины для реактивного двигателя.

В 1954 г. А.М.Журавский был реабилитирован и с 1955 г. до конца жизни возглавлял кафедру высшей математики Горного института, оставаясь консультантом ОКБ-43 (по своей прежней закрытой тематике).

В начале 60-х годов А.М.Журавский ввел в курс математики на руководимой им кафедре разделы: «Теория вероятностей» и «Линейное программирование» и разработал учебные пособия: «Курс математического анализа», «Теория вероятностей» (конспект лекций) и «Линейное программирование» (конспект лекций).

А.М.Журавский организовал на кафедре постоянно действующий семинар по применению математических методов в геологии и консультировал ряд отраслевых институтов.

В теории гидроотбойки им была дана приближенная элементарная теория свободной струи с ее энергетикой и предложено приближенное решение об энергоемкости хрупкого разрушения горного массива.

В 1961 г. А.М.Журавский был награжден орденом Трудового красного знамени, а в 1968 г. Горным институтом было возбуждено ходатайство о присвоении ему почетного звания «Заслуженный деятель науки и техники», что не было осуществлено из-за его неожиданной кончины». Справка датирована 20 мая 1998 г. и составлена Санкт-Петербургским отделением Национального комитета по истории и философии науки и техники Российской Академии наук.

А.М.Журавский ушел из жизни 4 сентября 1969 г. в результате нелепой случайности – его сбил мотоциклист.

Человек широкой научной эрудиции, образованности, высокой культуры, крупный ученый-математик, претерпев унижения и оскорбления, но переступив через них, Андрей Митрофанович Журавский сохранил в себе главное –

человеческое достоинство, благородство, преданность науке, истинный патриотизм – и пронес их через всю свою жизнь.

Валентин ГОЛЬЧЕВСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ПРИ МВД РК.

Таким образом, первые формирования милиции, создаваемые для решения специальных задач полностью себя оправдали. Более того, они выполнили, если так можно сказать, роль первопроходцев в разработке теории и наработке практических приемов проведения специальных операций.

Не имея правовой базы, обеспечивающей социальную защиту бойцов, занимаясь боевыми операциями без отрыва от основной служебной деятельности, они, выполнили свое предназначение. И благодаря их самоотверженности, мужеству и высокому профессионализму были спасены жизни многих людей, решены важные задачи по обеспечению общественного порядка и спокойствия населения.

* * *

Бурные преобразования в общественно-политической жизни страны, изменения в экономике во второй половине восьмидесятых, рождали новые процессы, с которыми советское общество ранее не встречалось.

Перестройка... Это понятие ворвалось в жизнь общества решительно и шумно. О перестройке заговорили на кухнях, в автобусах, в магазинных очередях. Это слово произносилось с разными оттенками, а заявленный процесс вызывал совершенно различные, не похожие, а порой и противоположные чувства. В одних случаях проглядывала робкая надежда - а может и вправду будет лучше. В других с оттенком сарказма обсуждалась новая «путеводная звезда». Многие, и таких было едва ли не большинство, относились к происходящему с откровенным неверием, твердым скепсисом, поколебать который не могло ничто.

По разному воспринимали люди это новое явление в жизни страны. Но равнодушных не было. Даже отъявленные скептики, никогда и ни во что не верящие, ожидали чего-то, на что-то надеялись.

Надо сказать, что ожидания эти были не напрасны. Перестройка, не имея ни концепции, ни теории, ни даже общего плана, всколыхнула общество, вызвала к жизни много нового, свежего, неожиданного.

Но она же принесла с собой и много сложностей. Дело не в том, что новое всегда сложно, что перестраивать труднее, чем строить заново. Дело в том, что общество не было сориентировано в вопросах путей, методов и способов осуществления этого самого перестраивания. И целей, понятных каждому.

Безудержное желание ломать и крушить старое, оправдываемое, иногда подталкиваемое (*Горбачев, ослепленный некими аморфными идеями революционной замены командного состава предприятий, призывал рабочих «давить» ИТР, начальников и директоров: «Вы их снизу, а мы их сверху...»*) Таким образом была парализована работа самой продуктивной руководящей категории – инженеров, техников, начальников смен, бригадиров, т.е. непосредственных организаторов производства.) директивами сверху, зачастую выходило за рамки разумного, а

порой и дозволенного правом. Лозунг «Можно все, что не запрещено законом» при несовершенстве законодательства, когда неурегулированными оказались целые пласты общественной, хозяйственной и экономической жизни явился катализатором многочисленных нарушений самого закона, серьезных и тяжких преступлений.

Зачастую практические работники правоохранительной сферы переставали понимать, что же происходит в стране. Кому и зачем это нужно? Стала резко осложняться оперативная обстановка. Перестроечные явления всколыхнули преступный мир.

Воспользовавшись периодом неопределенности и вседозволенности, правовой пустоты, разночтением указов и указаний, инструкций и распоряжений, он бурно активизировал свою деятельность. На белый свет, рядом с ростками нового и светлого, из всех щелей и трещин полезла всякая нечисть.

Большой запас агрессивности и неумной злой энергии был направлен на расшатывание самого понятия о порядке и законности.

Рост преступности оказывает крайне негативное воздействие на морально-нравственный климат в обществе и политическую обстановку, подрывает веру людей в способность органов охраны правопорядка обеспечить их законные права и безопасность.

В то же время, любые меры по усилению борьбы с преступностью могут дать положительный результат лишь в совокупности с общеполитическими и, главным образом, экономическими преобразованиями.

Образовался порочный круг. Усилия его разорвать предпринимались практически лишь некоторыми правоохранительными органами – прокуратурой, милицией...

Все другие силы, ранее участвовавшие в этой тяжелой и сложной работе, были из нее выключены. При этом директивными органами по-прежнему делаются громкие правильные заявления, даются руководящие политические и социально-экономические установки, направленные, якобы, на укрепление, улучшение, совершенствование и т.д. На самом деле они ничего не укрепляли, не улучшали, не совершенствовали.

Они были направлены на развал и разгром всего, что еще работало, что могло служить обществу и государству.

* * *

Напряженная обстановка сохраняется практически во всех городах республики, и в значительной мере определяет динамику преступности во всем регионе. Появляются новые виды преступности, растет жестокость, хитрость, изощренность преступников.

Взрывообразно увеличивается число корыстных преступлений. Грабежи, разбои, хищения и кражи личного и государственного имущества в СССР и России увеличились на 60-80 процентов, в республике – на 45 – 50. Примерно такое же увеличение числа преступлений произошло в общественных местах, уличных - почти на три четверти.

К середине 1989года оперативная обстановка в республике достигла наивысшего накала, а рост преступных проявлений превзошел самый высокий уровень за предыдущие десять лет.

Пышным цветом расцветает пьянство. Каждое третье преступление совершено пьяными. Однако повлиять на это не может никто. Общество, понимая, что существующее антиалкогольное законодательство и методы принудительного лечения от алкоголизма не оказывают сколько-нибудь серьезного положительного влияния на больных и оперативную обстановку, все чаще ставит вопрос о целесообразности дальнейшего существования лечебно-трудовых профилакториев, и особенно остро – их вхождения в систему МВД.

Врачи стараются уходить от решения о принудительном лечении алкоголизма, Народные судьи, в свою очередь, все реже назначают принудительное лечение в ЛТП.

Неоправданно резко смягчается режим содержания в исправительно-трудовых учреждениях. При этом у администрации нет ни времени, ни возможности применять меры воспитательного, предупредительно – профилактического характера. Они просто не успевают этого сделать.

За три месяца 1989 года число различных нарушений возросло с 2753 до 3995 случаев, а количество преступлений увеличилось почти в 4 раза. Такая же картина наблюдается и «на воле».

Неурегулированность кооперативного законодательства ведет к увеличению преступлений внутри и около кооперативного движения. Начиная с нецелевого использования полученных в банках кредитов и ссуд, до прямого хищения средств. Едва ли не каждый десятый кооператив возглавляет лицо, ранее судимое за корыстные преступления.

Серьезное беспокойство вызывает молодежная среда. Происходит консолидация молодежных групп негативной направленности в поведении.

Территория города Воркуты разделена на зоны влияния противоборствующих молодежных группировок. Отдельные из них периодически выезжают в Сыктывкар и другие города России для установления связей и сфер влияния. Участились массовые драки с использованием палок, металлических прутьев, цепей и т.п. между молодежными группами шахтерских поселков. Подростками все чаще стали совершаться преступления, отличающиеся особой жестокостью и дерзостью.

Качественно новые явления появились в экономической преступности. К ископаемым богатствам республики рвутся криминальные структуры. Особенно притягательными становятся воркутинский уголь, золото предгорий Урала в районе города Инты. Это обуславливалось несколькими причинами.

В хаосе перестроечной лихорадки и неразберихи, интересы собственно шахтеров уходят на задний план. Материальное положение рабочих и финансово-экономическое состояние предприятий значительно ухудшается. Задерживается выдача заработной платы, ее размеры не соответствуют вложенному труду шахтеров. Это сравнивается с размерами и порядком оплаты труда шахтеров развитых зарубежных стран.

Сравнение явно не в пользу советской стороны. Жилищно-бытовые условия, да и вся социальная сфера отстают от потребностей населения.

Заверениям руководства страны, что принимаются меры, направленные на улучшение положения, народ уже не верил. Как и тому, что перестройка может что-либо изменить к лучшему.

Все это активизирует рабочее движение. В силу вышеназванных, и других причин, например, шахтерские коллективы всегда были крепче других, а

суровая, порой жесткая производственная дисциплина требовала слаженности и единообразия действий, шахтерское рабочее движение отличалось единодушием и сплоченностью. По всей России происходит создание шахтных рабочих (стачечных) комитетов. В большинстве угольных бассейнов страны они берут на себя всю полноту власти, хорошо координируя и согласовывая свои действия.

В Воркуте, кроме шахтных, создается городской рабочий (стачечный) комитет.

Как всегда, на волне недовольства и реального ухудшения материального уровня жизни, появляются люди нечистоплотные, почуявшие в происходящем свой корыстный интерес. Подкупом и обманом, запугиванием и обольщением шахтеров, и, особенно, наиболее активной, а значит и наиболее влиятельной их части, они влезают в организационные, экономические структуры шахт, в систему реализации добытого угля, добиваются там лидирующего положения. В своекорыстных интересах создают множество посреднических контор, фирм, организаций.

Пользуясь создавшейся неразберихой в хозяйственной сфере, алчные руки потянулись к предгорьям Урала. Получившие (или купившие?) формальное право на разработку месторождений золота в окрестностях Инты, они занялись хищническим предпринимательством в заповедных, уникальных по своим природным характеристикам местах.

До сих пор невозможно спокойно смотреть на развороченный, рваный мощной техникой ландшафт. До сих пор раны, нанесенные земле, просят о помощи и пощаде...

В активный оборот вступили большие деньги теневой экономики.

Однако, все это не направлено на улучшение положения шахтеров. Это путь обогащения отдельных личностей, групп людей, не имеющих к горнякам никакого отношения. Зато умело использующих и направляющих энергию недовольства и разбуженный бунтарский дух шахтеров против существующей власти и порядка управления.

Решения городских (стачечных) комитетов имеют высшую силу: им обязаны подчиняться все управленческие структуры.

Они не просят. Они требуют.

В ряде стачкомов, в городском рабочем (стачечном) комитете назначаются люди, ответственные за безопасность и охрану порядка в городе. В Воркуте таким «ответственным» становится неоднократно судимый член стачкома. Предпринимаются попытки подчинить стачкому деятельность Отдела внутренних дел города. Высказываются требования допустить его членов к секретным данным, вплоть до предоставления оперативных материалов.

Роль милиции значительно возрастает. Кроме органа, обеспечивающего охрану общественного порядка, она становится реальной властью в городе. Прежде, чем сделать заявку в горисполком на проведение митинга (строго говоря, не столько заявку, сколько проинформировать его о проведении митинга), стачком изучал мнение руководства ОВД: не будет ли милиция против проведения такого митинга, манифестации, и т.п. При этом, по требованию все той же милиции, рабочком брал на себя ответственность за обеспечение общественного порядка в местах проведения массовых мероприятий. Это пример реального влияния и достаточно большого авторитета отдела внутренних дел в городе.

От руководства гарнизона внутренних дел города Воркуты, и, особенно, руководства МВД Республики Коми требовалась особая твердость и особая выдержка, и еще особая дипломатичность, чтобы сохранить целостность органов внутренних дел, их боеспособность, работоспособность, уберечь от разложения и деморализации.

Следует иметь в виду, что значительная часть родителей, родственников, друзей и товарищей сотрудников милиции и других служб, жила и работала в этом же городе...

В стране росла и крепла новая криминальная сила – организованная преступность.

Уже нельзя было не замечать ее, делать вид, будто ее не существует.

В постановлении второго съезда Народных депутатов (1989 г.) говорится: «...Организованная преступность бросила вызов советскому обществу». Власти вынуждены были признать то, о чем давно говорили практические работники и теоретики – криминологи. Организованная преступность есть, она набирает силу, расширяется. Если ей сейчас не противопоставить решительные совокупные меры политического, экономического и организационного характера, - не за горами то время, когда уже никакие меры не помогут вообще.

Слабо материально и технически оснащенные органы внутренних дел не могли оказать серьезного противодействия валу преступлений. Они в значительной мере выдохлись в диких очередях у винно-водочных магазинов, в бесконечных патрулированиях улиц, площадей, парков, скверов, жилых микрорайонов. Все эти мероприятия проводились за счет личного времени, которое было отнято у семьи, у детей личного состава, в ущерб, в конечном счете, здоровью людей, работавших в этих органах.

Только величайшая ответственность и самопожертвование каждого сотрудника, заставляла их вновь и вновь, крепя сердце и стиснув зубы, глухо матерясь и ворча идти в те же винные очереди, где им рвали погоны и рубашки, гоняться за автомобильными ворами, на своих спинах таскать «бомжей».

Сотрудники органов внутренних дел все чаще встречаются ожесточенное сопротивление со стороны нарушителей закона. И все чаще приходится применять табельное оружие. Если в 1985-1986-1987 г.г. факты применения оружия стражами правопорядка были единичны, то в начале 90-х они становятся делом привычным. Например, если в 1991 году оружие применялось 25 раз, то в 1992 – 40, при этом три правонарушителя было убито, 14 ранено. Оружие применялось как мера активной обороны при посягательствах на жизнь и здоровье сотрудников. Более половины случаев – это отражение нападения и пресечение совершающихся преступлений.

Понимая, что бездействие лишь усугубляет положение, власти пытаются создать видимость борьбы с преступностью.

В январе 1989 года Министр внутренних дел СССР издает приказ о расширении прав руководителей органов и учреждений внутренних дел, которым решения многих важных кадровых вопросов передаются в ведение территориальных органов. Расширяются также права городских и районных отделов внутренних дел в организации работы по борьбе с преступностью.

После принятия Съездом Народных депутатов постановления «О решительном усилении борьбы с преступностью», на местах стали создаваться Временные комитеты по борьбе с преступностью. В их состав включались

руководители прокуратуры, милиции, госбезопасности, судов, юстиции, а так же народные депутаты. Руководство работой Временных комитетов возлагалось на высших руководителей Советской власти регионов.

Между тем, принимаемые политические решения по вопросам охраны правопорядка и борьбы с преступностью, не оказывали сколько ни будь серьезного влияния на положение дел в этой сфере. Подкрепить их экономически государство уже не могло. Практическое решение этих проблем, как это уже не раз бывало в истории государства, было передано «на общественность».

В республике, как и в других регионах Союза, были приняты постановления Высших органов государственной власти, рекомендовавшие создание фондов по оказанию помощи милиции в укреплении материально-технической базы. В нашей республике такое постановление Совет Министров принял 24 июня 1989 года.

В течение первых 12 месяцев на счет этого фонда поступило почти полтора миллиона рублей. На эти деньги были приобретены видеотехника, автотранспорт, проведен ремонт помещений, поощрение сотрудников.

Ощутимая материально-финансовая помощь органам внутренних дел поступала в течение нескольких последующих лет. Исполком Сыктывкарского горсовета приобрел для отдела внутренних дел компьютер, два видеомэгнитофона, одну легковую автомашину и выделил 350 тысяч рублей на строительство жилого дома.

Ухтинскому ОВД промышленные предприятия города передали две легковые и одну грузовую автомашину, построили гараж стоимостью 640 тысяч рублей, и выделили еще 20 тысяч рублей на строительство стрелкового тира.

Ухтинский и Интинский городские комитеты КПСС выделили из своих партийных бюджетов по 10 тысяч рублей для отделов милиции.

Значительная материально-техническая помощь была оказана подразделениям военизированной пожарной охраны.

Органы и подразделения, расположенные в промышленных районах республики, получили значительную помощь, в сельских – южных районах – намного меньше. И она, эта помощь, конечно же не решила имеющихся проблем. На январь 1991 года городские и районные органы милиции были обеспечены, например, автомобилями лишь чуть больше, чем на 2/3 от табельной положенности. При этом, каждый 5-й из имеющихся подлежал списанию. Обеспечение криминалистической техникой составляло только 60 процентов от необходимой нормы.

Продолжалось ухудшение социально-бытовых условий жизни сотрудников. Конечно, в рамках утвержденной Министром внутренних дел Коми АССР Комплексной программы «Кадры на 1991-1995 г.г.», удалось несколько поправить жилищно-бытовые проблемы личного состава, но еще больше их осталось не решенными. На учете для получения жилья стояло 1282 семьи. Из них в общежитиях, гостиницах, приспособленных подвальных помещениях проживало 440 семей, в домах подлежащих сносу – 96.

В то же время, для нуждающихся предоставлялось всего 95 – 100 квартир в год.

Низкая заработная плата, правовая незащищенность сотрудников, работа, что называется на износ, при ненормированном рабочем дне, без праздников и выходных, создавали дополнительные очаги напряженности, в т.ч. и в

коллективах ОВД. Например, переведенный на усиленный вариант несения службы осенью 1989 года Воркутинский ОВД, работал в таком режиме до середины 90-х годов. Кроме того, в Воркутинском и Интинском отделах внутренних дел стали зреть забастовочные настроения. По примеру рабочих коллективов были осуществлены попытки создать стачкомы, выдвигались требования по изменению режима работы, перераспределению нагрузки, увеличению заработной платы, решению многих вопросов правового обеспечения деятельности сотрудников и т.п.

Принятый 18 апреля 1991 года Закон Российской Советской Федеративной Республики «О милиции», разрешил многие существовавшие ранее противоречия. Закон определил статус, организационную структуру, место и роль милиции в российском государстве, законодательно решил основные вопросы социальной и правовой защиты личного состава.

В закон введен раздел У1 – «Гарантии правовой и социальной защиты сотрудников милиции». Впервые введено государственное страхование и возмещение ущерба в случае гибели или увечья сотрудника (ст.29), положение об обеспечении сотрудников жилой площадью (ст.30), а также право сотрудников милиции на объединение в профессиональные союзы (ассоциации). В 1992 году Верховный Совет Российской Федерации утвердил Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и, и Присягу сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации.

Новое «Положение о службе...» в интересах сотрудников решило многие вопросы порядка и условий прохождения службы, права и ответственность руководителей в решении служебных аспектов, приема на службу и увольнения, присвоения специальных званий и т.п. Более четко и конкретно определены льготы, гарантии и компенсации личному составу при возникновении различных правовых ситуаций.

Все это, бесспорно, укрепило интересы сотрудников, дало определенный стимул для улучшения служебной деятельности.

Однако не все проблемы были решены, не все противоречия были устранены: дистанция от норм закона до реальной жизни и служебной деятельности сотрудников, по-прежнему оставалась огромной.

Нагрузка на сотрудников постоянно растет. На одного оперуполномоченного уголовного розыска в 1989 году приходится более 35 преступлений, в 1990 – 45, 1991 – 53. Это средняя. А в Сыктывкаре – 39, 57, и 68; в Воркуте – 46, 50 и 61; в Ухте – 47, 55, и 80 соответственно.

На одного следователя, например, в 1991 году по находящимся в производстве приходилось 77,1 дела, а по оконченным – 23,7 дела. Эти показатели стабильно росли со второй половины 80-х годов.

Росло число и раскрытых преступлений. Это значило, что большинство преступников, все-таки, было изобличено и привлечено к различным мерам ответственности, а нарушенное право добропорядочных граждан - восстановлено.

За нарушение антиалкогольного законодательства и в борьбе с пьянством милицией приняты различные карательные и предупредительно профилактические меры в 1989 году – к 46317 чел., 1992 – 51603, в 1994 году – к более чем 74 тысячам жителей республики.

За хулиганство задержано в 1989 году почти 8 тысяч человек, в 1992 году – 11 тысяч, в 1994 – 18 тысяч 804 чел.

Результаты работы органов внутренних дел достигались также и за счет большой организаторской деятельности руководящего состава. Прежде всего, надо отдать должное работоспособности и организаторским способностям Трофимова Евгения Никитовича, назначенного на должность Министра внутренних дел Коми АССР в январе 1987 года.

Профессионал, начавший свою службу курсантом школы милиции, он прошел хорошую практику в должностях инспектора, начальника отделения, отдела, заместителя министра внутренних дел республики. Он понимал, что результаты работы во многом зависят от организации ее, а она, в свою очередь – от уровня знаний, видения нового, работоспособности самого руководителя. И от умения начальника найти способ заставить коллектив работать. Редко какая планерка проходила без того, что бы Министр не внес что-то новое в организацию работы какой-то службы или подразделения. Это не всегда воспринималось подчиненными положительно. Но его настойчивость, привычка доводить начатое до конца, давала свои результаты.

На его примере нашел подтверждение тезис о том, что никакой коллектив не боится жесткости руководителя. Она дисциплинирует и сплачивает. И наоборот, аморфность и мягкотелость, неумение потребовать, а если надо, то и заставить, размягчают коллектив.

Много внимания Е.Н. Трофимов уделял решению социальных вопросов личного состава. На бюро Обкома КПСС, заседаниях Совета Министров республики, он, наряду с вопросами чисто служебного характера, систематически и твердо ставил и отстаивал вопросы обеспечения сотрудников всем необходимым для нормальной жизни и работы.

Пожалуй, впервые за многие годы существования МВД республики, в высшие органы государственной власти и управления. В т.ч. в МВД СССР и России, пошли отчетные документы – докладные, анализы, справки, правдиво отражающие положение дел в обществе, конкретно, порой резко, очерчивающие проблемы и предлагающие пути их решения.

Более откровенных и правдивых документов из стен МВД республики доселе не выходило.

По сути своей, документы, направляемые в высшие органы государственной власти Республики Коми, больше походили на документы политические, затрагивающие сами основы государственного управления и устройства. Но это были честные документы.

Конечно, стоили они немало мужества Министра. Зачастую и его одолевали сомнения, нужна ли такая позиция МВД? Автору этих строк может быть лучше, чем кому бы то ни было, известны сомнения и раздумья Министра. Высказывать несогласие с властью – дело не благодарное. Например, очень серьезно была воспринята наша позиция в отношении добровольного выхода членов партии из КПСС. В 1989 году эта проблема проявилась наиболее остро. Участились, а затем приняли едва ли не массовый характер, выходы сотрудников из партии. Как быть? Как реагировать? В числе покидающих ряды КПСС были профессионалы высокого класса, честные и порядочные люди. Их знания, умения и мастерство нужны были стране. Но они нужны были также и партии! И все – таки, нами была принята согласованная позиция: принадлежность к той или иной

партии – личное дело каждого человека, и не зависит от должностей и званий. Кроме того, если человек сам, добровольно решает вступить в партию, то он должен иметь право и на такой же добровольный выход из нее. Руководителям, секретарям партийных организаций органов и подразделений под страхом сурового спроса было запрещено принимать какие либо меры дисциплинарного воздействия к покинувшим партию. Эта позиция Руководства Министерства и Политотдела была озвучена на одном из заседаний коллегии МВД Коми АССР, и доведена до сведения МВД СССР и РСФСР, а также в республиканской прессе.

Реакция со стороны ОК КПСС была жесткой. Но уже наступали другие времена, и все обошлось критикой и угрозами. Конечно, нам помогло понимание и поддержка тогдашнего Заведующего отделом административных органов обкома партии, ныне Председателя Конституционного суда РК Юрия Викторовича Гаврюсова.

В этой обстановке просматривалась еще одна деталь характера Министра. Сомневался он лишь в период обдумывания и созревания решения. Но когда решение было принято, – сомнения отбрасывались напрочь. От себя самого и от подчиненных требовалось одно: работа по выполнению принятого. И здесь в полной мере проявлялась его настойчивость и упорство в достижении поставленной цели, в решении выработанной задачи.

Не могу пройти мимо одной особенности, характеризующей сильного и умного руководителя. Чем сложнее становилась обстановка, чем труднее были условия, в которых работал личный состав, тем определеннее и тверже, а порой и жестче, становились требования Министра: в сложной и трудной ситуации нельзя расслабляться, нельзя обстоятельствам брать верх над людьми и их делом. Стоит раз пожалеть себя, дать поблажку, и потом подняться уже не сможешь.

Так относился он к подчиненным, так, а может быть еще строже, он относился к себе. И к тем, кто числился его друзьями. Они не только не могли рассчитывать на поблажку; с них спрос был особый, по высшим меркам.

Я и сегодня убежден: тому, что органы внутренних дел Республики Коми в те трудные годы сумели выстоять, а затем и выйти в число лучших по Северо-западной зоне, они обязаны жесткой и требовательной позиции своего Министра.

Нет, конечно, Трофимов Е.Н. вовсе не был ни святым, ни железным министром. Он ошибался. Но он и умел исправить свои ошибки. Он умел понять чувства другого человека, умел сопереживать, и поддержать, когда это нужно было. Умел позаботиться о подчиненном.

А эти качества ой как нужны были и ему, Министру, и его подчиненным: впереди были август 1991-го, октябрь 1993-го, и долгие годы чеченского излома.

Но это тема другого исследования, которое еще будет проведено.

* * *

Такая, в общих чертах обстановка сложилась в республике к концу 80-х – началу 90-х годов прошлого столетия.

Стало очевидно, что прежними силами. Прежними приемами ситуации не переломить. Нужны были новые формы, способы и методы борьбы с преступностью.

Уже назывался Федеральный Закон «О милиции», давший многое, и, главным образом, усиление уверенности и чувство защищенности сотрудников, которого не было раньше.

В этот период был принят ряд других законов, облегчивших и упорядочивших деятельность органов внутренних дел. Продолжилась работа над Основами законодательства Союза ССР и союзных республик по профилактике правонарушений. В них кроме определения функций и специальных средств профилактической деятельности, предполагалось закрепить формы и методы участия государственных и общественных организаций. В Совете Министров СССР уже имелась общесоюзная программа борьбы с преступностью на 1990 – 1991 годы, и начата разработка Общенациональной программы борьбы с преступностью на 13 пятилетку и дальнейшую перспективу.

Начали создаваться новые структуры органов внутренних дел. Шел поиск наиболее оптимальных решений в сфере обеспечения правового, общественного порядка и борьбы с преступностью.

Еще в ноябре 1979 года были созданы отряды милиции специального назначения (спецназ). В октябре 1988 года вместо них начали работать отряды милиции особого назначения – ОМОН. Основной задачей новых подразделений было поддержание порядка при проведении различных массовых мероприятий, при стихийных бедствиях, катастрофах и т.п.

В связи с усиливающимся распространением наркомании, в союзном и республиканских МВД были количественно и качественно укреплены специализированные подразделения уголовного розыска по борьбе с наркоманией. Во всех МВД, УВД краев и областей, в крупных городских отделах внутренних дел были созданы координационные комиссии, обеспечивающие взаимодействие с другими ведомствами и учреждениями. В декабре 1991 года в МВД России была создана специализированная служба по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (УНОН). Впоследствии такие службы были созданы и на местах.

В начале 1989 года в МВД СССР создано Главное Управление по борьбе с организованной преступностью.

Радикальные изменения произошли в самой системе: в составе Совета Министров РСФСР ранее не было Министерства внутренних дел. Поэтому исключительно важным является Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 октября 1989 года «Об образовании союзно-республиканского Министерства внутренних дел РСФСР». С его появлением на территории России перестает непосредственно осуществлять свои функции МВД СССР.

Постановлением Первого съезда народных депутатов МВД РСФСР выводилось из подчинения союзного МВД. Определялось, что МВД России подчинено только Совету Министров Российской Федерации, и взаимодействует с МВД СССР.

* * *

Как отмечалось выше, отряды милиции особого назначения создавались в сложной оперативной и политической обстановке

Часть общества, настроенная наиболее демократически, усмотрела в них прежде всего угрозу демократическим преобразованиям. В прессе появились публикации об этой новой опасности для демократии, а в шахтерских коллективах, в стачечных комитетах раздавались призывы выступить против ОМОНов, которые власть создает специально для борьбы с рабочим движением.

А между тем, как в первых учредительно-распорядительных документах, так и в последующих изменениях и уточнениях Положений об ОМОНах подчеркивалось, что они в своей деятельности руководствуются Конституцией России, законами и иными подзаконными и правовыми актами России и субъектов федерации. При этом, деятельность этих подразделений осуществляется «в соответствии с принципами законности, гуманизма, уважения прав человека, гласности, невмешательства в политическую деятельность».

Забегая несколько вперед, отмечу, что никогда, ни при каких обстоятельствах, ни один боец ОМОНов в Республике Коми не использовался в политических целях. Это не обсуждаемое правило никогда и никем не нарушалось.

Структурно отряд милиции особого назначения является самостоятельным подразделением милиции общественной безопасности в Российской Федерации. Он создается в республиканских, краевых, областных и автономных центрах, крупных городах, на транспортных магистралях с наиболее неблагоприятной оперативной обстановкой.

Первый отряд милиции особого назначения в нашей республике был создан в городе Воркуте, в мае 1991 г.

Создание, реорганизация, ликвидация отряда милиции особого назначения, изменение структуры и штата, задач и функций, место дислокации, а также передислокация его в другие регионы страны, производится приказами Министра внутренних дел страны. Им же осуществляется и общее руководство этими силами. Непосредственное руководство ОМОНами возложено на министров внутренних дел республик в составе РСФСР, начальников ГУВД, УВД краев, областей, городов Москвы, С-Петербурга и Ленинградской области, автономных областей, округов, Управления внутренних дел на транспорте, либо, в местах дислокации – на начальников соответствующих органов внутренних дел.

Руководителям МВД – УВД субъектов Федерации предоставлялось право использовать ОМОН и за пределами районов их дислокации, но в границах соответствующей республики, края, области. Однако, с обязательным уведомлением об этом МВД России.

Эти, достаточно жесткие правила в первое время налаживания работы этой мобильной и большой силы, были не просто оправданы. Они были необходимы.

Развитие демократии многими, в том числе и руководящими государственными звеньями, воспринималось не однозначно. Реальная опасность заполучить свою «карманную» милицейскую дубинку, имела место. И не каждый руководитель органа внутренних дел смог бы устоять против нажима руководства региона.

К чести руководства Республики Коми следует сказать, что серьезных попыток использовать ОМОН в политических целях, им не предпринималось. Да и руководство МВД республики в этот период сумело бы противостоять таким попыткам.

Одним из примеров может служить командировка сводного отряда милиции Коми в г. Москву в октябре 1993 года. Эта командировка хорошо описана в статье Шенкмана Б.А., командира этого сводного отряда, в книге А.В. Канева «Нам выпала судьба служить в ОМОНЕ», вышедшей в свет в издательском Доме «Вятка». Заместитель Шенкмана Б.А., он же начальник штаба отряда, тогда

подполковник милиции Бураков И.А. (сейчас – Руководитель судебного Департамента) вел дневник.

ОМОН г. Воркуты создавался «в целях предупреждения и пресечения групповых антиобщественных проявлений и массовых беспорядков...». Штат отряда в количестве полутора человека предписывалось «...укомплектовать профессионально подготовленными сотрудниками, обладающими необходимыми психологическими и физическими данными...».

* * *

Строго говоря, эти задачи не были чем-то из ряда вон выходящими. Такие же стояли и перед всем личным составом. В напряженном ритме работала вся милиция города. По сути, с лета 1989 года городской гарнизон внутренних дел нес службу по «усиленному варианту». К сожалению, этот вариант оставался постоянным все последующие годы. Он диктовался оперативной обстановкой и особенностями города.

На первый взгляд казалось, что организовать службу милиции в Воркуте легче, чем в другом городе. Въехать и выехать из Воркуты можно лишь двумя путями: воздушным и железнодорожным. Перекрой их, и город закрыт. Однако множество шахтных поселков, оставшихся с незапамятных времен отдельных «самостройных» домиков, лачуг, землянок и полуземлянок, давали возможность преступникам надолго уходить «на дно», затрудняли их розыск и раскрытие преступлений. Был еще ряд как объективных, так и других причин, значительно осложнявших работу органов внутренних дел.

Не последнее место среди них занимало и наличие учреждений исправительно-трудовой системы, расположенных непосредственно в черте города.

Однако, вернемся к ОМОНу. Укомплектовать отряд в короткий срок – задача сложная. А если учесть, что это должны быть люди, обладающие лучшими морально – нравственными качествами, имеющими соответствующую профессиональную подготовку, кажется невыполнимой вовсе.

Отряд был укомплектован быстро. И качественно. В последствии именно это помогло ему успешно выполнять сложные служебно-боевые задачи.

Первый командир отряда Грибенников Владимир Филатович вспоминает: «Командование отряда милиции особого назначения понимало, насколько организационно сложная и трудная политическая задача перед нами поставлена. Мы не имели права ошибиться в подборе личного состава. Именно поэтому с каждым, желающим продолжить службу в отряде, проводилось собеседование, одной из целей которого было выяснить мотивы и причины такого желания.

Но было и легко. Мы знали весь личный состав своего ОВД, что позволяло нам отбирать людей с учетом их личных и деловых качеств, психологии, морально – нравственных особенностей. С уверенностью могу заявить: отряд был укомплектован лучшими сотрудниками Воркутинского и других отделов внутренних дел».

Командир знал, что говорил. Более того, он имел право так говорить. Службу в органах внутренних дел Владимир Филатович начинал в должности заместителя начальника районного отдела милиции по политико-воспитательной работе. Затем была учеба в Академии МВД СССР. Эти два временных отрезка в

его жизни дали многое: развили присущее ему чувство ответственности за порученное дело, умение и желание работать с людьми, грамотно, по-военному точно и четко формулировать свои мысли. Научили организовывать свою жизнь и службу. Два поощрения, полученные им в Академии, характеризуют его лучше другого. Одно за победу во внутри академическом конкурсе на лучшую научную работу, другое – за участие в разработке и разоблачении, совместно с сотрудниками Ждановского РУВД г. Москвы, группы расхитителей государственной собственности. Сплав теории и практики, знания академического уровня и работы «на земле», умение соединить их в практическое действие. Не лично свое, но многих людей, подчиненных по службе, разных по характеру, темпераменту, уровню подготовки и практической работы. Соединить и направить их объединенную и многократно усиленную опытом, знаниями и талантом руководителя энергию в нужное русло.

Из представления в МВД России: «...зарекомендовал себя ... трудолюбивым и исполнительным сотрудником. Хорошо зная деловые и личные качества подчиненных, понимает, как нужно расставить сотрудников... находит пути и средства для разумного исполнения поставленных задач...».

Он прошел хорошую школу. Начальник отделений охраны общественного порядка и по руководству участковыми инспекторами милиции, заместитель начальника ОВД Воркутинского горисполкома – начальник службы профилактики. Все это в Воркуте. С 1986 по 1991 год. В период наибольшего подъема шахтерского забастовочного движения, широкомасштабных акций массового протеста.

Быть на острие работы по обеспечению нормального общественного порядка в таких условиях – это тяжелый труд и высокая ответственность.

Сегодня кажется невозможной та изматывающая, адская работа зимой 1990 года. В феврале в Воркуту прибыл Председатель Совета Министров СССР Н.И.Рыжков. А в Воркуте началась пурга. Ураганный ветер как спички ломал столбы линии электропередач, рвал провода, сухим колючим снегом слепил глаза. Казалось, что снежинки пробивают кожу, проникают глубоко в тело, причиняя сильную боль. Невозможно стоять – ветер сбивал с ног. Стоило упасть, и, казалось, он покатиет по тундре человеческое тело как перекаати-поле по песчаной пустыне.

Не выдерживала техника: глохли моторы автобусов, легковых автомашин. В салонах замерзали пассажиры. Выходила из строя связь. И только люди в милицейской форме не имели права выйти из строя. На них легла основная тяжесть противостояния стихии. И вся ответственность.

Это они отыскивали застывшие автобусы и легковые автомашины и помогали им выбираться из снежного плена; поддерживали связь и осуществляли взаимодействие между службами жизнеобеспечения города; являли собой образец человеческой стойкости и выносливости. Они представляли собой организованную реальную силу, на которую мог опереться городской штаб. Отказывались работать вездеходы. В их тесных кабинах, когда замолкал двигатель, становилось еще холодней, чем за бортом. До стылого металла нельзя притронуться – холодом, как огнем, обжигает руку.

В одном из таких вездеходов на кольцевой дороге застрял Председатель правительства Советского Союза. Вездеход быстро замело снегом. Несколько

часов в промерзлом вездеходе – приключение не из приятных. Николай Иванович держался бодро, шутил, подбадривал своих спутников.

Милиционеры города нашли, вывели вездеход на дорогу, сопроводили до города. Все обошлось благополучно.

И все дни, что выла пурга, Грибенников В.Ф. был на ногах, в работе. Было только беспокойство за людей, подчиненных, товарищей по службе, за положение в городе, да не прекращающаяся тревога за родных и близких – за семью.

Работа была проделана добросовестно, а потому успешно. Удалось сохранить людей, выйти из противоборства со стихией без потерь, и с честью. А в последствии и с наградой - Орденом «За личное мужество».

И только однажды, в момент вручения награды, на долю секунды, как в ускоренном кино перед глазами промелькнула снежная пелена пурги, заметенные машины, а в аплодисментах зала почудился рокот мотора вездехода, буксирующего машину Рыжкова Н.И.

Дорого достаются ордена. Ох, как дорого! Но в том, что Орден «За личное мужество» был вручен Грибенникову Владимиру Филатовичу, есть проявление высшей справедливости. Это было подтверждено многократно во все последующие годы. Только в чеченских командировках он побывал несколько раз, и всякий раз, по возвращении оттуда, следом шли благодарственные письма, представления к наградам, высокая оценка работы его подчиненных и его самого.

В отряд шли лучшие. Что двигало ими? Они ведь ясно осознавали, что ОМОН будет всегда на острие борьбы с преступностью, в самых сложных ситуациях, в самой экстремальной обстановке. А значит и ответственность за каждое действие, за каждый поступок будет повышенной. И опасности больше. И в зарплате не будет большого выигрыша...

Но они понимали также, что отряд – это та сила, которая сможет многое сделать для наведения порядка в городе.

И, конечно же, романтика нового, неизведанного. А опасность что!? Она ведь всегда привлекала молодых, сильных мужчин.

Решительности, отваги и горячего стремления все же недостаточно. Чувство долга и понимание своей ответственности не заменят знания, умения, высокого профессионализма в работе. И дисциплины.

Поэтому с первых дней жизни отряда с личным составом была организована серьезная профессиональная подготовка. В любом подразделении силовых структур служебная подготовка имеет важное значение. Но в специальных – особое. Это вытекает из самой сущности таких подразделений. И это должна быть учеба не для формы. По каждому элементу подготовки боец должен действовать в автоматическом режиме. На размышление, в боевой ситуации, порой нет и долей секунды. А в повседневной работе уверенные и точные действия сработают так же эффективно отрезвляюще, как и силовой прием.

Юридическая подготовка охватывает практически все отрасли права: основы уголовного и административного права; ответственность несовершеннолетних; незаконный оборот наркотиков и борьба с правонарушениями в этой сфере; правила дорожного движения и особенности несения службы по линии ГИБДД; гарантии законности и обеспечения прав

граждан в деятельности органов внутренних дел; необходимая оборона и крайняя необходимость; другими словами, все, что требуется в повседневной работе.

Но есть еще тактическая подготовка и медицина, военная топография и тактико – технические характеристики многих приборов, устройств, механизмов, специальные средства, морально – психологическая и социально – гуманитарная подготовка...

Значительное место занимают вопросы огневой и физической подготовки; знание материальной части различных видов стрелкового оружия и умение им пользоваться – это необходимые служебные требования к каждому бойцу отряда.

Условия их работы требуют умения сконцентрироваться, выложиться, если надо, и выполнить задачу. Комбинации из бросков и ударов, болевых приемов и обезоруживания противника, прикладная гимнастика и штурмовая подготовка – вот далеко не полный перечень знаний и умений бойца отряда милиции специального назначения.

Это упорный каждодневный труд. Невидимый для посторонних, но от этого не менее напряженный. При этом всегда соблюдается важнейший принцип: приоритетной формой занятий должно быть проведение учений в условиях, приближенных к реальным.

Бойцы отрядов называют себя лучшими.

Они и есть лучшие. Лучшие в исполнении долга, в дисциплине, в мастерстве. Такую оценку они подтверждают каждодневно.

Такая оценка подтверждается в письмах - благодарностях командования, гражданских администраций и духовенства из Моздока и Кизляра, Грозного и Ханкалы. В них подчеркивается надежность и высокий профессионализм бойцов отрядов милиции особого назначения из Республики Коми.

Этот профессионализм подтверждался неоднократно в служебных командировках в горячие точки страны, в различные регионы России для участия в специальных операциях.

Анатолий ПОПОВ

РИХАРД ЗОРГЕ И «ВОРКУТЛАГ»

Гримасы нашей действительности: о замечательном разведчике Рихарде Зорге вспомнили лишь после выхода на экраны в Советском Союзе западного фильма «Кто вы, доктор Зорге?» Это подтверждает в своих воспоминаниях и генерал П.А. Судоплатов:

«Зорге – герой тайной войны, но он обязан своей популярностью в СССР волей случая. Хрущев в 1964 году посмотрел фильм о Зорге, спросил, был ли такой человек, и, стремясь опорочить Сталина, который не внял предупреждениям Зорге, приказал наградить Зорге посмертно...» Звания Героя Советского Союза Рихард Зорге был удостоен 5 ноября 1964 года.

И сразу появилось много «достоверностей» исключительных по дерзости и пронизательности деяний советского разведчика в Японии – я имею в виду «художественные» биографии разведчика.

Правда, вся "документальная проза" того времени, в основном, кружилась вокруг предупреждений о предстоящей войне, которые несколько раз направлял в

Центр разведчик. Если же судить по художественному фильму, то Зорге - это удачливый на всех фронтах, включая и женский, разведчик.

По публикациям того времени (1965 год) лучше ни о чём не судить : заказ ограничивал возможность сказать правду.

Но при подготовке материалов для Указа о присвоении звания Героя Р.Зорге была создана так называемая "комиссия Косицына", в которую были введены все здравствовавшие на тот период участники событий, связанных с разведчиком Зорге. Отчеты этих людей и составили то, что можно назвать "Делом Р.Зорге". Лишь в 2000 году часть собранных в то время материалов была опубликована. Это уже были свидетельства людей, хоть и стесненных рамками идеологии, но свободных от грифа "секретно" - все-таки сама комиссия была очень секретной.

Среди публикуемых материалов очень большое место (35 стр.) занимает отчёт "Опыт организации и деятельности резидентуры "Рамзая", причем, составители сборника в примечаниях отметили, что в публикуемом отрывке отчета приводятся лишь материалы, относящейся к деятельности Р.Зорге. Этим как бы подчёркивалось, что группа Зорге - это лишь часть большой сети советской разведки в предвоенной Японии.

Автором отчёта является Михаил Иванович Сироткин, который в предвоенные годы в Главном разведуправлении отвечал за японское направление.

Сироткин в 1938 году был уволен из разведки и через год арестован, приговорён к смертной казни, ее заменили на 15 лет лагерей, которые он полностью отбыл на Воркуте.

Знакомясь с личным делом зека Сироткина, убеждаешься, каким талантливым был этот человек. На день ареста он был начальником отдела в 4-ом Управлении штаба РККА. Руководил всей разведсетью в Японии, лично был знаком со всеми участниками подвига, превращенного затем в трагедию. Помимо Сироткина, из имевших отношение к группе Р. Зорге, в Воркутлаге отбывали сроки заключения ещё двое: Айно Куусинен и Л.И. Римм, что и позволило мне соединить в заголовке имя Р.Зорге с "Воркутлагом".

Любовь Ивановна Римм была связной и шифровальщицей в группе Р.Зорге, с которым её познакомил супруг, кадровый разведчик, полковник, расстрелянный в 1938 году. Они дружили, Карл Римм и Рихард Зорге, эстонец и немец, работавшие вместе в Шанхае, чудом избежавшие провала и ареста.

Любовь Ивановна была осуждена в 1939 году за антисоветскую агитацию на 8 лет лагерей, которые провела в "Воркутлаге". Ещё 18 лет проработала она после освобождения в Воркуте медсестрой, затем уехала в Литву. За участие в работе группы Р.Зорге она была награждена после 1964 года орденом Красной звезды / её муж, Карл Римм, был реабилитирован и награждён посмертно орденом Красного Знамени/.

Айно Куусинен /1886-1970/, приехала в 1922 году из Финляндии в Советский Союз, в том же году стала супругой Отто Куусинена, секретаря Исполкома Коминтерна, верно, как принято было тогда говорить, соратника Сталина, что не помешало последнему на 8 лет отправить супругу и этого соратника в лагерь.

В 1934 году Айно Куусинен перешла на работу в военную разведку. Конечно, никакой легкости в таком переходе не было. Помог ей в этом переходе Нии-ло Виртанен, представитель коммунистов Финляндии в Коминтерне /1892-

после 1937/, который также был дружен и с Р. Зорге, Обстановка в стране была уже достаточно тревожной из-за всеобщей подозрительности : и Виртанен, и А.Куусинен чувствовали, что тоже могут стать жертвами такой подозрительности.

Именно Виртанен рекомендовал своему другу Берзину привлечь в разведку А.Куусинен - знание языков, образованность... Виртанен сознательно выталкивал из страны эту женщину, спасая её или, как оказалось на самом деле, отодвигая время ареста. Берзин принял участие в судьбе Куусинен. Она была направлена в Японию вживаться, изучать язык. Она жила под псевдонимом, несколько раз встречалась с Р.Зорге, но формально в его группу не входила, хотя через Зорге отправляла свои сообщения в Центр.

Однако, через год она была срочно отозвана в Москву по распоряжению Сталина, который планировал назначить её послом СССР в Швеции, убрав с этого поста А.Коллонтай. Айно Куусинен категорически отказалась от такой должности и была возвращена в Японию. Во время пребывания в Москве у неё была встреча и с Н.Виртаненом, который поведал ей о встрече с Р.Зорге в Москве, в том же 1935 году. Вот как А.Куусинен изложила этот рассказ в своих воспоминаниях "Господь низвергает своих ангелов" (Петрозаводск, 1991).

"Виртанен рассказал о своей случайной встрече...с Зорге. Они вместе провели весёлый вечер в ресторане... Зорге, как обычно, много выпил и в пьяном виде прямо говорил о своём сложном положении. Ему надоело работать на советскую разведку, но нет возможности отказаться и начать жизнь снова...

Он чувствовал, что в СССР он в опасности... Оставалось вернуться в Японию, хотя он и предвидел, что работать ему там оставалось недолго..."

Айно Куусинен была вновь отозвана из Японии в 1937 году и 1 января 1938 года арестована как английская шпионка. Это 8 лет лагерей на Воркуте, потом был ещё один арест. Освободилась она лишь в 1955 году. В 1965 году уехала в Финляндию.

Когда Р.Зорге был арестован, японская контрразведка располагала достаточно точными сведениями о советской разведчице под именем Ингрид /А.Куусинен/, но они не посмели коснуться этого имени по очень простой причине : за время работы в Японии А.Куусинен близко подружилась с кем-то из императорской семьи, а в Японии полиция старается избегать даже намёка на вовлечённость членов двора во что-то расследуемое.

Итак, М.И. Сироткин, будущий зек "Воркутлага", стоит у истоков создания агентурной сети в Японии. Создаваться группа Р.Зорге начала в 1933 году. В отчёте Сироткин ставит самым первым вопрос о том, было ли ошибкой решение Центра послать Зорге в Токио резидентом после почти что провала в Китае? Сироткин не смог ответить на свой же вопрос исчерпывающе, хотя трезво оценивал возможности разведок: и в Шанхае им (Зорге) интересуются, и в Берлине могут выявить его работу в Коминтерне (что и произошло после ареста в 1941 году), и японцы сами имеют хорошую агентуру в Китае, чтобы...

Но Центр пошёл на риск. Подготовительный период длился три года, лишь к середине 1936 года Зорге - видный журналист немецких и голландских газет с очень сильными связями в немецком посольстве, причем, настолько сильными, что ему предлагают стать сотрудником посольства, на что "Рамзай" отвечает отказом, прекрасно понимая, что согласие вызовет более тщательную проверку в Берлине - нет уж, лучше быть очень занятым журналистом, чем очень изучаемым со стороны гестапо.

Сироткин прекрасно знает своего героя, он даёт характеристику его деловых качеств, его умению входить в доверие к тем, чья информация может быть ему полезна. Он тонкий психолог и точно рассчитывает, как ему вести себя с соратниками по журналистике: "Никогда не лередавал никаким другим журналистам информации, получаемой от моих японских сотрудников, или секретные сведения, добытые мною в германском посольстве. В этом отношении я был очень строг и точен" (Р. Зорге). Или взаимоотношения с нацистами, проживавшими в Токио : Р.Зорге " Когда я понял, что не смогу себя обеспечить, оставаясь вне фашистской организации, я добился того, что через посольство был введён в местную организацию нацистов".

Сироткин отмечает выдающиеся способности "Рамзая" как разведчика, но также подчёркивает: "склонность к злоупотреблению спиртными напитками бесспорно была одной из слабостей "Рамзая"...". Но здесь же Сироткин отмечает, как слабость становится сильной стороной разведчика: "...вся система его взаимоотношений со знакомыми... несдержанность, высокомерие и т.п. позволяли безошибочно причислить его к разряду разнузданных представителей "высшей расы"... В этом отношении "Рамзай добился большой удачи... введившей в заблуждение и гестапо, и японскую контрразведку".

Особенно подробно Сироткин исследует причины провала группы "Рамзая". Не останавливаясь на таких аргументах, как хорошая работа японской разведки или случайность, поставим вопрос, который волнует и Сироткина : о политическом недоверии к Зорге.

Айно Куусинен в воспоминаниях приводит слова майора Сироткина, который считал тогда, в декабре 1935 года, отчёты Зорге неясными, с отсутствием в них определённости. Затем он сказал: " Только между нами. Сейчас такая неразбериха. Даже в верхах не знают, что хотят".

В сентябре 1937 года на Зорге составлена в Разведуправлении справка :

" Член КПГ с 1919 года, член ВКПб с 1925 года, в Разведуправлении с 1929 года. С 1929 по 1933 годы нелегальный резидент в Шанхае, с 1933 года нелегальный резидент в Токио. В 1935 году приезжал в СССР на месяц.

Политически совершенно не проверен. Имел связь с троцкистами, политического доверия не внушает..."

А ведь эта справка появилась после подготовленного начальником Разведуправления Урицким (Берзин уже арестован) письма на имя наркома обороны Ворошилова о ценности таких разведчиков как Зорге, с просьбой дать санкцию на награждение Зорге и Клаузена /радиост группы/ орденами Красной звезды.

А в 1941 году начальник 4-го Управления составляет документ, в котором не только Зорге смешивается с грязью. Это уже приговор "Рамзаю" и как разведчику, и как гражданину СССР.

"1. В течение продолжительного времени Инсон (одно из агентурных имён Зорге) работал под руководством бывших руководящих работников Разведуправления, оказавшихся врагами народа.

Отсюда вытекает вывод : если враги народа продались сами иноразведкам, то спрашивается, почему же они не могли выдать Инсона...

2. Бывший начальник японского отделения... Сироткин оказался также японским шпионом. Сироткин показал органам НКВД, что он выдал японцам Инсона со всеми его источниками. По показаниям Сироткина, он выдал Инсона

ещё в конце 1938 года и с этого времени Инсон начинает работать плохо, жалуется на усталость, усиленно просится отозвать его домой...

У Инсона нет истории о прошлой работе до партии, как он работал в партии, как попал в партию и затем в Разведуправление...

...Основной вопрос : почему японцы или немцы не уничтожат его, если он выдан им как советский разведчик, чтобы отправить его к нам для разведывательной работы..."

Зорге был арестован 18 октября 1941 года. Он ждал ареста, наверное, ещё в 1937 году, когда состоялась у него последняя встреча с Айно Куусинен. Вот как она описывает ту встречу. Он вызвал её к себе, чтобы сообщить о срочном вызове в Москву их обоих. Через неё он передал о причинах, заставлявших его задержаться - мол, "с трудом отлаженные связи порвутся". Прощальную его фразу А.Куусинен часто вспоминала, пытаясь разгадать:

"Вы очень умная женщина, я должен признать, что никогда раньше не встречал столь здравомыслящих женщин. Но мой ум превосходит ваш!"

О чём это он? Он предостерегает её об опасности, поджидающей в Москве, но прямо не говорит, ибо не доверяет никому.

И Куусинен выехала в Москву. Здесь её в гостинице навестил М. И. Сироткин. Это последняя встреча на свободе будущих воркутлаговцев.

Из воспоминаний Куусинен? " То, что он рассказал, было удручающе и предвещало страшное будущее. Урицкий (сменил Берзина в руководстве разведкой) арестован и, видимо, расстрелян. Исчезло много офицеров 4-го Управления. Сироткин удивлялся, что сам он всё ещё на свободе. Но скоро опасения его стали реальностью, я еще несколько раз встречала этого доброго человека - когда мы с ним шли дорогой тюрем и лагерей".

Как же сложилась судьба Михаила Ивановича Сироткина, которому по службе в разведке слал свои шифровки Р. Зорге?

В октябре 1940 года Военный трибунал Московского ВО приговорил его к расстрелу и лишил воинского звания. Семьдесят два часа дано ему на подачу кассационной жалобы, по которой председатель Военной коллегии Верховного суда СССР Ульрих определяет:

"Избранная мера наказания является чрезмерно суровой...приговор оставить в силе, ВМН расстрел заменить на 15 лет лагерей с последующим поражением в правах на 5 лет..."

Останется загадкой, почему Ульрих проявил милость к шпиону Сироткину и сохранил ему жизнь. Возможно, они были знакомы лично... Но мы знаем о судьбе очень хорошей знакомой Ульриха Г.К. Дерман, которая была приговорена к 15 годам лагерей, обращалась письменно к Ульриху, но её письмо осталось без ответа. В первом случае кадровый разведчик, в случае с Дерман - библиотекарь, хотя и с мировым именем...

Пытки, потрясение от приговора отражаются на здоровье Сироткина. Он пишет начальнику Лефортовской тюрьмы, где содержался до суда: "Прошу разрешить мне получать из библиотеки не беллетристику, а учебник физики или химии, который я не стал бы даже менять долгое время и мог занять свою голову отвлекающими мыслями, так как отлично понимаю, что с рассудком у меня дело становится с каждым днём всё хуже".

В марте 1941 года он был этапирован в Воркутпечлаг НКВД СССР. Всё время пребывания Сироткина в лагере отмечено письмами в разные адреса :

попытка докричаться о своей невинности. Письмо на имя Берии он отправляет через заместителя последнего - они знакомы. Ответа не последовало.

В 1949 году он пишет письмо генералу армии Баграмяну, он дружили, но письмо не дошло...

А в начале войны он пишет страстное письмо Сталину с просьбой отправить его на фронт, но письмо задержано в лагере и сохранилось в личном деле зека Сироткина...

"Я прошу Вас, Иосиф Виссарионович, услышать правду в моих словах, освободить меня от незаслуженного тяжелого обвинения и наказания и вернуть мне право - защищать мою родную страну с оружием в руках, рядом с моими товарищами на фронте..."

Освобождён Михаил Иванович Сироткин был 19 августа 1954 года и "передан в ссылку на поселение..."

Вернёмся к Рихарду Зорге, который до последнего дня не верил, что от него отвернулась страна, которой он служил.

Вспомним характеристику, которую состряпали, по другому не скажешь, против Р. Зорге в Разведуправлении в 1941 году: почему его не уничтожили японцы или немцы?

В 1945 году в плен был взят японский генерал, имевший прямое отношение к разведке. Он показал: трижды мы обращались в советское посольство в Токио с предложением обменять Зорге на арестованного японца и трижды получали один и тот же ответ : "Человек по имени Зорге нам неизвестен".

7 ноября 1944 года Рихард Зорге был казнён.

Определив разведчика Р.Зорге как ненужность, Власть показала и свою кровожадность: была арестована Екатерина Максимова, жена Рихарда Зорге, и отправлена в лагерь.

Осталось только сказать, что многие сведения почерпнуты мною из книги "Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы", Москва, 2000г., 192с. 1000 экз./ Меня обрадовала эта книга тем, что несла в себе воспоминания Сироткина-разведчика. Он был одним из немногих, которые откровенно отказывались что-то рассказывать о лагере, а уж о разведке с ним вообще не решались заговаривать. Причём, отказ всегда звучал настолько категорично, что дополнительные вопросы не задавались.

Поэтому я не отношу к мистике то, что произошло в книжном магазине Санкт-Петербурга, когда на столе я увидел эту книгу : неужели я встречаюсь здесь с ним!? Книга раскрылась на странице, на которой начинался отчет о Зорге М.И. Сироткина - я встретился с ним!
